ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО СПОРТА

АЛЕКСАНДР СОСКИН

ЛЕВ ЯШИН

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВРАТАРЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В нашей стране нет человека, который бы не знал, кто такой Лев Яшин. Его имя вышло за рамки спорта. Он – легенда, навсегда вписанная в книгу памяти выдающихся людей Отечества. Слава Яшина летит над миром уже более полувека. Знаменитый французский форвард Жюст Фонтэн, лучший голеадор всех чемпионатов мира, сказал: «Нападающий, забивший хоть раз Яшину, может написать об этом на своей визитке, и этого будет достаточно, чтобы гордиться всю жизнь». Вспоминается шутка далекой эпохи начала холодной войны: «Лев британский нам не страшен, когда в воротах Лева Яшин», появившаяся перед историческим матчем с англичанами на чемпионате мира 1958 года. Тогда родоначальники футбола были биты во многом благодаря игре Яшина. Прочитайте эту умную и добрую книгу о славном человеке, собственной жизнью доказавшем, что личностью можно быть не только на спортивном ристалище, но и вне спорта.

- Александр Максимович Соскин
  - Глава первая
  - Глава вторая
    - Бесценен, как шедевры «Прадо»
    - Страна знает своих героев
    - Покушение на правду
  - Глава третья
    - Истоки
    - Уроки
    - Укоры
  - Глава четвертая
    - Выход в свет
    - Бенефис семейных ценностей
    - Непримиримые друзья
  - Глава пятая
    - Авторитет его игры
    - То взлет, то посадка…
    - Апогей
  - Глава шестая
    - Зарубки на сердце
    - Неприкаянность
    - Муки и радости
  - Глава седьмая
    - Мыслитель футбола

- Разговорный жанр
- Свой среди своих
- Вместо включения

Александр Максимович Соскин
Лев Яшин. Легендарный вратарь

Глава первая
Капризные весы истории

Лет сорок назад, в те самые времена, которые я задеваю в этой книге, родились шутливые стишки о бесконечном переписывании истории в угоду очередному вождю, очередному режиму. В концовке издевательски звучало: «Так вот она, история – та самая, которая ни слова, ни полслова не соврет».

В первых строках своего сочинения так и подмывает заверить читателя, что изображение моего героя и его эпохи придадут этим словам вместо иронического прямой смысл. Весы истории и без того капризны, чтобы подкручивать их, уподобляясь базарным торгашам, делающим мелкий гешефт на обвесе покупателя. Когда создавались и втихаря переписывались друг у друга язвительные стишата, никто не мог и предположить, что фокусники исторического обвеса научатся жонглировать ретрофактами почище выкормышей М.А. Суслова.

«Мы живем в печальное время искателей правды», – верно замечает известный публицист Валерий Кичин. Послушаешь этих искателей, и диву даешься: додумались и договорились до шельмования народа-победителя, выигравшего в Великой Отечественной битву за свою и чужую жизнь против фашистского рабства и гибели целых наций, маршала Г.К. Жукова силятся превратить из спасителя проигранных было сражений в губителя солдатских масс, а освободителей – в оккупантов.

Даже ретроспектива такого, казалось бы, невинного занятия, как спорт, подвергается вольному препарированию и прямым искажениям в угоду политической шизофрении. И вот уже шахматный мудрец Михаил Ботвинник предстает перед нами воплощением тоталитаризма, первая наша мировая победительница, «королева коньков» Мария Исакова – «партийной чемпионкой», а общепризнанный лидер мировых и отечественных

вратарей всего XX века Лев Яшин – придуманной легендой. При этом им, «монстрам», противопоставляются другие большие спортсмены, выдаваемые то за предвестников свободы, то за носителей народного духа.

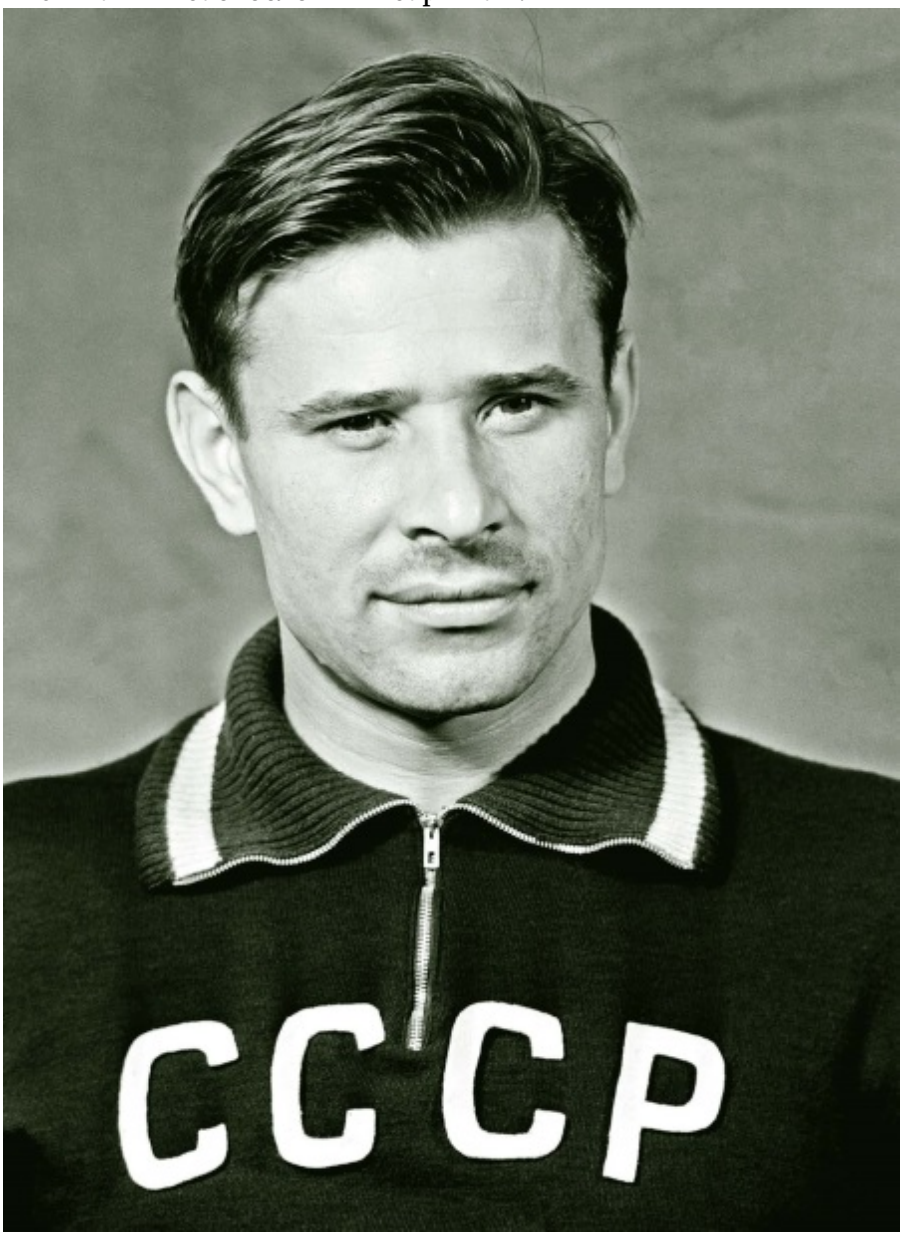
Такими измышлениями уценивается вечная благодарность первопроходцам наших спортивных побед за честное служение обществу и государству. В то время эти высокие понятия были нераздельны, и сколь неумно, столь же безнравственно сегодня бухгалтерски высчитывать, честь страны или социализма преобладала в их мотивации. Не приходит же в голову осуждать солдат Великой Отечественной войны, отправлявшихся в бой под громогласный клич «За Родину, за Сталина!».

Дай бог сегодняшним звездам служить своей стране, как прежние восходители, тот же Михаил Ботвинник. А что получил в ответ первый советский чемпион мира по шахматам? Только лишнее доказательство своей любимой идеи, что есть предел человеческому уму, но нет предела человеческой глупости. Властные безумцы советских и антисоветских времен обнаружили трогательное единство в нагромождении преград его компьютерным разработкам поистине государственного масштаба. Тоталитарные служаки ограничили шахматному патриарху выезд за рубеж, а демократические на последнем году его долгой жизни (1911–1995) закрыли доступ на Всемирную шахматную олимпиаду в Москве, куда он проник только как… почетный член Шахматной федерации Чешской Республики.

Не смыкаются ли с ними ретивые критики? Как будто им невдомек, что люди из советской спортивной элиты, выдаваемые теперь за порождение административно-командной системы, «вели себя в решающих матчах чемпионатов мира и Олимпийских игр как десантники на фронте». Эти слова принадлежат знаменитому спортивному врачу Олегу Белаковскому, не по рассказам знающему, и как было на войне, и как бились за победу наши футболисты, хоккеисты, другие атлеты, которых он множество раз сопровождал на олимпийские и другие крупнейшие спортивные форумы. «Свою седую голову до сих пор преклоняю перед их мужеством», – говорит Олег Маркович, но и из этого отборного строя спортивных воинов с особым чувством отзывается о Льве Яшине, положившем на футбол все свое здоровье.

«Искатели правды» презрительно относятся к спортивному фанатизму, якобы воспитанному советской системой. Но это не фанатизм, а горение души, от системы не зависящее. Его отчаянно вытравляет безбрежная коммерциализация спорта, но не вытравила окончательно, судя по финалам Кубка Дэвиса 2002,

2006 годов и Кубка федераций 2005 и 2008 годов, где российские теннисисты и теннисистки при всех своих миллионах костьми ложились ради победы страны. Увы, среди спортсменов, как, собственно, во всем обществе, гораздо больше нравственно порченных, чем в незапамятные времена, их целые отряды, возглавляемые, к сожалению, футболистами с их волчьими аппетитами к баснословным барышам.



Усердие и прилежное старание Яшина на поле привели к невиданному результату – резкому и ошеломляющему подъему

советского футбола

Кому-то давно ушедшая натура напоминает лавку древностей, в которых незачем, а то и противно копаться, для меня же это большой кусок жизни, поэтому, может быть, особенно возмущает бесцеремонность обращения с ретрофактурой некоторых ее поставщиков на рынок новой, свободной (видно, от всяких приличий) информации, а иногда и полная индифферентность к былому потребителей этого рынка. Оторопь берет, когда узнаешь, что полным-полно школьников и студентов не ведает, кто такие Михаил Иванович Глинка, Константин Эдуардович Циолковский, Илья Ефимович Репин – что же тогда говорить о футболистах прошлого?

Внук Льва Ивановича Яшина Вася Фролов, последовавший тоже по вратарским стопам и включенный в заявку «Динамо» на матчи премьер-лиги 2006 и 2007 годов, около десяти лет назад занимался в детской футбольной школе «Торпедо» и поделился тогда дома открытием, что про его деда однокашники, юные футболисты, слышать не слышали. Как-то мой знакомый, вполне интеллигентный врач и футбольный болельщик, только перешагнувший возраст Христа, спросил, над чем работаю. Я как раз приступил тогда к рукописи о Сергее Сальникове и поинтересовался:

Знаете такого?

К сожалению, нет, – развел руками собеседник. Хоть смутился, и на том спасибо.

Уверен, подобное неведение в той же Англии исключено. Спросите британского фана в любом возрасте, и он вам объяснит, кто такие Дикси Дин и Джек Милберн. Похоже выглядели и наши болельщики в мои юные годы. И это несмотря на полное отличие от старушки Англии в снабжении любителей футбола достаточной информацией. Ее заменяла тогда футбольная молва, питавшаяся искренним интересом людей. В толпе футболоманов, каждый день часами торчавших у входа на Западную трибуну Центрального стадиона «Динамо» под сенью огромного фанерного щита с таблицей чемпионата страны, горячо обсуждалось не только положение команд в сей таблице, но и немеркнущие подвиги великих игроков.

Ветераны трибун с придыханием вспоминали завораживающие финты Сергея Ильина, а самого его провожали восхищенным взглядом, когда этот колобок катился со своим неизменным чемоданчиком из метро на родной стадион, где продолжал работать администратором динамовской команды. Мы цокали языком, будто видели наяву, когда в этих устных

мемуарах зависала в высоченном прыжке огненно рыжая голова Федора Селина или, согласно легенде, ломали штанги смачные, увесистые удары Михаила Бутусова.

Уже начинающим журналистом в мае 1958 года я случайно попал на юбилейный пленум Секции футбола СССР, посвященный 60-летию отечественного футбола: в пресс-бюро Центрального стадиона имени В.И.Ленина, где я участвовал в работе над программой к матчу СССР – Англия, кто-то попросил отправиться туда, чтобы передать пакет Марку Борисовичу Розину (недавно скончавшемуся в возрасте 97 лет), и для этого милостиво снабдил пригласительным билетом в Октябрьский зал Дома союзов, где проходил пленум.

Я разыскал Розина в перерыве, застав беседующим за сценой с самим Михаилом Павловичем Бутусовым. Мое наивное сердце затрепыхалось от счастья, когда легендарный бомбардир пожал мне руку, да еще в джентльменском полупоклоне. Сидя в небольшом уютном зале, я испытывал такое же благоговение, заметив сидевших справа, слева, сбоку героев довоенного футбола. Вот Петр Ефимович Исаков по прозвищу Профессор, рядом примостился предшественник Бутусова, тоже знатный «забивала» – Павел Николаевич Канунников, а это непревзойденный кипер Николай Евграфович Соколов, тут же могучий хав Евгений Иванович Елисеев… Откуда я знал их всех в лицо, понятия не имею. И судя по общению на «Динамо» с себе подобными, не один я был из таких молодых, да ранних.

Из теперешнего же трибунного контингента, заметно, к слову, поредевшего, не всякий даже пофамильно припомнит гремевших еще не так давно футбольных звезд. Разве только ослепительных знаменитостей, вроде Льва Яшина или Эдуарда Стрельцова. Ответственный за маркетинг в издательстве «Книжный клуб», выпустившем десятка три красочных книг про старых мастеров, поведал мне, что высокопоставленный чиновник футбольного клуба «Динамо» на предложение издательства последовать примеру ЦСКА и приобрести для ветеранов и юной поросли блок таких книг о премьерах команды 40—50-х, как отрезал: «ФК «Динамо» существует с 1991 года».

А отрезал-то ни больше ни меньше – славную историю динамовского футбола, ведущую начало с 1923 года, вместе с самим Львом Яшиным, да еще Михаилом Якушиным, Алексеем Хомичем, Константином Бесковым, Василием Трофимовым и другими предшественниками бесславного ФК. И среди других причин опустила этот самый ФК на самое дно отрубленность динамовских традиций, вполне замененных некомпетентностью и алчностью клубного генералитета. Эти совсем не добры молодцы

умудрились, не обидев себя, промотать вместе с бешеными деньгами и богатое спортивное наследство незабвенных игроков. Когда динамовская директория отказывалась хоть как-то отметить столетие того же С.С. Ильина, но не забывала оповещать по стадиону о своих днях рождения, это называется бесчестием. Не говорю уже о том, что сменяющие друг друга руководители динамовского футбола, какими бы бюджетами ни располагали и как бы ими не распоряжались, обнаруживают поразительное сходство в полном отсутствии чемпионских амбиций, которыми было заражено старое «Динамо». Мало того, что такой подход не вяжется с ослабевшими, но все еще тлеющими чаяниями поклонников команды, за 33 безнадежных года забывших вкус настоящего успеха. Это теперь, по-моему, не вяжется и с деловой амбициозностью нового владельца – мощного банка ВТБ, которому пора бы жалкое существование «Динамо» прервать. Хотя бы ради своей репутации!

Не хочу огульно хаять новые поколения. В чем-то они лучше наших, послевоенных. Хотя бы в том, что более независимы. Но не зря говорится, что человеческие недостатки суть продолжение достоинств. Независимость от прошлого, от заветов предков, пренебрежение к старшим, старости, старине, глухота к отзвукам истории, к доблестям рыцарей минувших времен, отрыв от корней и традиций легко пополняет реестр общественных пороков. И смыкается в своей аморальности с наплевизмом на будущее, приобретающим не виданные ни в одной стране миллионные масштабы сиротства при живых родителях, бродяжничества, наркомании, бесследного исчезновения и самоубийств детей. Отказ от исторического, национального, кровного, материнского родства трубит сигнал тревоги за инстинкт самосохранения нации.

Нужны колоссальные усилия власти и всего общества, чтобы шаг за шагом преодолевать эту социальную патологию, избавляться от амнезии, исторического беспамятства. «С чего это нам забивать голову историей, ковыряться в этом мусоре?» – спросил меня как-то молодой циник с напускным утомлением на пустоглазом челе. Вообще-то ответ на вопрос, для чего знать, для меня так же прост, как на вопрос, для чего жить. Жить, чтобы жить. Знать, чтобы знать. Знать, уважать, «ворошить» прошлое – естественная человеческая потребность, чтобы не быть Иванами, не помнящими родства.

Футбол не исключение – он ведь повод не только для тусовки и мордобития, как застолбили некоторые представления последнего десятилетия. Для нормальных людей футбол ценен и самодостаточен в разных проявлениях, будь то клубные

пристрастия, эстетика игры, статистика результатов, судьба национальной сборной. И какое из них ни возьми, без обращения к истории не обойтись.

Футбол настолько социален и эмоционален, что немыслим без постоянного обмена мнениями, горячих обсуждений, а те, в свою очередь, – без сравнений, сопоставлений в пространстве и времени. Слава богу, в новые времена то и дело мелькают перед глазами, наводя на параллели с нашим футболом, телевизионные образы сборных Бразилии и Германии, «Челси» и «Барселоны», Зидана и Роналдиньо. Но как не учитывать, что и мы располагали победительной сборной, что европейскому триумфатору 2005-го – ЦСКА предшествовала легендарная «команда лейтенантов» – ЦДКА, что образцами для подражания во всем футбольном мире признавались, а для нас и теперь должны служить Игорь Нетто и Лев Яшин. Не забудем, следуя китайской пословице, что «камни прошлого – ступеньки на пути в будущее».

Какой-то умница, кажется, Михаил Шолохов, сказал: «Кто мало знает, с того малый спрос», а у нас спрос с футбольного сообщества – игроков, тренеров, арбитров, администраторов – неизменно огромный (хотя и неудовлетворенный). Так что ретрофутбол требует внимания и достойного освещения. Интерес к нему отнюдь не антикварный, хотя и антиквариат по-своему любопытен. Но любопытства, может, еще хватает – любознательность в дефиците. Без нее же, без постижения глубин не извлечь уроки истории, а это насущно необходимо вопреки известному парадоксу: «главный урок истории в том, что люди не извлекают уроки истории».

Не зря молвят, что новое – это хорошо забытое старое. Если бы из советского опыта в новые времена был своевременно захвачен государственный подход к футболу, глядишь, не ужались бы в своем количестве и не проигрывали бы в качестве подготовки игроков детские футбольные школы, а их выпускники не срамили бы Россию в восьми(!) чемпионатах мира и Европы подряд. Свобода настолько застила глаза своим радетелям, что первым делом освободила их от элементарных государственных забот, придав хаос неуправляемости даже важнейшим сферам жизнеобеспечения, не говоря уже о «каком-то» футболе.

Между тем, и в «сороковые роковые, свинцовые, пороховые» он оставался делом государственной важности. Достаточно сказать, что основная масса мастеров футбола, наряду с видными учеными, музыкантами, актерами, подлежала освобождению от мобилизацию в действующую армию. Были, таким образом, сохранены, как значились в документах, «штатные» футбольные

команды, приступившие к соревнованиям в самый разгар войны. Эти матчи давали передышку изнуренным людям, служили предвестником мирной жизни, а едва она наступила, сразу стали и на годы оставались светлым пятном в довольно мрачном послевоенном существовании.

Приравненный в войну как важный род деятельности к науке и искусству, футбол и в 90-е, не менее мрачные житейским обвалом, сохранил с ними паритет, но уже в пренебрежительном отношении государства, иными словами, в мерзости запустения. Опомнились с преступным запозданием, когда уже забрезжила заря XXI века. Но возвращенный, кажется, из забвения и даже видоизмененный соответственно произошедшим переменам, государственный подход таит серьезные опасности. Недавнее прошлое настоятельно предупреждает, что государственная поддержка может потянуть за собой антиспортивное вмешательство сильных мира сего, подковерную борьбу за сферы приложения различных интересов. Законспирированная подноготная былого футбольного величия тоже по-своему поучительна.

История советского футбола хранит немало тайн. Огорчительно, что раскрыть их порой неизмеримо труднее, чем секреты политической истории или истории культуры, где гласность и свобода слова (при всех ее завихрениях) стерли уже немало белых пятен, как принято называть исторические пробелы и туманности. Футбол (как и весь спорт) оказался в проигрышном положении главным образом потому, что не располагает богатыми специальными архивами и внушительным отрядом архивистов и историков. Только три-четыре человека, разгребая архивные залежи, ищут футбольную истину в старых документах, в то время как открывшаяся с перестройкой относительная доступность партийных, государственных и литературных архивов используется многими десятками специалистов и публицистов, интересующихся более глобальными темами. Да и не все «телодвижения» властей, особенно в закрытом обществе, обязательно документировались. А в футболе, где ко всему полагалось скрыть запрещенное ФИФА вмешательство государства, – тем более.

Вряд ли кому-то придет в голову предположить, например, что существуют письменные следы руководящего указания освободить от работы тренеров сборной СССР Константина Бескова и Василия Трофимова после поражения в финале Кубка Европы 1964 года от «испанской фурии», как называют национальную команду этой страны. Приговор был зафиксирован постановлением президиума Федерации футбола СССР, а она, как

известно всякому, кто имел даже отдаленное касательство к «королю спорта», самостоятельно никогда не принимала серьезных решений и только оформляла распоряжения вышестоящих партийных и государственных чиновников. Но если в этом случае легко догадаться о причинах подобного развития событий (поражение от «франкистов», да еще на глазах ненавистного генералиссимуса), то во многих других пружины поистине удивительных явлений футбольной действительности допускали самые разноречивые толкования.

При таких обстоятельствах на помощь обычно приходят исторические исследования и воспоминания очевидцев или участников событий. Исследованиями в футболе и не пахнет, с мемуарами чуточку лучше. Но если в общественно-политической, литературной, артистической среде мемуаристов пруд пруди, то футбол и здесь отстает. Футболисты и тренеры не столь «писучи», как государственные, ученые и литературные мужи, режиссеры и актеры, чье предложение разных точек зрения на одни и те же события пусть и не стопроцентно удовлетворяют спрос на истину, но более или менее приближают к ней. В футболе же при скудости первоисточников такое приближение зачастую проблематично.

В советские времена наиболее плодовитыми и интересными мемуаристами зарекомендовали себя основатели «Спартака» братья Николай и Андрей Старостины, выпустившие по нескольку ярких книг. Но из них только «Футбол сквозь годы» Н.П. Старостина появился в эру гласности (1989), когда люди, не связанные прежними табу, стали вольны высказывать все, что наболело. В эти же и более поздние годы накатила целая волна мемуаров и жизнеописаний игроков, правда, историческая публицистика осталась уделом немногих энтузиастов.

Тем не менее история футбола стала объемнее, окрасилась человеческими переживаниями, пополнилась любопытной фактурой, но все же достаточно бедна, если сравнивать с другими сферами общественных интересов и потребностями в ликвидации собственных белых (по сути-то скорее темных) пятен, неразгаданных тайн.

Истоки неполноты наших исторических представлений следует искать и в информационной скупости советской прессы. Это, разумеется, относится также к футболу, которому было указано свое место на задворках политической информации, тем более что до 1960 года, когда появился на свет одноименный еженедельник, народная игра не располагала даже специализированным информационным источником. В единственной, но малообъемной спортивной газете («Красный»,

впоследствии «Советский спорт») привилегированное положение футбола среди спортивных дисциплин с трудом прорывалось сквозь навязанное сверху ложное представление об их равенстве, но все они ущемлялись в объеме материалов заданной сверху обязательностью широкого освещения всевозможных физкультурных починов.

Если, допустим, многостраничная британская, да и любая «буржуазная» пресса с какой-то даже плотоядностью нездорового интереса отслеживала любые подробности футбольной жизни, составившие позднее каркас исторических сюжетов, то советская печать не могла построить его для будущих поколений в силу этих самых «территориальных», но главным образом идеологических ограничений. Мало того что футболу негде было разгуляться, резервные строки и полосы не всегда могли ему пригодиться, ибо нельзя было распространяться то об одном, то о другом. Фигура умолчания в идеологическом раже дополнялась приглаженной, затуманенной, а то и вовсе искаженной информацией. В общем, советская пресса была не в состоянии стать достаточным историческим источником.

Упущенные мной самим возможности в реконструкции важных эпизодов биографии отечественного футбола выдают и нашу общую журналистскую вину в нежелании или неготовности заниматься историческими разысканиями. Очки, голы, секунды часто заслоняли от журналистов подоплеку спортивных событий, живую плоть явлений и характеров. Мы мало интересовались суровыми реалиями внутрикомандного существования, редко заглядывали за границы футбольного поля во многом еще и потому, что в силу цензурных ограничений эти реалии не были востребованы открытой печатью. Нет чтобы проявить естественный человеческий интерес – пусть не для печати, так для себя, как говорится, для внутреннего пользования, – но были, прямо по Пушкину, слишком ленивы и нелюбопытны. А когда по прошествии времени бросились вдогонку за событиями, расспрашивать стало некого или бесполезно – их участники и очевидцы поумирали или многое позабыли. Так образовались исторические лакуны, а если они закрывались, то порой односторонними, не всегда беспристрастными суждениями.

Все эти лимиты и упущения легко просматриваются на примере такого распространенного у нас (более чем где-либо) явления, как договорные игры. О них начали шушукаться еще в 60-е годы и даже немного заговорили вслух в 70-е, но идеология советской эпохи ставила преграду даже намекам на обобщения, признанию таких подтасовок опасным социальным феноменом, таящим реальную угрозу разложения спорта и спортсменов.

Чистоту советского мундира власть опасалась замарать и выведением на чистую воду виновников и практиков купли-продажи матчей, как это решительно сделали в конце 70-х итальянцы, не пожалевшие даже великий «Милан», и французы, в начале 90-х отдавшие на растерзание обещавший стать великим «Марсель», а уже в начале XXI века объявили войну махинациям в Германии, Бразилии и снова в Италии – странах неоднократных чемпионов мира.

Но не зря говорят, что тот, кто пренебрегает уроками прошлого, обречен пережить его вновь. Никакие уроки из «нашенской» истории этих фальсификаций извлечены не были, корни не вырваны, и в новые российские времена, с полной коммерциализацией футбола, расцветом крупного и мелкого мошенничества во всей экономике, о подкупе игроков и арбитров неведомо только слепым и глухим. Но шила в мешке не утаишь, и рано или поздно оно выползет наружу. Примеры налицо.

В 2001 году в телепрограмме «Независимое расследование» Евгений Ловчев сделал сенсационное разоблачение, признав, что три десятка лет назад отдавали очки за мзду даже спартаковцы. Почему «даже»? Да потому, что в общественное мнение усиленно внедрялось убеждение: продажей игр занимался кто угодно, только не «Спартак». Как и Ловчев, не сомневаюсь ни секунды, что руководители команды той поры Николай Старостин и Никита Симонян не имели к этому позору никакого отношения, от них несколько мздоимцев свои махинации тщательно скрывали (как и динамовские прохиндеи – от Льва Яшина). Но полагая, что прекрасные спартаковские традиции представляют собой пожизненную прививку от продажности, Николай Петрович лишь закрепил свою репутацию неисправимого романтика, по крайней мере в некоторых подходах к футболу. А романтики при всей их привлекательности и явном гражданском превосходстве перед циниками, что ни говорите, порой теряют чувство реальности.

Потому-то я никогда не был уверен в полной достоверности ярких воспоминаний Н.П. Старостина. Прежде всего по той причине, что ему свойственна некоторая идеализация «Спартака» (и подозрительность к другим клубам), а история не признает ни односторонности, ни умилительности (не допускавшихся, мне кажется, Ан. П. Старостиным). Объективность исторических суждений вырисовывается обычно в столкновении мнений и оценок, и если, скажем, в истории Великой Отечественной войны или истории литературы каждое заинтересованное лицо имеет возможность, суммируя и процеживая аргументы и факты, выбирать для себя наиболее приемлемые по убедительности, то

применительно к футболу какое-либо «штучное» свидетельство зачастую остается доминирующим, а то и единственным. Это относится и к литературному наследству братьев Старостиных, особенно к их взгляду на события 20—30-х годов.

Николай Петрович и не скрывал, что всегда судил о происходящем под спартаковским углом зрения, даже подкреплял свою позицию пушкинской строкой: «Но царь смотрел на все глазами Годунова». Примеров тому немало. Вот самый известный, когда футбольный патриарх в своих мемуарах обошел явную скандальность спартаковской победы 1937 года над басками со счетом 6:2, сопровождавшейся демонстративным уходом гостей с поля в знак протеста против засчитанных голов из офсайда и выдуманного пенальти, так что вернуть их к игре смогли лишь уговоры кого-то из советских лидеров, будто бы самого В.М. Молотова. Николай Петрович помянул мимоходом лишь этот пенальти, оценив его «глазами Годунова» как стопроцентный.

Более любопытным и показательным в старостинской версии давних событий мне кажется вот что. «Спартак» запоминается чуть ли не главной жертвой верховно-политических козней, грубого бериевского произвола. Смею вас уверить, что «Спартак» во властных преследованиях не одинок. Можно напомнить и хрестоматийный пример разгона НДСА в 1952 году, и малоизвестную реакцию Л.П. Берии на жалобу в 1947 году вечно засуживаемых тбилисцев, к которым он якобы благоволил, – выгоняя из кабинета Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелаву сатрап кричал им вслед: «Ты посмотри на них, идут на втором месте и еще недовольны. После Москвы, впереди всех республик. Москва есть Москва – зарубите себе на носу». Зарубить они не пожелали, и в 1953 году, уже после Берии, верховные жрецы, аннулировав чистый выигрыш у «Торпедо», первенство у них отняли как раз в пользу «Спартака».

Так что далеко не всегда спартаковцев можно было отнести к жертвам политических страстей. В иные времена они ходили и в фаворитах высокопоставленных вельмож. Рассказывая в своих мемуарах о 12-летнем (1977–1988) периоде совместной работы с К.И. Бесковым, Николай Петрович как партизан молчит об активном патронаже спартаковского болельщика № 1 – члена Политбюро, впоследствии Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, благодаря кому и стал возможен перевод Бескова, действующего офицера МВД, на гражданскую службу и решались неподъемные для других (исключая подшефных В.В. Щербицкому динамовцев Киева) кадровые, материальные, бытовые проблемы «Спартака».

Да и с пресловутым Берией у Николая Петровича не сходятся

концы с концами. На него Старостин возлагает прямую вину за беспрецедентную переигровку кубкового полуфинала 1939 года уже после разыгранного финала, когда это обстоятельство не помешало принять протест тбилисского «Динамо» на полуфинальный результат (0:1). Но собственное расследование этих невероятных событий привело меня к большущему сомнению, что переигровка – дело рук Берии.

Только появившийся в Москве, не обросший связями, еще не ставший полноправным членом Политбюро (пока только кандидатом), по горло занятый по заданию И.В.Сталина восстановлением дотла разрушенной репрессиями легальной и нелегальной разведки, Берия вряд ли мог оказать решающее влияние на решение пусть не самого важного для страны, но достаточно деликатного футбольного вопроса. Особенно после того, как по протесту сталинградских рабочих был на самом верху отменен перевод оттуда (под маркой воинского призыва) Александра Пономарева в «Динамо», а Василия Проворнова в ЦДКА.

Кое-какие факты, в том числе и приведенные в старостинских воспоминаниях, натолкнули меня на предположение, что закоперщиком злосчастной переигровки был А.А. Жданов. Он уже считался политическим тяжеловесом, недаром безнаказанно при случае произносил: «Мы с товарищем Сталиным решили…» Не чуждый футбольных страстей, замеченный (в отличие от многих других политических небожителей) в служебных подтрибунных помещениях, вмешивался в решения о переходах игроков и, представляя в верховной власти Ленинград, мог быть прямо заинтересован в пересмотре результата полуфинала. Не за тем ли, чтобы обеспечить вслед переигровку финала, где «Спартак» успел победить (3:1) ленинградскую команду «Сталинец»? Но этому не суждено было случиться: спартаковцы молодцы – вторично обыграли тбилисцев (3:2), так что коварный замысел рухнул. И в данном случае геростратова слава скорее принадлежит Жданову, чем Берии. На том висит столько неблаговидных и преступных деяний, что «приписки» ничего не меняют, да и вообще ни к чему.

Так что вопреки уверенности Александра Нилина, будто «у нас никогда не будет оснований не доверять благородным братьям Старостиным», я, как видите, позволяю себе покуситься на «святое», выставляя против версии авторитетного Н.П.Старостина свою, основанную на изучении политического расклада, так что интересующиеся историей футбола могут выбирать из разных гипотез. И совсем уж рискую взять под сомнение это самое благородство, в котором сам был уверен и по

делам Николая Петровича, и по личному знакомству. Но незадолго до того, как сел за эту рукопись, услышал от известного историка футбола Игоря Добронравова, которому полностью доверяю, об одном эпизоде, рассказанном ему внушающим не меньшее доверие Сергеем Сергеевичем Ильиным.

В сентябрьско-октябрьские дни 1941 года, когда немецкие захватчики стояли уже у порога Москвы, тот случайно встретил на улице Горького, ныне Тверской, Николая Петровича. Давно не виделись и разговорились. «Никогда не забуду, – это слова из интервью Сергея Сергеевича, – как весьма знаменитый футболист команды соперников – он и сейчас на гребне славы – с ехидцей стал выражать динамовцам сочувствие за те тревоги, которые они испытывают, за их возможный расстрел как агентов НКВД, если гитлеровцы войдут – а он был в этом уверен! – в столицу. «А нам, – добавил он, – все равно, что Сталин, что Гитлер, мы, футболисты, проживем при любом режиме».

Немея от такого неприятного открытия, не приходится утешаться даже слабым предположением, что это был мрачный юмор, неудачная шутка, да и в шутниках Николай Петрович никогда замечен не был. Вот такую неожиданную окраску приобретает вопрос, верить ли безоговорочно «благородным братьям Старостиным» (хотя они не одним миром мазаны, и мне, например, были симпатичнее, хотя бы большей объективностью, насмешливо-ироничный интеллектуал Андрей Петрович и степенный, далекий от околофутбольной суеты Александр Петрович). Но я так надолго задержал внимание читателей вовсе не для того, чтобы подставиться под упреки за попытку дискредитировать Н.П.Старостина.

Сразу оговариваюсь: жаль, что редакция журнала «Динамовский футбол» (№ 1, 1992), поместившая обширное интервью с С.С Ильиным, обнародовала процитированную выше версию без персонального упоминания (но с достаточно прозрачным намеком на Н.П.Старостина, а редактировавший журнал И.С. Добронравов подтвердил мне, что речь шла именно о нем). Жаль потому, что лишила Николая Петровича возможности ответить.

Вопрос о том, надо ли публиковать непроверяемые сведения, всерьез давно не обсуждается. Если они представляют общественный интерес, ответ утвердительный. Лиши мемуаристику или жизнеописания свидетельств подобного толка, убери диалоги и другие подробности, не подлежащие документированию, такие публикации потеряют половину исторической ценности и читательской привлекательности. Другое дело – кому и чему верить. Это каждый решает для себя. В

данном конкретном случае, признаю, я просто теряюсь.

Такого рода информация наших людей способна шокировать, а в так называемых цивилизованных странах привычнее иное, раздельное отношение к разным граням личности: если даже поверить, что прискорбный факт имел место, разве может быть подвергнута сомнению историческая роль Н.П. Старостина в создании и процветании «Спартака», в биографии отечественного футбола? Точно так же, как реакционные политические взгляды Кнута Гамсуна или Герберта фон Караяна не отменяют их литературной либо музыкальной грандиозности. Но воспроизведенная здесь версия понадобилась в данном контексте для понимания, что вес имени – не охранная грамота от ошибок и заблуждений самых авторитетных лиц, так что стоит поостеречься от слепого доверия их мнению.

Предметный разбор громких футбольных событий, который выше воспроизведен в кратком изложении, лишь подкрепляет вред монополизации в исторических суждениях и осуждениях. Старостины, разумеется, не виноваты в монополии на освещение перипетий 30-х годов. Наоборот, честь и хвала им за то, что сочно, образно, объемно воссоздали общественную и спортивную атмосферу того времени, на многое открыли нам глаза. Беда в том, что больше никто из мемуаристов не высказался на те же темы достаточно внятно, а одиночные исследователи ничего иного ни в архивах, ни в прочих источниках не раскопали.

В отражении футбольной действительности 50—60-х и тем более последующих годов прежней монополии формально уже не существует. Но ошибочно полагать, что исторические подвохи, вроде упомянутых, нам уже не грозят. Судите сами. В последнее время появилось немало мемуаров, биографических книг, интервью с ветеранами, журналистских публикаций об эпохе Нетто – Яшина – Стрельцова. Но на фоне этого многоголосья прямо-таки выпирают настойчивые попытки отдельных лиц в бесчисленных книгах, статьях, телевыступлениях агрессивно навязывать свои взгляды и даже целые исторические концепции, противостоящие точке зрения мемуарного и публицистического большинства. Фактически мы имеем дело с претензиями на своеобразную монополизацию в трактовке футбольных событий и их ключевых фигур. И такое своеобразие больно, несправедливо цепляет Льва Ивановича Яшина.

Неагрессивное как раз-таки большинство (вопреки известной формуле «рупора демократии» Ю.Н. Афанасьева) в своих высказываниях нового времени лишь добавляет любопытные штрихи в привлекательный портрет Яшина, который сложился еще в годы его выступлений на футбольных аренах. Правда, тогда

этот портрет, напоминая творения Александра Лактионова и Александра Шилова, отдавал некоторой приторностью в духе принятого пропагандистского стиля советской эры. И первые негативные черточки, внесенные в привычный яшинский образ, можно было расценивать как реакцию на такой перебор. Но позже в нагнетательности выпадов, брызжущих из-под одних и тех же перьев, я уловил вполне определенную позицию, направленную на недружественное умаление личности и заслуг Яшина за счет искусственного возвышения других фигур. А это уже иная историческая конфигурация.

И вот результат. У футболиста-новатора отнимается и присваивается другим вратарем патент на изобретение неведомого прежде оригинального игрового приема, футбольный трудоголик оказывается отъявленным лентяем, почти патологический скромница, лишенный всякого пафоса в поведении и каких бы то ни было, в том числе материальных привилегий перед остальными футболистами, превращается в «номенклатурное» лицо. Что ж, знакомая уже нам история – «та самая, которая…».

Я и прежде, в 60—70-е годы, немного писал о Яшине. Но когда начитался летописного новодела, возникла неодолимая потребность защитить его от кощунственных нападок. Признаюсь, спрашивал себя: а нуждается ли Яшин в защите? Он же защищен безупречной национальной и международной репутацией, непререкаемостью знаков официального признания в футболе, не напускным, искренним уважением коллег – от Пеле до Сергея Овчинникова. Защищен и народной памятью – во множестве живы-здоровы люди, видевшие его в деле, а им абсолютно ничто, кроме разве что случающейся иногда слепой клубной враждебности, не мешало отложить в сознании образ, даже символ вратарской, игроцкой, спортивной, человеческой надежности, которая до самой верхотуры стадионов доносила, а на телеэкранах только укрупняла профессиональную ответственность и мужество этого человека.

Если Яшин и нуждается в защите, то лишь от недобросовестных интерпретаций, заразных прежде всего для новых поколений любителей футбола, ибо сами они наблюдать его не имели возможности, а потому полностью открыты для чужих впечатлений. Тем более что негативная информация особенно соблазнительна для неразборчивой публики, впитывается ею сладострастно. Так что защитить Яшина – это в первую очередь защитить правду, пусть от единичных, но языкастых толкователей, ловко, а иногда даже талантливо, что особенно опасно, перемешивающих реальные представления с

извращенными.

И совсем не удивляет, что в стране сплошных извращений, где старики содержат на нищенскую пенсию безработных или беззарплатных взрослых чад, где уродливость рыночной экономики провоцирует массовое обращение к натуральному хозяйству (а без участков и огородов многим не выжить), где запуганные граждане боятся не только преступников, но и милицию, где матери бросают новорожденных, а толпы беспризорных и бомжей рассеиваются по городам и весям, где воры сидят не в тюрьме, а в роскошных поместьях и властных кабинетах, совсем уж ничего не стоит извратить правду о каком-то футболисте, будь он хоть трижды мировое светило.

И чего добились, если естественный протест против прежнего идеологического единообразия и идеализации признанных героев оборачивается отнюдь не джентльменским набором инсинуаций, наговоров, подковырок? Между прочим, это дурно характеризует и общественную атмосферу, толкающую конвертировать свободу мнений в откровенные или завуалированные выпады.

Чудной мы все-таки народ. Как никто озабоченные своим национальным величием и крутой кривой его падения, недовольные западной скупостью в признании наших ученых, писателей, кинематографистов, звезд шоу-бизнеса, зажимом наших спортсменов, реализуем сей комплекс неполноценности принижением тех немногих, кто наподобие Яшина, ценим и почитаем остальным миром. Что ж, мировое общественное мнение для нас не указ. Или, как подметил Владимир Высоцкий, «мы сами знаем, где у нас чего…».

Потому-то, среди прочего, нас и не понимает Европа. Когда она носилась в 70-х годах с советскими диссидентами, начисто забытый уже Тарсис, оказавшись в Англии, быстро потерял к себе интерес и уважение, потому что беспрерывно и грубо «поливал» Л.И. Брежнева, а неуважительное отношение к национальным лидерам там не принято. Фильм Александра Сокурова «Телец» потому и был фактически отвергнут на Западе, что ни критика, ни публика так и не смогли понять, как можно было показывать В.И.Ленина идиотом – «вы можете не принимать его идеологию, можете даже ненавидеть, но это одна из крупнейших личностей XX века, оказавшая влияние на весь его ход». Цитируя этот итальянский комментарий к сокуровскому пасквилю, я размышляю о том, почему хулители Яшина, да и не его одного, не позволяя, слава богу, подобных крайностей, все же не желают отказывать себе в удовольствии замахиваться на Гулливеров, выкрикивать гадости им вдогонку, или, как говорится, кусать льва (еще и по имени Лев) за пятку.

Чем бы ни были мотивированы попытки переоценить некоторые футбольные ценности, вытащить по кирпичику из яшинского пьедестала, оттяпать кусочек его славы – личными ли предубеждениями, неумеренной политизацией суждений или завистью пары коллег по вратарскому цеху – все это проделки людей из племени кусочников. Такого слова не найти ни у В.И. Даля, ни у СИ. Ожегова. Оно скорее всего жаргонное, зато точное. Им послевоенная ребятня наделяла жлобов, мелких и мелочных людей, которым что-то жалко для других. Кусочники поскупились даже на элементарную лояльность к Яшину.

Общероссийский дефицит душевной щедрости нашел выражение в крохоборстве кусочной дозировки добрых намерений. Для Яшина их оказалось жалко и в родном «Динамо». К 70-летию Льва Ивановича (1999) рассматривалось предложение присвоить московскому стадиону «Динамо» второе, яшинское имя. Однако тогдашний шеф футбольного клуба Николай Толстых это предложение отверг. Взял в союзники динамовских ветеранов, которые идею восприняли ревниво и не поддержали. Может, им действительно трудно было понять, что единственный динамовец, кто тянет на положение знаковой фигуры, на международный пиетет, это Яшин. Но для понимания динамовских руководителей было вполне доступно. Так нет, они заручились еще отрицательным мнением вдовы Яшина – Валентины Тимофеевны. Как сам прославленный вратарь никогда не кичился, что он Яшин, так и жена не была приучена выставлять его славу напоказ.

Но вот Толстых, немало повинный в том, что «Динамо» при равных стартовых условиях проиграло российскую дистанцию почти всем столичным клубам, вынужден был передать бразды правления динамовским футболом Юрию Заварзину Смена власти никоим образом не улучшила, только усугубила положение команды, однако новые хозяева положения преподнесли как прогресс внимание к памяти Яшина. Идея присвоения стадиону имени первого вратаря мира была вытащена из архива, но оказалась реализована в усеченном варианте: так решили назвать только одну трибуну – почему-то Западную.

Главный герой Парижа на торжественной церемонии встречи победителей в московских Лужниках 13 июня 1960 г.

Уверен, как и многие другие, что Яшин заслуживает всей полноты добрых начинаний. Правда, есть такие, кто считает, что это нормально – в той же Англии именами известных игроков

называют трибуны стадионов и даже какие-то сектора стадионных территорий. Но Англия – в данном случае не лучший пример, который следовало бы взять за образец. Там длиннее и богаче история футбола, она полна знаменитостями – стадионов не хватит. Да и традиции английского консерватизма не позволяют менять, даже модернизировать названия, существующие по сотне и более лет.

Мне почему-то ближе другие примеры: в Милане стадион «Сан-Сиро» носит второе имя – знаменитого форварда 30-х годов, двукратного чемпиона мира Джузеппе Меацца; в Ливорно местная арена названа в память лучшего «либеро» 60-х Армандо Пикки; в Мадриде стадион «Чамартин» получил имя владельца «Реала» золотой поры 50-х Сантъяго Бернабеу; переименованием стадиона в Будапеште золотыми буквами вписан в историю своего родного клуба «Кишпешт – Гонвед» феноменальный Ференц Пушкаш; в Кайзерслаутерне к названию городского футбольного ристалища добавлено имя местной мегазвезды – капитана сборной ФРГ, чемпиона мира 1954 года Фрица Вальтера. Я уже не говорю о том, что у нас и в ближнем зарубежье сложилась традиция нарекать великими именами стадионы не кусками, а целиком. Так в Москве увековечены Григорий Федотов, Всеволод Бобров (ледовый дворец ЦСКА), Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто, в Тбилиси – Борис Пайчадзе, в Клеве – Валерий Лобановский.

Лев Яшин достоин подобного отношения ничуть не меньше, если не больше. Память о нем, правда, закреплена и в двух скульптурных композициях (на «Динамо» и в Лужниках), и в названиях Фонда социальной защищенности спортсменов, детско-юношеской футбольной школы, переименованной (2007) в Центр подготовки футболистов «Динамо», той самой трибуны динамовского стадиона. Но как-то разменена по более дробным объектам, а махина-стадион напоминал бы о такой заметной фигуре крупно и зримо. В полном соответствии с тем, что Яшин воспринимался современниками и вписался в историю как глыба, скала, как живая эмблема целой футбольной эпохи и принадлежащего ей поколения победителей. Слава богу, эта очевидность легко поддалась пониманию новых владельцев ФК «Динамо» из крупного банка ВТБ, озвучивших свое намерение присвоить имя вратаря динамовской арене после грядущей реконструкции.

Наиболее отчетливо и выпукло представлял Яшин свое боевое поколение – не советских роботов, какими их теперь силятся иногда изобразить, а людей, на которых можно было положиться. Гулкое эхо той поры важно уловить без скрежета «железом по стеклу», когда знакомые мелодии искажены

чужеродными звуками модных сегодня аранжировок. Хочу заразить читателя собственным убеждением в том, что и сквозь фильтр времени Яшин, прямо по известной песне, «каким был, таким остался». Специалистом своего дела, каких футбол не знал, да и сейчас не знает, а вдобавок к тому славным человеком.

В наше бесславное, глухое время это теплое слово как-то выпало из употребления. Еще не так давно, когда хотели о ком-нибудь хорошо отозваться, так и говорили: славный парень. Вспомним опять-таки «славное море, священный Байкал». У Льва Яшина слава поистине байкальская, уникальная. Но «слава человека» и «славный человек», хоть и общего корня, бывают разведены самой жизнью. Эти понятия достаточно редко совмещаются в одном лице – большие таланты, как правило, эгоистичны, капризны, а то и совсем неприятны. Однако к Яшину это правило не имеет никакого отношения. Он потому и славный человек, что в ореоле всемирной славы не превратился в памятник самому себе, не изменил своей совести, остался таким же доступным, сохранил непритязательность, открытость, дружелюбие.

Жизнь Яшина, долгие годы казавшаяся безоблачной, обильно вознаграждала его за верную службу футболу, своей команде, своей стране, но и порядком трепала. Спортивные заслуги, высоченный авторитет в глазах спутников по ремеслу и трибунного многолюдья, сыпавшиеся со всех сторон почести во многом заслоняли и камуфлировали драматизм немилостивой судьбы. Видно, так у нас заведено, что даже славный человек, всеобщий любимец, и при жизни не мог избежать несправедливости, черствости, зависти, одиночества. Да еще удары по здоровью оказались более безжалостны, чем удары по воротам. Но он держал и их с той же стойкостью.

Мне повезло – многие десятки раз я видел Яшина в деле, был достаточно знаком с ним, хотя и не так близко, как мог бы при его контактности вообще, со мной, в частности (но сам виноват, потому что принципиально не желал входить в слишком дружеские отношения с футболистами – из опасения, что не смогу, как полагается журналисту, оценивать их объективно). За много лет вдоволь начитался о нем в наших и зарубежных источниках, наслушался тех, кто знал его лучше и дольше меня. Вынося на суд читателей прежде всего авторское представление о легендарном вратаре, мне кажется важным познакомить их со взглядами самого Яшина, а также отразить широкий спектр мнений о разных сторонах его человеческой и творческой личности. Так что в собственные наблюдения и впечатления намеренно вживляю наиболее интересные отзывы, извлеченные

из груды суждений по признакам их информативности, доказательности, тонкости, афористичности и… неприемлемости, чтобы сразу же оспорить стремление навести тень на плетень.

Один отзыв, больше похожий на пророчество, спешу привести сразу же. Вот что я вычитал во французском альманахе «Футбол» за 1962 год: «Существует ли продукт, который портился бы скорее, чем спорт? Нет, не существует, ибо одно достижение быстро перекрывает другое. Но время от времени какой-либо выдающийся спортсмен сопротивляется эрозии забвения. Мы не боимся ошибиться в прогнозах: такая счастливая участь выпадет Льву Яшину». Эти слова оказались вещими.

Время в футболе бежит особенно стремительно. Быстротечная смена матчей и турниров, лихорадочная ротация игроков заслоняют и все дальше отдвигают от нас былых кумиров. Но и через 35 с лишним лет после ухода Яшина со сцены среди сегодняшних наших фанатов, даже не обремененных тягой к прошлому, вряд ли найдется такой, кто не слышал бы этого имени, оно и сейчас произносится с придыханием. Имя-то по-прежнему на слуху, а вот за какие такие заслуги попало в Пантеон вечной памяти, многие имеют весьма смутное и приблизительное представление. Поэтому и важно предварить биографические подробности сеансом посвящения в секреты особой живучести этого имени – что значил и значит Лев Иванович Яшин в футболе, каким драгоценным сокровищем виделся и видится коллегам, каким близким и понятным открылся простому стадионному люду.

С живых впечатлений о Яшине, сразу задающих планку в профессиональной и народной оценке его места в футбольной, спортивной, во всей российской истории, и начинаю путешествие вглубь биографии замечательного вратаря, которая этот высший балл шаг за шагом накапливала. Канва спортивных событий заодно превращается в главную козырную карту, которая сама по себе бьет россказни злостных выдумщиков. Казалось бы, нет резона специально вступать в спор, создавая им лишнюю рекламу одним только неоднократным упоминанием. Однако даже очевидные факты, а тем паче неоднозначные, подаются порой настолько предвзято, что эти толки явно нуждаются в полемическом сопровождении. Начиная уже с просветительского «предуведомления», каковы статус, вес, влияние Яшина в футбольном мире, – разве можно закрыть глаза на поползновения тем или иным макаром сбить ему цену, поколебать заслуженное делами положение на вратарском, вообще игроцком подиуме? Локальные, даже совсем мелкие поводы тоже не останавливают доброхотов от ядовитых укусов. Долголетняя бомбардировка

читающей публики наскоками на Яшина уже отравила сознание части болельщиков – сам убедился в общении.

Почти пушкинским советом «не оспоривать глупца» мешает воспользоваться один нюанс. Даже кое-кто из благожелателей, посвященных в подробности замысла, предостерегал меня от излишнего присутствия в этой книге ополчившихся на Яшина «пигмеев»: «Их жалкие потуги давно забыты, не стоит всякие поклепы реанимировать, снова вытаскивать на белый свет». Увы, не забыты, как раз-таки, возможно, потому, что принадлежат не глупцам, не пигмеям, а персонам с тем или иным весом в спортивной среде. Не секрет, что на знакомые имена больше всего клюют легковерные. И если оставлять зловредные выплески без контрдоводов, они так и будут вольготно гулять по белу свету. К тому же лежащую перед вами книгу можно рассматривать как некоторого рода свод мнений о Яшине. Подпиливать его замалчиванием сомнительных оценок нет нужды. Пусть люди получат представление о разных подходах. Пусть в конце концов усвоят, что можно ждать от тех самых узнаваемых лиц, кто позволяет себе зарваться или завраться.

Верно заметила когда-то Марина Цветаева: «Читатели газет – глотатели клевет». Если бы только газет! Отрава уже перетекла из периодики в книги (особенно уважаемого некогда издательства «Молодая гвардия»), придавая кривотолкам несиюминутный заряд. Вот и ответ требуется адекватный, книжный. Но если тема сей вступительной главы и обстоятельность исторического захода возбуждают подозрение, что это сочинение затеяно ради отпора оппонентам, мой ответ таков: слишком много чести! Желание автора оспорить сомнительные мнения переросло в цель просто-напросто правдиво представить героя и его эпоху, отводя полемике вспомогательное место, то есть включая по ходу дела и мере необходимости. Неизмеримо больший интерес я нахожу в шансе сквозь череду биографических деталей и спортивных будней получше разглядеть самого Яшина, чтобы выудить истоки необыкновенности этого обыкновенного человека, по внешнему облику, привычкам и поведению похожего на соседа, встречного, сослуживца – любого из нас.

В странствии по десятилетиям и годам яшинской саги, не менее чем этапы большого пути, как пафосно выражались газетчики советских времен, показательны и ухабы этого самого пути, о чем старались тогда помалкивать. Мало того, что их сглаживание ретушировало правду, невозможно было извлечь корень в понимании человека. Между прочим, мои скромные изыскания натолкнули на вопрос, почему в русский язык, родивший идиому «корень зла», равноправно не врос «корень

добра». Видно, зло в нашей жизни, питающей язык, издавна слишком кричащее. Но герой повествования предоставил автору счастливую возможность искать и находить корни добра, и я не отказал себе в удовольствии даже озаглавить так последнюю, итожащую главу, где завидно высокие профессионализм и человечность Льва Ивановича Яшина, так или иначе рассыпанные по предшествующим страницам, сгущены и объединены как его исконная и органичная суть.

Задача передо мной нелегкая, но притягательная – представить эту масштабную фигуру как можно объемнее, предложить читателю ясное понимание, чем же этот «русский мирового значения» брал, пленял, сражал, покорял самых разных людей, имя которым – легион.

Глава вторая
Триумф без пощады

Бесценен, как шедевры «Прадо»

Весной 1989 года в Буэнос-Айресе, куда я был направлен в командировку на международную книжную ярмарку, опекавший меня работник советского торгпредства любезно поинтересовался, какие будут просьбы. У меня была только одна: организовать встречу с тренером сборной Аргентины Карлосом Билардо. На следующий вечер, едва мы устроились втроем в маленьком уютном кафе и не успел я еще открыть рот, чтобы задать первый вопрос наставнику чемпионов мира, он сам коршуном налетел со своим:

– Как дела у Яшина, как он себя чувствует? – спросил и впрямь похожий на коршуна человек по прозвищу Нос, знавший из прессы, как позже выяснилось, достаточно свежую конкретику о пошатнувшемся здоровье великого вратаря. Не дождавшись ответа, Билардо продолжал:

– В августе у меня сумасшедший график, но я обязательно вырвусь хоть на день в Москву на юбилей Яшина.

9 августа того же года он и явится прямо с корабля (правда, воздушного) на бал – его доставят из «Шереметьева» сразу на улицу Лавочкина в переполненный пятитысячный зал Дворца спорта «Динамо», где уже будут в разгаре торжества по случаю 60-летия Яшина. А тогда в Буэнос-Айресе из отведенного на наш разговор часа он ухлопал не меньше половины времени на расспросы о Яшине, то и дело прерывавшиеся возгласами восхищения.

– Яшина я впервые увидел уже будучи профессионалом во время матча Аргентина – СССР здесь, на стадионе «Ривер плейт», в ноябре 1961 года. И был покорен его игрой навсегда. Это было невиданно и по диапазону действий, и по их качеству, – говорил Билардо, а передо мной в далекой дымке времени поплыли кадры этого матча, снятого на пленку Борисом Набоковым, тренером Федерации футбола СССР и куратором комиссии пропаганды Федерации, куда я входил, – потому-то и получил приглашение посмотреть этот «киноматч».

Тогда не существовало ни видео, ни штатных операторов при командах, так что пришлось отправлять со сборной в знаменитое южноамериканское турне (три игры – три победы), по сути, кинолюбителя – впрочем, снимал он вполне пристойно. Отчетливо помню просмотр отснятого материала в Центральном Доме журналиста, проходивший под аплодисменты присутствовавших. Оставалось только пожалеть, что съемка оказалась недоступна для рядовых болельщиков, лишенных

шанса лицезреть шедевр в исполнении сборной СССР. По мнению Андрея Старостина, это был лучший матч сборной из тех, что он видел, а видел он с 1924 по 1987 год десятки игр, включая, разумеется, все сыгранные в годы 1959–1964,1969– 1970, когда работал начальником сборной команды.

После матча в Буэнос-Айресе, завершившегося победой гостей со счетом 2:1, местные газеты давали непривычную для нашего глаза денежную оценку игроков: «Метревели – 50 млн. песо, Месхи – 50 млн. песо, Яшин – без цены». Впрочем, годом раньше в Париже после заключительных игр Кубка Европы, выигранного сборной СССР, хозяин мадридского «Реала» дон Сантъяго Бернабеу выразил готовность выписать за переход Яшина чек на любую запрошенную сумму. Дело было на банкете в ресторане Эйфелевой башни. Футбольный олигарх, объявив за Валентина Иванова и еще некоторых игроков кругленькие суммы, подсунул Яшину незаполненную чековую книжку и под дружный, с подначками смех его партнеров предложил ему вписать любую сумму.

– Что смешного? – удивился Бернабеу, то ли наивно, то ли, скорее всего, деланно не понимая, что советские футболисты по суровым порядкам того времени продаже вообще не подлежали. – Вы молоды и не ведаете, что значит Яшин для футбола. Он бесценен, как лучшие картины из коллекции «Прадо».

Обо всем этом мы толковали с Билардо. А его неподдельный интерес к Яшину натолкнул меня на дерзкий экспромт. Дело в том, что во время командировки пришлось участвовать в дискуссиях, встречах со множеством людей, отвечать на вопросы о том, что происходит в стране перестройки, и чуть ли не каждый считал своим долгом спросить о Борисе Ельцине – во всем мире на него пошла политическая мода, добрела она и до далекой Аргентины. Не хотелось бы грязнить повествование упоминанием этого несимпатичного персонажа, но только для того, чтобы было понятно, почему мне осточертело толковать о нем и пришлось перевести разговор, необходимо пояснение. Я был достаточно осведомлен о чудовищном лицемерии этого «борца с привилегиями», который тогда демонстративно, на глазах западных телевизионщиков и фоторепортеров, объявил о разрыве с кремлевским обслуживанием и записался в районную поликлинику, а вслед за этим, уже без свидетелей, тихой сапой, отправился отдыхать в сочинский кремлевский санаторий. Короче говоря, когда меня достали вопросами о будущем незадачливом президенте, на одном из «круглых столов» я неожиданно сам для себя, а тем более для остальных, произнес:

– Ваш Билардо, с которым я накануне встречался, не

интересовался Ельциным, он расспрашивал о Яшине, и мне о нем говорить гораздо приятнее.

Из нескольких десятков присутствовавших, судя по выражению лиц, не каждый представлял, о ком речь, но многие, особенно мужчины, оживились, и мы с ними отняли у политизированной аудитории две-три минуты для обмена фразами на тему, для нее постороннюю.

Во время пребывания в Буэнос-Айресе я имел не одну возможность убедиться в том, что болельщиков – «инчас» можно было встретить в любом доме, в любой компании, даже, как выяснилось, в такой специфической аудитории, внезапно мною огорошенной. И среди них находились многие, кто помнил Яшина – если не по давним (1961, 1965) визитам в Аргентину сборной СССР, так по мировым чемпионатам или трансляции из Бразилии выставочной встречи двукратных чемпионов мира со сборной ФИФА (1968), хотя от всех этих событий нас отделяла очень протяженная дистанция времени, особенно по меркам быстротекущего, переменчивого футбола. Затевая это ретро-путешествие с читателями на 20 лет назад и за тридевять земель, я решил сам для себя, что оно может служить самым веским из множества подтверждений того, как яшинская слава преодолевает преграды времени и пространства.

Об официальном признании Яшина в спортивном мире и говорить не приходится. Оно нашло выражение в разнообразных наградах, таких, как Олимпийский орден, полученный в Москве из рук президента МОК Хуана Антонио Самаранча 27 июля 1985 года, или «Золотой орден за заслуги» Международной федерации футбольных ассоциаций (ФИФА), врученный ее президентом Жоао Авеланжем на конгрессе ФИФА 5 июля 1988 года в Цюрихе. Туда он был приглашен вместе с Пеле на открытие всемирной кампании в поддержку fair play – честной игры. После выступления Пеле на эту тему 600 участников конгресса – президентов национальных и континентальных федераций, выдающихся тренеров, арбитров, других почетных гостей – громовой овацией стоя приветствовали нового футбольного орденоносца. Он увековечен и единственным именным призом мировых чемпионатов, вручаемым ФИФА по предложению России с 1994 года лучшему вратарю финального турнира.

Лев Яшин попал в прямом и переносном смысле в самую десятку – десятку первых лауреатов футбольного Зала славы в Париже, открытого к чемпионату мира 1998 года. И в какой оказался компании: Эдсон Арантес ду Насименту– Пеле (Бразилия), Франц Беккенбауэр (Германия), Альфредо Ди Стефано (Аргентина – Испания), Стэнли Мэтьюз, Бобби Чарльтон

(оба – Англия), Йохан Круифф (Нидерланды), Мишель Платини (Франция), Эйсебио Феррейра да Силва (Португалия), Ференц Пушкаш (Венгрия – Испания)! Тогда же на гала-представлении в Париже ФИФА объявила о включении Яшина и в символическую сборную XX века.

Международная федерация истории и статистики футбола (ИФФХС), которая в 2000 году определяла лучших футболистов минувшего века, в результате специального опроса провозгласила Льва Яшина вратарем столетия. Собрав 1002 балла, он существенно опередил англичанина Гордона Бенкса (717), итальянца Дино Дзоффа (661), немца Зеппа Майера (456) и испанца Рикардо Замору (443). Вот имена других замечательных вратарей, не выдержавших конкуренции с Яшиным: Хосе Луис Чилаверт (Парагвай) – 373 очка, Петер Шмейхель (Дания) – 291, Питер Шилтон (Англия) – 196, Франтишек Планичка (Чехословакия) —194, Амадео Каррисо (Аргентина) – 192, Жильмар Невес дос Сантос (Бразилия) – 160, Ладислао Мазуркевич (Уругвай) – 144. Видим мы в списке и Рината Дасаева с 89 баллами.

В Ротенбурге (Германия), где состоялось чествование победителей этого всемирного конкурса вратарей, на сцену для получения приза поднялась вместе с лауреатами XX века единственная женщина – вдова Яшина Валентина Тимофеевна, которая после кончины мужа не раз участвовала в подобных торжествах. Кадры кинохроники с отчаянными бросками Яшина наперерез форвардам и в углы ворот ведущий церемонии в Ротенбурге, как обычно, сопровождал навечно приросшими к нему эпитетами «фантастический», «неподражаемый», «великий». Жаль только, что вещественное доказательство славы «вратаря столетия» – миниатюрный мяч на подставке – доступен глазам считанного числа людей, вхожих в дом Яшиных. А уж кому довелось подержать в руках этот суперприз, своим изяществом лишь подчеркивающий его вес, того неизбежно пробирает просветление чувств, оскорбленных многократными российскими поражениями, – я испытал это на себе.

На самую вершину признания возносили Яшина и бесконечные неофициальные рейтинги. В недалеком прошлом весьма котировался состав символической сборной мира за 20 лет (1950–1970), открывавшийся фамилией Яшина, который занял второе место вслед за Пеле по числу поданных голосов. В 1983 году редакция солиднейшего английского журнала «Уорлд соккер» включила его в символическую сборную мира всех времен. К выходу 2000-го номера не менее авторитетного еженедельника «Франс футбол» (1984) была опубликована

классификация лучших игроков за все время его существования с 1946 года, ставшая своеобразным подарком к 55-летию Яшина, который был объявлен сильнейшим из вратарей.

Награды и титулы не прекращали осыпать его даже после смерти. В 1992 году Яшин был включен в символическую сборную Европы всех времен по версии «Мастеркард». К чемпионату мира 1994 года в США оргкомитет совместно с ФИФА разослал специалистам разных стран опросные листы для определения «команды всех времен», которую газеты величали еще круче – «дрим тим» («команда мечты»). Во всех заполненных анкетах упоминались лишь трое – Пеле, Яшин, Беккенбауэр, в то время как недосчитались голосов такие «монстры», как бразильцы Джалма Сантос и Гарринча, англичане Бобби Чарльтон и Бобби Мур, даже аргентинец Диего Марадона. А итальянское агентство АНСА накануне «Миллениума», перебирая особо отличившихся итальянских и зарубежных атлетов, провозгласило Яшина лучшим иностранным спортсменом XX века.

Честность обязывает заметить, что Яшин фигурирует не во всех мировых рейтингах. Он не удостоился, например, ни одного упоминания в широком опросе, проведенном 10 редакциями спортивных журналов разных стран с целью определить лучшего футболиста XX века. Еженедельник «Футбол» в статье «Мантия величия» (2009) призывает огорчиться по этому поводу. Но стоит ли? Вратари по европейской футбольной традиции котируются обычно ниже полевых виртуозов – не только в рейтингах, но и на трансферном рынке: стоят всегда дешевле. Да и численно их меньше в десять раз. На две-три десятки корифеев атакующей игры в футбольной истории приходится всего несколько вратарей яшинского калибра, а кого включить в обойму избранников – дело вкуса. В подобных опросах принято предпочитать форвардов и атакующих хавов. Так что отсутствию Яшина в отдельно взятом конкретном рейтинге не удивляюсь. Меньше понимаю другое. В упомянутой статье на вопрос подзаголовка «Кто из отечественных игроков достоин статуса мировой звезды?» следует единственный верный ответ, что могли бы обрести международный звездный ранг Всеволод Бобров, Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин и другие, а обрел один только Лев Яшин. Почему так получилось, вопрос другой, но зачем в качестве иллюстрации берутся результаты референдума, где и он, единственный, блистательно отсутствует? Ведь можно было воспользоваться массой других, чтобы не попасться на исключении из правил. Неужели, скажем, менее показательна уже приведенная нами первая десятка Зала мировой футбольной славы в Париже? А из последних рейтинговых новостей «сборная всех времен», представленная в

конце 2007 года крупной итальянской газетой «Коррьере делло спорт». Лев Яшин занимает там свое законное место. Попал он и в «команду мечты», избранную в Интернете.

Уже XXI век на дворе, а Яшина знают и помнят сегодняшние обитатели трибун, хотя известно: чем дистанция времени удаленнее, тем больше симпатии склоняются к игрокам более знакомых поколений. Об этом напоминают выборы «дрим тим», объявленные на сайте ФИФА в 2002 году. В голосовании участвовали полтора миллиона (!) посетителей сайта. И большинство голосов получили игроки, прославившиеся в 80—90-х годах. Из старой генерации звезд, еще недавно превалировавшей в любых вариантах сборной всех времен, сохранили признание только четверо. И среди них – в компании с Беккенбауэром, Круиффом и, конечно же, Пеле – непревзойденный Лев Яшин.

Но не менее, а скорее даже более чем лавры официального или рейтингового признания заслуг Яшина, важны безмерное уважение коллег по международному футбольному сообществу – игроков, тренеров, арбитров и невероятная, я бы даже сказал, бешеная популярность среди любителей футбола разных стран, будь то английские «фэнс», итальянские «тифози», бразильские «торседорес» или, как мы видели, аргентинские «инчас».

Нисколько не преувеличивая, я осмелюсь говорить о каком-то особом влечении футбольного народа к Яшину. К нему были одинаково тепло расположены как сиятельные звезды – эти футбольные генералы, так и безвестные солдаты огромной футбольной армады. Как именитые писатели, актеры, государственные деятели, так и безымянные завсегдатаи трибун. Иначе чем магнитным свойством притяжения и интереса к нему невозможно объяснить примечательные факты, которые я свел в своеобразную мозаику для этой публикации, выбрав из целого массива такой фактуры.

Яшин был человек благодарный, дорожил добрым отношением к себе, но больше всего его грела профессиональная оценка «братьев по классу» – вратарей. Не замеченный в коллекционировании газетных и журнальных вырезок о своей персоне, потому как не придавал ей повышенного значения, тем не менее Лев Иванович сохранил экземпляр миланской «Гадзетта делло спорт» с высказыванием чемпиона мира 1982 года Дино Дзоффа: «Для меня идеалом голкипера служит Лев Яшин. Именно благодаря ему, его примеру, его опыту я продержался в футболе до 40 с лишним лет».

Что могло быть приятнее единственного в своем роде съезда лучших голкиперов мира, которых «папа» Дино и пригласил в

1983 году на свои торжественные проводы из большого футбола. В курортный городок Сан-Ремо, всемирно известный ежегодным конкурсом итальянской песни, съехались Владимир Беара (Югославия), Хосе Ирибар (Испания), Лев Яшин (СССР), Гордон Бенкс (Англия), Пит Шрийверс (Нидерланды), Иво Виктор (Чехословакия), Ян Томашевский (Польша), а также соотечественники Дзоффа вратари «скуадры адзурры» разных поколений – чемпион мира 1938 года Альдо Оливьери, Лоренцо Буффон (дядя лучшего вратаря наших дней, чемпиона мира 2006 года Пьерлуиджи Буффона), Джулиано Сарти. По предложению виновника торжества они сами и выбрали себе премьера – даже ценой некоторой невежливости к гостеприимному хозяину. Но при голосовании тот выразил лишь солидарность с остальными: общим избранником оказался Лев Яшин. Против него был подан всего один голос – его собственный.

Когда триумфатор вернулся в Москву, то рассказывал друзьям и журналистам о чем угодно из своих приятных и пестрых впечатлений – об ослепительной голубизне итальянского неба, непринужденности обстановки вратарского «саммита», прекрасном фильме, посвященном виновнику торжества, только не о результатах «плебисцита»: его скромность была неодолима никакой славой (первый редактор «Футбола» Мартын Мержанов, толкуя о замечательном вратаре, наградил его специально придуманным термином «славостойкость»). Однако о том, что в пользу Яшина со всей определенностью склонилась чаша весов самого значимого (потому как профессионального) референдума по определению вратаря № 1, протрубили все ведущие спортивные газеты мира. Коллегиальный пиетет перед Яшиным отборных лиц своего же, вратарского круга представляется мне знаковым. Но сами убедитесь, что не менее впечатляющи и другие, повсеместные случаи излучения признательности и восхищения.

В 1963 году на следующий день после феноменальной игры Яшина в Риме на «Стадио Олимпико» со сборной Италии (1:1) в матче Кубка Европы наша сборная отправилась на автобусную экскурсию по Вечному городу. На каком-то перекрестке автобус, как и другой транспорт, вынужден был беспомощно остановиться, блокированный шествием десятков тысяч демонстрантов. Вдруг один из них узнал через автобусное окно Яшина, махнул рукой товарищам, автобус был тут же окружен плотным кольцом восторженных людей. Яшину пришлось выйти и приветствовать их, после чего цепь демонстрантов магически разомкнулась, позволив пересечь заполненную толпами людей магистраль.

Аналогичные примеры преклонения перед великим

советским спортсменом привозили из разных стран многие очевидцы. В Испании к окну автобуса, за которым виднелся Яшин, женщины поднимали своих детей только чтобы те взглянули на него. В Дании при пограничном досмотре таможенник, едва заглянув в паспорт, вскочил и взял под козырек со словами «Добро пожаловать в Копенгаген!». Во время турне советских футболистов по Франции в вагоне-ресторане поезда Париж – Марсель пассажиры спокойно обедали, пока официанты в одном из них не опознали Яшина и, начисто забыв французскую вежливость, бросили остальных клиентов, сгрудились вокруг футбольной знаменитости и переключили на нее все свое внимание.

В Белграде в день выставочного матча Югославия – Европа (1964) по радио шла утренняя детская передача, где звучала веселая песенка про царя зверей по имени Лев. На следующее утро, когда в югославской столице только и разговоров было, что про блестящее выступление гостей (7:2) и особенно Яшина с Эйсебио, песенка была повторена, только у царя появилась фамилия – Льва звали Яшин!

Южноамериканское турне «Динамо» 1964 года предусмотривало единственный матч в Боливии – против местного чемпиона команды «Боливар». Повреждение ноги вынудило Яшина просить о снисхождении – на игру его не ставить: «Я даже упасть не могу». Но организаторы умоляли: «Вам не надо падать, только выйдите на поле, и все будут счастливы». Начало игры было задержано на 40 минут – Яшину пришлось продираться в раздевалку сквозь толпу, к нему хотели прикоснуться мэр, полицейские, дети, инвалиды в колясках и не хотели отпускать, пока не пожмут руку. А в игре вратарь с лангеткой на ноге творил такие чудеса, что советские участники матча (4:1 в пользу гостей) находили только одно сравнение – с бенефисом на Олимпийском стадионе в Риме годом раньше.

Во времена Франко, когда самолеты «Аэрофлота» в Испанию не летали, футболистам «Динамо» пришлось отправляться туда на международный турнир через Париж, где их должны были ждать визы. Оказалось, что из-за какого-то недоразумения вовсе не ждали, а представителей турфирмы, которая все это обязалась организовать, в парижском аэропорту «Бурже» не оказалось. Но оказался человек, который в одном из транзитных пассажиров узнал Льва Яшина – подошел справиться, не обознался ли он. Услышав о случившемся, взялся помочь. Он оказался хозяином другой турфирмы, быстро организовал автобус, поселил всю команду за свой счет в отеле, связался с коллегами, которые так подвели, обеспечил испанские визы. Яшин спросил доброго

человека, как его отблагодарить. Тот попросил автограф для себя, а также для служащих и клиентов отеля, где разместил делегацию. На следующее утро за автографом к живой легенде выстроилась очередь. Вот что значило имя Яшина!

В Финляндии через 15 лет после завершения яшинской карьеры его узнали в столичном кафе туристы из Германии и забегали вокруг столика с фотокамерами, а на рыбном рынке в центре Хельсинки продавец, могучий финский рыбак, взвешивая товар, пристально всматривался в покупателя и спросил: «Черный паук?» Тот же вопрос, тыча пальцем в почтовую марку с изображением Яшина, известного во всем мире под этим прозвищем, задал еще дюжину лет спустя, в 1998-м, чернокожий парнишка российским делегатам на Всемирной филателистической ярмарке в столице бразильского футбола Рио-де-Жанейро, где советского вратаря видели на «Маракане» торседорес-дедушки, чтобы рассказать, как убеждаемся, торседорес-внукам.

Трогательный эпизод поведал Алексей Парамонов: «В 1965–1966 годах я работал тренером тунисской команды «Этуаль». Однажды проходил по узкой улочке арабского квартала, где мальчишки играли в футбол. Они знали, что я тренирую их любимую команду, и, увидев меня, закричали хором: «Яшин! Яшин!» В те годы телевидение в Тунисе было доступно только очень богатым людям и ребятишки не могли видеть игру Льва Ивановича, однако он был настолько велик в их глазах, что любой советский человек непременно ассоциировался у них с Яшиным».

Все эти и многие неупомянутые случаи подобного рода говорят о том, что Лев Яшин не принадлежал к сонму мимолетных кумиров, которых толпы людей готовы какое-то время носить на руках, чтобы потом забыть. В самых разных странах он растормошил более глубокие, более прочные человеческие чувства, когда симпатии замешены на уважении, переходящем в почтение. И если неисчислимое множество людей, обыкновенных болельщиков, в такой приверженности обмануть трудно, то относительно немногих профессионалов, познающих цену партнера или соперника на близком расстоянии и по строгому счету, – вообще невозможно.

И все же в свое время совершенно неожиданно прозвучала, да не один раз, а в ряде интервью, твердая убежденность легендарного бразильского футболиста – Маноэля Франсиско дос Сантоса, известного по прозвищу Гарринча, что Яшина мало назвать лучшим вратарем – он вообще величайший футболист, которого и сравнить не с кем в искусстве игры. Специфика вратарского дела обычно ставит стражей ворот особняком, стеной

отделяя от полевых игроков в оценках специалистов. Но для Гарринчи не существовало общепринятых стандартов ни на поле, ни в поведении, ни в высказываниях. Простодушный и прямодушный, он был чист в искренности своего потрясения яшинской личностью. И оказался в этом не одинок.

«Больше всего я дорожу голом в ворота Льва Яшина», – признавался французский нападающий Жюст Фонтэн, чей рекорд на чемпионате мира 1958 года (13 мячей), видно, никогда не будет побит. Единственный мяч Яшину Фонтэн забил на следующий год в товарищеском матче «Реймса» со сборной клубов СССР (1:4). «Нападающий, забивший хоть раз Яшину, может написать это на своей визитной карточке, – говорил рекордсмен, – и писать больше ничего не надо! Лично я этим голом горжусь не меньше, чем всеми тринадцатью, забитыми в мировом первенстве!»

В 1964 году в Мадриде на финале Кубка Европы в нашу раздевалку, не убоявшись подозрений и упреков правивших тогда франкистов, явился собственной персоной прославленный Рикардо Замора. Он отвесил низкий поклон Яшину со словами: «Вы лучше всех нас».

Другой знаменитый вратарь – чемпион мира 1958 и 1962 годов Жильмар Невес дос Сантос, или просто Жильмар, накануне следующего мирового первенства просматривал вместе с товарищами по сборной Бразилии кинопленки, запечатлевшие игру возможных соперников. Когда показывали кадры с фрагментами действий советской команды, в них то и дело мелькал Яшин со своими рейдами за границы штрафной площади и бросками в ноги противнику. Жильмар кричал: «Повторите! Крутите пленку назад!»

По окончании четвертьфинала чемпионата мира 1966 года СССР – Венгрия (2:1), состоявшегося в Сандерленде, необычно и даже странно повел себя искушенный испанский судья Гарай Хуан Гардесабал. Дав финальный свисток, он властным жестом неожиданно пригласил на поле репортеров и сфотографировался с командами. А затем подозвал к себе Яшина, блиставшего в тот день, и сфотографировался с ним отдельно.

Первый международный матч за «Динамо» против шведского «Юргордена» в Москве 22 июля 1953 года (4:2) Команду выводит на поле К. Крижевский, за ним – Л.Яшин

На заключительном приеме по завершении того же мирового форума в лондонском «Ройял гарден отел» славили в основном чемпиона мира – сборную Англии, на остальных мало обращали внимания. Вдруг слово попросил председатель оргкомитета следующего чемпионата (1970) мексиканец Гильермо Канедо и от имени оргкомитета объявил Яшина лучшим вратарем прошедшего турнира. Через некоторое время почтивший прием своим присутствием премьер-министр Великобритании Гарольд

Вильсон попросил подвести его к Яшину и познакомить. После теплого рукопожатия глава британского правительства рассказал, что смотрел несколько матчей первенства… в Москве по телевидению – он выезжал туда на открытие национальной выставки. В ходе беседы Вильсон сделал неожиданное признание: «Не думайте, что я знаю вас только по «матчу века» на «Уэмбли» в 1963 году. Уже почти двадцать лет я слежу за «Динамо» и «Спартаком». Примите благодарность за прекрасную игру на нашей земле». Да, было время, когда и за нашим чемпионатом следили, как мы сейчас – за английским или испанским.

В 1970 году 40-летний Яшин отправился в свое четвертое путешествие на чемпионат мира, но на сей раз оставался в запасе, на поле не выходил, призванный опекать своих молодых партнеров по команде в качестве «дядьки». 30-летний Пеле также явился на свой четвертый мировой форум, но играл, и еще как. Эта разница не помешала Яшину, по данным специального опроса, пользоваться таким же вниманием публики – они с Пеле намного опередили в популярности всех остальных гостей Мехико.

Так получилось, что Яшин вместе с другим вратарем – Леонидом Шмуцем прилетел туда позже советской делегации. Когда вышел из самолета, увидел толпу людей. Решил, что ждут какую-то важную особу. Так и было, только этой особой оказался он сам. Все журналисты, уже успевшие прибыть на чемпионат, явились в аэропорт, а с ними тысячи болельщиков, узнавших из газет о прибытии Яшина. Мой приятель, «югославский Озеров» – известный телекомментатор Драган Никитович по прозвищу Никита, позже рассказывал, что не смог пробиться в зал, где была устроена пресс-конференция Яшина.

Перед матчем открытия Мексика – СССР стадион «Ацтека» взорвался гулом приветствия в адрес своих футболистов, когда они выбежали на разминку. Но только шум стих, главная трибуна целиком как по команде отвернулась от поля, экспансивные мексиканцы вскочили на ноги, размахивая своими сомбреро и подушками для сиденья. Вся VIP-ложа во главе с президентом Мексики Диасом Ордасом завертела головами: что происходит? А это публика бурно приветствовала появившегося на трибуне резервного советского вратаря Яшина. Один автограф русского ветерана, по прикидкам местных газет, стоил в Мехико трех итальянских или английских.

Не знаю, был ли кто-нибудь, кроме Яшина, удостоен чести проведения прощального матча с приглашением мировых звезд не только в своей, но и в чужой стране. В 1971 году после съезда высоких гостей в Москву на матч 27 мая между сборными ФИФА

и советского «Динамо» стараниями итальянских поклонников и друзей Яшина во главе с Джачинто Факкетти не менее представительная компания знаменитостей собралась на матч сборных команд ветеранов мира и Италии.

31 августа в Милане, на стадионе «Сан-Сиро», многочисленные «тифози» закатили форменный рев негодования, когда во втором тайме была объявлена заранее предусмотренная замена Яшина другим игроком. Но Карло Маттрел из «Ювентуса» так и не смог занять ворота. Не допустив такого «безобразия», зрители после игры хлынули на поле и унесли героя дня на руках. Лев Иванович потом с улыбкой, но и содроганием вспоминал, как, плывя по воздуху, почувствовал, что… его раздевают – сначала сняли одну бутсу, тут же вторую, стянули свитер, добрались и до трусов, милостиво оставив на нем только плавки, и в таком виде доставили прямо в раздевалку.

На эти прощальные матчи, а также на чествование Яшина 9—10 августа 1989 года по случаю его 60-летия пожелал явиться весь цвет мирового футбола. Не всем и не всегда это удавалось, но каждый раз в Москве и Милане высаживался мощный звездный десант. В эти три приема у Яшина побывали Бобби Чарльтон, Эйсебио, Франц Беккенбауэр, Герд Мюллер, Карл-Хайнц Румменигге, Джачинто Факкетти, Ладислао Мазуркевич, Гарринча, Тостао, Карлос Альберто, Эрнст Оцвирк, Франсиско Хенто, Драган Джаич, Влодзимеж Любаньский, Христо Бонев – всех не перечислить. Отложив самые срочные дела, они стремились на свидание к этому, по словам Франца Беккенбауэра, «излучавшему тепло человеку».

«Про Яшина я впервые услышал в 1955 году, когда мне едва исполнилось десять, – вспоминает Беккенбауэр. – Сборная ФРГ играла тогда в Москве против команды СССР, и с уст телекомментатора не сходило имя русского вратаря, раз за разом вставшего на пути наших форвардов. Мы тогда уступили (2:3. – *А.С.),* и поражение это, по мнению очевидцев, было целиком на совести советского голкипера».

На проводы Яшина Кайзер (прозвище Беккенбауэра. – *АС.)* приехать не смог, оказавшись из-за почечных колик в больничной палате, и сильно по этому поводу расстроился, но гостил у Яшина один, без специального повода и звездной компании в 1986 году, а три года спустя участвовал в юбилейных торжествах по случаю 60-летия русского друга.

Кайзер, по собственному признанию, любит бывать в нашей стране и не раз напоминал, что открытие России началось для него именно с Яшина. «Россия ассоциируется у меня с Яшиным», – подчеркивает лучший немецкий футболист всех

времен. Не так давно 20-летняя история дружественных отношений Беккенбауэра с Яшиным получила совершенно неожиданное продолжение. Когда из-за ошибки арбитра была назначена переигровка матча Лиги чемпионов 2002 года между австрийским «Тиролем» и российским «Локомотивом», наша пресса в стиле нелепых нападок сталинского прокурора Вышинского на «врагов народа», объявленных японскими шпионами, напустилась на Беккенбауэра, якобы лоббировавшего в УЕФА интересы австрийцев (то ли потому, что у него в тирольских горах вилла, то ли в знак расположения к управляющему местным клубом).

Седовласый Франц еле сдерживал возмущение: «Не хочу комментировать решение контрольно-дисциплинарного комитета УЕФА, поскольку это не в моей компетенции. Оно на совести членов комитета. Но клянусь, что я ему никак не способствовал. Не имею никакого морального права оказывать давление на членов комитета УЕФА. И как вообще я могу это сделать, являясь лишь президентом «Баварии» и вице-президентом Германского футбольного союза? Крайне сожалею, что появилась такая компрометирующая информация, поскольку у меня много друзей в Москве, а Россия и Америка – две страны, в которых я только по-настоящему и отдыхаю. Было бы кощунством омрачать мою многолетнюю дружбу с великим Львом Яшиным» (выделено мной. – *АС)*.

Ни в 1971-м, ни в 1989 году Пеле, связанный контрактными обязательствами, тоже не мог вырваться в Москву. Но в 1988 году подвернулся удобный случай побывать здесь по другим, нефутбольным делам. Принимая приглашение, Пеле первым долгом спросил: «А Яшин в Москве? Хочу его видеть». Сквозь толпу встречавших и репортеров в шереметьевском VIP-зале «король футбола» сразу углядел Яшина, скромно стоявшего в сторонке, опираясь на палочку.

Изящно, словно финтом на поле, обойдя эту плотную массу, Пеле ринулся к нему, рокоча на весь зал своим характерным басом: «Салуд, амиго (исп. друг. – *А.С.)*\Салуд, папа Яшин!», и заключил в крепкие объятия. Следующим же днем «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Память о Яшине остается для Пеле святой и по сей день. Стоило ему уже после кончины «амиго» появиться в Москве (1997, 2003), он непременно возвращался к светлому образу русского вратаря буквально в каждом выступлении или интервью и обязательно желал видеть Валентину Тимофеевну. Известный журналист, бывший корреспондент советского телевидения и радио в Бразилии Игорь Фесуненко, обычно сопровождающий

Пеле в качестве переводчика, во время январского визита 1997 года даже удостоился многозначительной укоризны во взгляде «короля», когда вопросительно посмотрел на него в ответ на просьбу «повидаться с Валентиной»: Пеле был уверен, что уточнение «вдовой Яшина» не требуется.

На торжественном приеме, устроенном в честь Пеле послом Бразилии, Валентина Тимофеевна, выступая в ответ на добрые слова о муже, едва не расплакалась, а Пеле в своем спиче всячески ее успокаивал: «Даже хорошо, что вы плачете, но только не продолжайте, а то я тоже разревусь». Это отнюдь не была фигура речи – Пеле горазд чуть что пустить слезу. Ничего странного: мужественные люди зачастую чувствительны, сентиментальны, и Лев Иванович, кстати, тоже не был исключением. Вдова Яшина как-то сказала, что Пеле обращается к ней как к близкой родственнице. А сам Яшин долгие годы, словно родственник, был близок несчетному числу футбольных подданных.

Случай убедиться в этом представился в 1988 году, во время чемпионата Европы, известному немецкому журналисту, главному редактору крупного еженедельника «Киккер» Карлу Хайнцу Хайманну Он искал тогда для русского гостя хороший протез, чтобы максимально облегчить его участь после ампутации ноги. Узнал, что самые лучшие протезы – легкие, сделанные из титана, производит одна из мюнхенских фирм. «Когда туда приехал и сказал, что протез нужен Яшину, – рассказывал Хайманн, – в дело немедленно включились лучшие специалисты, решившие все вопросы в кратчайшее время. И неудивительно: о великом русском вратаре в Германии знают все».

Представился немецкому журналисту и другой случай убедиться в необычайной популярности человека, с которым был дружен 25 лет. Ровно за год до кончины Яшина, когда на него еще не успела навалиться неизлечимая болезнь, он был приглашен известной фирмой «Мюллер – Мильх» в Аугсбург на благотворительный матч между сборными ветеранов мирового и советского футбола, сбор от которого предназначался пострадавшим от уничтожительного землетрясения 1988 года в Армении.

Когда диктор объявил, что на трибуне в качестве почетного гостя присутствует Лев Яшин, 20 тысяч зрителей встали и приветствовали его так бурно, как, пожалуй, никого из участников игры, а среди них были Хельмут Халлер, Франц Беккенбауэр, Вольфганг Оверат, Паоло Росси, Марио Кемпес, Олег Блохин и другие звезды. Это дало повод Хайманну написать, что «имя Яшина во всем мире произносится с особой любовью.

Никогда еще за всю историю футбола ни один вратарь не пользовался такой гигантской популярностью». Выходит, о нем помнили в Германии через 17–18 лет после ухода с футбольного поля, помнят, как свидетельствует Хайманн, и сейчас, когда еще больше времени прошло после ухода из жизни.

В марте 1990 года, вернувшись из командировки в Испанию, мой знакомый рассказывал, что как-то, прохаживаясь по улицам Барселоны, вдруг наткнулся на довольно большую группу людей, перегородивших тротуар. Они столпились у витрины магазина, в которой был выставлен большой экран. На экране мелькали футбольные кадры с Яшиным. В этот день пришло сообщение о его кончине, и национальное телевидение отдавало дань человеку, незадолго до этого удостоенному почетнейшего приза испанских журналистов «Спортивная легенда» в одной обойме со Альфредо Ди Стефано и Надей Команечи. Тогда, 26 декабря 1987 года, на гала-представлении в честь советского гостя президент Ассоциации спортивных журналистов Испании Хоакин Диас Паласиос от имени 1500 ее членов сказал, что «Яшин пример благородного рыцаря спорта», а в стране Сервантеса рыцарь – не пустой звук.

Через несколько лет я прочитал в книге Никиты Симоняна «Футбол – только ли игра?» (1998), что точно такое же изъявление скорби в связи с кончиной советского вратаря он сам наблюдал в Цюрихе: в соответствующем отделе супермаркета огромное количество выставленных на продажу телевизоров в день смерти Яшина – 20 марта 1990 года – одновременно демонстрировали видеофрагменты, запечатлевшие незабываемый образ мастера. Все мировые агентства в этот день передали сообщение об уходе из жизни «самого великого советского спортсмена всех времен».

Честно говоря, мало кто из советских, русских удостаивался такой широкой известности и глубоких симпатий за границей. В сфере массовых зрелищ хвастать почти нечем: звезды кино, шоу-бизнеса, всегда и везде возглавляющие рейтинги популярности, у нас пригодны, как это ни печально, в основном для внутреннего потребления. Другое дело спорт. Правда, многие виды спорта, где мы годами верховодили, к массовым зрелищам не отнесешь – те же борьбу, штангу, фехтование, греблю. А хоккей, фигурное катание? Да, и наши замечательные чемпионы достаточно известны, но в ограниченном круге стран. В футболе же с его всесветской аудиторией успехи Советского Союза, а тем более постсоветской России, гораздо скромнее.

Но футбол есть футбол, и на фоне этих менее заметных, хотя и существенных успехов, достигнутых, главным образом, в

яшинскую эпоху, личный рейтинг и вселенская популярность Льва Яшина поразительно долговечны и несравнимы в нашем спорте (да и не в одном только спорте) ни с чьими более, будь то Валерий Брумель или Ирина Роднина. Если все советские корифеи той поры прославились в любительском или полулюбительском спорте, то Яшина выделяет среди них преуспевание в тяжелых схватках с прожженными, высокооплачиваемыми, самоуверенными профессионалами, поскольку футбол с давних времен отвергает соревновательное разделение на «чистых» и «нечистых».

Нас зачастую обижает предвзятое отношение к России на Западе. Возможно, оно заходит слишком далеко, но ведь мы сами щедро предоставляем основания для недоверия – я сам не раз был свидетелем чрезмерной закрепощенности, сумрачности, закрытости соотечественников в советские времена и, наоборот, распущенности, демонстративного бескультурья, даже разнузданности – в последующие. Ну а мафиозностью некоторых из них мы и сами напуганы не меньше добропорядочных иноземцев.

Однако всегда находились посланцы страны, умевшие наводить мосты лучше всяких дипломатов. Лев Яшин достойно представлял свою державу и успешно вербовал ей сторонников. При очевидном непонимании, а то и неприятии на Западе людей с советского пространства он, наподобие Юрия Гагарина, и делами своими, и самим своим обликом, обаянием, открытостью, своей располагающей, поистине фирменной улыбкой начисто перечеркивал этот стереотип отчуждения. И можно понять, почему совершенно безразличный к пафосу, за много лет уставший от бесконечных здравиц, Яшин оживился, даже вскинулся, когда президент ФИФА сэр Стэнли Роуз, заканчивая как-то речь в его честь, произнес: «Прославляя Яшина, мы прославляем Россию». Но каждому ли в самой России дано это понять, как британскому аристократу?

Страна знает своих героев

У нас в стране несдержанность чувств и совсем уж экзотические проявления благорасположения к Яшину, вроде тех, что мы вспомнили (и тех, что еще всплывут по ходу этих заметок), случались достаточно редко. Разве что пару-тройку раз, включая прощальный матч 27 мая 1971 года между сборной ФИФА и сборной «Динамо» (2:2) в 100-тысячных Лужниках, когда спекулянты, в просторечии барыги, впервые с 40—50-х годов «толкали» билеты по десятикратной цене, а у приемной директора стадиона и «литерных» касс для привилегированной публики часами толпились генералы, депутаты, академики, народные артисты.

Почему же Яшин реже, чем за границей, вызывал тайфун эмоций? Большое видится на расстоянии? Нет пророка в своем отечестве? Да, были некоторые основания утверждать, что Яшина распознали и оценили за рубежом раньше и почитали больше, чем у нас. Но, скорее всего, всплески благоговения перед ним были здесь не столь сильны как раз потому, что никто истинную цену Яшину не знал так, как мы, и восприятие футбольных подвигов этого человека, соответствующее столь высокой пробе, стало попросту делом привычки.

Можно ли было не ценить лидерское – по высшим игровым и моральным критериям – участие Яшина в поворотных событиях истории отечественного футбола, когда в 1954 году была воссоздана сборная страны, когда после длительного перерыва с 1936–1937 и 1945 годов пришлось заново и более основательно, уже с ее участием, прорубать окно в футбольную Европу и открывать Южную Америку, когда были обеспечены победы в престижных мировых и континентальных турнирах? Именно Яшин был героем первых матчей, снискавших сборной СССР широкую международную известность, прежде всего знаменательных побед над чемпионом мира сборной ФРГ в 1955–1956 годах и лидером мировой классификации 50-х сборной Венгрии, первых выступлений в Южной Америке («Динамо» в 1957-м и сборная страны в 1961 годах).

С Яшиным больше, чем с любым другим из его коллег по сборной, связана серия первых, а в некоторых случаях и единственных турнирных успехов, таких, как олимпийское «золото» 1956 года, выигрыш Кубка Европы 1960-го и второе место 1964 годов, бронзовые медали за четвертое место в чемпионате мира 1966 года. Никто из советских футболистов в 60-х годах с такой регулярной обязательностью не приглашался в

сборные мира и Европы, а тогда это было показательно и престижно – не то что теперь, когда выставочные матчи стали дежурными, а значительными событиями перестали считаться, поскольку ФИФА и УЕФА частят с их проведением и приглашают выступать в них кого ни попадя, исходя не столько из класса игроков, сколько из политкорректной представительности стран и континентов. И вот венец яшинских творений – престижнейший приз еженедельника «Франс футбол» под названием «Золотой мяч» как лучшему футболисту Европы 1963 года.

Это была первая индивидуальная награда советскому мастеру, до сего дня единственному среди вратарей и единственному среди россиян. Менее известно, точнее широкой публике вовсе неведомо, что Яшин по опросам «Франс футбол» удостоился семи суммарных, итоговых упоминаний среди лучших европейских игроков разных лет, причем шесть раз попадал в первую годовую десятку, а четырежды – в первую пятерку. К такому международному признанию даже близко не подобрался более чем за полвека существования конкурса ни один из вратарей, игравших и играющих в Старом свете (а он с давних пор собирает сливки и с других континентов), равно как ни один из отечественных футболистов любых амплуа.

Выражение «вратарь – половина команды» не затертый штамп, а сугубо практическая футбольная аксиома, фиксирующая наибольшую ответственность голкипера среди всех игроков. И один из лучших предшественников Яшина Анатолий Акимов вовсе не обозначал «ведомственный» подход, когда настаивал, что «самым сильным футболистом в команде должен быть страж ворот: ошибку полевого игрока еще можно исправить, а при ошибке вратаря гол неминуем. Спокойные, уверенные действия вратаря позволяют всей команде вести матч по избранному плану, без излишней нервозности». Яшин без подсказок со стороны, сам уже в начале профессионального пути дошел до понимания повышенной вратарской ответственности и вратарского авторитета для командного успеха. Говорил, что «вратарь должен быть первым по трудолюбию, тогда станет авторитетом для других».

Именно плодотворность особой миссии голкипера была определяющей в высоких результатах московского «Динамо» и сборной СССР 50-х – отчасти 60-х годов. Причины последующего снижения результатов, конечно же, многообразны, но нельзя считать случайным, что начало этого отката совпало с разреженностью выступлений Яшина, лимитированных в конце 60-х возрастом, болезнями, травмами, наконец, понятным желанием тренеров апробировать новых вратарей, чтобы уход

Яшина не застал обе команды врасплох.

В других странах, разумеется, тоже водились сильные вратари, но все-таки они, как правило, котировались ниже полевых виртуозов. У нас же издавна сложился культ вратарей, возникла целая вратарская школа (ныне утраченная, как и множество других преимуществ в самом футболе, спорте вообще и других сферах). В силу такого отношения к вратарям и персонально благодаря Яшину Советский Союз, Россия приобрели еще один штрих столь греющей нас исключительности: только в нашей стране (да еще в Дании с Петером Шмейхелем) зарегистрировано верховенство вратаря в рейтинге лучших футболистов страны за длительные исторические периоды, вплоть до целого столетия.

В любых опросах, кто бы ни был в них задействован – профессиональные эксперты или любители спорта, Лев Яшин неизменно и безоговорочно включался в символические сборные СССР за 50 лет (1967) и России за 100 лет (1997), с большим перевесом избирался футболистом № 1 СССР (1987 – к 70-летию советского футбола) и России (1998 – к 100-летию отечественного футбола, 2003 – к 50-летию УЕФА), был провозглашен советским спортсменом № 1 (1967 – к 50-летию Советского государства) и российским спортсменом № 1 за весь XX век (1996 – по опросу 484 деятелей спорта, науки и культуры; 1999 – по конкурсу-опросу читателей газеты «Спорт-экспресс» совместно с Олимпийским комитетом России; 1999 – по определению Федерации спортивных журналистов России) – впереди Всеволода Боброва, Владимира Куца, Ларисы Латыниной, Александра Карелина и других крупных величин. И даже был предложен среди грандиозных фигур российской истории для изображения на новых купюрах (пока не посчитали за лучшее украсить деноминированные рубли не портретами, а памятниками архитектуры).

Можно ли пройти мимо того, что Лев Яшин оказался единственным спортсменом, кто был номинирован в грандиозном общественном и телевизионном проекте «Имя России» наряду с выдающимися государственными деятелями, писателями, учеными? И какой колоссальный след нужно было оставить в биографии страны, чтобы по итогам голосования в Интернете занять 38-е место среди 50 самых заслуженных людей в многовековой истории Отечества, которые вправе олицетворять его?

На фоне такого абсолютного, безраздельного признания поначалу ошарашивает вопрос известного спортивного публициста Александра Нилина, прозвучавший первый (но не

последний) раз в книге «XX век. Футбол» (1998): «А может быть, и спорно утверждение, что Стрельцов всех затмил-заслонил?..» Видно, футбольному летописцу померещилось, что «это уж нам теперь издали виден отчетливо он один. Тем более в подобном выделении нельзя не заметить и несомненной полемики с официальным признанием футболистом № 1, футболистом-символом Льва Яшина». Как говорится, хоть стой, хоть падай. Ведь все приведенные двумя абзацами выше выкладки как раз зеркало его, Яшина, неофициального признания, устойчивого общественного мнения, продолжающего ставить своему избраннику наивысшие баллы и через четыре десятка лет после окончания яшинской эры.

И хотя мне совсем несимпатично сталкивание Эдуарда Стрельцова и Льва Яшина, сошлюсь хотя бы на последнее по времени голосование любителей футбола. Когда УЕФАк своему 50-летию, случившемуся в 2004 году, предложил каждой национальной федерации объявить своего лучшего игрока за эти полвека, Российский футбольный союз (РФС) заблаговременно обратился в редакцию еженедельника «Футбол» с просьбой провести опрос болельщиков. И разве не красноречив сравнительный результат победителей этого «референдума»: Яшин – 3728 баллов, Стрельцов – 1387? Стоит ли, однако, искать подобные аргументы и факты, а их пруд пруди, если сам инициатор столкновения пары Яшин – Стрельцов всем строем своих разнокнижных суждений с головой выдает, что нарочитое выпячивание Стрельцова («теперь издали виден отчетливо он один»…) имело под собой вовсе не спортивную, а фальшиво идейную и привычно-психологическую подоплеку? Но если притянутую за уши политизированность такого превозношения неуклюже маскирует, то примешивание изломов судьбы скрывать и не думает. В итоговой передаче телецикла «Век футбола» (1998), где на глазах миллионов телезрителей избирался российский «футболист столетия» (а им, как и следовало ожидать, без вопросов оказался Яшин), нашел закономерность попадания Стрельцова на второе место в «схватке» с не менее, если не более значительным Бобровым в том, что «мы больше любим людей с жизненной драмой».

Именно 90-е годы затопили читающую публику потоком публикаций, целых книжных исследований о судьбе Стрельцова – несправедливости судебного приговора за юридически недоказанное изнасилование, его незавидной лагерной доле, затяжном недопущении бывшего «зэка» в сборную СССР. Однако, рассуждает Нилин в том же сочинении, где сам запросто отдает яшинское первенство Стрельцову, «сегодня ощутим известный

перекос. Недоданное Эдуарду при жизни превращается в укор – и совершенно несправедливый укор Яшину». О перекосе – золотые слова, но чем же и от кого заслужил вратарь подобный рикошет? Судя по нилинским текстам и контекстам, расположенностью аппаратной верхушки, приближенностью к власть имущим. Приближенностью, как нам предстоит убедиться, мнимой, вымышленной, да и какое она имеет отношение к оценке успеха в профессии, спортивных достоинств? А бедняга-сочинитель совсем запутался: укор Яшину, в котором сам же усомнился, настойчиво повторяется автором в своих последующих работах («Стрельцов» в серии «ЖЗЛ», 2002; «XX век. Спорт», 2005).

Вот и выходит, что эта назойливая долбежка сделала Нилина главным выразителем позиции «полемистов-вольнодумцев», как он же и отрекомендовал «затмивших-заслонивших» Яшина Стрельцовым. Никто из них с такой вызывающей дерзостью не вынес на публику это самое затмение – не мозгов ли? В круге общения моей молодости, к футболу неравнодушном, тоже хватало вольнодумцев, клеймивших или высмеивавших проделки власти, но ни одному оригиналу, будь то журналист, художник или служитель науки, не взбрела в голову затея городить идеологический противовес Яшина Стрельцову, да еще с попыткой этим нелепым способом загородить первого вторым. Если бы приводились чисто спортивные соображения задвинуть Яшина за спину Стрельцова, это еще куда ни шло – можно спорить, обмениваться доводами, что же каждый из них дал футболу и стране. Но использовать одного, чтобы ущемить другого, уценивать народную славу Яшина до разряда сугубо официальной – занятие неблагородное и неблагодарное.

Вряд ли в здравом уме и твердой памяти кто-то возьмется отрицать, что слава Яшина, прижизненная и посмертная, – настоящая, неподдельная, непреходящая, пропагандистами и пиарщиками не навязанная, жалостью или скандалами не приправленная, ни у кого не заимствованная и не отбитая, наградами и рейтингами не сформированная, а ими только закрепленная. Ордена и звания, что правительственные, что спортивные, лидерство в многообразных рейтингах, как официальных, так и неофициальных, – это уже спутники и следствие славы. И мне близка мысль многолетнего дуайена нашего футбольно-журналистского корпуса Льва Филатова, что «не формальные признаки (набор титулов, число медалей) определяют наше отношение к спортивной звезде»…

Стоп, прежде чем продолжить филатовские размышления, позволю себе небольшой корректив: самой своей редкостью и эксклюзивностью, а теперь, возможно, до поры до времени, и

недостижимостью для нас, такие престижные награды, как Кубок Европы и «Золотой мяч», народную славу все же подпитывают и разогревают. Но, согласен, «уж если судьбе угодно, чтобы звезда светила и после своего исчезновения со стадионного небосклона, то обязательно должны быть сильно затронуты чувства людей, только рассудочными доводами и россыпями информации ничего не добьешься». Так что не столько статистика и рейтинги, реестр спортивных достижений, сколько личность Льва Яшина, или, как модно теперь говорить, его харизма мотивируют людское тяготение к нему на протяжении многих десятилетий.

Истинную цену Яшина потому и не могли нигде установить вернее, нежели в собственной стране, что мы имели счастливую возможность наблюдать его не только по большим праздникам типа мирового или европейского первенства, но прежде всего в череде будней – в календарных матчах первенства и Кубка страны, тренировках, а кому, как мне, повезло, и в личном общении. И то, что вызывало бурю восторгов «там», долгие годы было нормой для Яшина «здесь», потому и воспринималось как должное, а значит, вполне естественно. Ведь привычное восприятие, как правило, не сопровождается взрывной реакцией.

Сильный взрыв, но, к сожалению, отрицательного заряда, однажды, правда, прогремел. Он последовал за неуклюжей и неумной попыткой спортивных и околоспортивных чинов не без подмоги услужливых журналистов опорочить Яшина, якобы провалившего мировой чемпионат 1962 года в Чили. С их подачи трибунная шпана принялась затаптывать своего недавнего фаворита. Что ж, с кумирами это время от времени случается везде и всюду. И совсем ничего удивительного, что случилось у нас, как нигде приученных вечно искать стрелочников и лупцевать грешников.

Однако неприличная акция, затеянная спортивными воеводами, обернулась вскорости тем, что доверие к оболганному вратарю не то что возродилось – неимоверно возросло. Отвернувшуюся часть публики он образумил уже в 1963 году новыми геракловыми подвигами и держал высоту всеобщего признания вплоть до последнего шага на футбольном поле. Опять-таки лучше не скажешь, чем Лев Филатов: «Что он в свою игру вкладывал душу, нельзя было не чувствовать. Да, за него болели, им восторгались. Но ему еще и сострадали. Как человеческой душе… Секрет его исключительной популярности везде, где он играл, – как раз в его различимой человечности». Навидавшись Яшина, начитавшись о нем в прессе, наслышавшись от футболоманов, его знали в стране чуть ли не все поголовно.

Сейчас вызывает шквал восторга и умиление до слез выход из

группы в Лиге чемпионов или путевка на чемпионат мира, а в то время ликованием (но без сегодняшних дикарских выходок) встречали только серьезные, конечные успехи – выигрыши более или менее значимых турниров. По завершении Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне, когда наши атлеты больше месяца возвращались в Москву – теплоходом «Грузия» до Владивостока и оттуда уже поездом, на каком-то полустанке по пути следования состава в «футбольный» вагон ввалился старик с окладистой бородой, в тулупе, весь заиндевевший на сибирском морозе, и прогудел на весь коридор:

– Где бы мне, сынки, найти Льва Яшина? Двести верст протопал пешком, чтобы его повидать.

А когда Яшин вышел из купе, старик трижды его расцеловал и достал из торбы большого вяленого омуля со словами:

– Вот отведайте с друзьями нашей байкальской рыбки.

Так вынужден был публично изображать картину Лев Иванович. О том, что таежный гость затащил в вагон еще и немалую емкость с самогоном, тогда и заикнуться было невозможно.

Беккенбауэр в своих мемуарах вспоминает, как в 1986 году гостил у Яшина, а тот возил его по городу, показывал Москву. И где бы они ни останавливались, постаревшего вратаря, с трудом передвигавшегося с костылем, все узнавали и приветствовали если не возгласом, то улыбкой. Кайзер Франц увидел слезы на глазах трех пожилых женщин, убиравших от снега футбольное поле в Лужниках, куда его привел Яшин.

– Господи, Лев Иванович, неужели мы снова вас видим? Какая радость! – Они встретились как старые добрые знакомые, простые уборщицы и всемирно известный человек.

Эхо всенародной, как бы громко это ни звучало, любви к Яшину доносится даже извне. Многолетний корреспондент «Известий» в Испании Владимир Берников как-то в 80-х оказался на трибуне стадиона «Висенте Кальдерон» – домашней арены мадридского «Атлетико» рядом с испанцами, вернувшимися на родину из Советского Союза. Они были вывезены сюда детьми, вырванными из огня гражданской войны, прожили с нами долгие годы, до сих пор хранят благодарность своей второй родине, которая их приютила, обогрела, дала жилье, образование, работу. Когда узнали, что их сосед по трибуне из Москвы, бросились его обнимать, долго расспрашивали, а при прощании просили передать привет… Льву Яшину, которым не перестали восхищаться по прошествии лет.

Репутация Яшина выливалась в какое-то особое доверие к нему, находившее самые необычные, но очень уж показательные

формы проявления. На стыке 70-х и 80-х годов Лев Иванович работал заместителем начальника Управления футбола Спорткомитета СССР. Тогда был весьма развит эпистолярный жанр: велась активная переписка – не столько между людьми, как когда-то, в прошлой жизни, сколько между просителями, жалобщиками, добровольными советчиками, с одной стороны, и учреждениями, с другой. Самый популярный вид спорта, особенно в периоды осложнений, вызывал потоки писем в Управление футбола Спорткомитета и общественный орган – Федерацию футбола СССР, редакции газет и, конечно же, в ЦК КПСС. Футбольный аппарат был завален прошениями, в том числе и пересланными для ответа из высоких инстанций.

Согласно установлениям тех лет отвечать было обязательно, по существу и в определенные сроки. Отписка или неудовлетворенность искателей справедливости порождала повторные обращения и жалобы. Переписка с некоторыми любителями водить пером по бумаге грозила, казалось, бесконечностью. Но когда на бланке Управления или Федерации отвечал Яшин, даже профессиональные жалобщики прекращали почтовую бомбардировку. Подпись Яшина обычно ставила точку в переписке. И не один лишь авторитет имени тому объяснение, хотя и он тоже. Самые раздражительные и подозрительные отправители верили этому человеку. Как подметили коллеги, Лев Иванович сам не давал и не подписывал подготовленные подчиненными формальные ответы. Он с вниманием и терпением относился к соображениям болельщиков. Не считал их неодушевленной массой, относился без бытующего в профессиональной среде насмешливого пренебрежения. Говорил: «Людей распирают эмоции. Когда футбол не вызывает эмоций, вот это беда». За понимание люди платили той же монетой.

Яшин чувствовал, осязал народную поддержку. И свою сбивчивую речь на торжественных проводах в 100-тысячных Лужниках 27 мая 1971 года закончил не принятым тогда обязательным выражением благодарности партии и правительству, а всего двумя словами от чистого сердца: «Спасибо, народ!»

Знаменитому вратарю отдавали должное даже люди, чуравшиеся спорта или равнодушные к нему. Они понимали, что такое Яшин. Когда в мае 1964 года главный редактор «Франс футбол» Макс Юрбини приехал в Москву с «Золотым мячом», чтобы перед матчем на Кубок Европы СССР – Швеция вручить его победителю ежегодного конкурса лучших европейских футболистов, среди многочисленных интервью, которые гость здесь взял, расспросы он начал со своей переводчицы. 25-летняя

выпускница МГУ Регина Рубальская поставила Яшина в один ряд с живыми «достопримечательностями» страны:

– Шаляпин был артистом, певцом, и каждый раз, показывая гостям дом, в котором он родился, я испытываю волнение. Гагарин – это космос и открытие неведомого. Уланова – это танец, и я не перестаю ею восхищаться. Яшин – это футбол, который я не понимаю, но зато понимают, увлекаются им миллионы людей. Шаляпин, Гагарин, Уланова, Яшин – все они русские люди мирового значения.

Моя мать, ненавидевшая футбол, видно, ревнуя меня к нему, делала исключение только для Яшина – пришлось отпаивать ее успокоительным, как только грохнула весть о том, что Яшин остался без ноги. Не забыть и ответа на мой вопросительный взгляд пожилой, бедно одетой женщины, чье касательство к футболу и, стало быть, присутствие в скорбной мужской очереди к динамовскому административному корпусу для последнего прощания с Яшиным казалось необъяснимым:

– Какая я там болельщица! Видела-то его всего несколько раз по телевизору – все удивлялась, как он, бедняга, убивался в этих своих воротах, чтобы не огорчать страну. А как-то включила «ящик», смотрю – выступает, так за версту видно: хоть и фигура, а человек!

Благоволили к Яшину и верхи. Было бы чудно, если бы в стране, где власть контролировала почти все и вся, она упустила возможность извлечь пользу из феномена Яшина, козырять им по всякому поводу и без повода, благо его популярность не сопровождалась даже намеками на приступы звездного величия, а непоказная скромность, воспитанность и дисциплинированность укладывались в принятые нормы общественного поведения, как бы лицемерно ни толковали моральные ценности власть предержащие. Так не по своей воле и незаметно для себя Яшин превратился в живой экспонат выставки социалистических достижений – его стремление делать свое дело на совесть и достигнутые успехи подавались как результат социальной системы. Хотя в какой-то степени футбол был ее зеркальным отражением, поскольку считался делом государственной важности. Так что правительственные награды Яшина особенно не заставляли себя ждать, да какие – орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени. Под конец только вышла заминка с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

Хозяин воздуха. На снимке: фрагмент матча в Тбилиси между местным и московским «Динамо» 1 апреля 1956 года (1:1). Рядом с Л.Яшиным – Г.Федосов

Начал эту кампанию Николай Озеров. Он повидал на своем веку массу наших великих чемпионов, но никогда не скрывал, что вопреки спартаковской принадлежности своего сердца считал динамовца Яшина спортсменом № 1. Тот уже тяжело болел, а советская бюрократическая машина крутилась, как обычно, со скрипом, страшно медленно. И лишь за 13 дней до кончины, когда обессиленный Лев Иванович уже не выходил из дому, появился Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

Мой старинный университетский товарищ, а тогда, в самом

начале 90-х, призванный М.С.Горбачевым в Президентский совет академик Станислав Шаталин рассказывал позже, что присвоение Яшину звания Героя побудило его ходатайствовать перед президентом о такой же награде для футбольного патриарха Николая Петровича Старостина. Патрон согласился, но началась обычная канитель. И тогда академик, известный своими резкими пассажами, не постеснялся выговорить президенту: «Вы хотите, чтобы награда догнала человека после смерти или за неделю до нее, как бедного Яшина?»

Президент собирался сам вручить прославленному вратарю Золотую Звезду Героя. Во всяком случае, об этом намекнули семье. Чапаевский переулок и улица Георгиу-Дежа (сейчас 2-я Песчаная), на угол которых выходит дом, где обитал Яшин, были уставлены черными «Волгами» с мигалками и заполнены агентами спецслужб. Такие меры безопасности предусматривались только для первого лица. Но, сославшись на занятость, президент прислал Р.Н. Нишанова, председателя одной из палат парламента.

Когда на следующий день я узнал об этом, помню, не сдержался и грубо выругался. Сразу промелькнул перед глазами доставленный в Мадрид на финальный матч чемпионата мира-82 смертельно больной президент Италии Алессандро Пертини. Немощный 88-летний старичок плясал от радости, когда «скуадра адзурра» выиграла Золотой кубок. Теперь, когда пишу эти строки, вспоминаю и президента Франции Жака Ширака, натянувшего на себя футболку национальной сборной и распевавшего «Марсельезу» вместе с ликующим стадионом «Стад де Франс» в честь победы на мировом первенстве-98. Проплывают в памяти кинокадры, запечатлевшие горячие объятия президента Аргентины Карлоса Менема с Диего Марадоной.

Сочувствие Яшину после ампутации ноги выразила королева Нидерландов. А свой президент не нашел получаса, чтобы поддержать его в еще более тяжком положении, пусть даже вручение Звезды

Героя первому среди спортсменов не могло его утешить. «Зачем мне эта звезда, Гена, я же умираю…» – этот шепот, сам неузнаваемый вид Льва Ивановича заставил находившегося рядом Геннадия Хазанова сильно напрячься, чтобы сдержать готовые хлынуть слезы.

Нервное и безрезультатное ожидание президента и последовавшая затем процедура награждения даже при добродушной размягченности явно вошедшего в положение Нишанова, вероятно, лишь усилили стресс и, не исключено, приблизили смертный час Героя. И через много лет не может

скрыть оскорбленных чувств, обиды за друга обычно невозмутимый и корректный Никита Павлович Симонян: «В какой еще стране мог так поступить глава государства?»

В той самой стране, где через пять лет после кончины величайшего из вратарей мирового футбола в его квартире объявился гонец из Музея спорта, куда, как положено, были сданы Золотая Звезда и прилагаемый к ней с присвоением звания Героя орден Ленина. Гонец объявил, что теперь эти награды не представляют собой музейной ценности и вернул вдове. Обидело ли это ее? Нет, скорее покоробило: «Разве плевки в собственное прошлое способны осчастливить страну?» А что награды Яшина нежданно-негаданно вернулись домой, так Валентина Тимофеевна даже обрадовалась: уж она-то с дочерьми их точно сохранит.

Покушение на правду

Прежняя власть, расщедрившаяся на высшие награды первому футболисту страны, давно уже не в почете, а вместе с ней усердные «искатели правды» пометили черной меткой многих из тех, кто был ею обласкан. Попервоначалу накинулись даже на таких корифеев, как лучший мелодист советской песни Исаак Дунаевский и могучий актер Михаил Ульянов. Стали цеплять и Льва Яшина. При этом «полемисты-вольнодумцы» не желали отдавать себе отчет, что фабрикация искусственных героев вроде некоторых стахановцев, которым создавались особые условия труда, или административных шишек союзного (Л.И. Брежнев) и локального масштаба (писательский патрон Г.М. Марков), равно как отказ в официальном признании, а то и преследование Эрнста Неизвестного, Владимира Высоцкого или Альфреда Шнитке никак не означает отсутствия реальных заслуг перед страной многих людей, отмеченных наградами, премиями, званиями.

Разве высокие государственные отличия Константина Симонова, Александра Твардовского, Роберта Рождественского, Тихона Хренникова, Георгия Товстоногова, Олега Ефремова, Алексея Баталова, а в спорте – Михаила Ботвинника, Лидии Скобликовой, Ирины Родниной, Льва Яшина не совпадало с народным признанием, не отражало общественных предпочтений? И не подобным ли образом поступают западные демократии, прославляя деятелей искусства и спорта знаками государственного внимания типа орденов Британской империи и Почетного легиона? Но в той же Британии никому не втемяшется в голову на этом или подобном основании взять под подозрение сэра Бобби Чарльтона и попрекать его недавно скончавшимся Джорджем Бестом – безусловным талантом со скандальной репутацией.

Лев Яшин не дал ни малейшего повода, ни даже зацепки для пересмотра общественных оценок, а тем более для издевок («партийный вратарь»). Но, видно, глубоко права была Наталья Гундарева, как-то сказавшая, что «нет талантливых людей, которые не имели бы недоброжелателей». И такие вот недобросовестные интерпретаторы живой, еще пульсирующей футбольной истории, не забывая дежурно расшаркиваться перед Яшиным (иначе вовсе откажутся понимать), сыплют упреками, развенчивают за «партийное обожание», пытаются умалять достижения. Особенно обидно, что среди них встречаются свои же коллеги – вратари, списывающие собственную мифическую недооцененность на чрезмерные симпатии к Яшину сверху, а не

на очевидный проигрыш ему в классе игры.

Затеял в 90-х годах эту мышиную возню ради запоздалой и оголтелой саморекламы Владимир Маслаченко, снедаемый желанием называться конкурентом, а не всего лишь дублером Яшина и эту свою претензию не постенявшийся озвучить. Безнадежного претендента на такую честь вовсе не смущает, что из 12 лет их параллельного пребывания в большом футболе он лишь один-два года пытался составить конкуренцию основному вратарю сборной страны, да и то, когда Яшин испытывал проблемы со здоровьем. Целые пять сезонов полировал скамейку запасных сборной, да так и не сумел его вытеснить. Вот почему иначе как дублером Яшина, увы, не воспринимается. Правда, потянул за собой еще одного охотника выбраться из-за его широкой спины.

Честно говоря, я был немного удивлен, что примкнул к тезису о катапультировании «одного из равных» другой его дублер – Борис Разинский. Вхожий в дом Яшина, подававший себя его другом, обычно находивший для Льва Ивановича только теплые слова, да и в этом прискорбном случае сказавший их немало, он тем не менее подхватил ложную версию о равноценности группы сильных советских вратарей, из которых то влиятельные силы искусственно выпячивали, то обстоятельства выделяли лишь одного счастливца.

«Он был и остается нашим лидером, правофланговым в длинном строю стражей футбольных ворот», – писал Разинский в автобиографической книжке «Футбол и судьба» (1996). В интервью еженедельнику «Футбол» (2003) заявил: «Я горд и счастлив, что близко знал великого Яшина, дружил с ним многие годы. Не припомню, чтобы Лев сыграл плохо. Я даже иногда по-доброму завидовал ему, его стабильности, надежности». Заметим про себя, что время, когда все это произносилось, уже не нуждалось в перехлестах, таких, как якобы выпавшие из памяти случаи действительно плохой игры Яшина.

И вдруг чуть позже, в том же 2003 году, в пространной беседе с корреспондентом «Футбольной правды» (обстоятельного, острого аналитического журнала, просуществовавшего, увы, всего два года) Борис Давидович несколько меняет ориентиры и тональность. На вопрос, был ли Яшин стабильнее остальных, отвечает: «Я бы не сказал. Просто эпоха была такая, ей требовались герои». Вот видите, вопреки фактам и прежним высказываниям отрицается уже и общепризнанное преимущество вратаря № 1 в стабильности, плюс к этому дается понять, что Яшин был назначен героем, а не стал им, как произошло в реальности, заслужив почет и уважение трудами праведными.

Однако же футбол, вершимый на виду у всех, не позволяет произвольно отбрасывать неугодных и назначать героями любимцев богов: в конечном счете игра все расставляет по своим местам. И разве не остается признать, что боги – даже неважно, «большие люди» или тренеры – сделали единственно верный выбор, убедительно подтвержденный что неизгладимыми впечатлениями, что объективными результатами, которые оставил Яшин. Отважусь на аналогию с решением выдвинуть космонавтом № 1 Юрия Гагарина. Только кажется, что СП. Королев угадал с кандидатурой. Нет, его предпочтение было глубоко продумано и обосновано – учитывались, почти в точности как в футболе с «назначением» Яшина, и лучшая готовность, и профессиональные свойства, и человеческие…

Продолжая высочайшим образом оценивать человеческие качества Яшина («это даже не обсуждается, прекраснейший был человек, просто великий»), вратарское его величие Разинский позже предпочел заменить более чем сдержанной оценкой: «Как профессионал, как мастер своего дела, он был вратарь высокого класса. Но вратарей такого класса в то время было несколько…» То есть уже не «лидер, правофланговый в длинном строю», которому автор «по-доброму завидует»…

Какой же из оценок верить? Я вовсе не ловлю Разинского на слове – каждый вправе менять позицию. Я пытаюсь лишь понять, почему кульбит на 180 градусов совершен в данном случае. И не нахожу иного ответа, кроме того, что и приличный человек может оказаться слаб. Допускаю, что Разинский, вероятно, даже подсознательно, поддался искушению выйти из тени Яшина, предоставленному массированной кампанией, которую развернул Маслаченко по пересмотру вратарских рейтингов и оценок. Не исключаю, что клюнул еще и на его персональные комплименты в собственный адрес, ощутил свой больший калибр, успокоил мирно дремавшее самолюбие. Поэтому на просьбу «Футбольной правды» прокомментировать вызывающую реплику Маслаченко «я не играл в эпоху Яшина – я играл в свою эпоху» Разинский уклонился от прямого ответа.

Между тем Владимир Маслаченко развил нешуточную активность в своем запоздалом возвышении. Учитывая склонность публики к острой пище в «смях», как забавно покарежил несклоняемую аббревиатуру известный журналист Андрей Черкизов, эти самые СМИ периодически кормят ее откровениями Маслаченко, потешая весь честной народ («Спорт-экспресс» – 1994, 1995, «Московский комсомолец», «Известия» – 2003, «Отечественный футбол» – 2006), а то и потешаясь, даже насмехаясь («Огонек» – 2002) над маниакальным стремлением,

коли не получилось в реальности, взгромоздиться на вратарский пьедестал истории.

Всю обойму прозвучавших там небылиц, соединенных с былями для верности запудривания мозгов, разом выстреливает книга Вадима Лейбовского (2006), вышедшая к 70-летию Маслаченко. Сам этот журналист с футболом профессионально не дружит и соответствующими знаниями не обладает, так что не рискую ошибиться в ощущении, что выступает всего-навсего ретранслятором завихрений своего «доверителя» без какого бы ни было их критического осмысления. Не скажу фиктивный, правильнее – номинальный автор выведен на переплете настолько микроскопическими буквами, что истинного сразу же выдает название, рассчитанное на дешевый эффект, – «Владимир Маслаченко: Пеле повезло, что он не играл против меня». Сейчас в продаже масса фальсифицированных продуктов, это один из них (по крайней мере в подаче Яшина), густо замешанный на фактологических и оценочных искажениях, которые порой переходят всякие границы. Фальсификат и призван превознести до небес соавтора и героя книги в одном лице, прямо по Окуджаве «присвоить ему званье короля». А для этого требуется ни много ни мало сместить с трона, в крайнем случае потеснить на нем законного владельца короны.

Маслаченко никак не может смириться тем, что Яшин выделялся на фоне даже персонального богатства всей советской вратарской школы. Чтобы протащить идею равновеликости с колоссом, он, так и быть, готов взять себе в компанию еще несколько коллег. «В то время у нас в стране было не меньше трех-четырех вратарей уровня Яшина… И я в том числе» – это из «Огонька». «Лев Иванович, конечно, классный вратарь», – снисходит Маслаченко уже на страницах «МК». И продолжает: «Но в то время были в нашем футболе и другие классные вратари – Котрикадзе, Макаров, Беляев, Разинский, Маслаченко». В «Спорт-экспрессе», проводя ту же мысль, называет еще Банникова, Кавазашвили, Рудакова, не очень, правда, жалуя последнего.

Случайно ли Владимир Никитович бросил фразу, что при всей своей стабильности и титулованности Евгений Рудаков не слишком запомнился? Киевский вратарь – один из немногих, кто в какой-то степени унаследовал от Яшина изысканную простоту действий, когда, по выражению Эдуарда Стрельцова, вратарь не задирает ноги, если мяч рядом. Так что оценка, которой удостоен Рудаков, вполне могла быть вольно или невольно перенесена на него с ревнивого, необъективного взгляда на Яшина.

Коли уж вся перечисленная Маслаченко обойма или по крайней мере, как он высчитал, три-четыре вратаря

действительно достигли уровня Яшина, спрашивается, почему же ни один из них ни в одном опросе специалистов не получил ни одного голоса при избрании символических сборных страны или лучших игроков за 50, 70, 100 лет отечественного футбола. Неужели «выборщики» – авторитетные старейшины футбольного и журналисткою корпусов – отказали достойным претендентам под давлением «обожателей» Яшина из прежних верхов? Смешно даже предположить, что Б. Аркадьев, Н. и Ан. Старостины, М. Товаровский, М. Сушков, М. Якушин, Г. Качалин, Ю. Ваньят, М. Мержанов и многие другие уважаемые люди футбола могли испытывать какой-то нажим, оглядывались на чей-то указующий перст в этом своем выборе. Между тем некоторые современные публикации создают впечатление, что контроль власти распространялся абсолютно на все закоулки бытия, однако властители были не настолько безмозглыми, чтобы опускаться до всякой малости.

Я сам организовал выборы «сборной 50-летия» и десятки лучших футболистов СССР для публикации в справочниках-календарях 1967 и 1987 годов. Так вот, многие участники, перебирая звучные имена, на моих глазах вписывали с ходу, не раздумывая, только два-три – Льва Яшина, Григория Федотова, Всеволода Боброва. Если и находились у Яшина конкуренты, то никак не игравшие рядом коллеги, а предшественники – Николай Соколов и Владислав Жмельков, да и то отнявшие у него во всех выборных кампаниях суммарно лишь несколько голосов.

Разумеется, составление всевозможных рейтингов – это всего лишь род футбольной забавы, дополняющий интерес к чарующей игре. Но и весьма показательный, поскольку позволяет уточнить общественные оценки, приводя к единому знаменателю разные мнения. Однако в устроенных за полвека опросах не то что разных, даже двух мнений среди десятков экспертов не обнаруживается: в 50—60-е годы, когда выступал Яшин, он был среди своих собратьев вне всякой конкуренции! И уже только поэтому усилия Маслаченко с примкнувшим к нему Разинским доказать обратное совершенно напрасны. Но многообразные попытки взбудоражить, завести через СМИ сегодняшнюю общественность, не ведающую о твердом вердикте футбольной истории, требуют рассмотрения по существу.

Все те, кто играл параллельно с Яшиным и пришел ему на смену, были и в самом деле хорошие, некоторые – даже очень хорошие вратари. Но все же до яшинской выси им было далеко, скажем так, и статистически, и стилистически. В спортивном отношении им еще изредка удавалось приближаться к яшинской планке или даже дотягиваться до нее, как тому же Маслаченко в

1961–1962 годах. Но всего на два-три, от силы четыре-пять сезонов, в то время как за плечами Яшина свыше трех таких пятилеток более или менее устойчивой, с незначительными перепадами игры высокого качества и, как следствие, столь же длительного пребывания в сборной. Вплоть до 40-летнего возраста! За это время сменилось несколько поколений вратарей, а Яшин все блистал.

Неужели стабильность, измеряемую длинной чередой лет, могли затмить в сознании Разинского всего лишь «моменты, когда Яшин был явно не в форме», свойственные, как знает даже полный дилетант, любому, в том числе самому выдающемуся спортсмену? Впрочем, такие вопросы следует адресовать скорее Маслаченко, поскольку в обескураживающих высказываниях Разинского, подкрепляя мою догадку, улавливается не только маслаченковская «идея фикс» – даже его лексика.

Но уж если закоперщик сомнительной кампании взялся принижать Яшина, разве проймешь его другими, сущностными аргументами яшинского превосходства? Таким, например, как способность особенно сильно проводить самые ответственные и престижные матчи. Чрезвычайную мобилизованность на главные игры, многократно подтвержденную в крупных соревнованиях и не данную никому из коллег, слабо побить даже основному козырю Маслаченко, каким он избрал «провал» Яшина на мировом чемпионате 1962 года – исключение, только подтверждающее правило, да и то исключение сомнительное, провал сам по себе спорный, ждущий в следующих главах более обстоятельного разбора.

Наконец, уже совершенно неоспоримый, можно сказать, содержательный, предметный довод недосягаемости Яшина – вратарский универсализм, только в нем совместивший обученность и новаторство, интуицию и расчет, искусство игры внизу и наверху, на линии ворот и на выходах, сэйвов и перехватов, неразрывность прямых вратарских обязанностей и организации игры в поле. Соответствие выбора каждого из практикуемых приемов игровой необходимости покоилось на органическом чувстве меры, не доступном, к сожалению, для многих хороших вратарей.

Но разве это понять, точнее сказать – принять Владимиру Маслаченко с его немереными амбициями? И чего только не наплетешь, чтобы реанимировать свою вратарскую значимость! Владимир Никитович не гнушается использовать даже муниципальную газету «Сокол», обратившуюся (2004) за интервью к знатному жителю престижного района Москвы. Не успел корреспондент закончить свой вопрос «Вы, как известно,

входите в знаменитый Клуб Яшина…», как последовала раздраженная отповедь: «А может, в Клуб Маслаченко? Еще не известно, кто первым сыграл «всухую» 100 матчей…»

Как раз-таки известно – неоднократно посчитано и пересчитано статистиками, которые и предложили в 1980 году учредить такой Клуб, присвоив ему имя вратаря, первым сыгравшего «на ноль» 100 официальных матчей (всего их у Яшина 207, его за прошедшие годы обошел, сыграв и зачетных встреч почти на сотню больше, Ринат Дасаев – 235). Не надо быть специалистом по высшей математике, дабы установить, что Яшин провел сотый матч без пропущенных мячей в 1962 году, а Маслаченко – в 1966-м.

Однако поселившийся в человеке комплекс сверхполноценности (противоположность более известного комплекса неполноценности), проще говоря, переоценка своих способностей и достижений, находящая выражение в неутоленной жажде признания и внимания к себе, отметает даже беспристрастную цифирь: желаю быть первым, и все тут! Возжелал затмить Яшина даже в его «коронном номере» – игре на выходах, стать и пионером отражения ударов по воротам ногами, и автором такого ценного вратарского приема, как адресный выброс мяча рукой с размаха, пытаясь росчерком пера среди бела дня отнять патент на это изобретение у Яшина.

Но чего там мелочиться с каким-то введением мяча в игру! Вот и оказывается, что «новый тотальный футбол» придумал не Валерий Васильевич Лобановский, а лично Владимир Никитович Маслаченко за годы работы… в Республике Чад, откуда и доставил эту идею Лобановскому а тот взял ее да испохабил. Оказывается, это он, Маслаченко, в 1965 году добился возвращения в «Спартак» отправленного было в отставку с поста начальника команды Н.П. Старостина. Оказывается, именно ему, Маслаченко, принадлежало тогда же решающее слово в высоком разрешении отбывшему срок Эдуарду Стрельцову вновь выйти на поле. Разве не похоже на самопровозглашение прямо-таки футбольным мессией?

Однако все эти воздушные шары, раздутые настолько, что лопаются от смеха, не так безобидны, как кажется. Запущенные в популярных и многотиражных изданиях, они могут быть приняты непросвещенной футбольной публикой за истину: в футболе-то Маслаченко дока, его телерепортажи при всей словесной шелухе ценны квалифицированным разбором игровых эпизодов. Так почему не поверить историческим разборкам во вратарском кругу, затеянным на самом деле для того, чтобы внушить свою соизмеримость с Яшиным, а если блеф сойдет с рук, то и

превосходство над ним?

Но все эти инсинуации не более чем редчайшие сорняки среди отзывов о Яшине в футбольной, вообще спортивной среде, никогда не питавшей сомнений в профессиональной и гражданской уникальности Яшина, которого суровый, не склонный к лишним сантиментам «мистер хоккей» Анатолий Тарасов не зря назвал «неповторимым человечищем». Это обязывающее слово, которое прежде мы привыкли благоговейно ставить только рядом с одним именем – Льва Толстого, еще дважды встречалось мне в соседстве с другим Львом – оно вынесено из общения с Яшиным начисто лишенным пафоса партнером по сборной страны Виктором Шустиковым и известной баскетболисткой Галиной Ворониной.

Особенно ценно, что Лев Яшин воспарил высоко над всеми в самых квалифицированных откликах, принадлежащих его маститым предшественникам и соратникам по вратарскому цеху. Единодушие в признании безусловного лидерского статуса Яшина, царившее, как мы уже знаем, в зарубежных вратарских кругах, разделяли в подавляющем большинстве лучшие наши голкиперы начиная с патриарха Николая Евграфовича Соколова.

Анатолий Акимов, Алексей Хомич, Виктор Набутов, Алексей Леонтьев, Владимир Беляев, Анзор Кавазашвили, Виктор Банников, Юрий Пшеничников, Юрий Дегтярев, Владимир Пильгуй и многие другие не позволяли себе заразиться жалкой и мелкой завистью к титану. Им и в голову не приходило доказывать свою равнозначность с Яшиным, как это в агрессивной манере непризнанного гения делает Маслаченко. Не останавливаясь, кстати, перед абсурдом отказа в самостоятельности решений тренерам сборной, якобы поддававшимся в выборе состава чиновничьему «обожанию» Яшина и тем самым перекрывавшим трассу другим голкиперам.

Эта впариваемая нам мысль никак не согласуется с фактами привлечения к играм сборной 50—60-х годов еще 12 вратарей. Из них пятеро (Олег Макаров, Валентин Ивакин, Владимир Лисицын, Рамаз Урушадзе, Юрий Дегтярев) проходили разовые проверки, трое (Борис Разинский, Владимир Беляев, Владимир Маслаченко) выставлялись по нескольку раз, а остальная четверка (Виктор Банников, Анзор Кавазашвили, Юрий Пшеничников, Евгений Рудаков), правда, уже на излете яшинской карьеры, выступала достаточно регулярно (у Кавазашвили набралось 29 игр). Но все семь тренеров сборной («стационарные» Гавриил Качалин, Константин Бесков, Николай Морозов, Михаил Якушин и «калифы на матч» Василий Соколов, Георгий Глазков, Никита Симонян) в конечном и суммарном счете предпочитали Яшина в

силу несравненной профессиональной надежности и не знавшего конкуренции морального веса в команде.

Посудите сами, неужели всех этих маститых тренеров можно было принять за пешки в руках каких-то манипуляторов? Да и разве были тренеры враги сами себе, дабы под чьим-то мифическим воздействием, рискуя интересами дела и своей репутацией, выбирать неподходящего кандидата на решающую позицию в команде? Неужели одна только магия имени (а она действительно существовала) могла так бесконечно долго удерживать Яшина основным вратарем сборной, да еще при веренице совершенно несхожих тренеров? В течение 14(!) лет он заступал на пост № 1 в официальных (регистрируемых ФИФА) играх сборной СССР, проведя почти столько же матчей, сколько остальная дюжина, вместе взятая.

А мог ведь запросто довести стаж «сборника» до 17 лет, если бы сам не отверг предложение тренерского штаба сыграть на чемпионате мира 1970 года в Мехико, куда прибыл запасным. Г.Д. Качалин хотел выпустить его на матч с Сальвадором. Но Яшин считал, что основной вратарь Анзор Кавазашвили должен держать тонус и его незачем лишать игровой практики перед решающей встречей в группе и последующими играми. Кто бы еще отказался засветиться в играх четвертого подряд мирового первенства! Но для Яшина ритуальный выход на поле ничего не значил, если могли пострадать интересы национальной команды.

И вот младший товарищ, которого старший тянет в сборную, отстаивает перед тренерами Гавриилом Качалиным и Николаем Морозовым (Константин Бесков о Маслаченко и слышать не хотел), готовый уступить свое собственное законное место, в качестве благодарности за великодушие через много лет объявляет, что «из Яшина сделали легенду». В каком бы контексте ни прозвучало это «открытие» Маслаченко, оно вдвойне отвратительно – в этическом и профессиональном ракурсе. Кто как не футбольный и телевизионный волк должен понимать, что в этой обнажающе правдивой игре искусственно возвысить кого бы то ни было невозможно, ибо футбол творится на глазах десятков тысяч зрителей, а с наступлением как раз в это время телевизионной эры – и миллионов телезрителей, их не обманешь и любимцев не навяжешь.

Да и если бы это удалось, проникновение легенды по имени Яшин на буржуйский Запад (а в ином представлении даже рождение ее там) трактовать можно не иначе как выполнение почетного заказа КПСС или тайную акцию КГБ! Причем с участием завербованных арбитров, которые, оказывается, и с поля Яшина не удаляли, когда он заслуживал! А может, наоборот, это

была, как тогда выражались, диверсия империализма? Иноземная-то пресса вместе с «враждебным» ТВ преподносили Яшина порой более объемно и красочно, чем любившие жевать жвачку родные СМИ.

На партийно-государственном «обожании» Яшина беспрерывно педалирует и футбольный литератор Александр Нилин. Если ему претит россыпь правительственных наград, то почему в черный список «обожаемых» не включает Николая Старостина, Всеволода Боброва, Игоря Нетто, Константина Бескова? А может, раздражает, что Яшин то и дело приглашался на трибуну для выступлений и в президиумы собраний, был «облизан» прессой? Но и здесь вратарь в приятном обществе – с Борисом Лагутиным, Валерием Борзовым, Людмилой Турищевой, Лидией Скобликовой, Ириной Родниной, Владиславом Третьяком.

Иные из названных в самом деле вольно или невольно чуть погрелись у подножия власти, однако их официальное, а то и номенклатурное положение в комсомоле и профсоюзах в упрек не ставится. И правильно, потому что эта мелкая и ничтожная подробность чемпионских биографий никак не умаляет немеркнущую грандиозность и незыблемость спортивных достижений. Яшину же, и не помышлявшему приклеиваться к власти, лепится ярлык то «идеологического спортсмена», то «номенклатурного футболиста». Ему, по-видимому, не прощается, что власть сама к нему приклеилась, вовсю используя в целях еще одного доказательства советской эффективности. Без вины виноватый Яшин давал для этого повод главным образом тем, что отменно делал свое дело, пахал побольше других. И за это надо вдогонку пускать ядовитые стрелы подковырок и прямых оскорблений?

Спортивные и человеческие достоинства Яшина были настолько очевидны, так бросались в глаза, что его современники вполне созрели для верных оценок и без всяких манипуляций их сознанием, каких-то идеологических внушений. Существует даже мнение, что Яшину недодано советской пропагандой, что он заслуживал гораздо большего. Никита Симонян, к примеру, считает, что его никогда и не раскручивали до уровня национального героя, а «это было бы справедливо».

В противовес изображению Яшина «идеологическим спортсменом» приведу и высказывание, принадлежащее Алексею Симонову. Не потому что он сын знаменитого поэта и руководит Фондом защиты гласности, а потому, что слов на ветер не бросает и безусловный авторитет в среде гуманитарной интеллигенции. Вот веское слово Симонова: «Я считал Яшина идолом. В жизни и по образу мышления я вообще против идолов. Но не против

Яшина, ибо Лев был «идол» особый, ненавязчивый и ненавязанный, не идеологический, не колосс на глиняных ногах, не пропагандистский фетиш, а образ (пусть и несколько «идол») открытости (насколько это было возможно), товарищества, силы, решительности. С таким «идолом» я готов был мириться».

Отдается ли отчет, что совершенно произвольное отнесение к «номенклатурщикам» задевает не только Яшина, но косвенно цепляет многих других людей, чьи реальные заслуги и людское уважение не отменяются благоволением власти? И что же есть на самом деле номенклатура? В номинальном, словарном смысле слова она означает должностных лиц, которые назначаются или утверждаются вышестоящим органом административной системы. В переносном смысле это ограниченный круг привилегированных избранников власти. Но к Яшину это не имеет никакого отношения даже в уничижительно-ироническом значении, приданнном выражению «номенклатурный футболист».

Какие там были у него привилегии! Материально-бытовые условия (зарплата, квартира, автомашина вне очереди) – как у других элитных футболистов, включая «необожаемых», и с номенклатурными привилегиями они не шли ни в какое сравнение (к особой поликлинике приклеплен не был, «авоську» с набором дефицитных продуктов не получал). В коридоры власти Яшин вхож не был, да и не звали.

По роду работы мне приходилось общаться с некоторыми номенклатурными деятелями. Люди они были разные, встречались и очень приличные, но даже на челе обычно вежливых и обходительных «номенклатурщиков», пришедших в 60—80-е годы на смену грубым и неотесанным, чаще всего лежала печать самодовольства, с трудом скрываемого превосходства над нами, плебеями. Яшин и по этому верному признаку не подходит к их роду. Невольную поддержку такое наблюдение получило от самого инициатора яшинского причисления к номенклатуре. В документальном фильме «Лев Яшин: легенды и были» (1999) Александр Нилин вполне достоверно рисует портрет вратаря: «На выразительном лице человека честного, тяжелого труда читались усталость, страдание, но только не превосходство». Если бы оно отягощало вратаря, партнеры никогда не признавали бы его в доску своим, душевно близким. Если бы Яшин был «номенклатурен», это быстро усекла бы и заграница, которая мало того что не отвергала его, но привечала побольше, чем советские «благодетели».

Государственная лояльность ничуть не избавила Яшина от чиновничьих отлупов, черствости, равнодушия, а бывало –

прямых измывательств. Так уж было заведено: одной рукой власть осыпала наградами, а другой третировала, устраивала всякие пакости – крупные и мелкие. Как и многим другим лучшим людям страны. Некоторых попросту травила, как, например, лауреата шести Сталинских премий композитора Сергея Прокофьева. У музыкальных критиков, однако, хватает ума не акцентировать внимание даже на том, что тот пресмыкался перед властью. Потому что был гений, загнанный в угол. Но Яшин-то не пресмыкался – и условия со сталинских времен изменились, и характер был не тот: говорил напрямоту В постфутбольные годы, вращаясь в спортивно-бюрократических кругах и поднаторев, – более взвешенно (хотя Михаил

Якушин считал, что никаким не был дипломатом), но все равно резал правду. Злопамятные функционеры этого не прощали, да и просто куражились, показывая, кто хозяева положения – они, чинуши, или ходившие под их пятой всеобщие «любимчики». И несмотря на это, Яшин схлопотал от отдельных футбольных критиков.

«Кто нами руководит?» – не однажды и не только своими неприятностями возбуждался Яшин. Иной раз на людях принимался так костерить родимую бюрократию, что близкие друзья опасались вызова куда следует и расправы за антисоветчину, но доносчики вокруг него не водились. Пренебрежение к людям, унижение человеческого достоинства, которое время от времени познавал на своей шкуре и других судьбах, тех же инвалидов-афганцев, оказавшихся соседями по больничной палате, доставляли ему невыносимую душевную боль. А как защищал несправедливо обиженных, в том числе братьев-футболистов! Все бы были такими «номенклатурщиками»…

Заделавшись чуть ли не штатным биографом Валерия Воронина и Эдуарда Стрельцова, Нилин считает нужным возвышать эти и без того значительные фигуры почему-то за счет Льва Яшина. Противопоставлять крупные личности – самое последнее дело. Никто ведь из серьезных людей не стал бы укорять Станиславского Мейерхольдом, Толстого – Достоевским, Ботвинника – Каспаровым и наоборот. Все они насколько великие, настолько же и разные. А Яшина почему-то надо стравливать то со Стрельцовым, то с Ворониным, даже с Владиславом Третьяком.

Что удивительно, нелепость противопоставления крупных фигур сознает… сам Нилин. Разбирая соперничество замечательной пары тренеров Бориса Аркадьева и Михаила Якушина, он пишет в книге «XX век. Спорт» (2005): «Сравнивать

тренеров-соперников, даже абстрагируясь от результатов, нелепо. Не сравнивают же серьезные читатели Льва Толстого с Достоевским. Одним один близок, другим – другой». А вот футбольных великанов, замечает в другом месте, в новые времена сталкивают лбами, и на этом неблагодарном поприще прежние власти получили достойную смену в лице тех самых «полемистов-вольнодумцев».

В фильме «Вижу поле» (1991) закадровый голос знакомого автора даже сожалеет, что «старались отдалить друг от друга двух великих футболистов, одного официально признанного, другого пребывавшего в неофициальной опале, но они глубоко уважали друга друга». Яшин со Стрельцовым действительно испытывали друг к другу симпатии и профессиональное уважение. На практике оно выливалось в тщательное продумывание и особую подготовку к взаимному противостоянию на поле.

Знаменитый стрельцовский пас пяткой, давно уже ставший достоянием любого мало-мальски приличного игрока, по его собственному признанию, был введен в обиход благодаря Яшину. Получился он первый раз спонтанно, когда таранный центрфорвард «Торпедо» таким непривычным тогда способом неожиданно отбросил мяч назад под удар Валентину Иванову, и им наконец удалось обхитрить непробиваемого Яшина. Стрельцов, на радостях обнимая партнера, тогда даже воскликнул: «Вот как только можно Леве забивать!»

Я бы осмелился сказать даже, что Стрельцов относился к Яшину трепетно, не скрывая тяги к завидной личности, по-человечески и по-спортивному привлекавшей тем, что самому ему не было отпущено собственным характером. Неоднократно признавался в преклонении перед Яшиным и Воронин. Случилось даже – в разговоре со мной, хотя были еле знакомы.

Я наткнулся на Валерия в стокгольмском супермаркете за день до игры на Кубок Европы Швеция – СССР. Это был май 1964 года. Помню, он был ограничен во времени и попросил найти в необъятном магазине отдел, где продавались «болоньи» (вошедшие в моду плащи из водоотталкивающей синтетики) – хотел купить для матери. В беготне по этажам я успел среди прочего спросить, не намерен ли Воронин больше внимания уделять защите – что-то пробубнил ему о беспокойстве за тылы. «Но там же Яшин!» – обнажил свои идеальные зубы писаный красавец, удивляясь моей непонятливости.

В том же, 1964 году, вернувшись из Копенгагена, где вместе с Яшиным играл за сборную Европы против сборной Скандинавии (4:2), в редакции «Футбола» расточал в моем присутствии своему напарнику по поездке щедрые комплименты за «немыслимые

мячи», которые тот взял. Не забывал и товарищескую поддержку совсем уж необычного рода, которую получил от Льва, когда в 1969 году после автокатастрофы и тяжелой операции вновь появился в матче «Динамо» – «Торпедо». В тоннеле перед выходом на поле, когда Яшин увидел изуродованное, неузнаваемое лицо и жалкий, растерянный взгляд бывшего партнера по сборной, сочувствие так обожгло его, что, наверное, первый и последний раз человеческие эмоции подмяли под себя спортивную принципиальность, и динамовский ас произнес:

– Валера, один от тебя пропущу, но больше никак не могу…

Не знаю, был ли Яшин способен пропустить мяч сознательно, но его человеческий порыв мог проникнуть в подкорку, а с другой стороны, штрафной удар Воронина представлялся достаточно сложным для вратаря. Так или иначе, обещание Яшина оказалось выполненным, хотя гол поставил динамовцев в положение проигрывающих – 0:1, правда, конечный результат все же оказался в их пользу – 4:2. Сдается мне, что и в загубленном, испитом состоянии души этого несчастного человека хранила пожизненную благодарность Яшину.

«На вратарском посту кроссы и рывки, может, и не нужны были в таких объемах, как полевым игрокам, но Яшин считал полезным вариться в общей каше…». На снимке: круги вокруг поля наматывают (слева направо) В.Воронин, Л.Яшин, Г.Хусаинов, И.Численко. 1964 г.

Однако дружески-уважительное, а то и почтительное отношение Воронина и Стрельцова к своему спортивному оппоненту – их «душеприказчику» не указ. Оплакивая крокодиловыми слезами попытки отдаления гигантов друг от друга, тот в своих сочинениях сам усердно разводит по разным углам «народного» Стрельцова с «официозным» Яшиным. Да еще как: «Возвращение Стрельцова в 60-е годы не могло не отодвинуть Яшина в болельщицком признании. Официоз Яшину только мешал, а «недодача» властей продолжению славы Эдуарда только способствовала». И еще: «Стрельцов вернул футболу аншлаги».

Вспоминаю сам, опрашиваю других очевидцев футбольных событий 40-летней давности и не нахожу ни малейшего подтверждения, что возвращение Стрельцова отодвинуло Яшина в болельщицком признании. Я тогда много общался с болельщиками – и «стихийными» и организованными (в том же лужниковском Клубе любителей футбола). Да и в компаниях, где сиживал – дома у себя либо приятелей, в Домах ли журналиста, актера (ВТО), литераторов, архитекторов, – о дележке славы между Яшиным и Стрельцовым, о каком-то перераспределении лавров, хоть убейте, слышать ни от кого не приходилось. Ни от недавнего «безродного космополита» писателя Александра Борщаговского или уморительного поэта-сатирика Владлена Бахнова, ни от какого-нибудь Васи Пупкина. Слава футбольных колоссов, заслуженная каждым в отдельности, могла словно канат перетягиваться от одного к другому лишь в горячечном восприятии мелкой фронды, изощрявшейся в своем нигилизме как только могла.

Населению стадионов, в отличие от приблудных завсегдатаев ресторана ВТО из соседнего АПН (Агентство печати «Новости»), был по барабану «официоз» Яшина, да еще присочиненный. Стадионные массы больше заводились от досадных голов и поражений, приписанных знаменитому вратарю. Но ведь по первое число доставалось и Стрельцову, не раз и не два с той же степенью справедливости обвиненному в простоях и безделье на поле.

В футболе как от великого до смешного один шаг, так и от смешного до великого. Разве же секрет, что после чилийского казуса популярность Яшина, якобы отодвинутого Стрельцовым в болельщицком признании, взмыла вверх. Она достигла пика в 1963–1964 годах и оставалась в этих высоких далях в 1965—1967-м, то есть параллельно второму явлению центрфорварда. Возвращение Стрельцова, которое и впрямь можно назвать

триумфальным, не спорю с Нилиным, вызвало зрительский ажиотаж. Но аншлаги он не вернул, потому что они и не исчезали. Можно легко доказать документально, что Лужники и другие стадионы многократно собирали полные трибуны как до этого возвращения, так и после него, в матчах и без участия Стрельцова.

Другим героем своего романа тот же автор старается ужалить Яшина не менее больно. В книжке «Валерий Воронин. Преждевременная звезда» (2000) замечает: «Существует в околоспортивных кругах крайне некорректная манера противопоставлять Валентина Иванова Стрельцову и Воронину. Выдавать его за эдакого благополучного хитреца, который устроился в жизни лучше этих стихийных натур». Такие «хитрецы» на самом-то деле не устроились в жизни лучше, а построили жизнь лучше – одни не поддались человеческим слабостям, другие были не слишком отягощены ими, не слывя при этом ни профессиональными фанатиками, ни монахами, чуждыми мирских удовольствий. Но почему-то тремя страницами дальше автор повествования позволяет себе не то что отвергнутую им же некорректную, а презрительную манеру противопоставления Воронина – только не Иванову, а другому «хитрецу».

Я и не подозревал, что Воронин «входил в различные символические сборные на всякие торжественные матчи почаще, чем Лев Яшин (Яшин и не всегда в середине 60-х находился в лучшей форме и меньше гораздо Воронина, привлекавшего своей откровенной иностранностью, нравился тренерам этих сборных, настороженно относившимся к советскому футболу с его великим партийным вратарем)».

Все это, мягко говоря, явные передержки. Начать с того, что Яшин втрое чаще Воронина приглашался в сборные ФИФА и УЕФА– и вовсе не символические (т. е., к сведению путаников, виртуальные, составленные по результатам опросов), а реальные, играющие (в символические же – насколько чаще, не сосчитать). Настороженное отношение тренеров интернациональных сборных к «партийному вратарю» полностью расходится с фактами, как и утверждение, что зарубежные звезды в Воронине «единственном, пожалуй, из советских игроков видели коллегу».

Это у нас после Чили-62 на Яшине собирались поставить крест, а чилийский тренер сборной ФИФА Фернандо Риера, не успев даже определиться с ее окончательным составом, назвал советского голкипера первым среди кандидатов на исторический матч с Англией, попутно объявив его лучшим вратарем якобы провального первенства мира-62. Точно также не задумывались

над кандидатурой вратаря сборных ФИФА и УЕФА их очередные тренеры Хельмут Шен и Деттмар Крамер из ФРГ. Шен признавался, что у него и сомнений не могло возникнуть, кого ставить в ворота.

Никакая партийность, «советскость» Яшина не мешала и партнерам по этим сборным, светилам мировой величины, питать к нему лучшие чувства и до сих пор хранить память о русском друге, в чем не раз и не два признавались Пеле, Эйсебио, Беккенбауэр, Чарльтон-младший, Факкетти и другие покорители самых высоких футбольных вершин. Даже холодный и неприступный Ди Стефано, раз появившись в Москве, просил прервать из-за нехватки времени экскурсию в Третьяковку, чтобы успеть (вне всякой программы пребывания) к последнему пристанищу Яшина на Ваганьковском кладбище.

Пересекаясь с мировыми звездами то в матчах сборных ФИФА и УЕФА, то на чемпионатах мира или международных футбольных конгрессах, Яшин никогда не чувствовал ни отчуждения, ни пренебрежения, поначалу только любопытство – все-таки человек из-за «железного занавеса». Знающие себе цену футбольные премьеры с ходу приняли его как равного в свой негласный элитарный клуб избранных. Яшин подбил их на такое приятие и масштабом таланта, и абсолютной естественностью поведения. В один голос, даже одинаковыми выражениями славили советского друга футбольные знаменитости. «Яшин как мастер не вызывает ничего, кроме восхищения, как человек ничего, кроме симпатии», – говорили журналистам, в очередной раз свидевшись с ним, Раймон Копа и Франсиско Хенто.

Приходилось читать в зарубежной прессе, да и самому видеть в Стокгольме, Лондоне и Мадриде, насколько «партийный вратарь», в отличие от многих соотечественников, неважно – партийных или беспартийных, но, как правило, мрачных и нелюдимых, открыт, улыбчив, предупредителен. Может, мне не повезло, но читать подобное о Воронине не доводилось, скорее отмечались его внешняя привлекательность, лоск, элегантность. Тоже неплохо. Что ж, каждому свое. И ночные праздношатания, и предыгровые хождения в загранпоездках по местным барам. Но это я не в осуждение Воронину – каждый поступает как знает. Только, простите, не могу уложить в понятие «западник», как идентифицирует его Александр Нилин.

Приписывая зарубежным тренерам и игрокам свое собственное любование «открытой иностранностью» Воронина, на самом-то деле далекой от рациональных европейских манер, Нилин выдает за нее обыкновенную богемность своего приятеля. Выражаясь языком этого автора, загульность Стрельцова носила

более узнаваемые, родные черты, и, равно как воронинской светскостью, публицист восхищается уже его русской бесшабашностью, но в обоих случаях с явным сладострастием приподнимает над Яшиным.

Чем же не угодил бедный Яшин? Не думаю, что такой подход подталкивало расположение к «Торпедо» и особенно к его лидерам, с которыми съеден пуд соли (то бишь выпито – не скрывает Александр Павлович – море водки), но вот вопрос: обеспечивается ли такой близостью к своим героям незамутненность и точность взгляда («лицом к лицу лица не увидать»)? Если и можно объяснить подозрительное отношение к Яшину клубными пристрастиями, то определял его скорее не проторпедовский, но антидинамовский настрой, подкрепляемый, по-моему, неадекватностью нилинского восприятия еще и Аркадия Чернышева с Александром Мальцевым.

Клубные и персональные симпатии и антипатии – личное дело каждого, но в связке с идеологическими фантомами они запросто могут искажать достоверность исторических суждений. С моей точки зрения, принадлежность яшинского клуба к известному силовому ведомству, некогда в народе именовавшемуся «органами», не бросает никакой тени на самого Яшина.

Разубеждать кого бы то ни было в негативном восприятии карательных злоупотреблений нет ровным счетом никаких оснований, но ведь «органы» включали и «позитивные», героизированные звенья (разведка, погранвойска). Эта поправка не смягчает, однако, априори негативное отношение к «Динамо» со стороны значительной части околоспортивной интеллигенции, хотя среди динамовских поклонников хватало популярных личностей – от «короля оперетты» Григория Ярона и виртуоза скрипки Эдуарда Грача до возведенных в символы свободомыслия маститого драматурга Леонида Зорина и шахматного гения Михаила Таля. Но как бы то ни было, клубно-ведомственная принадлежность Яшина имеет к его человеческой и спортивной природе такое же касательство, как выдуманная советская «официозность». Смешно видеть в нем «шестидесятника», но открытость в общении и человечность поступков относят Льва Ивановича скорее к детям «оттепели», нежели тоталитаризма, получившего высшее организационное воплощение в том ведомстве, которое курировало динамовцев.

Погоны этого ведомства, очевидно, дополняли желание искусственно пришпилить Яшина к официальной идеологии, а отсюда, скорее всего, и плохо скрываемое неприятие плодовитым литератором, который признается, что вообще-то знал его самого

плохо. Не напоминает ли это осуждение «Доктора Живаго» людьми, которые роман Бориса Пастернака не читали? Или сценку конца 90-х в «Футбольном клубе» НТВ, где тогдашний президент «Крыльев Советов» Герман Ткаченко, участвуя в дискуссии на тему, кто лучше – Пеле или Марадона, без тени смущения дважды повторил, что выбирает, безусловно, Марадону, поскольку… Пеле не застал и, стало быть, не видел.

Ложно политизированное сталкивание «фольклорного» Стрельцова и «скучно канонизированного» Яшина неправомерно и по другой простой причине. Даже если у каких-то партийных проповедников и было желание его «канонизировать», это характеризует лишь самих «канонизаторов», действительно навевающих смертную тоску, но уж никак не Яшина – неугасшая еще память о его жизнелюбивом нраве, энергетике и ауре, притягивавших любое окружение, отчаянно сопротивляется всем этим словесным упражнениям, бросающим на него тень какого-то коммунистического святоши.

Искусственную заданность такой фальшивой трактовки Нилин выдает (и тем самым дезавуирует) своим же наблюдением с близкого расстояния, когда столкнулся с ним на каком-то спортивном вечере и углядел в Яшине нормального живого человека – компанейского, свойского, юморного. Правда, любитель застольных тостов, анекдотов и танцев до упаду был при этом еще порядочным, добросовестным и обязательным, то есть, видно, раздражающе «правильным». Может быть, теперь, во времена ворюг, бездельников и вольнодумцев, это криминал?

Доморощенные «полемисты-вольнодумцы» захотели быть, как говорится, святее Папы Римского. Западные комментаторы, привыкли цеплять советских спортсменов, кем только их не выставляли – неулыбчивыми роботами, слепыми исполнителями тренерской воли. Гимнастку Людмилу Турищеву, например, окрестили «плакатной чемпионкой». Ее дисциплинированность и усердие, сосредоточенная и порой насупленная физиономия раздражали тамошних газетчиков, которые больше благоволили к живой и непосредственной Ольге Корбут. Не хочу сказать, что их отношение к серьезной спортсменке было справедливым, но Яшин такой подозрительности вообще избежал.

Его ответственность и концентрация не отменяли естественности поведения и непринужденности общения – придраться было не к чему. Но роль язвительных хулителей с Запада взяли на себя наши критиканы. Отталкиваясь не от реальности, а от схемы, которую себе придумали, вообразили, что знают, как отличить «чистых» от «нечистых», вот и появились искусственные антиподы.

Противопоставление Яшина Воронину со Стрельцовым уводит и от цивилизованной нормы судить человека в первую голову по его делам, достигнутым результатам, реальным заслугам. У нас же традиционно принято сдабривать, наращивать заслуженную славу еще и житейскими приключениями и драмами. Видно, глубоко укоренилась в народном сознании измученность несчастной, убогой жизнью и издевательствами власть имущих, теми же массовыми репрессиями, даже не со сталинских – более ранних времен. Вот откуда берется если не любовь (что в русском понимании равнозначно жалости), то слабость к людям битым, гонимым, оскорбленным, увечным. К чему это привело в новейшей истории России – вопиют последствия народного выбора в пользу деятеля, которого преследовала партийная верхушка, а возмущенное этим общество посадило себе на шею и до сих пор расхлебывает последствия.

Никак, по-моему, негоже играть на этой слабости, провоцируя контрастное отношение к большим футболистам. И еще на особенностях национального характера, выраженных типично русской пословицей «пьян да умен – два угодья в нем» (с добавлением давней футбольной поговорки отечественного же происхождения «кто не пьет, тот не играет»). Воронин со Стрельцовым полностью соответствуют смыслу крылатой фразы – оба были воплощением футбольного ума. Но первое-то угодье, вышедшее обоим боком, их биограф подает вполне сочувственно, с заметными нотками оправдания.

Вовсе не милые шалости торпедовских премьеров иногда даже немного смакуются. Этот род влечения преподносится как беда, а не вина, а та перекладывается на что угодно – режим, менталитет, обстоятельства, лишь бы снять с них самих. Но еще классики, те же Шекспир и Толстой, не раз отмечали, что поведение человека больше зависит не от общественного устройства, а от него самого, его стержня, характера. Уж как гнобили Анну Ахматову и Бориса Пастернака, однако они оставались самими собой. Никакие преследования не мешали самовыражению Сергея Параджанова. И основные беды обрушил на Воронина и Стрельцова не столько режим, сколько они сами на свою голову. Точно так же жизненное равновесие, да и осложнения, выпавшие Яшину, вытекали не из одной только государственной снисходительности или высоты его общественного взлета.

Да, режим наказал Эдуарда Стрельцова за деяние, судя по всему, юридически не доказанное, слишком жестоко, но как бы все ни происходило на этой проклятой даче в предшествии ареста, он сам дал повод для развития подсудной ситуации,

которая привела первым делом к отчислению (вместе с участниками той же попойки Михаилом Огоньковым и Борисом Татушиным) из сборной СССР и ее заметному ослаблению накануне дебюта на чемпионате мира 1958 года. К сожалению, «пьяная» тема слишком часто обозначала свое губительное присутствие в судьбах российских футболистов. Недаром Мартын Мержанов как-то сказал, что все беды нашего футбола начинаются с того, что он «по щиколотку в водке» (хотя в наше время алкогольная зависимость российских футболистов заметно убавилась – они попрактичнее, страшатся потерять серьезные деньги).

Яшин же, уверен, вообще не мог попасть в переплет, подобный стрельцовскому или воронинскому И не в том соль, что, вовсе не дурак выпить, он был лишен привычки хлестать как сапожник. Сейчас совсем не модно толковать о честности человека перед собой, товарищами, делом, но эти полузабытые устои для меня главный стержень его натуры, порождавший особую щепетильность к своим обязанностям, собственным промахам и ошибкам, действительным и кажущимся.

Никто как он не терзался ответственностью за игру и положение команды. Никто как он так не волновался, наподобие самых больших актеров, перед любым выходом на поле, эту сценическую площадку футбола (умудрялся иногда даже найти укромный уголок в подтрибунных лабиринтах, чтобы снять предматчевое напряжение двумя-тремя затяжками припрятанного курева). Никто как он не вкладывал в игру столько души и беззаветности (был в 1959 году редакцией «Московского комсомольца» даже награжден специальным призом как самый самоотверженный футболист). Никто как он не терзался и избыточными послематчевыми переживаниями, особенно если сам напортачил или ему почудилось.

«Он очень близко к сердцу принимал свои ошибки, но не любил говорить об этом, – вспоминал Михаил Якушин. – Бывало, курит одну за другой после игры. И молчит…» Другое дело, что это самоедство уже в следующем матче переламывалось его же профессионализмом, возвращая партнерам и болельщикам прежнего Яшина, свежего и готового к новой борьбе.

Как мне кажется, во сто крат важнее смакуемой «фольклорности», что «официоз» никогда не предавал ни свое дело, ни свою команду. Ладно, уберем высокие слова. Если не считать ошибок на поле, иногда серьезных (а игроков, избежавших их, вообще не существует), он не подводил тех, кто возлагал на него особые надежды – ни товарищей по команде, ни тренеров, ни болельщиков. Не сражал их наповал

разобранностью, исчезновением со сборов, тем более дебошами или скандалами с последующим отчислением. Не подводил никогда, как его ни обзывай.

Мне по-человечески жаль Эдика Стрельцова, этого легковерного добряка, позволявшего впутать себя в проигрышные житейские ситуации. Но разве человека, навязываемого ему в антиподы, не жаль? Многим болельщикам, которые годами наблюдали на футбольном поле несменяемого Яшина и начитались о нем засахаренных очерков, соответствующих забытой уже «теории бесконфликтности», казалось, особенно в сравнении с тем же Стрельцовым, что он баловень судьбы: более чем успешен, да еще долгожительствует в любимом деле, материально обеспечен (разумеется, по советским меркам), не вылезает из-за границы, непременный участник всяких торжественных церемоний, любим и почитаем пестрой публикой. Не берусь уравнивать стрельцовские тяготы с яшинскими, но непреложный факт, что баловень всемирной славы, увы, не стал баловнем безмятежной жизни.

Футбольная судьба Яшина была полна драматических испытаний, начиная с затяжного, крутого, изматывающего подъема в большой футбол, ожесточенных попреков за действительные и мнимые вратарские неудачи и кончая неприкаянностью, неудовлетворенностью в постфутбольной жизни и многочисленными болезнями, которые довели его до могилы. И уже поэтому внушаемый нам контраст между самыми грандиозными фигурами советского футбола не очень-то вырисовывается.

Футбол, вне сомнения, сфера творчества, особенно когда речь идет о таких крупных мастерах, а, согласно Стендалю, «творчество не может обойтись без людей немного меланхоличных и в чем-то несчастных». Почему, другой вопрос, но у нас ведь принято считать иначе. «Довольно распространено мнение, – пишет один из самых ярких спортивных журналистов яшинской поры Евгений Рубин, – что слава часто приходит к своему избраннику не одна, а в сопровождении неразлучных с ней спутников – счастья и удачи». На примере Яшина, плотно соприкоснувшись с ним, Рубин убедился, что это сильное заблуждение. По-моему, достаточно честно и доброжелательно он пытался разобраться в книге «Пан или пропал!» (2000), почему, покинув поле, Лев Иванович временами опускал руки. Но, ухватившись за слово «лень», вырвавшееся в сердцах из уст самого близкого Яшину человека, так и не докопался до сути. Я же считаю, что «лень» и «Яшин» – понятия несовместные. Так что на последующих страницах возьму на себя смелость в попытке

разобраться, почему же вратарь-труженик чувствовал себя так некомфортно, когда перестал ступать на футбольное поле, хотя и остался в самом футболе. Я немного затянул спор с критиками Яшина, потому что их малочисленность компенсируется невероятной, порой назойливой активностью, если не агрессивностью позывов, коли уж низвергнуть невозможно, хоть как-то ослабить, хоть чуть пришпорить высочайший авторитет Яшина в футбольном сообществе. К тому же среди читателей найдется немало тех, кто в силу возраста и (или) малой осведомленности может принять измышления за чистую монету и утвердиться в ложных представлениях. Особенно опасной мне представляется новая, к тому же беспочвенная идеологизация по советским лекалам, только с обратным знаком, сводящаяся в конце концов к обыкновенному попустительству личной ли, общественной ли привычке холить и лелеять отрицательное обаяние (иногда говорят: обаяние порока) заметных исторических фигур, использовать негативный заряд жизненных передряг для придания им большего веса в незрелом сознании и, наоборот, возбуждать недоверие к людям чести и долга, лицам, ничем не замаранным, респектабельным и достойным только доброго отношения. А таким и был Лев Иванович Яшин.

Глава третья
Истоки. Уроки. Укоры

Истоки

Наших футбольных маэстро, увы, скорее объединяет, чем разъединяет печальная участь слишком раннего прощания с бренным миром, прекрасным и жестоким. Долгожитие среди них тоже, конечно, случается, но очень уж типична до слез обидная трагедия внезапного земного обрыва. Главным образом потому, видно, что живем мы в стране, по которой можно писать историю нескончаемых народных невзгод, гениально сконцентрированную Владимиром Высоцким всего в одной песенной строке – в ней соль российского существования: «А беда на вечный срок задержалася…» И наше проклятие в том, что не умеет Россия ценить и беречь своих сыновей, особенно лучших из них, ни на кого не похожих, выбивающихся из общего ряда, да еще способных, как нигде, коверкать собственную жизнь.

Сейчас-то время, когда не доживают до старости в массе своей и простые смертные. При таком жалком существовании большинства – недоедании, стрессе, нездоровье, пандемии алкогольных отравлений, наркомании, дорожных катастроф, убийств и самоубийств, бедственном состоянии здравоохранения – удивляться не приходится. Но яркие творческие индивиды во все времена были поражены вдобавок одним родом недуга – чрезвычайной чувствительностью, обостренным восприятием суровой реальности, а оно, как правило, усугублялось государственным лицемерием и равнодушием. К Яшину, отличавшемуся не одной лишь вратарской – еще и душевной реакцией (Лев Филатов нашел ему по обыкновению самое точное определение – «комок совести»), это относится в большей степени, чем к любому из его футбольных друзей и сподвижников, – уж слишком близко к сердцу принимал несправедливость и чиновничью немилость, да и треволнения спортивных испытаний.

Но независимо от того, как игроки его или смежных поколений (а по всем данным, они главное украшение биографии российского футбола) переживали и страдали – держали нервы, обиды, собственные комплексы в узде или топили в водке, многие из заслуженных ветеранов мучительно доживали свои последние годы, месяцы, дни и слишком рано покинули нас.

Мартиролог безвременных футбольных утрат выглядит ужасающе: Лев Яшин, Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто (по опросу любителей футбола, тройка лучших игроков страны за последние 50 лет), лидеры предшествующего футбольного поколения Григорий Федотов, Всеволод Бобров, Алексей Хомич, Владимир

Никаноров, Александр Пономарев, Сергей Соловьев, Сергей Сальников, ровесники и младшие партнеры головной тройки Анатолий Масленкин, Борис Татушин, Эдуард Дубинский, Валерий Воронин, Виктор Аничкин, Игорь Численко, Альберт Шестернев и многие, многие другие. Разве не горько, что среди призеров мирового первенства 1966 года – футболистов Англии, ФРГ, Португалии почти все живы и здоровы, и только бронзовых медалистов из СССР осталось меньше, чем покинуло этот свет.

Сколько скорби и трогательности таилось в глазах англичан, целую неделю прощавшихся на стадионах и в соборах с безвременно ушедшим в 2009 году чемпионом мира Алланом Боллом. А у нас преждевременные футбольные кончины стали привычным обыкновением.

В глазах так и застыли кадры документального фильма о судьбах именно этого поколения футболистов и других спортсменов – Валерия Брумеля, Юрия Власова, Льва Яшина, Эдуарда Стрельцова, Валерия Воронина… Название ленты, выпущенной в годы перестройки, к сожалению, стерлось, а визуально трагические лица героев киноповествования до сих пор перед мной. Если бы не совсем рано ушедший Воронин, в то время мы были еще вправе повторять песенные строки: «Все еще живы, все еще живы, все…». А сейчас из них с нами остался, кажется, один Юрий Власов.

Невозможно было сдерживать слезы, когда проплывали заключительные кадры фильма – пусть постановочные, но самые щемящие: Лев Иванович Яшин на безлюдном стадионе «Динамо», опираясь на подлокотник костыля, последний в жизни раз занимает давно оставленное место в тех самых воротах, с которыми сроднился за два десятка лет, гладит на прощание штангу и словно нехотя, медленно, затрудненно покидает изумрудное поле, а камера, все дальше удаляя и тем самым уменьшая еле передвигающуюся фигуру, наращивает вокруг нее вакуум пустого пространства. Так и впечатался в сознание этот многоликий символ – и горького одиночества, и заброшенного, а может, выброшенного за борт поколения победителей, да и всей уходящей эпохи.

Но если финиш российских футбольных знаменитостей часто похож драмой преждевременного ухода, то загораются светила по-разному. Таланты, даже гении раскрываются двояко. Одни обнаруживают себя сразу, покоряют сердца без труда, хотя и не могут без него поддерживать свою природную одаренность. Другим требуются долгое время и отчаянные усилия, чтобы вытащить наружу глубоко запрятанные способности. Труд для них, вопреки старым законам фотографии, одновременно

проявитель и закрепитель, главное условие прорастания таланта. Тот же Стрельцов был рожден футбольным вундеркиндом и поражал воображение уже в 17 лет. В таком же возрасте без видимых усилий занял ворота сильного армейского клуба и сборной России сегодняшний последователь Яшина – Игорь Акинфеев. А сам Яшин горбом зарабатывал место под солнцем и продрался в основной состав «Динамо» только к 24–25 годам.

Уже достаточно испив из чаши славы, Яшин осознавал, что он-то из простых смертных, потому что слишком хорошо помнил, как нелегко она доставалась. В «Записках вратаря» (1976) сравнивал: «Спорт открыл миру многих выдающихся людей. Разные они представляли явления – «человек-гора», «человек-молния», «человек-дельфин», «человек-птица». В прозвищах этих выражено удивление перед сотворенным природой чудом и преклонение перед теми, кто не похож на нас, смертных. Не могу пожаловаться, что спортивная слава обошла меня стороной. И писали обо мне тоже немало. Но никогда не доставалось на мою долю эпитетов вроде «человек-птица» или «тигр». И это справедливо. Я к категории феноменов не принадлежу. Никогда ноги не хотели меня подбрасывать в воздух сами, наоборот, отталкиваясь для очередного прыжка за мячом, я ощущал, как велика сила земного притяжения. Никогда мяч не лип к моим вратарским перчаткам сам, наоборот, нас с ним связывали отношения, какие связывают дрессировщика с коварным и непокладистым зверьком. Так что, если мое имя и осталось в футболе, то обязан я этим не матери-природе и не счастливым генам. Чему же? Дать ответ непросто. Наверное, прежде всего тем, среди кого рос и воспитывался, кто учил меня работать и играть в футбол. Обязан обстоятельствам, сделавшим мою жизнь такой, а не иной. Наверное, самому себе я тоже обязан, потому что, трудясь, не страшился измазать руки, не кривил губы от соленого пота, не стеснялся признаваться себе в собственных слабостях…»

К тяготам жизнь приучила рано, очень даже рано. Леве не исполнилось и шести, как умерла мать, Анна Митрофановна. Отец, Иван Петрович, рабочий-шлифовальщик авиазавода, с утра до позднего вечера пропадал на предприятии. Предоставленный сам себе, сын начал было отбиваться от рук. Целыми днями торчал во дворе, шкодничал вместе с другими сорванцами. Это был обыкновенный двор на Миллионной улице в Богородском близ Сокольников.

Дом, где рос будущий вратарь, принадлежал заводу «Красный богатырь». На заводе этом работали мать, дядья, тетки, жившие одной большой семьей со всем своим потомством в

трехкомнатной квартире первого этажа. Всего шаг из окна вел во двор, который был населен, даже перенаселен живым, шпанистым ребячьим народом. Развлекались как могли. Играли в казаки-разбойники. Гоняли в футбол тряпичным или дермантиновым мячом, купленным вскладчину Зимой сами заливали каток и носились до упаду. Многие держали голубей, и Лева с отцом тоже.

Тогда, да и позже, во времена уже моего, послевоенного детства, это были самые популярные дворовые занятия. Но соседствовали они с менее безобидными. Лев Иванович вспоминал, что в кривобоких темных сараях, теснившихся во дворе, изготовляли железные пистоны, чтобы подкладывать под трамвайные рельсы. Когда по ним проходил трамвай, все окрестности, к испугу прохожих, оглушали автоматные очереди этих шутейных взрывов. Зимой с покатых сарайных крыш спрыгивали на лыжах, как с трамплина, возвращаясь домой с ушибами и синячищами. Подолгу катались на трамвайных буферах.

Однажды зимой, рассказывал через много лет Иван Петрович, Левка прибежал домой весь зареванный в одном валенке. Оказывается, второй при таком катании соскочил на ходу, сын через какое-то время спрыгнул, помчался назад по путям, но пропажу так и не нашел. Вот тогда отец совершил поступок, на который долго не мог решиться. Нет, не надрал уши, не отшлепал его, на это не был способен, а… второй раз женился. Ко всему прочему понял, что сыну нужен женский догляд.

В дом вошла новая хозяйка – Александра Петровна, ставшая ему второй матерью. Они понравились друг другу. Родился младший братишка – Борис. Но «лафовой» жизни скоро пришел конец. Конец детства, которое так крепко врубилось в его память:

«Мне посчастливилось участвовать в четырех чемпионатах мира, выступать в команде, выигравшей Кубок Европы, играть в знаменитом «матче века», на мой прощальный матч собрались крупные звезды мирового футбола. Но вот странная вещь: многие детали этих событий стерлись, а детство, рядовое детство рядового мальчишки, стоит у меня перед глазами. Думаю я, произошло это потому, что слишком коротким было оно, детство ребят, родившихся в конце 20-х годов. Мальчишки и девчонки моего поколения учились на токарей, нянчили маленьких братишек и сестренок, стояли в очередях за хлебом, мечтали о побеге на фронт и лишнем куске рафинада. Мы приносили домой получки и рабочие карточки. В общем с детством пришлось расстаться задолго до срока. Тогда мы этого не понимали, а теперь я часто вижу себя маленьким, иной раз во сне вижу.

Проснешься и думаешь: эх, пожить бы во сне еще хоть часок…»

В июне 1941 года Александра Петровна отвезла Леву в деревеньку близ Подольска, к родным, на летние каникулы. Но походы в ночное, по грибы, долгожданная рыбалка так и не состоялись. Через несколько дней началась война, и мать вернулась за ним, чтобы отвезти обратно, в Москву. В доме все чаще звучало незнакомое слово «эвакуация».

В октябре загрузились в эшелон, отправлявшийся под Ульяновск, куда срочно перебазировали отцовский завод – знаменитый 500-й. Жили в палатках, потом в бараках впроголодь, мотались в деревню за десяток километров, чтобы обменять вещички на еду, а Леве пришлось сперва нянчить малыша-брата и, едва закончив пятый класс, 13-летним встать к станку, вкалывая по две смены вместо ушедших на фронт.

Случилось приобщение к суровой взрослой жизни в начале осени 1943 года. Никакой неожиданности для Левы не было, он сам постоянно канючил:

Пап, а пап, возьми меня с собой на завод.

Мал еще, давай учись, – раздавалось в ответ.

Но однажды отец вернулся с работы озабоченный. Молчал-молчал, а потом произнес, обернувшись сначала к жене:

– Из цеха ушли на фронт несколько молодцов. Пусть-ка Лева поработает. Завтра пойдем, сынок, собирайся.

Мать тут же подогнала под Левин рост отцовскую спецовку. В ней новый ученик слесаря щеголял между станками в свой первый рабочий день. Едва обучившись, включился в выполнение срочных заданий, вместе со всеми дневал и ночевал в цеху.

Из учеников совсем скоро вымахал до слесаря третьего разряда. Гордился знаете чем? Полной рабочей карточкой, по которой – кто не знает – покупались продукты питания (норма снабжения рабочих была больше, чем у служащих и инженеров). Считал: раз получил ее, значит, стал настоящим рабочим. Подрос братишка, и мать тоже пошла на завод. Радовался: сразу две рабочие карточки – подспорье в скудном рационе семьи!

Тогда же был открыт счет бесчисленным публикациям о Яшине. Правда, не о нем персонально, а о всей семье поместила заметку заводская многотиражка под заголовком «Рабочая династия», но Лева был тоже упомянут. Отца, впрочем, заметка немало смутила:

– Чего шумят? Живем как все.

Реакцию отца на публичную похвалу Лев запомнил навсегда. Когда публикации о вратаре Яшине еще струились ручейком, почти теми же словами спрашивал себя и ближайшее окружение:

– Чего шумят? Делаю дело, как могу, только и всего.

Когда же ручеек превратился в неостановимый поток, махнул рукой, хотя продолжал рассуждать точно так же.

Какие бы почести потом ни доставались, так и не мог забыть, как военной зимой 1943 года лютый холод вынуждал рабочих раскладывать между станками костры. К вечеру Лева сваливался от усталости и засыпал прямо под верстаком в коробке из-под инструментов. Боясь, что мальчишка заснет во время работы и попадет в станок, обучавший его пожилой рабочий совал ему самокрутку со злющей махрой. Он и закурил на всю жизнь. Человек сильной воли, тем не менее бросить не смог, смолил украдкой, а потом уж почти не таясь, даже на сборах и после матчей.

Возможно, Яшин не сумел забросить дурную привычку и потому, что любимому футболу, как ни странно, она не стала поперек дороги. Как-то один из авторитетов тренерского клана, предводитель «Динамо» Якушин, недаром званный хитрым Михеем, перебрав без всякой пользы разные меры воздействия на ученика, решил ужалить злостного курильщика, казалось, неотразимым доводом: «Завязывай, ты уже и реакцию потерял». Стали Яшина проверять на стенде, а реакция-то прежняя, намного превосходящая сноровку некурящих вратарей. Безостановочное курение на протяжении десятилетий в чудовищной связке с физическими и нервными перегрузками привело в итоге к сужению артерий нижних конечностей, спровоцировало другие нараставшие болезни. «Зло наказано», – горько усмехался Яшин, когда остался без ноги: на излете жизни был склонен к черному юмору.

А на излете войны, в начале 1944 года, завод снова отправился в Москву, и семейство Яшиных, естественно, – вместе с ним.

Последние мгновения перед стартом игры. Советская сборная выходят на поле, а замыкает её наш великий Лев Яшин. 1960 г.

Со своим жалким скарбом въехали они в свой двор на Миллионной, обнимались и целовались с многочисленной родней. Но вместо двора, куда вел всего один прыжок из окна квартиры, пришлось теперь каждый день совершать более длинное путешествие – через всю Москву из Сокольников в Тушино, где в пустовавших три года цехах заработал ставший своим теперь и для него завод.

Вскоре после Победы 16-летний Лев Яшин был удостоен своей первой награды, которую считал самой дорогой, – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Тогда впервые сидел в президиуме собрания, где вручали медаль. Шел на сцену бочком, чуть ссутулившись, отводя глаза от стеснения перед залом. Когда поднялся получать награду, покраснел от объявления в микрофон: «Медаль вручается одному из лучших слесарей завода». А из зала кто-то крикнул: «И футболисту!» Ему показалось, аплодисменты стали сильнее.

Сколько потом придется сидеть в президиумах, получать орденов, спортивных наград. И уже не под аплодисменты – под бурю оваций, когда весь зал, а то и целый стадион вставал как один человек. Не ритуально, как приветствовали вождей, а искренне, в едином порыве симпатий, уважения, почтения, позже – еще и сострадания, сопереживания мужеству спортсмена, которого постигла беда.

Первая награда мало что меняла в привычной каждодневности. Освоив еще в эвакуации слесарное дело, научился и другим рабочим профессиям, мог теперь дать фору и строгальщикам, и шлифовальщикам, параллельно учился в вечерней школе, или, как тогда принято было называть, школе рабочей молодежи. Но только молодая жизнь потекла как по маслу (работа, учеба, футбол с хоккеем, девочки, танцы), произошел срыв, подобный тем, что многих посещает в переходном возрасте. Впрочем, только казалось, что как по маслу.

Восстановление страны требовало от людей не меньше усилий, чем всенародный клич «Все для фронта, все для победы!». Напряжения в работе у Льва не убавлялось, требовалось время и на учебу Пока не переехали в Тушино, где отец получил жилье в заводском доме, дальняя дорога – известное выражение гадалок – стала для молодого рабочего ежедневным испытанием. Он выходил из дома полшестого утра, садился на трамвай, пересаживался в метро, снова на трамвай, такой же путь проделывал домой. Уже темнело, когда совершал обратный маршрут. На дорогу в обе стороны уходило больше трех часов. Беззаботное детство напоминали только поездки на буфере заднего вагона. Привычно и без расходов. Маршрут

Сокольники – Тушино – Сокольники был последним, где хитрил, не считая, разумеется, мелких футбольных хитростей. Трамвайная экономия касалась, однако, только средств, но не сил. Видно, не на шутку надорвал их, форсировав в военные годы.

В судьбе Яшина не раз наступало смещение во времени: раннее взросление, позднее признание. Вот и в переходном возрасте ему было не до своего состояния, некогда было срываться. «А потом накопившаяся за годы усталость начала давать о себе знать, – много позже задним числом удивлялся самому себе Яшин. – Что-то во мне вдруг надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, все меня на работе и дома стало раздражать, мог вспыхнуть по любому пустяку. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал».

Прервем ненадолго исповедь Яшина, чтобы рассказать о

забавном последствии добровольного расставания с заводом, которому отдал больше пяти лет. Когда в 1949 году оформлялся в «Динамо», в трудовой книжке не оказалось записи об увольнении. Строгие динамовские кадровики сразу обнаружили непорядок. Льву, служившему тогда в армии, надо было брать увольнительную, чтобы уладить на заводе это недоразумение. Но беглецу еще и стыдно было в глаза смотреть сослуживцам, начальнику цеха. Тот понял состояние своего любимца, не затаил обиду и задним числом написал за него заявление об уходе по собственному желанию, и пробел в трудовой книжке, к динамовскому удовлетворению, был устранен.

Продлим, однако, попытку самого Яшина разобраться в казусе, с ним, 19-летним, случившимся, когда бежал отовсюду – из дома, с работы, от самого себя. Что это было? «Хандра? Депрессия? Не знаю. Знаю только, что посетила она меня единственный раз в жизни… Положение становилось все безвыходнее. По всем законам я был прогульщик, и на меня распространялись соответствующие указы об уголовной ответственности. Надо было что-то делать…»

Выручил советом кто-то из взрослых:

– Надо идти добровольцем на военную службу. За это многое тебе может проститься.

И Лев Яшин отправился в военкомат. Его определили во внутренние войска.

Видно, уже с ранних лет так притерпелся к житейским ухабам и рытвинам, что это пригодилось в главном, вернее единственном деле его жизни – футболе, хотя и это дело долго не клеилось.

Лев Иванович признавался, что не помнит, были ли в школе, где учился до пятого класса, уроки физкультуры. А физкультурная самодеятельность состояла в том, что выскакивали буйной ватагой на большой перемене в школьный двор и до звонка гоняли в футбол. После уроков – тоже, потом перебегали в свой, около дома, пиная по дороге непослушный мяч, сплетенный из толстой веревки. В войну было не до футбола, еле добирался до постели. Когда вернулся в Москву, как-то увидел в заводской проходной объявление: «Желающие играть в футбол, записывайтесь у В.Чечерова». Он сразу отправился искать указанную в объявлении комнату, где можно было этого В.Чечерова найти. Уже вечером стоял в неровном строю тощих, нескладных сверстников, явившихся на заводской стадион, куда, кстати, выходили окна нового яшинского жилья. Одеты новоявленные футболисты были кто во что горазд – переминались с ноги на ногу в курточках и спецовках, лыжных фланелевых штанах и ситцевых шароварах, сапогах и тапочках.

Ходивший вдоль разношерстного строя человек в выцветшей гимнастерке измерял каждого строгим взглядом и определял место в команде.

Остановившись перед Яшиным, Владимир Чечеров приказным тоном молвил:

– Будешь стоять в воротах.

Считавшийся, да и считавший себя нападающим, притом приличным бомбардиром, Яшин не нашелся ни для вопроса «почему?», ни для возражения, хотя было ему обидно до слез, за что же такое наказание – может, подумал позже, за долговязость, чтобы доставал верховые мячи. Но у фронтовика оказалась, как потом убедился, легкая рука. Искалеченная, правда, на фронте, так что мастеру спорта по пинг-понгу (а только так и называли тогда настольный теннис) Чечерову пришлось это занятие прекратить и в 25 лет переквалифицироваться в футбольного тренера. Новые ученики были не намного младше, но уважительно обращались к нему «дядя Володя». Лев Иванович никогда не забывал, как заботился о них этот «светлый человек, энтузиаст, бессребреник».

Казенную форму и бутсы выдали набранным в юношескую команду не сразу. Сначала надевали собственную обувь, купленную на свои кровные, потом доставались видавшие виды бутсы, разлапистые и изношенные футболистами взрослой команды, и только через несколько месяцев – новое футбольное обмундирование. Тренировались и играли битыми-перебитыми, латаными мячами, в которых то и дело лопались камеры. Зато до футбольного поля из новой квартиры было рукой подать, как когда-то до любимого двора в Сокольниках.

Каждая неделя кончалась праздником. По воскресеньям, а это был тогда единственный выходной, собирались у проходной с фибровыми, кованными по углам чемоданчиками, предшественниками сегодняшних роскошных баулов, забирались в полуторку и отправлялись на главный районный стадион играть на первенство Тушино. На стадион Яшин входил уже с двумя чемоданчиками, совершенно одинаковыми. Второй доверял ему носить вратарь мужской команды и первый кумир новичка Алексей Гусев. Носить, семеня за владельцем, его чемоданчик, означало признание старшего по рангу. Раз доверял тебе, значит, человек ты стоящий!

К таким знакам внимания и сводилась вся дедовщина тех лет, а во что теперь превратилась в армии, да уже и в средней школе? В мордобой и издевательства над новобранцами и «слабаками». В футбольных командах, вспоминают старые мастера, в худшем случае втихаря посылали новых пришельцев в магазин за водкой.

Унижения личности и членовредительства даже в помине не было.

Очередной тур соревнований начинался с матча юношеских команд. Гусев располагался за воротами Яшина и по ходу дела подсказывал, советовал, короче – учил уму-разуму Когда юношей сменяли взрослые, вратари менялись местами: теперь Яшин из-за ворот постигал уроки и опыт старшего товарища. Черпал премудрости и на совместных тренировках. Много лет спустя называл Алексея Гусева наряду с Владимиром Чечеровым своим первым тренером.

Между тем заводской футбольный коллектив заслужил право участвовать тремя командами – двумя мужскими и юношеской – в первенстве Московской области (Тушино в городскую черту тогда не входило). Яшин объехал в те времена все Подмосковье в кузове полуторки, устеленном соломой, чтобы тряска на сельских дорогах не так сильно отбивала кости и мышцы. В Ногинске, Наро-Фоминске, Кимрах, Шатуре и других городках и поселках приучался играть при полных трибунах плохоньких, неказистых, но все же стадиончиков. Тушинцы, которых местные за приближенность к столице уважительно величали москвичами, соответственно такому отношению чаще всего возвращались домой победителями. За это полагалась благодарность тренера и изредка – талоны на бесплатное питание в заводской столовой.

В своих автобиографических записках Лев Иванович, вспоминая, почему в 1948 году ушел с завода, из дома и переселился к приятелю, как вытекает из приведенного выше фрагмента, не возлагал вину на футбол. А вот что пишет в заметках о муже, как помнит с его слов, Валентина Тимофеевна: «Футбол поглотил не только все его свободное время, но и целиком все мысли. Даже стоя за станком, он заново проигрывал эпизоды последнего матча. Надо ли было оставаться на линии ворот? Или лучше выйти навстречу нападающему?… А ситуации в разных играх повторяются – как не ошибиться в следующий раз? Впору было бросить станок и бежать на стадион, отрабатывать приемы. Он и бросил. Целыми днями пропадал на поле. Кроме футбола, ему уже ничего не было нужно».

Это отрывок из подарочного, не поступавшего в продажу буклета «Лев Яшин. Страницы биографии выдающегося вратаря и замечательного человека» (2004). Расширенный вариант этих воспоминаний включен также в первый (и единственный вышедший) том богато иллюстрированной книги под арифметически нелепым («Динамо» тогда едва переступило 80-летний рубеж) названием «Два века с московским «Динамо» (2005), тоже подарочной, но уже доступной (правда, не по цене)

покупателям.

Некоторая разница в трактовке одного и того же биографического эпизода проистекает, по-видимому, оттого, что самому Льву Ивановичу, как и каждому человеку, свое «ретро» в разное время виделось не всегда совершенно одинаково, а общая хандра вполне могла уживаться с поглощенностью футболом. Но каковы бы ни были нюансы этого переломного момента биографии Яшина, в результате он раньше положенного срока оказался на армейской службе.

В армию Льва провожали всей командой, за которую успел отыграть два года. На память подарили фотографию, где он заснят в воротах, с надписью: «Лева, не забывай футбол». Забыть, понятно, уже не мог, да и не дали. На команду взводного «Футболисты, шаг вперед!» на радостях рванул из строя. Физрук части капитан Матулевич, едва узнав о его вратарстве на гражданке, немедленно отправил туда же, на задний рубеж, охранять ворота. Оказалось, к счастью, по назначению, хотя в 17-часовом солдатском дне с обязательной строевой подготовкой, боевой учебой, нарядами и караулами время на футбол поначалу отводилось редко. Никакие игры и тренировки от обычных воинских занятий не освобождали. И ощущения какой-то своей футбольной полезности стали приходить, когда отпускали на матчи между воинскими частями. Яшин был включен в третью команду своей части.

Уроки

Как Аркадий Иванович Чернышев сумел углядеть в худющем солдате хорошо замаскированные таланты?! Но на стадионе «Локомотив», что на Ново-Рязанской улице, этот «фитиль» в воротах в солнечный летний день 1948 года надолго задержал его внимание. Играли команды воинских частей, иначе говоря, райсоветов «Динамо». Яшин обратил на себя взор Чернышева сперва тем, что отработал «в рамке» два матча подряд. А получилось так. Отстояв «вахту» за третью команду, Яшин начал было переодеваться, но подошедший тренер, тот же капитан Матулевич попросил выйти на поле вторично:

– Выручай, брат, на разминке вратарь второй команды травмировался.

Версии открытия Яшина Чернышевым немного расходятся в деталях. По одной из них, и мною в предыдущих работах некритично использованной, Аркадий Иванович, гуляя с маленькой дочкой, забрел на стадион и случайно увидел начинающего вратаря в деле. Но, как я теперь знаю, жил на другом конце Москвы и вряд ли потащил бы малышку на край света. Да и не мог тренер случайно оказаться на стадионе в воскресенье – тогда это был единственный выходной и единый игровой день для низовых турниров. Если и не был занят с молодежной командой «Динамо», которую тренировал, то просматривал для нее игроков во внутридинамовских соревнованиях. Так что мог углядеть Яшина во время просмотра игр на первенство московского городского совета «Динамо».

Недавно Валерий Баскаков, известный арбитр 70—80-х годов (и отец не менее известного сегодня судьи ФИФА Юрия Баскакова), озвучил еще одну версию. Будто Аркадий Иванович получил «наводку» от Петра Теренкова, «футболившего» в одну пору с Чернышевым и даже забившего победный гол за «Локомотив» в первом финале Кубка СССР (1936). Став впоследствии тренером, «дядя Петя» был известен каждому мальчишке, посещавшему в послевоенные годы стадион на Рязанке, где с утра до вечера пестовал футбольную смену главной команде железнодорожников. А заметив в динамовских соревнованиях, проходивших на арендованном стадионе, нового вратаря, якобы позвал на смотрины старого коллегу. В таком возрасте игроков не было принято тогда переманивать, да и «вынуть» приглянувшегося новичка из воинской части у дяди Пети не существовало ни малейшего шанса. Но как бы то ни было, Яшин попался на глаза Чернышеву.

Будущий хоккейный триумфатор, слывший некогда заметным футболистом, а в дебюте тренерской деятельности хоккейные каникулы тоже посвящавший футболу, различил за очевидным старанием нескладного вратаря кое-какие киперские задатки. Понаблюдал-понаблюдал, да и предложил ему попробовать силы в молодежной команде «Динамо.

Когда солдат, радостно согласившись, вдруг помрачнел, сообразив, что не может распоряжаться своим временем, и наивно спросил, кто ж его отпустит, незнакомец ответил, что берет это на себя. Яшин не особенно верил, что тот выполнит обещание. Но через пару дней командир предъявил ему запрос и приказал отправляться на стадион «Динамо». Там в назначенный час его поджидал тот самый, теперь уже знакомый незнакомец, окруженный молодежью. Улучив момент, солдат спросил у ребят его фамилию. Так узнал, кто же его «крестный отец» в футболе.

Солдата регулярно отпускали из части на тренировки и игры. Однажды произошел курьезный случай. Очередная тренировка подходила к концу, и Яшин решился попросить своего благодетеля побить ему еще немного по воротам. Аркадий Иванович согласился, но в это время запыхавшийся посыльный просил его срочно зайти к какому-то динамовскому начальнику. Чернышев велел обождать, а до его возвращения поработать с мячом самостоятельно. Пока выполнял срочное задание, а ушло на него не меньше часа, тренер забыл, что его дожидается ученик. Но кто-то из футболистов команды напомнил. Аркадий Иванович, немедленно вернувшись на поле, извинился. Лев теперь уже и не думал сомневаться в тренере:

– А ребята говорят – не придет. Чудаки… – В тот раз они задержались до глубоких сумерек, оба жалели, что приходится считаться с темнотой и прекращать упражнения.

Молодежная команда «Динамо» успешно выступала в чемпионате и розыгрыше Кубка Москвы, Яшин закрепился в основном составе. В полуфинале Кубка столицы 1949 года турнирная сетка свела ее с первой мужской командой динамовского же клуба, за которую выступали порой заслуженные ветераны, а то и свободные от календарных встреч игроки команды мастеров. В тот день экзамен у «молодежки» принимали на поле собственный тренер Аркадий Чернышев и его давние сподвижники – ветераны Сергей Ильин, Василий Смирнов и продолжавшие выступать в чемпионате СССР Иван Станкевич, Василий Трофимов. За необычным матчем наблюдали динамовские руководители, а Малый стадион «Динамо» собрал столько народа, сколько теперь иной раз не увидишь на матче премьер-лиги. Молодежь обыграла «стариков» со счетом 1:0,

Яшин отстоял успешно. Позднее считал, что эта игра предопределила его приглашение в команду мастеров, как он однажды выразился, «учеником вратаря».

Действительно, Чернышев рекомендовал своего воспитанника старому товарищу Михаилу Иосифовичу Якушину. Так осенью 1949 года в расположении главной динамовской команды впервые появился длинный угловатый парень в кургузой солдатской шинели, казавшийся еще более нелепым оттого, что она была ему явно коротка. Но поначалу лишь изредка тренировался с мастерами. Якушин руководствовался правилом: доверяй, но проверяй. Он верил в интуицию и опыт Чернышева, но прежде чем включить его в штат команды, все же сам хотел убедиться в пригодности Яшина для большого дела. А убедившись, в марте 1950 года взял на предсезонный сбор, на котором «Динамо» привычно располагалось в Гагре. Мало того, что Яшин нежданно-негаданно попал в компанию футбольных светил, так еще впервые увидел море, о чем тогда не смели и мечтать.

Начальные впечатления о своем лучшем тренерском «произведении» Якушин суммировал, когда ему стукнуло уже 85 лет: «Впервые я увидел Яшина, когда он играл то ли за первую, то ли за вторую клубную команду «Динамо». Большой, нескладный, не похожий на футболиста. Правда, по-своему он был ловок, хорошо ловил мяч, однако достоинства его были не столько велики, чтобы я обратил на них внимание. А вот в русском хоккее он мне запомнился. Яшин играл нападающим. Неплохо катался на коньках, отлично владел клюшкой. Потом его почему-то перевели в хоккей с шайбой…».

Приняв «подарок» от Чернышева, поначалу Якушин отмечал больше прилежание застенчивого новичка, распекая его за безумные выходы далеко из ворот. Но работавший с дублем второй тренер Иван Иванович Станкевич, известный тем, что в 1945 году в Англии успешно противостоял самому Стэнли Мэтьюзу всячески поддерживал новобранца:

– Да не волнуйся ты. В дубле защитники неопытные, и покидать ворота опасно. Вот когда попадешь в «основу», там другое дело.

Тем не менее первые пробы отлучения с линии ворот относятся именно к играм за дубль. Думаю, Константин Крижевский не совсем прав, пытаясь объяснить выходы вперед скукой, которую Яшин испытывал, когда безучастно стоял на линии: «Яшин жил в воротах, как актер на сцене. Но разве можно жить, стоя на одном месте?» Сказал красиво, как играл, но если бы регулярно наблюдал его в дубле (а состоял тогда в команде

ВВС), объяснение нашлось бы попроще. Насколько я могу судить, Яшина потянула вперед, как бы это ни противоречило тренерским наставлениям, незрелость собственных защитников. Слишком уж часто вратарь оказывался брошенным на произвол судьбы, вынужден был сражаться с превосходящими силами противника. И додумался до крамольного желания эти бесконечные набеги самолично пресекать на корню, а не пассивно дожидаться нанесения удара.

Поначалу одним своим внешним видом, развинченными движениями Яшин вызывал улыбку, а игрой – насмешки. В Гагре на предсезонном сборе, в тренировочной игре за дубль против сталинградского «Торпедо» (как тогда был переименован знаменитый «Трактор»), он выскочил из ворот так далеко, что мяч, сильно выбитый в поле вратарем соперников и подхваченный сильным порывом ветра, опустился прямо в сетку за спиной. Сидевшие на трибуне Константин Бесков, Василий Карцев, Александр Малявкин умирали с хохоту. О таком курьезном голе до поры до времени и слышать не приходилось – хоть заноси в Книгу рекордов Гиннесса.

Когда подобный казус приключился весной 2007 года в английской премьер-лиге, он неустанно демонстрировался телевидением, а просвещенные комментаторы отечественных СМИ тут же вспомнили эпизод яшинской биографии. Разница лишь в том, что происшествие случилось не с новичком, а с вратарем национальной команды Англии, правда, резервным (Беном Фостером из «Уотфорда»), который проглотил пилюлю от основного вратаря сборной (Пола Робинсона из «Тоттенхэма»).

Яшина же ждал конфуз и в дебютном матче за основной состав «Динамо» 2 июля 1950 года. Новый тренер Виктор Иванович Дубинин, который сменил подавшего в отставку из-за разногласий с лидерами команды Якушина, и не собирался его выпускать, но был вынужден: Вальтер (в динамовском обиходе Саша) Саная не залечил травму, а Алексей Хомич в ходе встречи со «Спартаком» тоже получил повреждение, и на 75-й минуте пришлось бросать в пекло Яшина. «Динамо» выигрывало 1:0, но нервные метания по штрафной нового вратаря не могли довести до добра – незадолго до конца игры он столкнулся со своим полузащитником Всеволодом Блинковым, а Николай Паршин добил отскочивший мяч. Получилась нежданная ничья – 1:1.

Еще больше начудила эта «каланча», как его тут же окрестили на трибунах, в следующем матче 6 июля с тбилисским «Динамо». Москвичи уверенно вели в ходе второго тайма аж 4:1, но несколько нелепых ошибок «в голу», и счет уже 4:4. Началось с того, что у нового вратаря нервы не выдержали, когда Николай

Тодрия мешал выбить мяч в поле, и Яшин стукнул его мячом по голове. Арбитр Александр Щелчков указал на 11-метровую отметку. Вслед за этим вратарь опрометчиво выбежал далеко из ворот и получил еще одну «штуку». Не успели москвичи опомниться, как Борис Пайчадзе, сыгравший один из лучших матчей на склоне карьеры, блестящим ударом сравнял счет. И хотя Константин Бесков забитым мячом все же принес команде победные очки, Лев никогда не мог забыть, как глотал в раздевалке горькие слезы, а влетевший туда грозный милицейский генерал скомандовал тренеру: «Гнать сопляка! Чтобы глаза мои его больше не видели!».

Яшина в команде оставили, но, чтобы глаза генералам не мозолить, перевели в глубокий резерв. Решили, что еще может понадобиться. В 1950-м и особенно 1951 годах вратарская ситуация в «Динамо», как, впрочем, и «полевая», сложилась неблагополучная, если не сказать аховая. Ни Хомич, ни Саная не могли похвастать стабильностью и избавлением от травм. Внутренние распри, смена поколений в команде, заговор против Якушина и появление на тренерском мостике Дубинина сказывались на качестве тренировочного процесса и подготовки игроков.

По окончании самого неудачного из послевоенных сезонов (вслед за сплошняком призовых мест – пятое в 1951 году) для руководства Центрального совета «Динамо» была составлена аппаратом аналитическая записка. Она полна идеологических штампов того времени, вроде отсутствия в команде «большевистской критики и самокритики», но есть и попытка разобраться по делу. В частности, приводится мнение Алексея Хомича (для любознательных будет интересна и тогдашняя лексика): «Игра вратаря требует не только физического, но и нервного напряжения. Бывают в игре срывы, были они и у меня. Но как старший тренер относился к этим срывам? Вместо того чтобы строго и объективно помочь устранить недостатки, он меня просто вывел из состава, никакой дальнейшей помощи, деловой критики я не имел. Когда появились срывы в игре товарища Саная, с ним поступили таким же образом. На фоне этого почти совершенно пропало внимание к молодому вратарю Яшину, который имеет большие способности и мог бы играть в основном составе. Только потому, что работа с вратарями пущена на самотек, что нет никакой специальной тренировки с нами, мы не растем…».

Яшин сам себя гонял на тренировках до умопомрачения, да и «классики» Василий Трофимов, Василий Карцев, Сергей Сальников были не прочь остаться после общекомандных

занятий, чтобы постучать по воротам. Они молодого вратаря совсем не щадили, «расстреливали» убойными ударами, а тот не роптал – уж очень хотелось выучиться, смыть позор неудачного дебюта. Нашлись, как всегда, добровольные советчики, которые подзуживали Яшина искать счастье в каком-нибудь другом клубе, но он отказался, признаваясь самому себе, что правильно его отлучили от «основы» и рано еще ему доверять. Решил добывать право на исправление там, где начудил, – в самом «Динамо».

Тем временем наблюдавший со стороны «страдания молодого Вертера» Чернышев предложил ему испытать себя в других воротах – хоккейных. Он явно симпатизировал Льву – не потому, что тот был его протеже. Аркадию Ивановичу импонировала, как он выражался, «жадность увлечения», которой отличался его «найденыш».

В ту далекую пору футбольный сезон был короткий, и почти все футболисты значились совместителями – зимой выходили с клюшкой на лед. Яшин не был исключением, играл, как вы уже знаете, в русский хоккей. Но наступила эра канадского, которому и посвятил себя Аркадий Чернышев, став автором первой заброшенной шайбы в официальных соревнованиях и тренером первого чемпиона страны – «Динамо». Глубокой осенью 1950-го, года смазанного яшинского дебюта в большом футболе, встретившийся на динамовском стадионе грустному неудачнику «крестный» спросил, почти в точности как тогда на Ново-Рязанской:

Может, в шайбу попробуешь?

Да что вы – я эту шайбу в глаза не видел.

Это не беда. Не боги горшки обжигают.

Яшин потом признавался, что клюнул только на обаяние Чернышева – после футбольного конфуза немного угасла вера в то, что в лице симпатичного тренера явилась «госпожа удача».

Аркадий Иванович, отметив про себя способности Яшина в русском хоккее, предложил ему и на малом льду поиграть нападающим. Но Лев не пожелал, так как теперь не мыслил себя вне ворот, пусть и таких миниатюрных. Втайне надеялся, что игра хоккейным вратарем поможет отшлифовать навыки футбольного – уже тогда, выходит, твердо связал свое будущее с футболом. Длинный, в тяжелых доспехах, никак не мог справиться с крохой-шайбой. По футбольной привычке все пытался поймать ее. Ловушка тогда во вратарских рукавицах отсутствовала, и новичок, откидывая клюшку в сторону, норовил ухватить шайбу как мяч, двумя руками, и разбивал их в кровь. Да еще эта резиновая «пуля» не повиновалась, отлетала иногда рикошетом в ворота. Аркадий Иванович подбадривал, учил отбивать, а не

ловить, выставлять клюшку перед собой.

Многому надоумил Яшина и основной вратарь «Динамо» эстонец Карл Лиив (тогда в столичные команды охотно приглашались прибалтийские игроки, потому что до вхождения в СССР эти страны канадский хоккей культивировали). Вратари делили на сборах одну комнату. Карл был молчун, Лев тоже не отличался словоохотливостью. Он невольно перенимал у нового товарища предупредительность в общении и хладнокровие на площадке. Думать не думал, что это пригодится в жизни и в футболе.

Когда Чернышев зазвал Яшина в канадский хоккей, для нас тот был трехлетним ребенком. Но быстро входил в моду, собирал все больше зрителей у Восточной трибуны стадиона «Динамо», где за отсутствием дворцов спорта располагалась главная площадка союзного чемпионата. В «канадских» воротах Яшин, наконец, вошел во вкус, через пару сезонов выиграв с «Динамо» серебряные медали первенства и Кубок страны. Мастером спорта стал, таким образом, раньше, чем в футболе.

В состав «Динамо» на финальный кубковый матч с ЦДСА 12 марта 1953 года попал неожиданно и для себя, и для болельщиков. Аркадий Чернышев оказался в зарубежной командировке, призванный возглавить сборную страны на Всемирных зимних студенческих играх в Вене, где решили ее опробовать, прежде чем выпустить на чемпионат мира. На время отсутствия попросил исполнять тренерские обязанности Василия Трофимова. Тот из канадского хоккея вот уже два года как вернулся было на просторы русского, но в 1953 году снова оказался в «коробке». Это Чернышев попросил его помочь, поскольку «Динамо» испытывало трудности. Василий Дмитриевич говорил мне, что «Адику отказать не мог». А на время командировки Чернышева пришлось срочно ввестись, как говорят в театре, на роль играющего тренера. Мало того, что сам блестяще отыграл финал, не ошибся и с включением в состав второго вратаря. Набиравший силу от игры к игре Лев Яшин Чернышевского «врио» не подвел.

После финального матча, выигранного динамовцами со счетом 3:2, радиокомментатор Николай Озеров прямо возле ледовой площадки брал интервью у Алексея Гурышева. Спросил, в частности, его мнение о «заместителе» Лиива.

– Хорош! – ответил знаменитый бомбардир. – Помяните мое слово, у него большое будущее.

Гурышев оказался провидцем, только большое будущее ждало Яшина не на хоккейном, а на футбольном поле. В футболе же светлые горизонты могли предрекать ему, казалось, только

отчаянные смельчаки. Но, как ни странно, они водились. Завсегдатаи матчей между дублерами все чаще напоминали это имя скептикам, которые после провального дебюта продолжали отмахиваться от него. Прорвало даже «Советский спорт». Практически не освещавшая чемпионат дублеров, газета вдруг, 25 сентября 1951 года, сделала исключение для резервистов ЦДСА и «Динамо». И не потому, что они шествовали во главе турнирной таблицы, а скорее всего для оценки эксперимента по обслуживанию матча двумя судьями в поле (внедрение парного арбитража обсуждается до сего дня – почти 60 лет спустя!). Но любопытно, что вместе с разбором судейского эксперимента в этот редчайший отчет о встрече дублеров попал 22-летний рядовой вратарского корпуса, разжалованный из основного состава: «В команде «Динамо» хорошее впечатление оставляет вратарь Яшин – смелый, решительный, с отличной реакцией игрок».

С каждой игрой Яшина признавали динамовские асы. От известного нападающего Ивана Конова слышали, например, что недалеко время, когда он станет лучшим вратарем страны. А Владимир Савдунин, хотя было не очень принято давать советы тренеру, теребил его, может быть, на правах парторга команды, чтобы быстрее выпускал Яшина в «основе». Сосланный в дубль, тот и в самом деле иногда поражал воображение, прежде всего редкостной реакцией. В частности, только за 1951 и 1952 годы отразил 12 пенальти!

Что творил Яшин в дубле, можно представить себе хотя бы по тому, что не взял столько 11-метровых даже за многие-многие годы последующей известности (два в чемпионате страны, да шесть в международных встречах, включая одну «выставочную»). Не раз читал в нашей и зарубежной прессе, что за карьеру он отразил то ли 100, то ли 150 пенальти, но эти цифры скорее всего принадлежат мифологии. Достоверно известно, что Яшин специалистом по 11-метровым не считался, во всяком случае, не значится среди рекордсменов ни за матч (два пенальти за игру отразить не довелось), ни за сезон (рекорд высшей лиги – четыре отраженных удара с «точки»).

Хотя взятые пенальти показательны для периода его становления, не знаю, имею ли право сопоставлять с годами зрелости. Противостояли-то Яшину не допризывники или сверхсрочники из дубля, а лучшие футбольные снайперы страны и мира, правда, как оказалось, и звезд калибра Роберто Баджо далеко не всегда миновала горькая чаша разочарования после проколов в важных, порой решающих матчах первенства мира и Европы.

Так или иначе, сразу вслед за ледовым финалом Яшин был вызван на предсезонный сбор футболистов «Динамо» в привычную уже Гагру где очередной старший тренер Михаил Васильевич Семичастный после двусторонних игр и спаррингов сказал ему:

– Вижу теперь ты больше готов играть за основной состав.

Как ни жаль было расставаться со своим «крестным отцом», Яшин пренебрег даже нарисованной ему перспективой попасть в хоккейную сборную, а был уже включен в черновой, расширенный список, заготовленный заранее для подготовки к дебюту советских хоккеистов в чемпионате мира 1954 года. Сделав хоккею ручкой, меньше через два месяца Яшин возник перед изумленной публикой из футбольного небытия – второе рождение состоялось в календарном матче с московским «Локомотивом» (3:1). Это был для него двойной праздник – ведь игра проходила 2 мая, когда дома, как повелось, собралась отметить майские праздники большая компания родственников и знакомых. Отметили заодно и удачное возвращение Левы в большой футбол.

А уже осенью вместе с товарищами по команде Яшин овладел вслед за хоккейным и футбольным Кубком. Правда, финальный матч против куйбышевского «Зенита», то бишь по-теперешнему самарских «Крыльев Советов» (1:0), состоявшийся там же, на Центральном стадионе «Динамо» 10 октября 1953 года, не доиграл из-за травмы. За полчаса до конца встречи, впервые, кстати, с довоенных проб (1940) проводившейся при электроосвещении, после жесткого столкновения с куйбышевским нападающим Виктором Бровкиным, его унесли с поля на носилках. Что называется, получил боевое крещение. Пришел в себя, когда в раздевалку с шумом и гамом ввалились светящиеся от счастья одноклубники. Так что полагавшийся круг почета по беговой дорожке не совершил, отложив этот незабываемый миг, оказалось, на целых 14 лет.

Окончательный выбор между футболом и хоккеем, как ни странно, не был для Яшина особенно сложным, хотя его положение в основном составе футбольного «Динамо» еще весной-летом 1953 года, когда большей частью играл Саная, оставалось довольно неопределенным. Я хорошо помню тогдашнего Яшина. В его акциях все больше сквозила уверенность, начисто перечеркивавшая конфуз 1950 года. Много позже злые языки утверждали, что Семичастный медлил с закреплением своего выдвиженца, поскольку кожей чувствовал давление Берии, якобы неравнодушного к Санае. Тем не менее Яшин предпочел туманность своего футбольного будущего уже зазвучавшему было переливу хоккейных медалей на груди и

звонкой монеты в карманах.

Объяснение простое: футбол оказался для Яшина наваждением, от которого невозможно освободиться. Как для многих охотников играть и смотреть. Вроде тех, кто в послевоенные годы, заменяя недоступный из-за дефицита, да и цены кожаный мяч тряпичным, а то и пустой консервной банкой, в любую погоду гонял в футбол во дворе или на мостовой. Или вроде сегодняшних чудаков, которых родное телевидение (чтоб ему пусто было), оставив несколько лет назад часть прямых трансляций Лиги чемпионов только на платном канале, все равно заставляло бодрствовать посреди ночи, когда волей-неволей приходилось смотреть матчи в записи.

Футбол, этот ловец человеческих душ, из знаменитостей прибрал к рукам не одного Яшина. Василий Трофимов, на редкость успешный тренер по хоккею с мячом, более чем зрелым мужчиной с удовольствием откликнулся в 1963 году на трубный глас любимого футбола, призвавший занять совсем не амбициозную вакансию второго тренера сборной СССР. Всеволод Бобров в столь же солидном возрасте проявил охоту к перемене мест: в 1968 году оставил только-только приведенный к первенству хоккейный «Спартак» ради неясной перспективы в неблагополучном футбольном ЦСКА. И совсем начудил на старости лет фанатично влюбленный в хоккей Анатолий Тарасов, который почти через 30 сезонов разлуки с зеленым полем принялся тренировать в 1975 году тот же футбольный ЦСКА. Ничего не попишешь – такова уж манкость футбола.

Попался на эту удочку и Яшин, уже далеко не мальчиком, но мужем воспользовавшийся последним шансом проникнуть на священную территорию большого футбола. И как ни коварна аналогия устремлений игроков и тренеров, молодости и опыта, он оказался единственным среди этих незаурядных фигур, кому дался нелегкий футбольный перелет из обжитого уже, теплого хоккейного гнезда.

Другой, по-моему, более сложный вопрос, почему Чернышев, с которым Яшин очень считался, не стал удерживать его под своим крылом в хоккее, где у найденного им солдата начали пробуждаться заметные всходы таланта, а советовал все же искать счастье в футболе. В книге «Путь к себе» (1974) А.В.Тарасов, отведя немало строк своему коллеге по тренерскому содружеству в победоносной хоккейной сборной СССР 60-х годов, приводит ответ самого Аркадия Ивановича на этот вопрос, который напрашивался, разумеется, и у Анатолия Владимировича в ходе их долгих бесед на занимавшие обоих темы. Вот ответ Чернышева в изложении Тарасова: «Футбол был значительно, неизмеримо

популярнее – там быстро приходила слава. Я понимал, конечно, что Яшину придется бороться за место в основном составе. Но с яшинскими-то данными…»

Московское «Динамо» в 1963 году стало 10-кратным чемпионом страны На снимке (слева направо): сидят – В.Кесарев, В.Фадеев, В.Царев, В. Маслов, И.Численко, В.Короленков, А.Николаев, стоят – старший тренер А.Пономарев, Г.Рябов, В.Беляев, В.Глотов, Г.Гусаров. Э.Мудрик, Л.Яшин, Н.Бобков, Ю.Вшивцев В.Аничкин, тренеры В.Павлов, В.Блинков

Сдается мне, однако, что Тарасов приводит слова Чернышева не совсем точно, несколько переиначив их на свой лад. Аркадий Иванович не мыслил категориями славы. Сам многие хоккейные годы живший под звуки фанфар, не заболел фанфаронством – на это было наложено решительное вето его воспитанием, культурой, твердыми жизненными принципами. Чернышев скорее мог говорить Тарасову не о славе, которую сулил футбол Яшину, а о самоудовлетворении, о признании со стороны людей. Такой оттенок ответа Чернышева больше сопрягается с тем, что он говорил по тому же поводу мне, когда, отклонившись от текущих хоккейных тем, я задал тот же вопрос.

– Интуиция, – промолвил Аркадий Иванович и, видно заметив на моей физиономии разочарование односложностью неопределенного ответа, после некоторой паузы предложил расшифровку. – Интуиция, кажется, подсказала мне, что Яшин

сам больше тяготел к футболу. Мне-то, поймите, не хотелось отпускать от себя спортсмена до мозга костей, которого в нем узрел, но, видно, он сам ощущал, да и я заметил, что его физические данные, рост, длинные руки подходят скорее для больших футбольных ворот, чем для маленьких хоккейных. Хоккей потерял хорошего вратаря, каких много, а футбол приобрел превосходного, каких почти нет. Кто его знает, может быть, мне удалось разглядеть необычность вратарских приемов и уловок Яшина, пробивавшуюся сквозь нелепые ошибки, которые поначалу только смешили людей?

Меня подкупила не категоричность, а вопросительность последней фразы, словно Чернышев стеснялся выставлять напоказ собственные заслуги. И еще подкупили внимательность и интерес к собеседнику независимо от его возраста и положения – я-то был еще начинающим журналистом, а интервью брал для скромной газеты «Московская спортивная неделя». Когда договаривался с Аркадием Ивановичем по телефону, тот поинтересовался, удобно ли мне с ним встретиться там-то и тогда-то. Не то что Тарасов, однажды назначивший мне встречу у себя дома… в шесть утра и не особенно слушавший вопросы собеседника, предпочитая толковать лишь о том, что интересно ему самому.

С Чернышевской деликатностью я столкнулся позже в общении и с самим Яшиным, о чем не премину поведать. Но, помню, подумал тогда, в начале 70-х, о заметном родстве их душ. Скажем, в интеллигентной, мягкой манере разговора. У Чернышева она была аристократичней, у Яшина проще, но оба охотно слушали других, и их была охота слушать. Отношение Яшина к славе тоже было под стать Чернышевскому.

В интервью Валерию Березовскому, которое при составлении календаря-справочника «Футбол. 1979» я попросил коллегу взять у Яшина, Лев Иванович так ответил на вопрос, что ему дал футбол: «Что видят прежде всего? Славу видят, почести, награды. А что слава? Я не отмахиваюсь от того, что было – дружеские объятия, автографы, толпы людей у стадионов и отелей, где мы жили, пресс-конференции и интервью, вспышки блицев и стрекот кинокамер, восторженные глаза мальчишек и милые улыбки девушек – все, что принесла с собой слава. Но если я отношусь к ней спокойно? Если она приятна, но не волнует так, чтоб спирало грудь? Нет, футбол дал мне кое-что более дорогое. Он дал мне уважение людей. Позволил и к самому себе относиться с уважением… Подумайте, мог ли я, парень от станка, мечтать о том, чтобы облететь и увидеть весь мир? Мог ли мечтать познакомиться со многими замечательными людьми?…»

Не сама по себе обрушенная на его голову слава действовала

на Яшина, а прок, который приносил стране и команде, и самое дорогое – уважение людей. Как сформулировала Валентина Тимофеевна, «Лев не любовался славой, не был тщеславным, по крайней мере никогда это не показывал, никогда и нигде не козырял своим именем». К тому же славу свою запросто обращал в шутку. Как-то, уже после прощального матча, спросил жену:

Думала ли ты в 20 лет, что будешь жить с лучшим вратарем мира? – приспособил к своей ситуации известную байку. А Валентина, посвященная в нее, не замедлила с присоленным, вполне адекватным ответом:

А ты в свои двадцать, когда наглухо засел в дубле (четыре года!), за спиной таких корифеев, как Хомич и Саная, думал, что будешь спать с женой известного во всем мире вратаря?

Но шутки шутками, а Валентина, одобряя, что свою безбрежную славу не холил, не лелеял, не использовал почем зря, как-то заметила: «Думаю, что в душе он все же гордился собой. Но потому, что приносил пользу стране, и люди его ценили». Я же многие десятилетия не устаю удивляться, сколько же колючих терний царапало Яшина на пути к этому уважению и самоуважению, сколько пришлось вынести этому человеку, чтобы ему «спирало грудь» от теплого отношения людей.

И снова не постесняюсь заимствовать мудрое слово полного тезки Яшина – Лев Иванович Филатов умел как никто проникнуть в самую глубь явлений: «В 24 года многие футболисты уже знамениты, а ему позднее начало сохранило юность, так, может быть, именно благодаря этому он продолжал как ни в чем не бывало играть в 40 лет? Три года невидимого миру труда, скорее всего, и сделали Яшина великим вратарем».

Филатов представляет читателям свое резюме осторожно, включив оборот «скорее всего». В данном случае я более категоричен, потому что опираюсь на бесспорную фактологию. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: ссылка в дубль вслед за дебютной неудачей 1950 года принесла Яшину неоценимую и мало еще кем оцененную пользу. Именно там он получил необходимую закалку, отточил реакцию, приобрел психологическую устойчивость, прочувствовал себя в роли хранителя ворот. В начале 50-х основной-то состав «Динамо» не располагал сильными защитниками, а дубль тем более. Так что Яшину только и приходилось выручать команду, прерывая бесконечные выходы один на один и парируя в бросках по углам удар за ударом. Он накопил такую уверенность, что свободно вышел с ней на большую аудиторию чемпионата и Кубка страны, осмелел в продвижении новой, динамичной манеры, означавшей вратарский контроль всей штрафной площади. Словом,

ускоренно вырастал в того Яшина, который покорил мир.

Представляете, какой нужен был запас терпения, чтобы пойти наперекор обстоятельствам и ждать нового шанса эти самые три, а отсчитывая от первых тренировок с дублем, почти четыре года действительно «невидимого миру труда» (зачтенного ему только горсткой партнеров, тренеров, завсегдатаев тренировок и дублерских игр). Он терпел, ждал и добился своего.

Это как любовь с первого взгляда, на которую так опаздывал ответ. К слову, чтобы услышать короткое «да» от любимой девушки, ухлопал те же четыре года, прежде чем настойчивое ухаживание завершилось свадьбой с Валентиной Шашковой. И это время стоило потратить, чтобы на оставшиеся десятилетия сложить крепкую семью с двумя дочерьми, а потом и внуками, ставшую для Льва Ивановича прочным тылом, непроницаемым убежищем от профессиональных невзгод и давления внешнего мира. Лишь дома, да еще, вероятно, на любимой рыбалке находил он умиротворение и покой, что могли только сниться в его ответственном и жестком, а то и жестоком деле.

В деле же этом ответ на любовь с первого взгляда, хоть и с существенной задержкой, все же пришел: футбол отреагировал на столь упорное «обольщение» взаимностью на долгие годы, блестящей репутацией надежнейшего из вратарей, одарил счастливыми мгновениями больших и малых побед, друзьями на всю жизнь, знакомством и общением с массой людей, благодарностью болельщиков, путешествиями по десяткам стран.

Все это, однако, не могло предотвратить «мильон терзаний», моральных и душевных травм, физических страданий – на долю Яшина их выпало столько, что никому не пожелаешь. Эта счастливая, во всяком случае, многие годы приносившая ему самому удовлетворение спортивная судьба складывалась и заканчивалась драматически, хотя непосвященным долго (пожалуй, до всполошившей всех потери ноги) казалась совершенно безоблачной. А все потому, что советская реальность по своей жесткости, в отношении Яшина в частности, совершенно не соответствовала выверенности его биографии в пропагандистском сиропе.

Поначалу (точно так же, как в концовке, после ухода с поля) было труднее всего превозмогать непонимание. Оно, ясно, преследовало «сырого» Яшина, но Михаил Якушин, с лета 1950 года отсутствовавший в столичном «Динамо» три сезона, по возвращении тоже обнаружил более чем прохладное отношение окружающих к персоне вратаря, на то время, с его точки зрения, возмужавшего и созревшего для серьезного дела. Неприятие спецов вызывал отказ кипера от канонической привычки

красоваться только на линии ворот.

Существовали, правда, среди вратарей исключения. В 1952 году Якушину пришлась по вкусу линия поведения, которой засветился в Москве страж рубежей сборной Болгарии Апостол Соколов, смело покидавший ворота и действовавший в поле на манер заправского защитника. «Помню, сидел я на «Динамо», – вспоминал Якушин через 40 с лишним лет, – и глаз не мог от него отвести: Соколов все время выходил в штрафную, постоянно двигался и, когда ошибались защитники, раньше всех оказывался у мяча».

В игре Яшина еще в 1950-м, когда Михею прислал свой «презент» Адик Чернышев, просматривались аналогичные замашки. Но тогда в исполнении нового динамовского вратаря они выглядели сомнительно, а временами даже карикатурно. Однако Яшин 1953 года напрочь отметал сомнения Якушина возросшей (хотя и не гарантировавшей от осечек) продуманностью охвата всего прямоугольника штрафной и близлежащего пространства. Именно тогда закладывался первый камень в основание фирменной конструкции яшинских действий.

Этот непривычный вратарский почерк диктовался, как подметил Михаил Иосифович в книге «Вечная тайна футбола» (1988), психофизическими особенностями вратаря и получил там же наиболее взвешенную и емкую характеристику: «Из-за высокого роста (185 см) Яшин был несколько тягуч. И спринтерским стартом не обладал. Но с лихвой компенсировал все это умением выбрать позицию. Хорошо читая игру, Яшин чувствовал, где в скором времени может возникнуть самая горячая точка игры, и поспешал туда заранее, чем облегчал себе дальнейшие действия. Если бы он не выходил из ворот и не вмешивался в события, чуть позже ситуация уже могла быть критической».

В одном из своих последних интервью (1995) Якушин развил это наблюдение: «Чтобы играть на выходах, надо обладать навыками полевого игрока и точно чувствовать ситуацию. Ни на мгновенье ни упуская из виду мяч, в то же время следить за тем, как располагается противник, т. е. читать игру своей обороны. Для этого необходим природный футбольный интеллект. И в этом Яшин превосходил даже такого прекрасного вратаря, как Алексей Хомич. Саная меня устраивал больше, чем знаменитый Тигр, но и он вряд ли сумел бы овладеть новой манерой. Саная был слишком горяч, мог броситься на приманку, а при игре на выходах это крайне опасно. К тому же в технике владения мячом он уступал Яшину, который, обрабатывая мяч, одновременно оглядывал поле, решая, кому сделать передачу. Ну и наконец,

Яшин еще до того, как я вернулся в «Динамо», пытался играть по-новому, поэтому кое-что у него было уже наработано».

Между тем многим другим специалистам непривычные нововведения, как часто бывает, оказались не по нраву. Якушин вспоминал, как реагировал на них председатель Всесоюзной секции футбола Валентин Александрович Гранаткин, сам в прошлом известный вратарь:

Кончайте этот цирк, Михей. Весь народ смеется.

Какой цирк?

Как какой? Что это он у тебя выбегает куда-то, головой играет? Что это такое?

В определенной степени можно даже понять отказ вратарей старой школы принять такую манеру. Каждого учили заниматься своим делом, не мешать партнерам выполнять их работу. Примерно так рассуждал «дедушка» или «прадедушка» Яшина – первый вратарь сборной страны Николай Евграфович Соколов, игравший на 30 лет раньше. По его мнению, даже такой деликатный и милый человек (точно сказано!), как ведущий бек страны Александр Старостин заявил бы вратарю решительный протест, вступи тот в игру у границы штрафной площади, где обязана была хозяйничать защита. Так что и для Соколова новшество выглядело подозрительным, но он оговаривается, что эти сомнения не относятся к «вратарю экстра-класса Льву Яшину». Ветеран понимал, что он-то не мешал, а помогал товарищам делать свое и общее дело.

Правда, говорено это было уже в 60-х, когда все встало на свои места, десятью же годами раньше выволочке, устроенной Якушину возбужденным Гранаткиным, согласно кивал присутствовавший при этом зампред Спорткомитета СССР Константин Александрович Андрианов. Пришлось Михаилу Иосифовичу вежливо, но несколько дерзко возразить начальству:

– Нет, товарищи, это не цирк, а новая, современная игра вратаря. Мы от нее не откажемся.

Якушин не оставался в одиночестве. Находились и другие, но буквально единицы знатоков, кто за новой манерой видел будущее вратарской игры. Среди них был и популярнейший вратарь 30—40-х годов Анатолий Акимов, первым публично оценивший Яшина. Он писал в «Советском спорте»: «Основная задача вратаря – защита ворот, но это ни в коей мере не означает, что он должен играть только в воротах… В связи с этим должен быть значительно расширен круг спортивно-технических навыков вратаря. Он обязан умело бить с обеих ног, производить резкий, скоростной рывок, играть обеими руками, обладать отличной физической выносливостью, мгновенно реагировать и иметь

хорошую прыгучесть. Вратарь должен уметь активно играть вне пределов ворот, что во многом исключит ненужные падения в ноги и избавит от ушибов в столкновении с игроком. Это, безусловно, необходимое качество, однако пользоваться им следует только тогда, когда вратарь достаточно подготовлен… Отрадно наблюдать, как молодой вратарь московского «Динамо» Л.Яшин, обладая в основном необходимыми навыками для такой игры, смело и успешно их применяет. А бояться ошибок и даже грубых просчетов не следует – они неизбежны при освоении нового».

Обращает на себя внимание дата публикации – 1 августа 1953 года. К этому времени Яшин сыграл лишь восемь календарных матчей, из которых в трех первых допускал погрешности на выходах, а избавляться от них начал, когда твердо сменил в основном составе Санаю, т. е. совсем незадолго до одобрительного отзыва Акимова. Стало быть, наметанный глаз ветерана очень быстро уловил и правоту самого подхода к вратарскому делу, и персональную перспективу.

Но сам-то Яшин в 1953-м и даже 1954 году, когда уже начал выступать за сборную страны, все еще ловил косые взгляды, нутром чувствовал недоверие. И только с середины 50-х наступил перелом, потихоньку сдался и Гранаткин. То самое, что сперва не принял, позже считал главным достоинством вратаря «Динамо»: «Много раз я следил за Яшиным, когда на его ворота только надвигалась атака. Он всегда предугадывал следующий ход форварда и уже заранее начинал двигаться в ту же сторону, выбирая место».

В сотнях, может быть, тысячах статей, интервью, воспоминаний о Яшине отзывы о его вратарской силе и оригинальности сводятся к выбору места и выходам из ворот. Размышляя о Яшине, эти знаки различия и превосходства обойти действительно невозможно, и мы с вами еще отдадим им дань. Но за десятки лет никто, пожалуй, не пытался раскрыть затаенную природу, если хотите, загадку вратарской натуры Яшина. Один только Лев Филатов незадолго, видимо, до своей кончины (1997) отважился на проникновение в тайны этого победительного отхода от привычного стереотипа. Статью или, возможно, заготовку для книги обнаружила, когда его уже не стало, вдова Филатова. Там есть прелюбопытные наблюдения.

«Одну из загадок яшинской вратарской одаренности я вижу, – писал Филатов, – в его неординарной внешности, в особенностях его телосложения. По всем своим данным – росту, длине рук, широкому шагу – он словно бы дополнял, завершал собой ворота, если их рассматривать как скульптурную композицию. Есть

прекрасные вратари, но из-за нехватки нескольких сантиметров роста под вечным сомнением оставались верхние уголки их ворот: дотянутся ли, когда нужно будет? Другие – плотно сбитые, мускулистые, крупноплечие, как-то они себя проявят в отчаянный момент, когда спасти может лишь не поддающийся учету ящеричный изгиб? Или уж очень высокие двухметровики, сложатся ли они пополам, упадут ли в мгновенье ока поперек невидимому мячу? Яшин в воротах никаких сомнений не вызывал, воротам он был впору, от бога вратарь».

Между прочим, совершенно независимо от советского журналиста, «Франс футбол» тоже сделал вывод, что «природа от рождения заложила в нем прекрасные морфологические данные: длинные руки, длинные ноги и широкие ладони». Сам Яшин посмеивался, что до вторжения футбола в его жизнь стеснялся и своего роста, и своих большущих рук, не знал, куда их спрятать, вжимал голову в плечи, чтобы казаться ниже.

Превосходным слогом, как, впрочем, всегда у Филатова, выхвачен заведомый антропометрический перевес Яшина, но это заключение, вполне подходящее для эпохи, когда он играл, и еще, может быть, следующей, сегодняшняя футбольная жизнь безжалостно корректирует. Наступила вратарская акселерация. Вместе с полевыми игроками намного подросли, раздались в плечах и современные вратари. Теперь это в основном гиганты под два метра и сотню килограммов. А какие-то 60 лет назад рост Яшина соответствовал определению «высокий», теперь же со своими 185 сантиметрами, да худощавым телосложением он вполне мог быть отсечен, не добравшись до команды мастеров. Правда, Игорь Акинфеев с теми же данными, напротив, быстро проник в основной состав, но его талант был виден невооруженным глазом. При этом считается, что рост – его единственный недостаток. Ну, положим, не единственный, во всяком случае, ему еще предстоит нарабатывать взаимодействие с защитниками, нечасто еще выручает Игорь в тяжелых матчах, но в чем-то превосходит самого Яшина, скажем, в игре ногами. Так или иначе, растущая плотность и жесткость схваток в штрафной востребовала более рослых и мощных киперов. Они и пополам складываются, и гибкость с пластичностью предъявляют зрителям. Внешность некоторых почти двухметровых вратарей (вроде, извините за вынужденный каламбур, чеха Чеха из лондонского «Челси») впору воротам не хуже тогдашней яшинской. Так что особенности телосложения представляют одну из разгадок исключительности Яшина для своего времени. Что ж, уже немало. Но ему не зря ведь присвоен общественным мнением высший ранг вратаря на все времена.

Еще одну разгадку яшинского феномена Филатов обнаруживает в двигательной легкости, раскрепощенности: «Едва он приходил в движение, как становилось очевидным самое ценное – его расслабленность в плечах, в поясе, в кистях рук, в коленях, та расслабленость, которая одаряет вратаря ощущением свободы, легкости, власти над мячом и в плоскости ворот, и в штрафной площади. Понаблюдав за ним не в деле, не в воротах, не в спортивной спецодежде, а где угодно – на лестнице, в машине, за оживленным разговором, смеющимся, танцующим, тоже нельзя было не заметить, как он раскован, волен, походка у него была неуловимая, с наклонами, веселая, словно он постоянно готов к чему-то непредусмотренному».

Спасибо мэтру нашей футбольной журналистики, что с приведением этих слов я избавлен от нужды набрасывать внешний облик Яшина – все равно лучше бы не сумел. Но в этом наблюдении он еще и близок к истине в извлечении искомого вратарского секрета. Достаточно упомянуть, что лучшие знатоки мирового футбола видят непобиваемый козырь бразильцев в их мышечной свободе, природной расслабленности, в способности к мгновенному, как выстрел, телесному напряжению, чтобы получить зрительный и спортивный эффект.

Жена Валентина чуть критично оглядывала шарнирную фигуру мужа, подтрунивала над ним, ставила в пример стройность и выправку того же Виктора Царева с абсолютно прямой спиной. Но Царев, футболист хороший, мировой величиной не стал. А разбросанные, нескладные движения Яшина, на первых порах воспринимявшиеся смешными и даже не совсем спортивными, сослужили ему самую добрую службу на пути к мировому признанию.

Не столько возразить, скорее дополнить верное наблюдение Филатова стоит лишь напоминанием о яшинском добровольном отказе от этой своей расслабленности для сосредоточения на игре, где бы она ни проходила, даже далековато от его вратарской обители. Яшин был первым голкипером, чье участие в действии не ограничивалось непосредственным вступлением в него – остановкой мяча, летящего в ворота, или выходом навстречу ему. Даже когда был, казалось, свободен от выполнения своих прямых обязанностей, все равно оставался в деле, и эта бесконечно полезная для команды миссия требует отдельного разбора во всех деталях, лишь подчеркивающих его вратарское величие. Ясно только, что такая миссия обязывала к длительной психической, а значит, в определенной степени и физической концентрации, когда положение «вольно» смывалось периодическим напряжением. Так что привычное мышечное

расслабление, эта важная примета яшинского таланта, объясняет в нем многое, но не все.

Возьму на себя смелость продолжить затронутую моим добрым старшим товарищем тему. Мне кажется, тайну этого вратарского образа способна приоткрыть наряду с «филатовскими» слагаемыми присущая Яшину естественная координация движений, выработанная в детские годы охотным, более того, жадным участием в разных ребячьих забавах и спортивных развлечениях. Нежно вспоминая эти годы, Лев Иванович недаром славил дворовый футбол, приравнивал его в наших условиях даже к знаменитой Копакабане – необъятному пляжу в Рио-де-Жанейро, где в бесконечных футбольных сражениях как бы сама собой рождается бесподобная артистичная ловкость бразильских футболистов. Когда в 70-е годы дворовый футбол начал стремительно исчезать, не кто иной как Яшин забил тревогу, нутром ощущая надвигающееся неблагополучие, получившее сейчас свое крайнее выражение, когда любые свободные пространства дорогушей земли хищно застраиваются офисами и развлекательными центрами. А ведь помимо дворового футбола в яшинском детстве таились и другие источники двигательной культуры, придавшей его игре свободу и вольготность самых разных движений.

Мне уже приходилось писать применительно к Василию Трофимову, Борису Пайчадзе, Сергею Сальникову, что широкий спектр спортивных увлечений при отсутствии в те годы ранней специализации стал главным условием взращивания разносторонних атлетов с самыми широкими возможностями. При детских успехах Сальникова в теннисе (чемпион Москвы среди мальчиков) его нетрудно было бы представить в ряду первых ракеток страны, если бы еще юношей Сергей не перебрался с кортов на футбольное поле. Точно также легко вообразить Пайчадзе, выросшего в приморском Поти, рекордсменом плавания, которым он успешно занимался в пионерские годы.

А разве тем, кто имел возможность лицезреть Яшина в других спортивных одеждах, требуется особое воображение, чтобы представить его квалифицированным футбольным или хоккейным (бенди) форвардом, а тем более хоккейным (шайба) голкипером, если бы удалось развить свои различимые способности в этих амплуа? Кстати, славные футбольные годы обнаружили в Яшине и явные задатки баскетболиста и ватерполиста, в коих он перевоплощался на тренировочных занятиях.

Ничего удивительного: талантливый человек талантлив во

всем. Если не во всем, то во многом. Из смежных, разумеется, областей. Талант, художественный ли, спортивный ли, часто многолик и многоцветен. Французский художник Жан Огюст Доминик Энгр как скрипач музицировал с самим Ференцем Листом, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн оставил прекрасные рисунки, пианист Святослав Рихтер успешно занимался живописью. Спортивных примеров тоже не счесть. Потому что основа их общая – координация.

И хотя в разных видах спорта и даже разных ролях одного вида задействованы неоднородные группы мышц, координация, ловкость, быстрота реакции, да и мышления, как правило выплывает наружу в несхожих спортивных обстоятельствах, на площадках и аренах различного размера и предназначения. Яшину даже мальчишьи прыжки на лыжах с крыш оказались, судя по его словам, лыком в строку: «Падали, ушибались, набивали синячищи, но зато учились держаться крепко на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом».

Когда волею судьбы, а если конкретно, – своего первого тренера Владимира Чечерова Яшин случайно очутился в рамке ворот, то невольно мобилизовал, поставил на службу новому, непривычному делу природные задатки и детские наработки общей координации, а с годами неустанными тренировками присоединил к ней специальную, вратарскую. Возможно, и недостаточно такого дополнения к филатовской попытке разгадать яшинскую тайну, чтобы добраться до самых глубин, до самого дна в расшифровке секрета спортивной гениальности этого человека. Смиримся, однако, с тем, что гений не поддается полному пониманию и исчерпывающему объяснению, всегда сохраняет некоторую таинственность своего происхождения.

«Как случилось, – писал Лев Филатов, – что Яшин после невероятно долгого по футбольному летосчислению отсутствия сразу заиграл в полную силу, вероятно, останется тайной. И все же не поверим в чудо, не сделался он вратарем высокого класса «в один прекрасный день». Дарование всегда было с ним. А самообладание и то, что ворота с их восемнадцатью квадратными метрами (приличная комната!) были им обжиты, – все это пришло к нему в изгнании, как награда за то, что не пал духом, остался в «Динамо», не затаив ни на кого обиды, и не считал, из скольких часов должен складываться его рабочий день».

Охотно подписываюсь под этими словами.

Укоры

Всего за два года (1953–1954), когда с трудом улетучивались сомнения в его профпригодности даже у части экспертов, Яшин сделал стремительный рывок от полного негатива в восприятии и последовавшего забвения к признанию и признательности. Непроницаемость яшинского рубежа создала с середины десятилетия глубокие предпосылки успехов московского «Динамо» и сборной страны, для которых именно 50-е годы стали самыми триумфальными во всей их биографии. Так что если в планетарном масштабе Яшин получил наивысшие лавры в 60-х годах, вполне надежная и ровная игра ему очень даже удавалась намного раньше. «Уже в 1954 году, – вспоминал второй вратарь «Динамо» и сборной страны Владимир Беляев, – Яшин заиграл так, что стало ясно: ему нет равных. Какие бы комплименты ни расточали Яшину позднее, все равно считаю лучшими его годами 1954—1956-й». Мне как очевидцу остается только присоединиться к мнению, что это были годы наиболее гармоничного соединения свежих красок и твердокаменной прочности в игре долголетнего лидера советских вратарей.

Однако пора удач и вдохновения тоже, оказывается, дает повод для пересудов и кривотолков. Спустя полвека в прессу начали активно вбрасываться давно похороненные намеки, будто вратарское благополучие Яшина в определенной мере строилось на сооружении своеобразной «линии Мажино», как назвали впоследствии прочную защиту «Динамо» и сборной страны второй половины 50-х годов. Между прочим, и сейчас иногда отпускаются подобные шпильки в адрес Джанлуиджи Буффона из «Ювентуса», чемпиона мира 2006 года в составе сборной Италии, и Петра Чеха, отстаивающего рубежи «Челси» и сборной Чехии. Но и мощный щит, воздвигаемый на пути к их владениям, не освобождает сегодняшних лидеров вратарского дела ни от превентивных, ни прямых усилий во спасение домашнего очага. В этом не раз могли убедиться огромные аудитории зрителей и телезрителей.

На последнем чемпионате мира в Германии (2006) оба, особенно Буффон, предъявляли нам свое великолепие независимо от того, приходилось ли, держа себя в постоянной готовности, выручать команду раз-другой за матч или отражать каскад сложных ударов, от которых в равной борьбе не в состоянии порой застраховать самая крепкая оборона. И еще неизвестно, что труднее – при разреженных угрозах сохранять мобилизованность, копить концентрацию или все время находиться в режиме

высокого игрового напряжения. Не зря считается, что для вратаря лучше много работы, чем мало: мышцы разогреты, внимание обострено.

Аналогичные, а то и более суровые испытания (поскольку не родилась еще мода отходить назад всей командой) выпали и на долю одного из «предков» современных стражей ворот – Льва Яшина уже в первые годы триумфа в «Динамо» и сборной СССР. Разница в том, что жалкая мыслишка поддеть Буффона и Чеха приходит на ум кому угодно, только не серьезным аналитикам, попытки же уязвить Яшина таким грошовым способом мы слышим из уст человека с каким-никаким положением в футболе или же от его имени.

В поступившей сравнительно недавно на книжный рынок несъедобной выпечке под маркой Вадима Лейбовского сразу ощущается прогорклость исходного продукта: абсолютной недостоверностью пахнут усердные потуги представить облегченными экзамены, которые пришлось держать Яшину, преуменьшить пройденные им испытания. Чтобы порадеть родному человечку, своему герою и соавтору, не грех вслед за ним умалить, разбавить достижения недоступного конкурента отменным предохранением со стороны классных защитников. Эту ложную идею призваны подкрепить столь же ложные исчисления. И вот уже «сухие» матчи Яшина оцениваются ниже маслаченковских, поскольку «добрую половину календарных игр Маслаченко защищал ворота команды железнодорожников – значительно более слабой, чем московское «Динамо», в котором многие игроки были и игроками сборной СССР. Рабочая нагрузка у Маслаченко была намного выше» (выделено мной. – *А.С*).

Такое объяснение зависимости вратарских достижений от силы компаньонов не выдерживает проверки самими цифрами. «Добрая половина» игр за «Локомотив» на деле оказывается одной третью (109 из 315 встреч на первенство СССР), да еще лукаво умалчивается, что Маслаченко значительно реже был задействован в международных матчах, которым придавалось тогда повышенное внимание даже при их товарищеском характере. Особенный контраст вырисовывают матчи за сборную страны: на счету Яшина таких встреч в 10 раз больше (80 против 8), не говоря уже об уровне матчей (за его плечами игры против всех лучших национальных сборных, и прежде всего суперответственные – на чемпионатах мира, Европы, Олимпийских играх). Вот и судите, у кого больше была «рабочая нагрузка».

Прежде чем перепоручить Лейбовскому скользкую тему, Владимир Маслаченко и сам не раз упражнялся в попытках хотя

бы частично списать успехи Яшина на счет его коллег по защите. За несколько лет успел даже перекочевать из обширного газетного интервью в книгу, потом в другую один и тот же, видно, дорогой автору пассаж. Дипломатично, в уважительном к Яшину тоне изложенный, этот текст не оставляет, однако, сомнений, что преследовалась задняя мысль – лишний раз ущипнуть старшего коллегу, и в бочку меда, раз уж ее не по силам опрокинуть, была запущена большая ложка дегтя: «Не думаю, что почитатели нашего великого вратаря обидятся, если скажу, что Лев Иванович какими-то выдающимися природными данными не обладал. Что было при нем – так это отменная реакция и, самое главное, завидный вратарский интеллект. Он удивительно точно и тонко читал игру. Кроме того, в московском «Динамо» тех лет играли такие прекрасные защитники, как Кесарев, Крижевский, Кузнецов, присутствие которых на поле расширяло возможности вратаря, делало его необыкновенно смелым на выходах (выделено мной. – *А.С.)*».

Еще бы, как не играть, когда впереди тебя могучая троица Владимир Кесарев – Константин Крижевский – Борис Кузнецов. Но больше трех сезонов, ошеломивших неожиданным взлетом Яшина сразу вслед за дебютным провалом, позицию правого защитника в «Динамо» занимал Анатолий Родионов, а связка этих самых трех «К» отмечена 1956 годом рождения, когда Яшин уже прочно утвердился первым номером среди вратарей в глазах самых строгих экспертов. В сборной же три «К» объявились лишь в 1957–1958 годах – к тому времени позиции Яшина, его надежность были уже два-три сезона как совершенно неоспоримы. И в дальнейшем «расширяли возможности» вратаря все новые и новые сочетания защитников. Не значат ли такие, на первый взгляд, мелкие уточнения, что дело прежде всего в этих самых возможностях, а не в именах «расширителей»?

И все же, несмотря на то, что игра Яшина действительно излучала уверенность и стабильность с середины 50-х (возможно, действительно более прочную, чем в 60-х, когда он обрел всесветные симпатии, но стал чаще побаливать), сомнения в те самые 50-е продолжали сопровождать некоторые отзывы о его персональных заслугах, если не публичные, то кулуарные. Помню, тогда под щитом с таблицей чемпионата страны, вывешенном у входа на Западную трибуну московского стадиона «Динамо», с утра до позднего вечера гудели болельщики. Они специально являлись послушать новости и слухи, да и поспорить, или, как тогда говорили, поглотничать. Я там бывал и тоже как-то слышал, что Яшин мало пропускает потому, что его искусно прикрывают три «К».

Честно говоря, эта реплика сбила меня с толку. Что там спорить, динамовская защита Кесарев – Крижевский – Кузнецов представляла собой крепкую броню. Потом-то я присмотрелся и, возможно, стал лучше разбираться, решительно отбросив все сомнения в самоценности прикрываемого ими вратаря. Но судя по отголоскам скепсиса, проскальзывающим в сегодняшних опусах Маслаченко, оценки Яшина и в самой футбольной среде 50-х годов не были безоглядно и однозначно хвалебными. Возможно, не только какую-то часть болельщиков – даже отдельных спецов продолжала вводить в заблуждение скупая на внешние эффекты манера действий, которая покоилась на выборе простых, казавшихся элементарными приемов, а полеты за мячом и броски по углам оставляла на крайний случай.

«Приходилось слышать – Яшин в сугубо футбольной среде бывал не защищен от критики сугубо нелицеприятной, – что при столь искусной защите, как в «Динамо», и другие вратари могли бы похвастать подобной непробиваемостью».

Из этих рассуждений Александра Нилина вытекает, что сила Яшина какими-то неназванными оценщиками напрямую отождествлялась с сильным прикрытием, и если бы не партнеры, якобы не приходилось бы говорить о непробиваемости этого вратаря. Но критика в реальности была вызвана, скорее, не его сомнительной надежностью, а непонятыми поначалу новшествами, которые устами самих же непонятливых волшебным образом довольно быстро оказались возведенными в новаторство. Тема же непробиваемости развивается и проясняется автором приведенного высказывания весьма своеобразно: «Действительно, Кесарев, Крижевский и Борис Кузнецов оставляли мало шансов нападающим противника. Но как забыть о том, что задолго до перехода у нас (после чемпионатов мира пятьдесят восьмого и шестьдесят второго годов) на систему с четырьмя защитниками Яшин фактически предложил ее исполнение партнерам».

То есть и без вратаря три «К», как правило, справлялись с соперниками, а он лишь помогал им, встроившись четвертым в защитные порядки. Такое «оберегание» Яшина от скептического восприятия его отдельной ценности, о котором «приходилось слышать» автору мутных разглагольствований, только напускает больше тумана, так что становится неясно, то ли есть желание эти сомнения развеять, то ли, наоборот, закрепить.

Хотя вратарь более чем активно помогал трем «К» в качестве дополнительного оборонца, но к бразильской системе четырех защитников (кстати, внедренной у нас только после 1962-го, а не 1958 года, то есть, как повелось еще с 30-х, с заметным

опозданием), эта цифира имеет весьма относительное, чисто арифметическое касательство и по сути дела неприменима. С подобным аргументом наперевес, похоже, только делается вид, что берется под защиту личная, вне зависимости от партнеров, ценность Яшина. Верно, что «сильная защита во взаимодействии с инициативным вратарем являла собой комбинационную завязь», но сама по себе сохранность яшинских ворот такой завязью не выражалась и не объяснялась, а только дополнялась.

Прочность замка на воротах Яшина, с моей точки зрения, скорее находила выражение, пусть и косвенное, парадоксальное, в… неохотности ударов, которые по ним наносились. Никто, конечно, специально не подсчитывал (до статистики ударов еще не додумались), но постепенно у внимательных наблюдателей складывалось твердое – и абсолютно верное – впечатление, что по воротам Яшина бьют реже, чем по другим.

Может быть, как раз потому, что помехой форвардам становились те самые три «К»? Отчасти так и было, но только отчасти. Яшин действительно влился в честную компанию еще одним, более или менее равноправным защитником и вместе с этой самой тройкой пресекал возможность доводить атаку до удара по воротам. Разделяя с Крижевским положение «короля воздуха», он снимал мяч за мячом вверху – если не удавалось поймать, выносил, а чтобы подальше от ворот – обязательно кулаком, вовсю орудовал также ногами и головой, попервоначалу заглядывая в глаза Якушину: одобрит ли? Тот яшинские новации поощрял, корректируя, правда, в своей обычной подковыристой манере:

– Когда играешь головой, Левушка, кепочку-то снимать не забывай…

Наши современники молодого и даже среднего возраста едва ли представляют себе, что в полунищие послевоенные годы все уважающие себя футболисты форсили в буклевых кепках, сшитых кустарями-одиночками из Столешникова переулка, чуть ли не единственными оставшимися тогда частниками, а предшественники Яшина, такие вратари, как Анатолий Акимов, Владимир Никаноров, Леонид Иванов без этого популярного головного убора не мыслили себе выход на поле. Сам Яшин придерживался такой традиции до начала 60-х годов, пока его неизменная кепка совсем не истрепалась. Когда по совету тренера динамовский вратарь сдергивал ее с головы, прежде чем принять верховой мяч, это потешало публику. Но трибуны первое время плохо понимали вратарскую профилактику опасности, черновую работу Яшина по «зачистке» штрафной и судили вратаря, как давно привыкли, по падениям и броскам. Это только потом

усвоили, да и то не все, что классный голкипер добивается своего меньшим использованием падений.

«Какие «три К», кто это придумал?». Действительно, судя по снимку во время авиарейса (1992), этих самых «К» – четыре! На переднем плане – лучшая тройка защитников в советском футболе 50-х годов (слева направо) В.Кесарев, К.Крижевский, Б.Кузнецов, позади них – полузащитник В.Короленков

Однако если не удавалось заранее отвести опасность, а непосредственная угроза воротам возникала достаточно регулярно приходилось, конечно же, нырять за мячом, пластаться по газону и Яшину (проверяя память, могу судить по записям, сделанным по горячим следам календарных матчей 1953–1960 годов). И прав Владимир Беляев – его старший товарищ уже в первые сезоны присутствия в большом футболе «тянул такие мячи, которые, казалось, невозможно отразить даже теоретически». Тем самым неподдающийся вратарь насторожил и отрезвил атакующих. Наиболее наблюдательные «футболоведы», такие, как М. Сушков,Б. Цирик, Л. Филатов, подметили, что бомбардиры считали делом бесполезным частить с обстрелом, открывать канонаду по воротам Яшина, старались бить лишь наверняка и избегать механических ударов, в особенности плохо подготовленных, в предположении, что он такие удары все равно возьмет, выставляя бьющего просто на смех.

Такую психологическую подоплеку противостояния Яшину как-то раскрыл в разговоре со мной Анатолий Исаев: «Лева выдвигался чуть вперед, раскидывал длиннющие руки и загораживал все ворота, даже щель, казалось, не оставлял. Удар невольно задерживался и откладывался, начиналась переброска мяча друг другу, а это ему с защитниками только и надо было, чтобы перегруппироваться и подготовиться к новому выпаду».

Другому спартаковцу – Алексею Парамонову, урожденному форварду, который переквалифицировался в атакующего хава и в этом качестве тоже немало забивал, журналист Игорь Горанский при подготовке его мемуаров «Футбол – моя судьба» (2005) задал интересный вопрос: «Какую роль играла личность вратаря, который защищал ворота? Вам было все равно, кому забивать, или вы по-разному относились к стражу ворот?» Вот ответ Парамонова: «Конечно, по-разному. Когда я забивал свой первый гол вратарю Ермасову (из сталинградского «Трактора». – *А.С.),я* его совсем не знал, как, к примеру, Яшина. Яшину я бы не стал бить: ему с 25 метров не забьешь… Авторитет вратаря, несомненно, играет определенную роль». И этот авторитет, судя хотя бы по такой взвешенности подхода атакующих к почти гамлетовскому «бить или не бить», он делом заслужил уже в 1954 году, иначе говоря, на второй сезон закрепления в основном составе «Динамо»!

Эдуард Стрельцов вспоминал, насколько в 50-х «с динамовцами трудно игралось. Мы с Кузьмой (Валентином Ивановым, а прозвище от его отчества Козьмич. – *А. С.)*считали, что Леве Яшину забить просто невозможно… Как забить – не знаем. Доходим до ворот – начинаем мудрить. Не можем принять окончательное решение, когда бить…» Кузьма, в свою очередь, сетовал: «Сколько я ему не забил! Один на один выходил – ну некуда мячу деваться, кроме ворот, ан нет! Он был какой-то многорукий и многоногий…»

И в самом деле, били редко, забили немного: Стрельцов – только два гола в 1956 году, Иванов, по разу «наказав» Яшина в 1954 и 1955 годах, вообще не забивал ему с игры в 1956—1958-м. Не знаю, как для кого, но для меня личные доказательства непосредственных оппонентов Яшина, примерявших на себя потенциал вратаря, – в данном случае Исаева, Парамонова, Стрельцова, Иванова (а такие свидетельства при желании легко умножить), представляют собой значительно большую ценность, чем досужие поиски силы вратаря в сопутствующих обстоятельствах.

К 60—70-м годам, когда сблизился с Константином Крижевским, я уже начисто забыл, что существовали когда-то

даже малейшие попытки плотно привязать яшинские достижения к мощи его защитников. Эти сомнения давно улетучились, но Костя, как-то заговорив о Яшине, задним числом невольно дал отповедь всем тем, кто по недомыслию или непониманию тонкостей, укалывал его тогда ссылкой на прочность заграждения. Получается, что это была и отповедь наперед реаниматорам вздорной версии, которые уже по злому умыслу (принизить Яшина, чтобы подравняться с ним), пытаются хоть чуть, но обесценить этим доводом его заслуги.

Об умысле приходится говорить, поскольку невозможно поверить, чтобы профессионал вдвойне (футболист и комментатор) за столько лет не смог ни понять, ни оценить по достоинству установленное Яшиным полное взаимопонимание с защитниками, поразительную игровую коммуникабельность как его достижение, а не свалившуюся с неба манну небесную. Доминанта яшинской игры как раз в том и заключалась, что он не отсиживался за спинами защитников, а сам активно поддерживал их и тем самым делал сильных партнеров еще сильнее.

Потому-то Константин Крижевский в том самом разговоре насчет Яшина (а случился он, если не подводит память, в 1974 году) так выразил свое отношение к давно истлевшему, а уже в наши дни вновь всплывшему спору о своем незабываемом партнере: «Еще когда играл, слышал, будто Лева за нами, как за каменной стеной. Но он же вместе с нами клал ее по кирпичику – и своими подсказками, куда бежать, кого «взять», и учащенным включением в игру Просил нас не прижиматься к воротам, больше действовать на передних подступах, чтобы расчистить пространство перед собой, получить свободу маневра. Предложенная им система ставила соперников в тупик. Думаю, скорее не Яшин был за нами, как за каменной стеной, а мы чувствовали себя спокойнее и увереннее, имея за спиной такого вратаря. Ни с кем из них не игралось так славно, как с Яшиным!»

Это было настолько единое и неделимое целое, что установить, кто у кого был за каменной стеной, честно говоря, затруднительно. Лев Иванович не мог, например, забыть такой эпизод, случившийся при счете 1:0 за полторы минуты до конца матча с ЦДСА в первом круге чемпионата СССР 1956 года. Он выходит на перехват после навеса с левого фланга и после толчка в спину, пропущенного арбитром, теряет равновесие. Воспользовавшись этим, Валентин Емышев головой посылает мяч в пустые ворота. «И вдруг в воздухе проносится Крижевский, похожий в своем невероятном прыжке на солиста балета, каким-то чудом дотягивается до мяча уже на линии ворот и в падении ударом через себя возвращает мяч в поле. Стадион неистовствует.

Матч спасен. А ведь таких случаев были десятки…» – обобщает Яшин. Но и случаев обратной страховки немерено.

Спустя полвека свои мысли и чувства к партнерам эмоциональный Владимир Кесарев вложил в несколько восклицаний, в которых фигурируют Крижевский, Кузнецов, Соколов, Царев и, конечно же, Яшин: «Вот Костя – это была фигура! А Борис! А Сашка Соколенок! А Царь! Ну, без Льва-то у нас вообще бы ничего не вышло! Какие три «К», кто это придумал? Лев был главный, тут и спорить нечего!».

Не разделяя кесаревское отрицание важности трех «К», в то же время поддерживаю его представление о соразмерности ролей в динамовском оборонительном ансамбле, где определенно верховодил Яшин. С поправочным добавлением опущеннной из скромности собственной персоны Кесарева. Но мне по душе, потому как по правде, включение в эту обойму и полузащитников. С появлением Виктора Царева (1955) Якушин возвращался к идее сдвоенного центрального защитника, которую вынес на суд знатоков еще в 1945 году (Михаил Семичастный, Леонид Соловьев) и начал вторично практиковать в московском «Динамо» второй половины 50-х (Крижевский, Царев). Другими словами, предвосхитил победное шествие системы 1 + 4 + 2 + 4 за 13 лет до ее рождения и признания на чемпионате мира 1958 года, а еще 10 лет спустя, опять-таки до презентации ее бразильцами, уловил, что она уже носится в воздухе.

В этом раскладе Яшин становился вовсе даже не четвертым, а пятым защитником. Но первым по воздействию на ход событий, как точно измерили игровой и моральный вес своего вратаря Крижевский с Кесаревым – один 35 лет назад, другой в наши дни, когда общался с моим товарищем, известным журналистом Павлом Алешиным, записавшим несколько горячих монологов Кесарева для книги об этом незаурядном защитнике и острослове («Футбол – моя судьба», 2005).

После столь активного неприятия сомнительной идеи некоторым образом противопоставить Яшина трем «К» может показаться странным мое утверждение, что, случалось, вратарю за их спиной действительно нечего было делать. Но такую ситуацию никак нельзя назвать доминирующей в их пятилетнем содружестве, да и это временное явление возникало исключительно редко. И не на первых порах совместной работы, когда они общими усилиями, но, как подчеркивали партнеры Яшина, под его началом, устанавливали и налаживали единое понимание игровых эпизодов (так что яшинский взлет такой «крышей» не объяснишь), а на финишном отрезке сотрудничества, когда взаимодополнение было упрочено до автоматизма.

Так случилось в первом круге чемпионата страны 1959 года (6 пропущенных мячей в 10 играх первого круга, без учета одного отложенного и позже сыгранного матча, из них 5 игр «на ноль», некоторые даже без травмированного Крижевского, успешно замененного Царевым). Но такие отрезки «простоя» вратаря по вине своих защитников, кажется, больше не отмечались. Отдельные матчи, правда, выпадали. Как, например, кубковая игра с ЦСКА в 1960 году (1:0 в пользу «Динамо»). Но Яшин не расслабился, не потерял бдительности. «Буквально за секунду до свистка, – писал «Футбол», – Линяев издалека пробил с огромной силой и прямо под планку, да у «Динамо» вратарь таков, что, простояв, по существу, без дела весь матч, и в эту последнюю секунду он был максимально собран и ко всему готов. Потому что он был Яшин».

Как ни парадоксально, против своей безработицы и, казалось бы, беззаботного существования поднимал бучу сам вратарь. Яшин умом и сердцем ощущал вред бездействия, чреватый потерей тонуса и провалами в будущих играх. И при этом свой протест выражал достаточно бурно, удивляясь, мне кажется, непониманию такого проницательного тренера, как Якушин. Мирный и смирный, возбуждался порой в напряженных играх настолько, что оправдывал в них свое грозное имя – могло достаться и своим игрокам, и чужим. В результате же его вынужденного безделья в некоторых встречах первого круга 1959 года досталось тренеру. Михаил Иосифович даже растерялся, когда после выигрыша у «Крыльев Советов» (3:1) Яшин, влетев в раздевалку, в сердцах швырнул перчатки и кепку в угол со словами:

Хватит с меня, больше не играю! Ставьте Володю! (Беляева. – АС.)

В чем дело, Лев? – не понимает Якушин.

Что это за игра – за девяносто минут вынул мяч из сетки – и баста? Из-за них, – кивает в сторону защитников, – я все время без мяча, так могу и «плюху» какую-нибудь пропустить!

Не горячись, что-нибудь придумаем, – и тренер, оборачиваясь к защитникам, дает задание крайним – Кесареву и Кузнецову – нет-нет, да и откатывать мяч Яшину, чтобы чувствовал его, не остывал.

Во втором-то круге 1959 года, когда ситуация у динамовских ворот намного чаще осложнялась повышенным давлением соперников, Яшину приходилось совершать череду отчаянных, как теперь принято выражаться, сэйвов, словом, работать уже на полную катушку, а ему только это и надо было. Защитникам же, в свою очередь, надо было, чтобы за спиной командовал, ворчал и,

разумеется, активно действовал Яшин.

«Мне нечасто приходилось выходить на поле с другими вратарями – практически только в зарубежных турне тбилисского и киевского «Динамо» да «Спартака», когда игроки других клубов придавались им для усиления. Разница чувствовалась сразу. Даже когда наши ворота защищал Владимир Беляев, тоже первоклассный голкипер, хорошо знакомый с динамовским взаимодействием в обороне, связывавшие нас невидимые нити терялись – все-таки у каждого из нас свое понимание, свои приемы игры. Лев досконально знал, что каждый из нас сделает в той или иной ситуации, а мы изучили все его вратарские повадки. Сыграны были как единый механизм» – таков вердикт Владимира Кесарева.

Эдуард Мудрик, подпускавшийся в «основу» с конца 50-х, а впоследствии сменивший Кесарева на правом фланге обороны «Динамо» и сборной, подметил, что Якушин никогда ни с кем из игроков не советовался, как строить игру – только с Яшиным. Установки динамовского тренера даже самым опытным бойцам напоминали распоряжения, приказы, с вратарем же он скорее сверял мысли, держал совет. И дело не в авторитете Яшина (прежде Бесков был не меньший авторитет, но, как и все, получал императивные указания). Весь фокус в той стержневой роли, какая отводилась Яшину в игре благодаря организаторскому началу и влиянию на команду четкостью и уверенностью личных действий. По мнению Мудрика, ошибки Яшина потому и становились предметом бесконечных пересудов, что были явлением чрезвычайным, крайне редким.

Подобным же образом оценивали Яшина не только в «Динамо». В сборной СССР, воссозданной в 1954 году, Гавриил Дмитриевич Качалин первое время предпочитал на центральной позиции не Крижевского, а Башашкина, полагая, что он больше подходит к стилю «Спартака», делегировавшего в сборную наибольшее количество игроков. Анатолий Васильевич позднее признавался, что тоже хотел видеть позади себя только Яшина: «Он действовал на соперников, как удав на кролика, постоянно выручал команду, да еще был непревзойденным корректировщиком наших действий».

После Башашкина и Ко рядом с Яшиным сражались еще два поколения защитников, и другой армейский посланец в сборную Владимир Пономарев говорил: «Для защитников имеет очень большое значение, кто стоит в воротах. Мы чувствовали себя очень уверенно, когда ворота защищал Яшин. И главное даже не в том, что он может спасти команду в безнадежной ситуации. Я хочу отметить то, что не видно со стороны. Яшин великолепно

руководил игрой защитников. Ни грубого окрика, ни панического возгласа, только точный, своевременный подсказ».

В том-то и дело, – и это главный, решающий, неоспоримый довод безусловной вратарской самодостаточности Яшина – что его исключительность «весомо, грубо, зримо» проступала в непоколебимо уверенной охране своих границ совершенно независимо от того, в какой компании защитников приходилось ему выходить на поле. Тем, кому нравится считать, что феномен Яшина хотя бы в какой-то степени производное от трех «К», остается задуматься, почему крепкие защитные линии «Спартака» (Николай Тищенко – Анатолий Масленкин – Юрий Седов или Михаил Огоньков) и ЦДСА (Анатолий Порхунов – Анатолий Башашкин – Михаил Перевалов) не помогли сотворению таких же феноменов из армейца Бориса Разинского, спартаковцев Владаса Тучкуса и Валентина Ивакина, природно не менее, а то и более одаренных, чем Яшин. Динамовский же вратарь и в компании с этими защитниками был великолепен! Ведь в сборной, прежде чем тренеры пришли к привычному для Яшина динамовскому сочетанию, играть ему приходилось сперва (1954–1956) со спартаковско-армейским трио, состоявшем в разных вариациях из тех же самых, вышепоименованных игроков.

Столь же убедителен, как в их обществе или окружении трех «К», Яшин был и позже – в связке с Альбертом Шестерневым, Виктором Аничкиным, Георгием Рябовым, Муртазом Хурцилавой, Эдуардом Мудриком, Владимиром Пономаревым и другими, с кем вместе приходилось отстаивать свои тылы. Другое дело, что сам Яшин наиболее удобной для себя считал комбинацию трех «К», хотя, судя по результатам, да и отзывам иных партнеров, не менее успешно налаживал в «Динамо» и сборной сотрудничество с самыми разными вариациями защитников.

Видно, на самом деле худо с пророками в своем отечестве. Пока Яшин вызывал здесь у нас недоверие, а потом споры, велика ли его личная лепта в собственном успехе, явную определенность вносили бурные восторги, пулей долетавшие с Запада. В 1954–1956 годах матчи оттуда по телевидению не транслировались, но газеты не могли удержаться от перепечатки хвалебных рецензий европейской прессы. Шум вокруг Яшина начала поднимать самая раскрученная спортивная печать – французская: и по причине своих широких международных интересов, и воспользовавшись шансом разглядеть новую любопытную фигуру во время динамовского турне по Франции и Швейцарии поздней осенью 1954 года.

Победы в Бордо (3:0) и Марселе (2:1) вылились в бенефис Яшина. В Париже большой ажиотаж вызвала встреча гостей со

сборной «Реймса» и «Рэсинга», представлявшей собой вариант сборной Франции (девять игроков во главе с Раймоном Копа). В какой-то степени эту игру можно было считать ремейком памятного матча 1936 года между «Рэсингом» и сборной Москвы (2:1), тем более что участники давнего красивого поединка, к тому же непосредственные визави на поле Жюст Журдэн и Михаил Якушин теперь вывели команды в качестве тренеров. Динамовцы взяли своеобразный реванш (1:0), а впечатляющее нападение французов было парализовано не столько первой линией обороны, сколько последней: Яшин остановил целую прорву острых набегов на свои ворота. Самым тяжелым из отраженных ударов оказался, однако, мяч, неожиданно срезанный Борисом Кузнецовым в самый угол.

Крупнейшая спортивная газета мира «Экип» зашлась от восторга: «Мы сожалеем, что русские не участвовали в недавно закончившемся чемпионате мира. Без русского футбола, как показало выступление «Динамо», мировой футбол сегодня немыслим». Портреты советского вратаря вслед за переездом москвичей перекочевали из французской прессы в швейцарскую, тоже широко освещавшую визит чемпиона СССР в свою страну. От «Экип» не отставал авторитетный цюрихский «Шпорт». Динамовцы вернулись домой, полные новых впечатлений, и не только футбольных. В Лозанне они получили приглашение на грандиозный бал, где присутствовал легендарный человек, каждому знакомый с детства по киноволшебству.

Чарльз Спенсер Чаплин со времени работы в Англии, где «Динамо» засветилось в историческом турне 1945 года, знал, как теперь говорят, этот бренд, и отдал немало времени непринужденной беседе с нашими футболистами. Яшину и в самом сладком сне не могло привидеться, что к нему, недавнему неудачнику, подойдет с поздравлениями «лучший неудачник» экрана, самый великий актер, ради которого еще до войны, школьником, прогуливая уроки, засиживался в кинотеатре по три сеанса подряд, когда между ними удавалось спрятаться в зале или фойе.

В сентябре следующего года динамовцев ждал бурный прием в Италии. Сейчас трудно вообразить, чтобы толпы людей в Милане, встречая их, запрудили немаленькую привокзальную площадь и даже ночью осаждали отель, где остановились футболисты из Москвы. На 90-тысячный стадион «Сан-Сиро» билетов было не достать. Предшествующий визит «Милана» в Москву (4:2 против «Динамо» и 0:3 против «Спартака»), как и поражения от них же чемпиона Англии «Вулверхэмптон Уондererс» (соответственно 2:3 и 0:3), подогрели жажду

знакомства с лидером первенства СССР, разделенную с общим интересом ко всему советскому.

Динамовцы были удостоены встречи с наследником Карузо – Джино Беки, известным советским кинозрителям по фильму «Вернись в Сорренто». Легендарный тенор специально прервал свой отпуск, чтобы спеть для гостей и… получить автограф Яшина. Советский чемпион в 35-градусном пекле взял у итальянского реванш с убедительным счетом 4:1, а героем матча стал вместе с Яшиным Аликпер Мамедов, забивший все четыре мяча.

Позднее М.И. Якушин выделил этот матч как лучший из сыгранных динамовцами в 50-е годы. Но очень заметной тогда «Фиорентные» москвичи, несмотря на усилия Яшина и отраженный им пенальти, проиграли 0:1. Забегая чуть вперед, отметим, что футболисты «Динамо», открывшие (1945) Англию, а через 10 лет – континентальную Европу, первыми среди советских футболистов высадились (1957) и в Южной Америке, где бразильские, уругвайские, чилийские газеты подхватили европейский почин в раздаче авансов советскому вратарю.

Еще большее внимание, и уже не только в странах пребывания советских футболистов, а по всей Европе, привлекли выступления Яшина за сборную СССР, где самым серьезным специалистам открылся не только его особенный образ действий, подчеркивавший необычную и уже зрелую индивидуальность, но и огромный вратарский потенциал. Этот потенциал, возможно, в самом деле недостаточно выявляли внутренние игры. Потому что и в лучшие годы отечественного футбола скоростные и индивидуально сильные нападающие в командной игре действовали большей частью достаточно шаблонно, с трудом меняя намеченный рисунок, и наши лучшие защитники привыкли так или иначе справляться с их заученными приемами. А зарубежные форварды, практиковавшие более разнообразную игру и охотно включавшие импровизацию, чаще ставили их в сложное положение. Вот советскому вратарю и приходилось вытаскивать команду из безнадежных ситуаций, многократно напоминавших упомянутую парижскую, когда Раймон Копа, Пьер Грийе, Леон Гловацки, переиграв динамовских защитников, бились головой о живую стену по имени Яшин.

А когда информация «о подвигах, о доблести, о славе», сопровождавшая выступления советского стража ворот, добрела к нам в 1955 году из Будапешта, где он несколько раз останавливал выходы один на один нападающих сборной Венгрии (1:1), или в 1956 году из Ганновера, где сделал невозможное, чтобы предотвратить реванш сборной ФРГ за московское поражение

(реванш так и не удавшийся – 1:2), скептики притихли и больше не возникали. Лишь отдельные трескучие злоумышленники до сих пор не оставляют безнадежные попытки умалить самостоятельные возможности Яшина, кивая на защитников.

Глава четвертая
Первый номер поколения победителей

Выход в свет

Для сборной команды страны 50-е годы, неотрывные от имени и ауры Яшина, остаются по сей день абсолютно лучшим из всех исторических отрезков ее насыщенной биографии. Это неполное десятилетие (1952–1960) представляет интерес не только само по себе, но еще и потому, что возникает некая параллель с начальным периодом сборной команды новой России.

Любые исторические сравнения хромают, но тяга к ним неискоренима, вот и появляется соблазн констатировать важную биографическую общность советской и российской сборных: обе были воссозданы в периоды крутых социальных переломов. В начале 50-х своеобразие момента, как тогда привыкли формулировать, состояло в том, что это был закат мрачной сталинской эпохи, и в спорте ее агонию оттеняли тяжелые, занявшие… три сезона (1952–1954) роды футбольной сборной, которой удалось воспрянуть лишь в контексте новых общественных надежд и потоке первых динамичных перемен многообещающей хрущевской «оттепели».

Свобода и демократия, провозглашенные в начале 90-х, обещали наивным людям еще больше, а обернулись чудовищной разрухой в экономике и культуре, головах и нравах, так что докатившаяся до XXI века деградация российского футбола и особенно национальной сборной в ряду иных опустошительных процессов явила собой полный контраст с общим, в том числе футбольным подъемом и соответственно высочайшим взлетом сборной СССР ровно за 40 лет до наступления постсоветской эры.

Оставим возможность разбираться в конкретных причинах этого исторического расхождения, в скандалах российского футбола и провалах российской сборной исследователям новых времен, а сами сосредоточимся на непреложном факте: первое десятилетие официального, т. е. узаконенного ФИФА, существования сборной команды Советского Союза при своей очевидной противоречивости – наиболее яркое, боевое, победительное во всей ее биографии.

Начать с того, что 1952–1960 годы как никакие последующие были насыщены чрезвычайным драматизмом событий, сопровождавших выступления сборной. Не успела она возродиться из небытия 30—40-х годов, как в том же самом 1952 году была фактически разогнана взбешенными властями, придавшими политический смысл проигрышу всего-то одного матча, так что понадобилось еще два года, чтобы заново

восстановить национальную команду

За это время как раз и успела смениться партийно-государственная верхушка страны. Прежняя не пожелала принять во внимание, что злосчастный проигрыш югославам, которые воспринимались не спортивными, а политическими противниками («клика Тито»), последовал за беспрецедентно героической феерией их первоначального, ничейного поединка. Переигровку вызвал первый (и до сих пор единственный) случай в истории крупнейших мировых турниров, когда их дебютант – сборная СССР за каких-то 20 минут отквитала сразу четыре (!) мяча в схватке с мощным соперником, превратив в легенду один из начальных шагов своей летописи! Игра завершилась со счетом 5:5 – небывалым в турнирных встречах высокого ранга. Такова была прелюдия к яшинской эре.

Драма судьбы не обошла сборную СССР и на исходе дебютного десятилетия. Накануне мирового первенства 1958 года в Швеции она справедливо, по игре и результатам, причислялась к группе фаворитов, но буквально за несколько дней до отъезда лишилась трех очень сильных игроков, выведенных из состава, что называется, за грубое нарушение режима, причем один из них – Эдуард Стрельцов, уже примерявший, согласно распространенному у нас мнению, тогу будущего героя грандиозного форума, угодил под арест.

Команда отправилась на свой первый мировой чемпионат ослабленной не только персонально, но и морально, смазав очевидный шанс остановкой в четвертьфинале. Сразу же по возвращении на нее обрушился вал безудержной критики, но только с годами пришло понимание, что и такой результат, для дебютанта почетный (вхождение в восьмерку лучших сборных мира), стал возможным лишь потому, что деморализованную команду встряхнули ее крепкие духом лидеры, прежние и новые – Лев Яшин, Константин Крижевский, Юрий Воинов, Никита Симонян.

Не будем забывать, что самое крупное поражение сборной СССР тоже случилось в первом историческом отрезке ее официального существования: в конце того же, 1958 года со счетом 0:5 был проигран в Лондоне (правда, в отсутствие Яшина) товарищеский матч сборной Англии. Противоречивость младенческой поры в жизни советской сборной как в зеркале отражалась и в ничейном исходе олимпийского матча 1956 года с аутсайдером из аутсайдеров – командой Индонезии. Но эти мрачные результаты, в отличие от убийственных срывов сборной России конца XX – начала XXI века, не слишком бросались в глаза, потому что в тот же период были начисто перекрыты и

самыми крупными выигрышами в истории советской сборной (7:0 и 6:0 у сборной Швеции, рекордными 11:1 у сборной Индии и 10:0 у сборной Финляндии), и самыми звучными турнирными победами, из которых одна – олимпийская 1956 года – была повторена лишь через 32 сезона, а другая – европейская 1960 года – так и остается неповторенной.

И в каждое из этих контрастных событий впечатал неизгладимый след Лев Яшин. След главным образом победный, но, случалось, и курьезный. Ведь Яшин был неотделим от команды, как мог противостоял неудачам и предотвращал их, но в то же время чуть не усугубил индонезийский казус нелепой, совершенно непривычной для него авантюрой (о которой – потерпите! – узнаете позже), ввергнув в полуобморочное состояние своего тренера, да и все руководство советской олимпийской делегации.

Это неполное десятилетие сборной СССР (1952–1960) вышло лучшим и по суммарному матчевому результату (+32=8–8). И пусть в первой фазе достаточно редких товарищеских и турнирных встреч сборная сыграла их вдвое меньше, чем в каждом из последующих десятилетий, любой матч с сильными мира сего был значим, а выигрыш ценен. Современному любителю футбола, приученному к контрольно-тренировочному смыслу товарищеских игр, полезно знать, что в то время и внетурнирное противостояние лучших сборных, особенно традиционных соперников, зачастую из стран-соседей, имело вполне самостоятельное, престижное значение, вызывая большой ажиотаж. Поэтому так существенно, что в первое свое десятилетие сборная СССР, встречаясь в числе иных с лучшими командами мира, две трети игр закончила с победным счетом, в то время как на последующих стадиях в ее пользу завершилось немного более половины матчей. Соответственно, с 16 % поражений на начальном этапе она съехала до почти 23 % в 80-е годы, а российский период отечественной сборной намного превысил и эту цифру.

Спортивные результаты приобрели такую плачевную динамику во многом потому, что первые импульсы послесталинского общественного подъема не были подкреплены освобождением от типичных советских вериг, губивших на корню все живое, включая футбол. А вожделенные постсоветские заменители этого административного и идеологического пресса – демократия и рынок, донельзя извращенные руководящими ничтожествами, убогими реформаторами и махровыми ворюгами, обрушили до руин многие сферы жизнедеятельности и зоны человеческих интересов. Именно под прикрытием

демократических процедур расцвел буйным цветом чертополох коррумпированности и безответственности в управлении футболом, доведя развал футбольного хозяйства до такой степени, что долгие годы днем с огнем трудно было сыскать даже единицы подходящих игроков и тренеров, способных предотвратить позорные результаты сборной. А раз почти не на что и не на кого смотреть, куда там собирать, как в яшинские времена, неизменно по сотне тысяч зрителей за матч!

Не то что провальное новое время, ни одно десятилетие сборной не может сравниться с 50-ми годами по представительности в ней крупных, монументальных фигур, таких, как Всеволод Бобров, Игорь Нетто, Лев Яшин, Эдуард Стрельцов, олицетворявших три самых звездных поколения отечественного футбола. Именно эти имена мы и сейчас видим в самом верху классификации наших лучших футболистов всех времен во главе с Яшиным – первым номером не только по местоположению на поле (тогда вратарь выступал, исключая чемпионаты мира с постоянными номерами игроков, всегда под № 1). Словом, эпоха становления сборной чудесным образом оказалась временем ее наивысшего расцвета, за которым, увы, не последовало таких же дерзких заявок и вызовов спортивному миру

Для сборной вообще, Яшина в частности, многое, почти все было внове, в первую очередь маститые, опытные, грозные соперники, матерые профессионалы и, конечно же, невиданное, тем более дебютное напряжение крупных (крупнее не бывает!) официальных турниров – олимпийского, первенства мира, Кубка Европы. Когда я спросил Льва Ивановича перед прощальным матчем 1971 года, какие вехи он выделяет из богатой на события карьеры, Яшин вместе с «матчем века» 1963 года упомянул все эти незабываемые съезды лучших футболистов мира.

Ярким впечатлением навсегда отложилось и самое первое далекое путешествие – в совершенно нефутбольную Индию, где в феврале – марте 1955 года сборная СССР вступила в планомерную двухгодичную подготовку к Олимпийским играм. И потому отложилось, что это был первый выезд воссозданной после разгона сборной, и потому, что никогда еще не приходилось совершать бросок из суровой зимы в знойное лето, и потому, что новые впечатления были окрашены сказочной экзотикой природы, архитектуры, всей обстановки (с бродящими по мостовым коровами, да скачущими обезьянами) и теплом дружеских встреч под лозунгом «Хинди-руси, бхай-бхай!». В то время этот лозунг, означающий в переводе с хинди «Индиец и русский – дружба!», не сходил с газетных страниц и был также

популярен, как «русский с китайцем – братья навек». Действительно, принимали советских футболистов как лучших друзей. Как много позже вспоминал Яшин, ему больше никогда не приходилось ощущать такую теплоту отношений.

Игр предстояло за месяц немало, дальний прицел на Олимпиаду требовал проверки резерва, так что перелет по маршруту Москва – Дели с остановкой на два тренировочных матча в Ташкенте совершили около 40 футболистов. Было и интересно, и весело, и ответственно, и при невыносимой жаре, да плотном графике игр – трудно, хотя наши бутсы мелькали на поле вперемежку с босыми ногами хозяев поля, а победы получились крупные. Попадание в сборную футболисты того поколения воспринимали благодарно, и все без исключения старались себя показать, не обращая внимание на климатические условия и напряженный ритм тренировок и игр.

Правда, в результате поездки спартаковский костяк сборной (плюс, разумеется, Яшин), прошедший испытания осенью 1954 года в московских матчах со сборными Швеции (7:0) и Венгрии (1:1), в основном сохранился, но все же с добавлением торпедовской пары Иванов – Стрельцов и игрока бакинского «Нефтяника», будущего динамовского разводящего Юрия Кузнецова. Яшин же свое положение основного вратаря сборной сохранил и закрепил.

Футболисты ахнули, когда в конце поездки старший тренер объявил им, что на лето намечена встреча с чемпионом мира сборной ФРГ. Наступало время тяжелых, но интересных испытаний. С середины 50-х каждый сезон сборной СССР был отмечен событием: 1955 – победа над чемпионом мира, 1956 – олимпийское золото Мельбурна, 1957 – победа в отборочной группе и выход в финальный раунд чемпионата мира, 1958 – дебют в чемпионате мира, 1959 – 100 %-ный результат (три игры – три победы), 1960 – выигрыш Кубка европейских наций, 1961 – победоносное турне по Южной Америке (три игры – три победы). Впрочем, мы невольно въехали в следующее десятилетие, но важно подчеркнуть, что и оно началось с пролонгации победной традиции, которую захватили туда с собой ветераны 50-х Лев Яшин, Игорь Нетто, Валентин Иванов во главе с тренером Гавриилом Качалиным.

Положивший ей, победной традиции, громкое начало матч со сборной ФРГ (или, как тогда переводили у нас название западногерманского государства, ГФР – Германская Федеральная Республика) 21 августа 1955 года на Центральном стадионе «Динамо» в Москве имел глубокий подтекст, и не один. Еще не было забыто кровопролитие военного противостояния, и на

рядовых болельщиков, как набивших битком трибуны стадиона, так и необъятной массы остальных, всей страной слушавших по радио полный, 90-минутный репортаж о матче, оказывала давление не только память о войне, гордая и горькая одновременно, но и подогретые советской пропагандой враждебные чувства к немецким «реваншистам». В свою очередь, Кремль придавал футбольной игре более сложный политический смысл в свете состоявшихся почти одновременно первых переговоров с канцлером Конрадом Аденауэром: там рассчитывали на подкрепление политических дивидендов от встречи на высшем уровне спортивным успехом. Поэтому спортивное руководство стояло на ушах, всячески заводя тренеров и игроков, но дополнительных усилий их мотивация не требовала.

Для советского футбола игра имела вполне самостоятельное значение. Ведь это был первый матч с западными профессионалами, и сразу же с чемпионами мира. Правда, после выигрыша мирового первенства 1954 года сборная Западной Германии чаще проигрывала, и тем не менее не каждая команда могла похвастать таким тренером, как Зепп Гербергер, и такими игроками, как вратарь Фриц Геркенрат, защитник Вернер Либрих, нападающие Хельмут Ран и особенно харизматичный лидер чемпионов мира Фриц Вальтер.

По всем этим причинам, пусть сперва с пропагандистским перехлестом, но по сути оправданно, победа над этой командой (3:2) была воспринята у нас с таким воодушевлением. Тем более что по ходу встречи пришлось отыгрываться. Штурм сборной СССР при счете 1:2, напоминавший грозовой шквал, был весьма впечатляющим и за следующие полвека нашел повторение, пожалуй, лишь два раза – в 1968 году, когда в розыгрыше Кубка Европы требовалось выиграть у венгров в Лужниках не меньше, чем 3:0, и в 1999 году, когда сборная России в отборочном матче Евро-2000 одолела, проигрывая по ходу встречи, чемпиона мира – сборную Франции (3:2), только не в Москве, а в Париже.

Тогда же, в 1955-м, на старом добром стадионе «Динамо», когда второй мяч влетел в сетку ворот Льва Яшина, тот был близок к отчаянию. Но предательскую мысль о проигрыше быстро отбросил, стал громко заводить партнеров, завязывая комбинации от своих ворот. Уловил такую же страсть в отчаянных усилиях Игоря Нетто, который срочно восстановил свою привычку хозяйничать в центре поля. 60 тысяч зрителей неистово поддерживали победный порыв, голами двух Анатолиев – Ильина и Масленкина принесший в конце концов победу. Футболисты уходили с поля, не слыша рев воодушевленных трибун. В

раздевалке валились в кресла от усталости и опустошения, не в силах нагнуться, чтобы расшнуровать бутсы. Не могли даже улыбаться – не было сил ощутить счастье победы, которое пришло, пожалуй, только к вечеру, когда команду чествовали в летнем саду «Эрмитаж».

«Матчи с венгерскими футболистами были для сборной СССР неоценимой школой познания лучших европейских образцов». На снимке: фрагмент матча СССР – Венгрия в Москве 26 сентября 1954 г. (1:1)

Счастье имеет привычку быстро улетучиваться. На следующий день Яшина простреливала мысль о своей неудачной игре. Но судил он себя строже профессиональных наблюдателей. В брошюре «Международные встречи советских футболистов в 1955 году», составленной для служебного пользования по поручению Всесоюзного тренерского совета А.А.Соколовым и Б.Я. Цириком с использованием отчета тренеров сборной, игра каждого футболиста советской команды получила экспертное заключение. Действия Яшина были оценены так: «Провел игру удовлетворительно. Смело играл в штрафной площади и вне ее. Ликвидировал несколько возможных прорывов, играя за штрафной площадью. Единственный в обороне (в первом тайме), кто все время руководил, подбадривал, подсказывал. Взял трудный мяч от Харперса. Организацию атаки затягивал больше, чем нужно, посылал иногда мячи в глубину обороны немцев высокой передачей. Допускал технические ошибки (отскоки мяча

при ловле). Совершил грубую ошибку, повлиявшую на результат. При выходе № 11 с мячом к линии ворот, в то время как он еще не дошел до линии два метра (в четырех метрах от стойки), Яшин вышел из ворот на перехват, открыл угол, и № 11 (Шефер. – *АС.)*забил мяч».

Корявый стиль документа сохранен, но важнее достоверность, по крайней мере в оценке группы специалистов. Сам Яшин предъявлял себе еще больше претензий. Спустя много лет вспоминал перипетии этой знаковой игры, как будто она состоялась вчера: сетовал на скованность, мешавшую принимать решения быстро и точно, ощущал вину за оба гола. Не щадил себя за игру с чемпионом мира даже по прошествии времени. Хотя на его общую оценку исторической встречи это не повлияло: «выигрыш не принес нам ни титулов, ни медалей, но для нашего футбола он был важнее любого официального, может, даже финального матча».

Любопытно, что со стороны и в первую очередь со стороны соперников действия нашего вратаря оценивались совсем иначе, чем со своей колокольни. Искушенные профессионалы разглядели в них такое рациональное зерно, которое сразу выделило Яшина среди прочих вратарей. «Гол!» – завопил Хельмут Ран и вдруг оборвал крик в полном замешательстве: Яшин в броске парировал мяч, – вспоминал легендарный капитан сборной ФРГ Фриц Вальтер. – И еще трижды подряд Эккель, Рериг и снова Эккель посылали мяч в руки советского вратаря. Конечно, не в руки, это на редкость точно выбирал место в воротах сам Яшин, обладавший удивительным чутьем». Старый лис Зепп Гербергер назвал вратаря главным орудием советской команды.

Не менее важным для сборной, а для Яшина – даже, возможно, более важным стал уже упоминавшийся матч-реванш в Ганновере 23 сентября 1956 года. Истинное его значение состояло не в том, что это был один из пунктов подготовительной программы к Олимпийским играм в Мельбурне, поэтому в случае осечки можно было сослаться на его контрольный характер. В чисто подготовительных матчах так не бьются, как бились наши в Ганновере. Они очень серьезно подходили к первому выезду сборной в логово футбольных профессионалов. И опять-таки не хотели уступать тем же самым немцам, которые ко всему за год заметно повысили свои кондиции. У Яшина же первый матч с ними в Москве сидел в сознании как заноза. Хотя официально никто к нему не предъявлял претензий, как случилось, например, позже после чилийского чемпионата мира 1962 года, но он горел желанием реабилитироваться хотя бы в собственных глазах. И своего добился.

Советскую сборную принимали в Ганновере по высшему разряду, разместили в лучшем отеле города «Луизенхоф». Автобус, предоставленный ей, неизменно сопровождал эскорт мотоциклистов. Пешую прогулку по городу совершить не удалось, потому что выйти было невозможно – отель осаждала толпа желающих увидеть наших звезд, уже хорошо известных в стране, взять автограф, просто пожать руку. Заказов на билеты было получено вдвое больше, чем вмещал 90-тысячный «Нидерзаксенштадион».

Начало матча сложилось в пользу гостей. Уже на третьей минуте их стремительная атака завершилась голом Эдуарда Стрельцова, а к пятой счет уже был 1:1. Но преимущество быстроходных футболистов СССР материализовал еще один торпедовец – Валентин Иванов, добивший мяч от штанги после удара Бориса Татушина.

Второй тайм напоминал то, что происходило годом раньше в Москве. Проигрывая, хозяева поля завладели игрой, а в последние 15 минут устроили неистовый штурм, только результата, в отличие от первой встречи, не добились. Яшин не получил ни секунды покоя,

раз за разом отражая мощные атаки. По окончании матча столь огорчивший вратаря в Москве Ханс Шефер подошел к нему в центральном круге, поднял вверх большой палец и произнес только одно слово: «Колоссаль!» Не слишком благоприятное впечатление от первой игры Лев Яшин перекрыл начисто. В официальном издании «Международные встречи советских футболистов в 1956 году» на этот раз читаем: «Стойко и надежно игравший Яшин отразил все угрозы».

Позитивные итоги встреч сборной с сильнейшими командами в 50-х годах принесло противостояние и с другими лидерами европейского футбола – сборными Швеции, Югославии, Чехословакии, Австрии (исключением стал только отрицательный баланс двух встреч с национальной командой Франции и равный, в данном случае значимый не меньше победного, результат четырех встреч со сборной Англии). Но особенно ценным считалось положительное сальдо поединков со сборной Венгрии – лучшей командой мира до воцарения (1958) неподражаемых бразильцев.

Поражение венгров в финале первенства мира 1954 года не способно было сдвинуть эту выдающуюся команду с обжитого международного пьедестала, который она занимала всего при одном официальном проигрыше с 1950 по 1956 год и покинула только тогда, когда фактически распалась после кровавых событий в стране осенью 1956 года. Они и спровоцировали

невозвращение из зарубежной поездки нескольких футболистов армейской команды «Гонвед» – лидеров национальной сборной Ференца Пушкаша, Шандора Кочиша, Золтана Цибора. Однако другие лидеры (Цьюла Грошич, Йожеф Божик) вернулись, лучшие игроки других клубов (Нандор Хидегкути, Карой Шандор) и не уезжали, так что после 1956 года венгерская команда с талантливыми дебютантами (Лайош Тихи, Янош Гереч, Флориан Альберт, Мате Феньвеши) продолжала котироваться в высших футбольных сферах, хотя с первой позиции сползла.

Венгерские мастера, уехавшие и оставшиеся, много позже признавались, что ни с кем из противников не испытывали таких трудностей, как в матчах со сборной СССР – та сбивала их с привычной ритмики плотным контролем нападающих, даже полузащитников, прогибала скоростным давлением и останавливала изумительной игрой вратаря Яшина. В результате матчи 1954–1959 годов принесли нашим три победы при двух ничьих и всего одном поражении.

В регулярных, ежегодных матчах с венгерскими мастерами, как правило приходившихся на сентябрь, когда наши футболисты обычно на пике формы, Яшин ловил особый кураж. Нет смысла перебирать все эти встречи, чтобы конкретизировать вратарские подвиги, давшие основания знаменитому на весь мир венгерскому киперу Грошичу публично отречься от трона в пользу Яшина. И в восхищении его спортивными и человеческими качествами переступить с тропы предубежденности на дорогу дружбы, длившейся больше 30 лет. Позволю себе привести только два примера веского слова Яшина в советско-венгерском противоборстве, намеренно взяв матчи проигранный и выигранный.

Единственное наше поражение от сборной Венгрии за этот период датировано 23 сентября 1956 года. Никто еще не знал, что это ее прощальный матч в сильнейшем составе, потому что совсем скоро лучшую команду мира раскололо, как, впрочем, всех венгров, жестокое подавление восстания в Будапеште советскими частями. Я тогда имел привычку записывать чуть ли не поминутно все важнейшие игры. И вот что обнаружил через 40 лет в найденной стенограмме этой знаменательной игры, проходившей в московских Лужниках при переполненных 100-тысячных трибунах.

«Старинные скрижали» позволяют мне сейчас напомнить, что это было столкновение хорошего с лучшим. Обе команды старались привести в действие свои козырные качества, но быстроногие питомцы Качалина проиграли в технической и тактической изощренности. Виртуозность пары Нетто –

Сальников поблекла на фоне 7–8 обладателей «золотых ног». Гости, выключив из игры крайних нападающих Татушина и Ильина, выбили из рук советской команды ее главный козырь – скорость. С другой стороны, венгерский тренер Густав Шебеш, предугадав силу сопротивления своей классной центровой тройке Кочиш – Хидегкути – Пушкаш, перенес акцент на края, где Цибор и особенно Шандор совершенно затерзали крайних защитников (можно даже сказать, что это был худший из всех матчей Огонькова). Они-то и сотворили «быстрый» гол на 16-й минуте, сдвоившись на правом фланге, откуда Цибор и нанес сокрушительный удар в дальний верхний угол.

В дневнике матча я легко обнаружил Яшина среди главных действующих лиц. Вот несколько выдержек.

«Зевок защитников, и Хидегкути бьет головой. Яшин огромным усилием достает одной рукой мяч, который отскакивает в штангу. Ворота спасены».

«Острейший выпад венгров. Защита деликатно пропускает Цибора. После его удара Яшин блестяще вытаскивает мяч из верхнего угла».

«Венгры беспокоят защитников точной распасовкой и изобретательными маневрами Цибора. С ним успешно вступает в борьбу Тищенко, но вдруг теряет мяч. Яшин, надеясь на него, выбегает в штрафную. Цибор не попадает в пустые ворота».

«Яшин прекрасным броском забирает в нижнем углу мяч от Пушкаша. Через мгновенье прерывает новую атаку, закрывая ворота телом».

Яшин выглядел молодцом во всех без исключения свиданиях 50-х годов со сборной Венгрии, но 56-й год важно выделить потому, что двумя матчами подряд – с чемпионом и вице-чемпионом мира – он реабилитировал себя за несколько весьма неприятных осечек в чемпионате СССР и на этом кураже забрался на вершину сезона в олимпийских схватках, которые, если пользоваться стрельцовским оборотом, «Лева нам выиграл».

Еще один матч с футболистами Венгрии хочу привести в качестве примера не столько потому, что сборная СССР, в отличие от упомянутого, одержала в нем победу, сколько из желания типизировать коронные признаки фамильного мастерства. Эту возможность предоставил нам в своих заметках о минувшем Андрей Петрович Старостин.

27 сентября 1959 года, Будапешт. Матч 1/8 финала Кубка Европы Венгрия – СССР (0:1). Андрей Старостин, только приступивший тогда к работе начальником нашей сборной команды, вспоминал много лет спустя: «Игровое мышление Яшина не имеет равных себе. Время, пространство и движение

учитываются им в неисчислимо малых величинах. Так было и в матче на «Непштадионе» в Будапеште. В момент развития контратаки Нетто и Масленкин, столкнувшись у центрального круга, оставили Тихи один на один с вратарем. Началась классическая дуэль гроссмейстеров футбола, вмешаться в которую уже никто не мог. 100 тысяч зрителей затаили дыхание, глядя, как нападающий неторопливо продвигался вперед, а Яшин, контролируя его действия и считая в уме сантиметры и доли секунды, делал ложные выпады, отступал, ожидая возможной ошибки в дриблинге. Тихи продолжал быть хозяином все обостряющейся для нас ситуации. Он был уже в 7–8 метрах от ворот… И все же поединок проиграл: в момент, когда форвард замахнулся для удара, Яшин выбросился вперед и выиграл свой сантиметр и долю секунды – ровно столько, чтобы успеть перекрыть путь мячу к воротам грудью и руками».

В те годы наша пропаганда с некоторым злорадством смаковала победы над «венгерскими друзьями», имея в виду, понятно, не только их международное футбольное лидерство. Но футбол опрокидывал и серьезные политические последствия взаимной отчужденности и настороженности. Отношения вне поля, где, само собой, страстно бились за победу, между рядом игроков сложились самые дружеские. Пример тому – явная приязнь Йожефа Божика и Сергея

Сальникова, Дьюлы Грошича и Льва Яшина, Владимира Кесарева и Мате Феньвеши. Возможно, благодаря этому и удавалось погасить осложнения на футбольном поле и пресечь побоища, готовые разродиться из политического воспламенения, как случалось с ватерполистами Венгрии и СССР в 1956 году или хоккеистами Чехословакии и СССР после вступления советских войск в Прагу в 1968 году

Эмигрировавший капитан венгерской сборной Ференц Пушкаш, которого у нас не разрешено было публично упоминать (мне, например, в энциклопедическом справочнике 1972 года «Все о футболе»), был рад каждой встрече с давними соперниками, старался хорошо угостить, одарить сувенирами, помочь деньгами. Во времена перестройки и «бархатных» революций в социалистических странах Пушкаш вернулся на родину из Испании, где прожил 30 лет, и на своем 70-летнем юбилее (1997) принимал старых знакомых из бывшего СССР – Алексея Парамонова (который опекуном на поле не давал ему спуска) и Никиты Симоняна, сам гостил в постсоветской России. В качестве тренера сборной Венгрии в 1993 году привозил ее сюда на матч со сборной России (гости проиграли – 0:3).

Когда же СССР еще не был бывшим, а очень даже настоящим

и опасным, для своих граждан в том числе, Лев Яшин, хоть и был плоть от плоти советский человек, вопреки всяким предписаниям не отворачивался от «перебежчика», тепло общался с ним, если доводилось встречаться на нейтральных территориях. Они радостно приветствовали друг друга и, что греха таить, выпивали во время короткого пребывания в Лондоне, куда явились в составе сборной «остального мира» на матч со сборной Англии в честь 100-летия британского футбола (1963). Когда закончился прощальный матч сэра Стэнли Мэтьюза (1965), именно они вдвоем вынесли его на руках с поля.

Вы и Яшин: что это – совпадение или вас что-то связывало с нашим вратарем? – спросил Пушкаша журналист Олег Винокуров в 1993 году.

Лев был моим давним, добрым другом. Мы познакомились в 1954 году, с тех пор подружились и были рады каждой встрече, а их случилось немало.

Вы встречались с ним и после того, как стали нашим «врагом»?

Но эта ситуация никак не отразилась на наших отношениях. Мы вообще никогда не касались прошлого в наших разговорах.

Пушкаш ценил, что политический водораздел не рассорил их с Яшиным, и, когда представилась возможность, у себя на второй родине, в Испании, здорово выручил приятеля во время проходившего там в 1982 году чемпионата мира. Яшин, приглашенный на чемпионат наряду с другими историческими величинами футбола, прилетел в Мадрид взвинченным: никак не мог отойти от оскорбительного отказа в выезде, первоначально объявленного партийными чиновниками спортивному – заместителю начальника спорт – комитетовского Управления футбола и, на минуточку, советской спортивной легенде. Придется коротко ввести читателя в курс этого неправедного дела.

В закрытом, выездном отделе ЦК КПСС, который стыдливо существовал без всякого названия, какой-то самодур решил не выдавать Яшину разрешение на визит в Испанию, поскольку приглашение было отправлено от имени известной табачной фирмы «Кэмел». Вето, оказывается, было наложено потому, что существовало решение ЦК КПСС о запрете рекламы табачных изделий. Объяснение, что это чистая формальность (спонсор чемпионата мира брал на себя прием всех почетных гостей), действия не возымело. Когда об этом сообщили Яшину, он почернел, произнес все матерные слова, которые знал, но употреблял редко, в данном случае – более чем объяснимо.

Ситуация складывалась препоганая: спортивной, если брать

шире – национальной легенде плюнули в душу, да и другие легенды в Испании будут спрашивать, почему нет Яшина, так что опять придется молоть какое-нибудь вранье. В Управлении футбола нашли оригинальный, хотя и унизительный выход: включили Яшина в официальную делегацию на конгресс ФИФА вместо… переводчика, воспользовавшись тем, что тогдашний председатель Федерации футбола СССР профессор Б.Н. Топорнин знал языки и мог обойтись без сопровождения. Председатель Спорткомитета СП. Павлов, надо отдать ему должное, утвердил этот невинный обман. Однако Яшин отказывался принять «подачку», его с трудом уговорили – главным образом доводом, что чемпионат мира важнее этой обиды и он сам не простит себе, если пропустит такое событие. Но душевная рана не давала покоя и по прибытии в Мадрид.

Разместившись в отеле, первым делом созвонился с Пушкашем. Немедленно договорились о встрече у служебного входа на стадион «Сантьяго Бернабеу». Но по дороге Яшину стало плохо с сердцем. Когда увиделись, на нем лица не было. Ференц тут же помчался за коньяком. Гость «расширил сосуды» известным мужским способом и понемногу отошел. «Перебежчик» с добрым сердцем опекал Яшина все дни. Но, видно, обида или боль не оставляли его. Лев Иванович встретился мне в пресс-центре барселонского стадиона «Ноу Камп». он был мрачен и хмур. В ответ на мой тревожный вопросительный взгляд только вяло улыбнулся и махнул рукой.

СДьюлой Грошичем, родину не покинувшим, возможность пересекаться представлялась гораздо чаще. Особенно запомнились Яшину две встречи. Коллега множество раз бывал в Москве, но все недосуг было как следует познакомиться с историческими и архитектурными памятниками советской столицы. И покончив с уважительным «препятствием» – футболом, вырвался сюда в составе туристической группы. О том, когда приедет, предупредил Яшина. День проходит, другой, а звонка от друга все нет и нет. Тогда Лев Иванович сам разыскал коллегу в какой-то гостинице. И внезапно объявился пред очами всей группы. Бедный Дьюла оправдывался: насыщенная программа, как раз собирался звонить. Был, разумеется, прощен, посетитель сел в автобус с группой, по дороге давал пояснения вместо гида, а по возвращении в Венгрию участники поездки наперебой рассказывали родственникам и друзьям, что одну из экскурсий вел сам Яшин. О втором запомнившемся свидании в трагических для него обстоятельствах рассказ впереди.

Матчи с венгерскими футболистами были для сборной СССР неоценимой школой познания лучших европейских образцов и

шлифовки собственных преимуществ, прежде всего для подготовки к серьезным международным чемпионатам.

Бенефис семейных ценностей

Апофеозом выступлений возрожденной сборной стали три турнирные эпопеи, две из которых ознаменовались полным успехом. Победной оказалась вторая олимпийская попытка советских футболистов. Правда, состав участников в Мельбурне 1956 года был пожиже, чем в Хельсинки 1952-го. Вето на участие коснулось не только профессионалов, к чему футбольный мир давно привык, но и любых игроков, выступавших на чемпионате мира. Стало быть, затрагивались интересы социалистических стран, сохранивших любительский статус своих футболистов (хотя, как все понимали, никакими любителями они не были).

Удар пришелся прежде всего по золотому и серебряному призерам предыдущей Олимпиады сборным Венгрии и Югославии. Однако после кровавых событий в Венгрии ее футболисты вообще не прибыли в Мельбурн: официальные лица формально сослались на плохую форму команды. От дорогостоящего путешествия на край света отказались также Румыния и Польша. Югославия рискнула прислать второй состав, в котором, впрочем, оказались игроки, уже обкатанные в первом и позже в нем закрепившиеся, например, Тодор Веселинович и знаменитый Драгослав Шекуларац. Лишь футболисты СССР и Болгарии, не засветившиеся в чемпионате мира 1954 года, играли лучшими составами, причем болгары с Олимпиады-52 свой почти полностью сохранили. Вместе с югославами они и образовали триумвират фаворитов немного камерного турнира, в котором не набралось из-за отказов даже 16 участников. Олимпийские медали оспаривали всего 11 команд.

Однако задача стояла не такая простая. Турнирного опыта у мельбурнской сборной СССР не было, футбольный сезон к олимпийскому ноябрю-декабрю у нас давно закончился. После стартового выигрыша у объединенной (ГДР + ФРГ) команды Германии, которую представляли любители из ФРГ (2:1), сборную СССР подстерегала осечка в игре с футболистами Индонезии, которые незадолго до Мельбурна гостили в нашей стране и крупно проиграли не самым сильным клубам. Олимпийская ничья (0:0) со сборной СССР и 50 лет спустя остается главным достижением страны, никогда не отличавшейся даже в нефутбольной Азии. Бесполезными оказались и 27 (!) угловых, и 68 (!) ударов по индонезийским воротам, которые соперник защищал всей командой. «21 утомленный игрок и один очень замерзший вратарь Яшин покинули поле после 120 минут безрезультатной игры», – писала мельбурнская газета «Сан».

Образно, но не совсем точно: Яшин все время находился в движении, курсируя от линии ворот чуть ли не до центра поля, чтобы подхватить отбитый мяч и отправить его снова в штрафную индонезийцев. Его обители, казалось, никто не угрожал, потому что все нападающие соперников были брошены на защиту собственных ворот. Но однажды, незадолго до конца основных 90 минут, индонезийский центрфорвард подхватил мяч и что есть скорости понесся вперед. Выдвинувшийся ближе к центральному кругу Яшин бросился наперерез, своей решительностью смутил индонезийца, тот отпустил мяч и вратарь им завладел. И вдруг, к ужасу застывших аки изваяния партнеров, вскочивших на скамейке запасных и побелевшего как мел тренера Качалина, Яшин, вопреки всем канонам вратарского поведения, принялся обводить индонезийца. К счастью, финт удался, иначе форвард выходил один к пустым воротам. Что нашло на опытного голкипера? Заворожило наше полное преимущество? Или легкость, с которой отнял мяч у противника? Яшин и сам понять не мог. Больше за всю оставшуюся футбольную жизнь он таких авантюр не допускал. А тогда переволновался страшно, просил на повторную игру его не ставить. Переигровку сборная СССР легко взяла – 4:0.

Сил и нервов этот двухдневный раунд отнял немало. Их явно не хватало в полуфинале со старым соперником – сборной Болгарии, у которой на предыдущей Олимпиаде команда бобровского призыва выиграла 2:1. Фактически случилось «дежа-вю»: то же равенство сил, то же супернапряжение, даже идентичный ход событий: основные 90 минут – 0:0, счет открыл тот же Иван Колев на той же 5-й минуте овертайма, сквитал наш центральный нападающий (тогда Всеволод Бобров, теперь Эдуард Стрельцов), победный мяч забил правый крайний (тогда Василий Трофимов, теперь Борис Татушин).

Разница в том, что в Мельбурне решающий штурм наша сборная осуществила, по сути, вдевятером, поскольку травмированный Валентин Иванов вынужден был лишь обозначать присутствие на обочине поля, а Николай Тищенко со сломанной ключицей продолжал сражаться (замены тогда не допускались). Во все советские футбольные хрестоматии матч заслуженно вошел как один из самых героических в истории сборной СССР. Лев Яшин остался за кадром геройства, и напрасно. Недомогание не помешало бесконечно выручать команду: на 6-й минуте парировал удар Георгия Николова в «девятку», а через минуту за мяч, вытащенный из нижнего угла, Анатолий Башашкин расцеловал его, хотя такие нежности тогда не были приняты. Только за последние 30 минут основного

времени отбил, по подсчетам Гавриила Качалина, 7–8 трудных мячей. Но главное чудо удалось при счете 0:1, когда Колев нанес еще один страшный удар, а Яшин его парировал. Пропусти он этот мяч, отыграть два гола за 20 минут было нереально. Недаром Стрельцов, тоже сыгравший один из лучших своих матчей, вынес недвусмысленное заключение: «Лева нам эту игру выиграл».

Не уступал по напряжению финальный матч СССР – Югославия 8 декабря 1956 года на мельбурнском стадионе «Крикет гра-унд», собравшем 100 тысяч зрителей. Решил дело единственный мяч, забитый левым крайним Анатолием Ильиным в начале второго тайма. Вернее сказать, не забитый, а добитый, потому что номинальный автор «золотого гола» застал его уже на линии ворот, когда мяч пересекал оную после удара другого Анатолия – Исаева, давно смирившегося с несправедливо засчитанным авторством. Но прежде чем этот гол – Ильина ли, Исаева ли – состоялся, команде пришлось пережить немало неприятностей у своих ворот. Красиво игравшие югославы владели преимуществом, особенно в первом тайме. Но Яшин непреодолимой стеной стоял на пути решающего удара. То прерывал опасный выход Тодора Веселиновича, то парировал мяч от Мухамеда Муича, вслед за ним еще один, в общем – бессчетно.

Не забуду, как через тысячи километров из Мельбурна сквозь шум стадиона и треск радиоприемника еле прорывался глуховатый баритон Вадима Синявского. Как сейчас слышу его тревожную скороговорку, что с нескольких метров наносит удар левый край Муич. На томительную паузу в репортаже накладывается обвальный грохот трибун, обычно сопровождающий трепет мяча в сетке. Сердце падает. И вдруг торжествующее продолжение: «Но у нас в воротах Яшин! В акробатическом броске он отводит мяч на угловой».

У присутствовавших создавалось впечатление, что стадион аплодирует только советскому вратарю, после игры партнеры принялись качать героя матча. Ничего удивительного, вспоминал через много лет Валентин Иванов. Вот его впечатления с трибуны, а не с поля (тренер решил сыграть заключительный аккорд спартаковской пятеркой нападающих): «Команда может быть благодарна своему вратарю, если он выручает ее в безнадежной ситуации раз или два. Яшин в том матче спас наши ворота десять, а может, пятнадцать раз. Мы потеряли счет его подвигам. Мы потеряли представление о «мертвых» мячах, все их – в верхние и нижние углы, с пяти и трех метров, пробитые откровенно сильно подъемом и закрученные – он брал или отбивал. И делал это так, словно ничего особенного тут нет, словно это занятие привычное и не очень сложное».

Прошло больше 50 лет, и серебряный призер Олимпийских игр, участник чемпионата мира 1958 года известный полузащитник Доброслав Крстич все еще не освободился от мельбурнских переживаний за поражение сборной Югославии: «Финал был равный. Нам бы пол-Яшина, и исход получился бы иной…Яшин – это какой-то феномен. Посмотрели бы вы, какие у него ручищи, как он выбрасывал мяч на 60 метров, как отбивал все, что должно было залететь ему за спину».

Как предписывал регламент, золотые медали полагались одиннадцати участникам финального матча (Симонян, дважды пытавшийся свою награду отдать герою полуфинала Стрельцову, получил категорический отказ). А в общекомандный, страновой зачет футбол, как и другие игровые виды спорта, внес только одно «золото». Но и тогда в сборной понимали, хотя не особенно распространялись вслух, что взнос Яшина в эту копилку опрокидывал всякую уравниловку. Самому же герою в голову не приходило выпячивать свой особый вклад. Да и память его обладала свойством хранить скорее не сами турниры и игры, даже из ряда вон выходящие, а ощущения, наступавшие после таких событий.

Яшин особенно гордился, что среди множества телеграмм с Родины получил в далеком Мельбурне теплое поздравление от полного тезки Льва Ивановича Фаворского, вратаря олимпийской сборной России 1912 года, а тогда, в 1956-м – известного ученого, профессора химии. Отчетливо помнил 20-дневное возвращение из Мельбурна во Владивосток на теплоходе «Грузия». И, видно, не он один, потому что прошел десяток лет, другой, третий, а пассажиры этого морского рейса, спортсмены и тренеры, представлявшие разные дисциплины, до Мельбурна мало знакомые или вовсе не знакомые, при достаточно случайных встречах бросались друг другу в объятия, вспоминали трогательные и комичные эпизоды. То же вынужденное купание при пересечениии экватора, когда, принося в жертву назначенному Нептуном штангисту Николаю Шатову безжалостно бросали в судовой бассейн всех подряд – подтянутых олимпийских чемпионов и вальяжных руководителей делегации.

Эхо домашних волнений доходило до олимпийцев в Мельбурн несколько приглушенное расстоянием. Но когда в акватории Владивостока Яшин со товарищи увидел украшенные разноцветными флажками военные корабли Тихоокеанского флота, запрудившие бухту лодки, шлюпки, катера, с которых летели в сторону «Грузии» приветственные крики и ленты серпантина, когда на пирсе показалась несметная толпа встречающих и приветствующих, он был ошеломлен и потрясен

настолько, что забыть этот миг счастья не мог никогда.

Уже через несколько месяцев сборная команда Советского Союза вступила в борьбу за выход в финальную стадию чемпионата мира. Соперников по группе команды Польши и Финляндии она обыграла не так просто, как предполагалось. Поражение же от поляков в Хожуве (1:2) выровняло с ними количество набранных очков, и поздней осенью 1957 года пришлось отправляться на переигровку за первое место в группе на нейтральное поле. Стороны выбрали Лейпциг. Там польских футболистов обыграли (2:0) без особых приключений, но сама поездка без них не обошлась.

К отправлению поезда Москва – Берлин опоздали Иванов со Стрельцовым, и их отсутствие ставило сборную под удар, усугубляя потерю нескольких травмированных. Непутевым торпедовцам пришлось догонять состав на автомашине, а оставшемуся их поджидать на перроне начальнику отдела футбола Спорткомитета В.П. Антипенку – добиваться у руководства Министерства путей сообщения, чтобы состав притормозил на минуту в Можайске, где все трое вскочили в вагон.

Партнеры до воссоединения пребывали в жутком волнении, и все, что о виновниках переполоха в этот момент думали, выдал им по полной программе Симонян, а не Яшин, кому душеспасительные выволочки обычно приписывались репутацией «непримиримого» ко всяким отклонениям. Но в подобных случаях он как раз скорее замолкал в переживаниях, не считая себя вправе учить взрослых людей уму-разуму – каждый поступал в меру своей ответственности. Стрельцов смыл пятно с себя, а заодно и приятеля отличной игрой плюс забитым голом, и обрадованное начальство, готовившееся было к расправе по возвращении в Москву, махнуло рукой – победа все списала.

Подготовка к визиту на мировой чемпионат в Швецию с самого начала 1958 года шла вкривь и вкось. Нудный 40-дневный сбор в Китае настрою команды не способствовал. Последняя контрольная игра в Москве, она же первая в истории встреча с национальной командой Англии (1:1) не сулила на чемпионате нашей сборной ничего хорошего – хозяева поля играли в переполненных Лужниках крайне невыразительно, к тому же травмировался капитан команды Игорь Нетто.

Последние несколько дней перед выездом добавили неприятностей, да еще каких. Г.Д. Качалин много позже признал свою (разделенную с начальником команды В.В. Мошкаркиным) оплошность, отпустив игроков до следующего утра со сбора в Тарасовке. В полдень, когда те уже успели вернуться обратно, на

спартаковскую базу, предоставленную сборной, подъехала милицейская машина и увезла Стрельцова, Татушина, Огонькова. Последних двух – из сборной навсегда. Все трое накануне отправления в Швецию были отчислены. Стрельцов возвратился в нее почти через 10 лет, после отсидки в лагере, где отбывал срок за изнасилование. Татушин и Огоньков проходили по делу как свидетели.

Команда отправилась на первый свой чемпионат мира деморализованной и в Швеции не могла избавиться от этого душевного гнета. Исчезновение из состава трех основных игроков восполнить так и не удалось, возможность маневрировать равноценным резервом радикально ухудшилась. Поражает точность понимания ситуации и моральных оценок, вынесенных по этому печальному поводу Львом Яшиным. Что думалось в те дни, он передал почти 20 лет спустя в словах, с которыми каждый нормальный человек должен согласиться и сегодня, когда «дело Стрельцова» разобрано по косточкам:

«Тогда мы не знали подробностей дела и тяжело переживали случившееся: в беду попали люди, жившие с нами бок о бок, люди, с которыми соединила нас футбольная судьба. А где-то в глубине души, рядом с жалостью и надеждой, жило чувство обиды на них. Мы готовились к первенству мира, а в этот момент трое тех, кого мы считали своими товарищами, устраивают где-то на даче ночную попойку, не берегут себя, попадают в какую-то темную историю и в конце концов наносят команде страшный удар – надо ли объяснять что значит для команды потеря сразу трех ведущих игроков?»

Тем не менее стартовый матч в «группе смерти» 8 июня 1958 года в Гетеборге против англичан советская сборная, в отличие от майской встречи, провела легко и убедительно, много комбинировала, вела 2:0 (Никита Симонян, Александр Иванов). Лев Яшин на пару с Константином Крижевским то и дело снимал мяч с головы почти двухметрового Дерека Кевана, вытаскивал из самых углов, только раз не успев предотвратить удар головой, нанесенный рыжеволосым центрфорвардом. Но даже пропустив гол, команда уверенно двигалась к выигрышу. «Русские присвоили себе все аплодисменты, предназначавшиеся для англичан», – писала «Стокгольме тиднинген».

Однако судейское вмешательство за пять минут до финального свистка неожиданно привело к пенальти и ничейному исходу – 2:2. Если Крижевский и нарушил правила, то явно за пределами штрафной площади. Яшин в отчаянии от вопиющей несправедливости швырнул кепку в венгерского арбитра Иштвана Жолта. Хорошо, тот не заметил, окруженный

протестующими игроками. Владимир Кесарев слышал ответ судьи на ломаном русском: «Нечестно? Несправедливо? А вы в 56-м честно поступили?» – явный намек на ввод советских войск в Будапешт. По поводу этого злосчастного пенальти шумела не только советская – вся европейская печать, да что толку: потеря очка в дальнейшем обернулась тяжелыми последствиями.

Руководитель советской делегации зампред Спорткомитета Д.В. Постников, опытный зубр, еще в 1945 году возглавлявший тур команды «Динамо» по Британии, каждый день держал связь с Москвой. История умалчивает, кто и чье недовольство транслировал ему в очередном телефонном разговоре, но поступило требование унять радиокомментатора Николая Озерова: «Что это он заладил – Яшин да Яшин, как будто нет других игроков. Такое впечатление, что игра не отходит от наших ворот»… Постников передал замечание предельно деликатно:

– Не мне тебя учить, Коля, как вести репортаж. Но просили учесть.

Николай Николаевич пожал плечами. Он, конечно, человек был чрезмерно восторженный, к спортсменам питал слабость, Яшина любил особенно, мог перебрать в эпитетах, но переправить игру к противоположным воротам, когда во втором тайме насели англичане, вряд ли было ему под силу.

Через три дня в Буросе советским футболистам противостояла сильная в то время сборная Австрии, располагавшая сразу «двумя Кеванами» – Хансом Буцеком и Карлом Сенековичем. Яшин записал в свой реестр еще один блистательный матч, ко всему прочему отразил пенальти. Советский футбольный голова Валентин Гранаткин даже с места сорвался, ринулся вниз по ступенькам трибуны с отчаянным криком:

– Лев, поправь позицию!

Такова была реакция бывшего вратаря, когда Яшин изготовился к 11-метровому не посредине между стойками, как полагается, а левее центра ворот. Но это была расчетливая приманка, на которую попался Буцек. Яшин намертво поймал сильно пущенный мяч. Это было не единственное решающее вмешательство вратаря в ход игры. Недаром после нее два австрийских игрока вместе с тренером явились в нашу раздевалку с поздравлениями и сувенирами персонально Яшину, а солидная «Дагенс нюхетер» все объяснила просто и коротко: «Все русские – обычные люди, исключая Яшина. Это какое-то изваяние из камня». Озеров, начисто забыв предписание из Москвы, реагировал на взятый пенальти со свойственным ему темпераментом: «Какой бросок! Какое хладнокровие! Яшин,

только Яшин способен совершить такое чудо!»

Между прочим, Яшин успешно повторил свой фокус, отражая пенальти в матче сборных Югославии и Европы (2:7), специально организованном для сбора средств пострадавшим от землетрясения 1964 года в Скопье. Югославский снайпер Бора Костич рассказывал: «Смотрю, вратарь занял неправильную позицию, ближе к одной из стоек. Разбегаюсь, занес ногу для удара и только тут соображаю: ведь в воротах-то Яшин. Ну, думаю – это же ловушка. Попался, словно мальчишка!» Как потом комментировал другой наш игрок сборной Европы – Валерий Воронин, «Яшин вежливо пригласил бить в удобный для него угол». После финала Кубка Европы 1960 года это был еще один реванш югославскому голеадору за унижение «хет-триком», который так и остался единственным в карьере Яшина («Црвена звезда» – «Динамо», 4:1 в 1959 году).

Лев Яшин во время тренировки

Возвращаясь в 1958 год, на чемпионат мира, остается напомнить, что сборная СССР одержала победу над австрийцами – 2:0. Но в следующей игре с тем же счетом уступила неподражаемым и непобедимым бразильцам, которые могли бы выиграть крупнее, если бы не штанги, Яшин и Виктор Царев, удержавший Пеле. Групповой турнир был завершен вровень с англичанами, и регламент предусматривал дополнительную встречу для розыгрыша второго места в группе, предоставлявшего право на продолжение борьбы в плей-офф.

Английская и советская команды выпустили по паре свежих нападающих, но сыграли они с разной эффективностью – наши резервисты себя не проявили. Англичане оказали еще и грубое давление на Яшина, всячески пытались вывести его из себя, а может быть, и из строя. Но стойкий вратарь не поддавался – и ворота спасал, и сотрясение мозга заработал, но поле не покинул. Мало того что вытащил сумасшедший удар с восьми метров в правый нижний угол от Кевана, так еще и начал голевую комбинацию: выбросил мяч к центру поля точно Анатолию Ильину, тот – Валентину Иванову, который переадресовал Юрию Воинову а наш полузащитник, включенный по истечении чемпионата в символическую сборную мира, вывел на решающий удар подоспевшего Ильина.

Уолтер Уинтерботтом, тренер-легенда, проработавший с английской сборной 17 (!) лет (1946–1962), по окончании игры произнес в раздевалке единственную короткую фразу: «Вас обыграл один Яшин». Пусть она звучала некоторым преувеличением, но через несколько месяцев, когда в товарищеском матче на «Уэмбли» советская команда уступила аж 0:5, Уинтерботтом продолжал бить в ту же точку: «Вы, конечно, молодцы, но благодарите бога, что сегодня не Яшин занял ворота русских».

Выиграв дополнительный матч, сборная СССР пробилась в четвертьфинал, где ее устали дожидаться, зато успели отдохнуть три дня хозяева первенства – футболисты Швеции. Встреча состоялась буквально через сутки после битвы советской команды с Кеваном и Ко, да еще с неожиданно тяжелым переездом в Стокгольм. Тренеры не скрывали беспокойства, но руководство делегации обуревал казенный оптимизм:

– Не забывайте, как громили шведов под Полтавой. Да вы сами привозили им по шесть-семь голов. Обязаны разгромить их и сегодня. Знаем, что устали, но уж постарайтесь. За эту игру премируем.

Яшина так и взорвало, он еле сдерживался, реагировал

дерзко:

– Мы не за премиальные здесь играем, а за страну. Как-нибудь сами понимаем, что надо выложиться.

Только выкладываться не оставалось сил. Расчет тренера шведов англичанина Джорджа Рейнора исходил как раз из неимоверной усталости противника. Коллеге подыграл наставник советской сборной Гавриил Качалин. Обжегшись на неудачной игре двух резервистов в предыдущей встрече, он забаллотировал остальных и выпустил умотанных ветеранов. Первый тайм они еще держались, даже имели шансы забить, а во втором питомцы Рейнора взвинтили темп. Наши уже еле волочили ноги.

И даже вратарь не спас, когда за дело взялся «злой гений» Яшина – правый крайний шведов Курт (Курре) Хамрин, забивший ему в матчах сборных больше кого бы то ни было – целых три мяча (но так ли это много за шесть игр?). Он чуть ли не единственный из мировых звезд, кому на протяжении ряда лет удавалось подбирать какой-то волшебный ключик к яшинскому замку. В дуэли с Хамриным Яшину не фартило и в том, что стремительного дриблера опекуны Борис Кузнецов и дважды Владимир Глотов стопроцентно удержать не могли, дозволяя хотя бы раз-другой за игру беспрепятственное рандеву с вратарем, а он использовал малейший шанс – неважно, нанести сокрушительный удар или издевательски катнуть мяч за линию ворот.

Однако и Яшин запомнился победителем в многолетней дуэли со шведским суперфорвардом. В стокгольмском матче сборных Швеции и СССР 1962 года (0:2) мало того что взял от него пушечный удар с ходу – виртуозно парировал и не менее мощно пробитый пенальти. Но четырьмя годами раньше в главном их противоборстве – на чемпионате мира – как ни старался измученный, битый-перебитый Яшин превзойти все возможные пределы мужества, выручить команду был не в состоянии.

…Прибытие в Стокгольм туристической группы специалистов заранее намечалось на решающие игры первенства с расчетом увидеть в них советскую команду. Но встречавшие ее в аэропорту футболисты к этому времени уже выбыли из соревнований. Среди них прилетевший Андрей Старостин с трудом узнал Яшина:

– Что с тобой, Лева?

– Ничего, здоров. Только немного похудел. На семь кило за неделю…

Вот как аукнулись вратарю, фигурировавшему наряду с Гарри Греггом из Северной Ирландии в разных вариантах символической сборной мирового чемпионата, всевозможные неприятности: свинья, подложенная всей сборной отцепленными

партнерами, ошибки своих тренеров, беспардонная охота разъяренных противников, судейская необъективность… И, конечно же, белое каление борьбы, не виданное ни в одном из прошлых турниров и матчей.

Москва дала указание отправить выбывших футболистов домой, просьба Яшина оставить их, чтобы увидеть решающие игры, поучиться в конце концов, удовлетворена не была. Репортаж о финальном матче, в котором бразильцы разгромили наших обидчиков – шведов (5:2), штрафники, повинные лишь в том, что вошли в восьмерку лучших команд мира, слушали в заштатном аэропорту города Великие Луки, где воздушный извозчик совершил посадку.

С каждым днем по возвращении критика лишь разрасталась. Между тем на горестные переживания времени отпущено не было. Международный календарь пополнился стартовавшим осенью того же, 1958 года розыгрышем Кубка Европы. Некоторые национальные федерации новый турнир поначалу игнорировали, так что он привлек лишь 17 участников. Стартовый раунд (1/8 финала) сборная СССР в освеженном составе (со Славой Метревели и Михаилом Месхи) выиграла у традиционных противников – футболистов Венгрии (3:1,1:0), причем ответный матч в Будапеште, состоявшийся уже в 1959 году, местная экспертиза отнесла к лучшим выступлениям сборной СССР в серии советско-венгерских встреч на высшем уровне, а Яшин едва не превзошел сам себя.

Вообще же 1959 год отличался для сборной определенной растерянностью. Качалина, закачавшегося, извините за невольный каламбур, после чемпионата мира и смещенного в результате лондонского разгрома, заменил Г.Ф. Глазков, но только на один контрольный матч (со сборной Чехословакии – 3:1), а затем был вновь мобилизован неизменный М.И. Якушин, работавший вторым тренером у Б.А. Аркадьева в 1952 году и Г.Д. Качалина в 1957—1958-м (он еще пригодится сборной в 1967–1968 годах в качестве старшего тренера).

В этой роли славный Михей впервые попробовал себя как раз в Будапеште, затем вывозил команду на небольшой турнир в честь 10-летия Китайской Народной Республики с участием сборной КНР и олимпийской сборной все той же Венгрии. Турнир в Пекине якушинские питомцы выиграли, но за 1959 год сборная провела всего-то жалких три официальные встречи (меньше разве что в 1954 году), экспериментальный состав не устоялся – только в нападении было испробовано 11 человек, лишь несколько могикан во главе с Яшиным удерживали старые позиции. А на исходе этого промежуточного сезона сюрприз спортивному

начальству преподнес Якушин, отказавшийся работать со сборной, поскольку не собирался оставлять «Динамо» (как же он ошибался – в футболе загадывать наперед невозможно, и в 1960 году Михаил Иосифович вынужден был покинуть родной клуб навсегда).

Вот и получилось, что без Качалина недолго музыка играла – лучшего кандидата на горячее место не нашлось. Единственный контрольный матч накануне четвертьфинала Кубка Европы качалинцы провели со сборной Польши и разгромили ее в Лужниках – 7:1. Слитная, высокоорганизованная игра советской сборной, где грозную силу обозначил новый центр нападения Виктор Понедельник, обескуражила знаменитого наставника сборной Испании Элению Эрреру который прибыл на разведку перед четвертьфиналом Испания – СССР. Казавшийся мне за завтраком в гостинице «Украина» сияющим от собственной значимости, он обещал закончить начатое интервью тем же вечером в Лужниках сразу после игры СССР – Польша, но, жутко озабоченный, с извинением откланялся.

По возвращении Эррера отказался дать гарантии победы над Советами, затребованные каудильо Франко. Диктатор счел за лучшее выезд своей сборной в Москву отменить, вызвав издевательские насмешки в очередной речи советского лидера Н.С.Хрущева. Для этого использовал Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда (во как!), с трибуны которого прогромыхал: «И в большом, и в малом Франко пресмыкается перед своими хозяевами. Весь мир смеется сейчас над его последним трюком. Это он с позиции правого защитника американского престижа забил гол в свои ворота, запретив испанским футболистам встречу с советской командой». При чем тут американцы? Большей белиберды трудно себе было представить.

Расширенная программа к матчу, в составлении которой я участвовал, оказалась не востребованной, огромный тираж был уничтожен, превратив чудом сохранившиеся экземпляры в футбольную реликвию. Испанцам было засчитано поражение, а сборная СССР без игры прыгнула в четверку лучших команд Старого континента, собравшуюся на заключительные игры во Франции 6—10 июля 1960 года.

В Марселе, где был назначен полуфинал СССР – Чехословакия, нашу команду поджидала очередная напасть: с приступом аппендицита на операционный стол угодил Владимир Кесарев. Пришлось выводить на правый фланг защиты необстрелянного тбилисца Гиви Чохели, который впоследствии

оказался едва ли не лучшим в обороне. Не хуже прошлогоднего товарищеского матча с чехословацкими футболистами отыграла наша сборная и турнирный, а счет и вовсе улучшила – 3:0.

В то время соперник располагал классными защитниками и полузащитниками (Ян Поплухар, Ладислав Новак, Йозеф Масопуст, Титус Буберник), переиграть которых мало кому удавалось (вскоре в этом убедил чемпионат мира 1962 года в Чили, уготовивший команде второе место). Но Юрий Воинов с Игорем Нетто захватили центральный плацдарм, а острыми прорывами по флангам и комбинационными затеями Валентина Иванова форварды налаженную систему основательно разрушили. Иванов расстарался двумя голами, еще один добавил Виктор Понедельник. Вместе с ними героем матча стал Лев Яшин. Его игра стала потрясением для зрителей стадиона «Велодром». Вот только один, но характерный эпизод.

После резкого удара, встреченного в нижнем углу ворот виртуозным броском вратаря, отдавший Буберник роскошный пас Властимил Бубник, больше известный у нас как капитан хоккейной сборной Чехословакии, застыл в немой позе и начал аплодировать. Вслед за ним – другие чехословацкие игроки, к ним присоединились и наши. Только вошли в раздевалку, чехословацкий нападающий Йозеф Войта, со страха промазавший пенальти, выпалил в сердцах:

– Какая уж тут игра, если мои соудруги (чеш. товарищи. – *А. С.)*вместо того, чтобы атаковать голкипера, стоят, разинув рот, и хлопают в ладоши, как в театре.

На что вратарь Вильям Шройф, будущий триумфатор чемпионата мира 1962 года, ответил:

– Яшин и есть театр.

После игры высыпавшие на поле с трибун французы с гиканьем подхватили советского вратаря на руки и, стащив с головы знаменитую кепку, унесли его с поля. Пропавшую кепку-талисман вызволил полицейский и возвратил Яшину в обмен на автограф.

«Яшин сначала, Иванов затем обеспечили успех футболистов СССР» – крупными буквами на первой полосе оповещала «Экип». В тексте отчета о матче она позволила себе такие строки: «Счастлива советская команда, что располагает таким вратарем, как Яшин».

10 июля в Париже на неказистом еще, скромном «Парк де пренс», полностью обновленном лишь к чемпионату Европы 1984 года, публика ожидала в финале сборную Франции. Но вместо нее против наших футболистов вышла одолевшая хозяев в полуфинальной драме (5:4) команда Югославии.

Рафинированные югославские придумщики (со старым знакомым Драгославом Шекуларацем, а также Миланом Галичем и Борой Костичем на переднем крае) в который уже раз принялись терзать наши редуты, и если бы не отчаянные усилия Яшина, счет первого тайма мог быть крупнее достигнутого (Галич).

Когда перерыв позволил перевести дух, наши тренеры-наблюдатели, специально отправленные в командировку для изучения лучших образцов европейского футбола, даже поспорили между собой, с каким счетом проиграет наша команда. По мнению прибывшего в этой группе Якушина, она по разным статьям, даже в физической подготовке, уступала югославам, в тот день назойливым, как беспрерывно ливший дождь.

В этих условиях югославские футболисты получили распоряжение своего тренера чаще бить не в ворота в расчете на отскок мяча и добивание. «Но из этого ничего не вышло, – вспоминал один из лидеров команды Милан Галич. – И не потому, что кто-то ленился. Великий Яшин ни разу не выпустил мяч из рук». Вратарь советской сборной парировал опасные удары Костича, Галича, Шекулараца. Когда Шекуларац мощно пробил метров с семи – восьми, голос югославского радиокомментатора возопил: «Го-о-ол!». Но пришлось извиниться перед слушателями, которым сообщил, что Яшин каким-то чудом отбил мяч ногой.

Угрозы не исчезли и после перерыва, но лишь в ответ на осаду ворот хорошо игравшего яшинского визави – Благойе Видинича. Временами переходивший в штурм, советский напор принес плоды (Слава Метревели) переводом схватки в овертайм. Решающее слово осталось за Виктором Понедельником, переправившем головой в сетку фланговый навес Михаила Месхи.

«Тот матч выиграл Яшин. Если бы не он, не видать нам этого Кубка. Он столько вытащил и сверху, и снизу, и уж не знаю, откуда еще. Как фокусник доставал эти мячи», – рассказывал Якушин. После игры он зашел в раздевалку и расцеловал вратаря.

– Ох, Михаил Иосифович, ох! – только и сумел вымолвить тот, весь мокрый, вымазанный, еле державшийся на ногах.

– Да, Лев, да! – других восклицаний у Якушина не нашлось. Обширный отчет о финале в «Экип» не зря получил заголовок

«Блеск Яшина и… голова Понедельника». В аналитической статье «Франс футбол» писал: «Русские показали замечательные атлетические и моральные качества. Их основными козырями были безупречная игра Яшина и необычайная скорость обоих крайних. Честь и хвала Бубукину, показавшему исключительную работоспособность и понимание коллективной игры».

После игры югославы плакали от обиды. Грозный бомбардир Бора Костич, трижды бравший яшинские ворота в матче «Црвена

звезда» – «Динамо» (4:1) за год до их нового парижского свидания, не скрывал потрясения: «Этот Яшин – сущий демон. Я бил по воротам три штрафных, в которых вложил всю силу и умение, а он каждый раз был в нужном месте».

Корреспондент югославского агентства ТАНЮГ передавал из Парижа: «В этом проигрыше нельзя винить ни одного нашего футболиста. Советская сборная выстояла, но свой успех русские разделяют неравномерно. Выдающуюся роль сыграл Яшин, который фантастически отражал атаки энергичных югославских форвардов и превратил свои ворота в неприступный бастион». Для всей Югославии он был «человек, который украл у нас победу».

Через мгновение вы поймете, почему мне особенно важно привести следующую выдержку из белградской газеты «Спорт»: «Наша команда играла изумительно. Если бы не было между штангами ворот советской команды этого чародея, вопрос о чемпионе Европы был бы решен бесповоротно еще в первом тайме. На пути работавшей как часы югославской атакующей машины стоял человек, заронивший сомнения в границах возможностей, рефлексов и инстинкта футболиста».

Автор этих слов, специальный корреспондент газеты, а в скором времени тренер сборной Югославии Любомир Ловрич отдавал себе полный отчет в том, что говорит, – он сам в прошлом вратарь, защищавший рубежи этой команды. Прошло много лет, и страж ворот довоенной сборной Югославии не изменил свою точку зрения: «Я видел и Планичку и Замору, но Яшин превзошел всех».

Многие болельщики старшего поколения до сих пор не могут забыть, как Николай Озеров в полуночном радиорепортаже из Парижа закатил не своим голосом нескончаемо протяжное «Го-о-л!!!», хотя достаточная интеллигентность не допускала истошности поросячьего губерниевского визга, который мы обречены слышать сегодня. Помнится, 100 тысяч счастливчиков 13 июля 1960 года перед матчем «Спартак» – «Локомотив» бурно приветствовали победителей, прямо из аэропорта на черных, сиявших неумеренным лаком правительственных лимузинах «ЗиМ» доставленных в Лужники.

В 2000 году, когда отмечалось 40-летие первой и единственной европобеды нашей сборной, старики-победители выразили пожелание еще раз совершить круг по беговой дорожке вдоль поля, но услышали от хозяина Лужников Владимира Алешина: «А сколько заплатите?» Заслуженным ветеранам, как с обидой они тогда говорили, не всегда удавалось в эти чудовищные годы посещать игры наследников или приходилось

сидеть на плевых, неудобных местах.

Такова судьба заслуженных людей в неблагодарной стране, которая тогда, в 1960-м, носила на руках своих любимцев.

Чувства, правда, так захлестнули, что смазали профессиональный разбор. Советская пресса полутонов не признавала и вовсю превозносила футболистов. Лишь специализированному журналу «Спортивные игры» были дозволены критические замечания, да и то устами французского обозревателя, с оговоркой, что редакция не разделяет все его оценки.

По нескольким причинам хочу воспользоваться именно этим мнением со стороны, вычитанным и в других публикациях человека, к которому прислушивался в ту пору весь футбольный мир. Габриэлю Ано можно верить, во-первых, в силу его авторитета, заслуженного 50-летним пребыванием в футболе в качестве игрока высокого уровня (многолетний защитник сборной Франции) и обозревателя № 1 ведущей спортивной газеты мира («Экип»). Во-вторых, в силу благожелательного отношения к советскому футболу Привожу мнение Ано не в последнюю очередь и потому, что полностью его разделяю. Так вот, маститый журналист заострял внимание на том, что физическую мощь и крейсерские скорости наших футболистов в какой-то степени лимитировал недостаток гибкости.

«Мы не формалисты и считаем, что русские и югославы равны друг другу, хотя первенство взяли советские футболисты, – писал Ано вслед финалу Кубка Европы. – Едва ли кто-то из присутствующих мог равнодушно следить за этим эпическим футбольным сражением. Между тем, мы привыкли к латинскому стилю, и в этом матче нам чего-то не хватало. Мы были свидетелями резкого, острого противоборства, в котором обе стороны с презрением относились к боли и опасности. Каждый был строг и жесток к себе и другим. Воля к победе была очевидной, но у русских она оказалась сильнее. И все-таки, с нашей точки зрения, их футболу недоставало изящества, огня и полета».

Месье Ано не раз отмечал в своих статьях самобытность нашего футбола, его соответствие русскому характеру. Глубокое впечатление на мэтра производили «серьезность, тщательность, насыщенность и глубина тренировочной системы советских футболистов», он призывал брать с нас пример в методике тренировок, режиме питания, даже в манере предматчевой разминки. Как резюмировал французский специалист, некоторая механистичность в игре, недостаточное проявление индивидуальных возможностей футболистов, запоздалый выход

на международную арену не помешали советскому футболу с места в карьер решительно занять передовые европейские рубежи.

Добавлю только одно. Есть риск не до конца понять, как и почему сборная СССР 50-х – начала 60-х годов сразу же ознаменовала свой выход в свет значительными достижениями, если упустить из виду атмосферу доверия в команде, созданную усилиями тренера Гавриила Дмитриевича Качалина и самих игроков. Эту атмосферу можно назвать семейной. Иногда даже чересчур, во вред делу, что сборная испытала на себе накануне чемпионата мира 1958 года.

Как в любой нормальной семье, и там возникали конфликты, ссоры, но все чувствовали себя своими, душу нараспашку, может, не всегда открывали, но и не стеснялись говорить начистоту, особенно Лев Яшин и Игорь Нетто, только в разном регистре – один чаще всего мягко, умиротворяюще, другой – резко и запальчиво. Гавриил Дмитриевич вспоминал, как во время сбора в Венгрии перед чемпионатом мира 1962 года непогода мешала выполнять намеченный план подготовки, он нервничал, вопреки обыкновению начал повышать тон, требовать от игроков невозможного, те тоже завелись. На собрании команды Яшин по-товарищески, спокойным голосом спросил, зачем создавать напряженность, ведь этим делу не поможешь. Гавриил Дмитриевич не страдал упрямством, замечание принял, тон сбавил, атмосфера наладилась. С его уходом из сборной такого душевного понимания между тренерами и игроками достигать уже не удавалось.

В своих устных мемуарах (жаль, письменных не оставил) Качалин особенно выделял патриотический настрой, отодвигавший далеко в сторону меркантильные интересы футболистов, да они и не были столь гипертрофированы, как сегодня. Неважно, были ведущие игроки тех лет дисциплинированны или легкомысленны, склонны к соблюдению или нарушению спортивного режима, но они всласть любили футбол, и это была их главная, действенная мотивация. Они и не мыслили иначе, чем в полную силу, с исчерпывающей выкладкой выступать за сборную в товарищеских матчах, не говоря уже о турнирных. Другое дело, что не всегда выходило переиграть искушенных соперников, но получалось это так многократно, как никогда впоследствии, с предъявлением стадионам разных стран и международной телеаудитории своей очевидной незаурядности, подкрепленной высоким командным духом. Все это вместе с забытой «глубиной тренировочной системы» на долгие годы исчезло у засыпанных деньжищами непутевых

наследников советского футбола, как исчезли запредельная мобилизованность и семейная спайка игроков национальной сборной, лишившейся таких благородных лидеров, как Лев Яшин, Игорь Нетто, Валентин Иванов. А мы готовы утешаться всего лишь намеками на перелом, просигналенными долгожданным прорывом к призовому месту на Евро-2008. Не забыть бы, что при этом дважды нокаутированы чемпионом Европы.

Непримиримые друзья

Дух единой семьи поселился в сборной 50-х независимо от того, какой клуб был базовым – «Спартак» (1954–1956), «Динамо» (1957–1958) или же сборная строилась по так называемому звездному принципу, проще говоря, отсутствовало доминирующее представительство какого-либо клуба (1959–1960). Выступавшие за нее футболисты в расположении сборной забывали о своей клубной принадлежности. Больше того, не скрывали взаимных симпатий непримиримые на поле Яшин с Исаевым, Симонян с Крижевским, Сальников с Кесаревым, старались даже селиться на сборах и во время зарубежных выездов по гостиничным номерам такими смешанными парами.

Это было довольно частое явление, когда сборная сводила, соединяла товарищескими узами футболистов разных команд. Клубные сборы тогда продолжались нескончаемо, и одноклубники порой уставали друг от друга, им не хватало свежих впечатлений, новых лиц. Находили их в сборной. Хотя бы поэтому невозможно согласиться с тем, как Никита Симонян «тянет одеяло» на «Спартак»: «В сборной Лев буквально льнул к спартаковцам Исаеву, Ильину, Татушину Оказывается, он болел за «Спартак» и не скрывал своей привязанности. Но дело в другом. Спартаковцы принесли в сборную особую атмосферу взаимоуважения, заинтересованности в успехе товарища, искренности».

Так сложилось, что вслед за Н.П.Старостиным некоторые его воспитанники толкуют о какой-то спартаковской исключительности, и некоторым высокомерием веет от этих толков. Напрасно уважаемый Никита Павлович отваживает часть ему симпатизирующих, оставляя за «Спартаком» мифическую монополию на искренность и взаимоуважение игроков. И если было так, не очень понятно, почему самого Симоняна, по его собственному признанию, особо тянуло к Крижевскому?

В свое время, много общаясь с Константином Крижевским, я слышал от него только добрые отзывы об отношениях и внутри «Динамо». Впрочем, и сегодня можно справиться об этом у Владимира Кесарева или Владимира Рыжкина. Спросите их и о том, к кому тянулся Яшин. Они ответят: к Володе Шаброву Виктору Цареву, Жоре Рябову, а я еще добавлю – и к самим Рыжкину с Кесаревым. Как видите, среди динамовцев у него друзей тоже хватало, причем и для семейного общения, как с теми же Исаевыми, Симонянами, Ивановыми, хотя Валентин Иванов вовсе не спартаковец.

Валентина Тимофеевна не может забыть, как футболисты с женами или подругами тепло и весело проводили время в динамовском кругу. Совместные праздники, тот же Новый год, были совсем не похожи на банальные попойки, скорее напоминали карнавальные представления. Яшин, Шабров, Царев исполняли танец маленьких лебедей в набедренных повязках или в тогах из старых занавесок. Под хохот присутствующих заходились в индийском танце, одетые в белое солдатское белье с длинными рубахами навыпуск. Пели, музицировали. Присоединялись соседи, тоже что-то изображали, потом все вместе отправлялись к ним в гости, не обходились и без своего любимого футбола во дворе.

В общем футболисты яшинской поры были едины в динамовском братстве на работе и на отдыхе, хотя, как в любом коллективе, бывало всякое – размолвки, недоразумения, «нарушения режима», иногда попросту кутежи, но не водилось ни наушничества, ни склок. Во многом благодаря тому, что Михаилу Якушину удавалось хитроумным лавированием сдерживать натиск ведомственной казенщины и генеральских интриг. С его отставкой в 1960 году, которую некоторые знатоки считают началом отката, а потом и заката «Динамо», атмосфера в команде все больше сгущалась (просветлев лишь на короткий период при Александре Пономареве).

Вот когда «Спартак» со своей известной «вольницей» тонкими усилиями Николая Старостина, прежде всего вне поля, а уже как следствие на поле, обрел долговременное преимущество, материализованное (с решающим участием, само собой, Константина Бескова, а затем Олега Романцева) в спортивных достижениях 80—90-х годов. Сейчас-то «чужих судеб соединенность и разобщенность близких душ», мне кажется, поразила в той или иной степени оба славных клуба, но старостинская закваска сохраняется по крайней мере в отношениях к ветеранам и между ветеранами «Спартака». Малочисленных уже сверстников же Льва Ивановича Яшина такие скрепы, увы, так прочно, как в молодости, не связывают – может быть, потому что нет его самого.

Не всегда легко определить, отчего у тех или иных футболистов возникает взаимное влечение, перерастающее в товарищество. Примешиваются и привходящие обстоятельства. С многими спартаковцами и динамовцами Яшина сближало домашнее местоположение. По соседству на Кутузовском проспекте, где проживал он до 1964 года, пока не переехал в Чапаевский переулок, обитали спартаковцы Борис Татушин, Анатолий Исаев, Анатолий Ильин, динамовцы Алексей Хомич,

Владимир Савдунин, Владимир Рыжкин…

Но это, разумеется, был лишь сопутствующий мотив взаимопритяжения. Яшин настолько легко находил общий язык с самыми разными людьми, настолько просто с ними сходился, а те, в свою очередь, настолько ценили его душевную щедрость, что соседство лишь подталкивало к дружескому общению.

Яшин был человек, я бы сказал, «дружбоемкий». Обаяние и широта натуры Левы, Льва, Льва Ивановича притягивали к нему самых разных людей независимо от возраста и положения. Дружбу с заводскими, такими же работягами, вымахавшими в директоров, главных инженеров и главных конструкторов, пронес через всю жизнь. А какой футболист может похвастать семейным общением с тренерами? У Яшина же сложились не просто добрые отношения с наставниками и учителями – они переросли с годами в привязанность, а то и дружбу с Чернышевым, Якушиным, Хомичем, Качалиным, Пономаревым, Бесковым. Добросердечность Яшина стирала разницу и в возрасте, и в клубной принадлежности. В дружбе динамовцы, спартаковцы, торпедовцы были для него равны.

Да, Яшин болел за «Спартак» в детские годы, а без этого уточнения, которое забыл сделать Никита Павлович, можно было бы заподозрить вратаря в шизофрении – как это: переживая за «Спартак», изо всех сил бьется за «Динамо». Команду же в детстве выбираешь неосознанно, следуя за отцом, братом, приятелями. Все Сокольники болели за «Спартак», там, на Ширяевом поле, находилась знаменитая спартаковская база, вот целая округа и была красно-белого оттенка. Любопытно, что в те же годы Игорь Нетто болел за «Динамо» и записываться пошел четырнадцати лет в детскую команду на главный стадион страны в Петровский парк. Но дважды не мог застать тренера, поддался обычному ребячьему нетерпению, да еще совету приятеля, и отправился по соседству – на СЮП (стадион Юных пионеров). Детские грезы не помешали ему стать истовым спартаковцем, более того – носителем спартаковского духа, отрицать который, по-моему, невозможно. Как и Яшину – завзятым динамовцем и символом «Динамо».

Переманивание игроков известно с незапамятных времен и родилось, как сам футбол, в Англии, где обозначавшее его словечко «тейпинг» не выходило из употребления. У нас сей жаргонный термин известен не был, но это не помешало перенять дурной опыт родоначальников. В конце 50-х (или самом начале 60-х – не помню точно) ходили слухи, что хорошие отношения Яшина со спартаковцами один из профсоюзных спортивных боссов решил использовать для «вербовки» лучшего вратаря

страны. Когда на кривой козе подъехал с этой идеей к Нетто, тот посмотрел на него так, что одним взглядом выбил у шефа дурь из неумной головы. Сам беспредельно преданный «Спартаку», как никто понимал, что невозможно даже заикнуться Яшину об уходе из «Динамо» – для него это было равносильно дезертирству, предательству. Поэтому даже в шутку никто не решался предлагать Яшину перемену клубных цветов – мог послать далеко-далеко.

Валентин Бубукин в книге мемуаров «Вечнозеленое поле жизни» (2003) довольно категорично заметил, что ведомство, к которому принадлежало «Динамо», никогда бы не позволило Яшину покинуть клуб – это было чревато, согласно гиперболе Бубукина, «вооруженным восстанием». Но дело не во всесильном ведомстве (смирилось же оно с потерей Сальникова), а в самом Яшине. Он никогда и не хотел расставаться с «Динамо» – им владела неотторжимая привязанность к родному дому. Да и неблагодарность к тем, кто пестовал его долгие годы, с кем делил радости и горести, была против яшинских правил. Своих одноклубников любовно называл «динамчики».

При дружественных личных отношениях спартаковцев с динамовцами их противоборство на поле носило в 50-х обостренный характер. И футболисты, и зрители, приученные со временем к договорным играм, вероятно, удивятся, что никогда и намеком не пахло на взаимные уступки принципиальных соперников, с 30-х годов находившихся в состоянии конфронтации, слава богу, сугубо спортивной. Даже когда одному из непримиримых клубов очки были не очень и нужны, главное «дерби» никоим образом не могло превратиться в поддавки. Встречи «Динамо» и «Спартака» – этих Монтекки и Капулетти нашего футбола – всегда, в 30-е и 50-е годы особенно, ценились как боевые схватки по всем правилам футбольного искусства и законам конкурентной борьбы.

Правда, спортивное ожесточение было обременено и серьезными издержками. В те времена футбол был не такой контактный, как сейчас, поэтому предупреждения и удаления фиксировались реже. Но вспышки страстей не оставили без судейских взысканий ни один спартаковско-динамовский поединок 1954–1959 годов. «Динамо» считалось более жесткой, даже, соглашусь, грубоватой командой, но спартаковцы нахватали в этих междоусобицах предупреждений не меньше: то ли поддавались подхлестыванию Н.П.Старостина, с незапамятных времен инфицированного антидинамовским вирусом, то ли не могли унять раздраженность опережающими успехами извечных конкурентов. В ряды нарушителей попали и такие корректные

игроки, как спартаковцы Никита Симонян и Анатолий Ильин, динамовцы Александр Соколов и Лев Яшин.

Значительную долю наказаний команды понесли за нетактичное поведение своих игроков, бурные протесты против судейских решений. Но случались на поле и серьезные сшибки. В кубковой встрече 1954 года (3:1 в пользу «Спартака») Тищенко ткнул по физиономии Рыжкина, а тот не нашел ничего лучшего, кроме ответа плевком, но с поля, к возмущению динамовцев, был удален арбитром Николаем Латышевым он один. Матч первого круга в чемпионате страны 1956 года (1:1) был омрачен взаимной грубостью и удалением Сальникова с Царевым. Не изгладится из памяти, как при таких раздорах Яшин на длинном, кенгурином шагу совершал марш-броски чуть не до центра поля, чтобы разнимать сцепившихся «петухов».

Невзирая на дружеское взаиморасположение в жизни, на «поле брани» могли схлестнуться совсем близкие друг другу люди. Был даже такой забавный случай. В матче 1956 года (1:1) пасется Исаев около Яшина, норовит наскочить, оттереть, помешать приему мяча. Вратарь немало удивлен:

– Толя, ты чего? Обижен за что-то?

– Извини, Лева, но сегодня установка такая – вывести тебя из равновесия.

Ситуация выглядела особенно смешно, потому что как раз перед сборами, предшествовавшими игре, Исаевы были у Яшиных в гостях. И игровая стычка, вовсе не единственная, не мешала любезному общению в дальнейшем. Кстати, Анатолий Исаев забил другу всего один мяч, да и то в провальном (1:4) кубковом полуфинале 1955 года, когда размочил совсем уж неприличный сухой счет. В календарном матче 1957 года (3:1) сделал «хет-трик», но в воротах играл Владимир Беляев. Знатный бомбардир Никита Симонян всего один раз (1958) за многие годы соперничества поразил ворота Яшина, а при случае напоминал ему: «Видишь, какой я верный друг – всего один гол тебе забил». Хотя признавался, что говорить надо было иначе – «не всего один, а все-таки забил».

Сложные отношения по причудливой синусоиде «любовь – ненависть» складывались у Яшина с Сальниковым. Явление Льва Яшина в большой футбол совпало с пребыванием Сергея Сальникова в «Динамо». Они друг другу определенно симпатизировали. Вратаря восхищала подвластность Сальникову любого технического трюка, форварду пришлось по душе упорство, с которым отстаивалось отверженным талантом право себя проявить.

Яшин вспоминал, как признанный «технарь» мучил его, еще

безвестного дублера, в самом начале 50-х:

«Бывало, поставит мяч у внешнего обвода штрафной и кричит:

– Бью в правый верхний!

И точно, мяч со свистом летит в «девятку».

А сейчас в штангу ударю, – смеется он, и мяч звонко ударяется о перекладину. Уже тогда во мне утвердилось мнение, что этот человек все может на поле… В 1956 году в матче с нами он обошел подряд пятерых динамовцев и с линии штрафной сильно пробил. Я в броске с огромным трудом отвел мяч на угловой. Он подскочил ко мне, потрепал по голове:

Зря я тебя тренировал, Лева. Такой гол навсегда бы остался в истории…»

Разве эти воспоминания не убеждают в симпатиях Яшина к Сальникову? Но вот другие слова о нем, сказанные «он-лайн», по ходу разворачивавшихся событий.

Передо мной протокол общего собрания футболистов «Динамо», состоявшегося 4 апреля 1955 года в Леселидзе, где команда проводила предсезонный сбор. На повестке дня значилось поведение Сальникова, вздумавшего перейти обратно в «Спартак». Для непосвященных: Сальников – спартаковский воспитанник, с детских лет обитатель спартаковского «гнезда» – подмосковной Тарасовки, в 1950 году перебрался в «Динамо». Но в ответ на приглашение нового начальника команды «Спартак» Н.П.Старостина, возвратившегося из мест не столь отдаленных, решил, что пяти лет служения динамовскому футболу достаточно и пора возвращаться на круги своя. Был ли Сальников внебрачным сыном Старостина-старшего, как гласила молва, или нет, но любимцем его считался еще с юношеской команды – это точно.

Словом, Сальников сделал выбор. «Динамо» сетовало на то, что нарушены обусловленные сроки перехода, который все дружно называли Юрьев день, и, внезапно оказавшись без лучшего нападающего, согласия не давало. А будучи чемпионом страны 1954 года, всерьез собиралось отстаивать титул и в 1955-м. В верхних этажах власти, куда из Спорткомитета было перенесен скользкий вопрос, будораживший в футбольных и околофутбольных кругах всех и каждого, приняли соломоново решение: снять с Сальникова звание заслуженного мастера спорта, но разрешить переход в «Спартак» (не все тогда поняли скрытого лукавства: Сальникову было обещано почетное звание вернуть и действительно вернули в том же, 1955 году).

Молниеносная реакция голкипера не раз вызывала восхищение и зависть у соперников

Футболисты «Динамо» на собрании клеймили товарища в кровожадном духе и стиле, который тогда был принят. Яшин произнес очень злые, жестокие, во многом несправедливые слова: «Сальников пришел в «Динамо» в корыстных целях, рассчитывая, что динамовское руководство поможет освободить из заключения его отчима. Вел себя в коллективе как ярый индивидуалист, как шкурник, которого интересовала не честь команды, а заработки. Его надо дисквалифицировать пожизненно». Другие выступали не менее, некоторые более непримиримо, старались отхлестать побольнее, пригвоздить эпитетами «неисправимый», «не советский спортсмен». Не знаю, как кто, но Яшин говорил все это не потому, что так было надо, а потому что так думал, вернее – чувствовал.

Взявший в свои руки бразды коллективной игры в поле, Сальников держался несколько особняком вне поля, динамовских компаний сторонился. Не только среди динамовцев, но по всей футбольной Москве гуляли слухи о его связях с неким Челси – «королем» Столешникова переулка – этого, как считалось, рассадника спекулянтов, а Сало якобы сбывал им для перепродажи привезенные из-за границы шмотки. В общем, претензии к нему витали в воздухе, но, как было принято, честно, вслух не высказывались, а копились, к сожалению, до

подходящего момента. Не ведаю достоверно, числились за Сальниковым приписанные ему грехи или нет. Вдова, Валентина Васильевна, утверждает – нет, а я твердо знаю, что многие футболисты, динамовцы в их числе, перепродажей привезенного барахла грешили (Игорь Численко был как-то задержан на таможне с чемоданом плащей «болонья»). Вот Яшин однозначно спекуляцию презирал.

Очевидно, перехлест в его искреннем возмущении подталкивался эгоистичным поступком человека, бросавшего команду, да еще столь неожиданно для нее, а бегство из своего клуба динамовскому вратарю никогда не дано было понять. Не осуждаю ни Сальникова в его спартаковском выборе, ни Яшина в оценках этого выбора – тогда было принято клеймить, не выбирая выражений, вместо того, чтобы разобраться, понять человека. За что же осуждать их с сегодняшней колокольни?

За то, что Сальников хотел поработать под началом «отца родного» (действительного или фигурального) и занять в сыгранном, знакомом по сборной квинтете место распасовщика, освобожденное Николаем Дементьевым? Или за то, что Яшин принадлежал своему времени и еще не успел выработать в 25 лет непреложный нравственный императив, замешенный, как мы еще убедимся, на доброте и справедливости? Хотя, по-видимому, мог бы уже понять, что нельзя считать корыстью попытку облегчить участь близкого человека. А предложить пожизненную дисквалификацию означало лишение права на профессию, хотя такое понятие тогда у нас не существовало словесно, но применялось на практике в отношении особо провинившихся. Яшину, конечно, все это было невдомек, тем не менее слишком уж жестоко выглядело предложенное им наказание. Но из песни слова не выкинешь.

Не выкинешь из нее и своего рода сиквел, случившийся в том же, 1955 году. В игре второго круга первенства СССР «Динамо» – «Спартак» арбитр Николай Хлопотин назначил пенальти в динамовские ворота, а пенальтистом «Спартака» был не кто иной как Сальников. Установив мяч на 11-метровую отметку, он подошел к судье и что-то ему пошептал. Как потом выяснилось, предупредил, что Яшин имеет обыкновение двигаться с места до удара, а это, всем известно, запрещено правилами. И, как нарочно, удар Сальникова Яшин отбил.

«Ни о какой записи на камеру в те годы не помышляли, так что сдвинулся он на самом деле с места или нет, это уже загадка истории, – писал в книге воспоминаний «Футбол – только ли игра?» Никита Симонян, – но предупрежденному судье показалось, что сдвинулся, поэтому он заставил пенальти

перебить. Возмущению динамовцев не было предела, но судья был неумолим. Сальников повторил удар и пробил в левый угол (первый раз бил в правый), Яшин достал мяч кончиками пальцев, но тот все-таки оказался в сетке. Это была чистейшая психологическая дуэль, и выиграл ее Сергей. Хотя можно спорить, имел ли он право на обработку судьи». Задавая себе тот же вопрос, Андрей Старостин сильно сомневался, что Сальников поступил этично.

Сам-то форвард был убежден, что правда на его стороне. Помню, зимой 1957 года группа студентов экономического факультета МГУ, и я в их числе, случайно наткнулась на Сальникова около библиотеки гуманитарных факультетов на балюстраде старого здания университета, что на Моховой 9. Он тогда учился на факультете журналистики и, видимо, готовился к сессии. Мы были отчаянными болельщиками и хищной стаей накинулись на олимпийского чемпиона, окружили его и донимали острыми, всегда обходившими советскую печать, а то и наивными вопросами. Сергей Сергеевич, не желая отказывать братьям-студентам (так и сказал), терпеливо отвечал.

Все еще не избавившийся от сомнений относительно злополучного пенальти, который видел крупным планом с Восточной трибуны стадиона «Динамо», а дело происходило как раз у «восточных» ворот, я спросил не напрямик, но достаточно прозрачно:

– А в каких вы отношениях с Яшиным?

Знаю, к чему вы клоните, – отвечал Сальников. – Тот разнесчастный пенальти не мог испортить наших отношений. Лева тогда только на миг рассердился (кстати, получил предупреждение за пререкания с судьей. – *А.С.),* а на следующий день как ни в чем не бывало хлопал меня по плечу – мол, обиды не держу. Он же человек понимающий. Ведь я оставался в рамках правил.

А в рамках корректности к товарищу? Что двигало Сальниковым в беспрецедентной подсказке арбитру – этическая слепота? Предчувствие, что не удастся переиграть почти непробиваемого Яшина? Непомерное радение за победу «Спартака», отставшего в борьбе за титул чемпиона, – победу, в чемпионской гонке 1955 года, кстати, ему не подсобившую?

Яшин, тонко уловил наш собеседник, – действительно человек понимающий. И еще отходчивый (как, к слову, и заводной Сальников). Но последнее слово в их многолетней дуэли осталось за Яшиным. Глубокой осенью того же, 1955 года предстоял третий за сезон матч лидеров советского футбола. Первые два выиграли спартаковцы (4:1 и тот самый, где

перебивался пенальти, – 2:1). Могли выиграть и третий – в полуфинале Кубка СССР, тем более нападение «Динамо» было явно ослаблено травмами ведущих игроков.

На эту игру Сальников подвозил Андрея Петровича Старостина из Тарасовки в своей машине. Сергей в прекрасном настроении, предвкушает победу. И как обухом по голове:

– Вы сегодня проиграете.

– Необоснованный пессимизм, Андрей Петрович! – посмеивается герой 1955 года, начавший его со скандального перехода, а заканчивавший, по оценкам знатоков, лучшим игроком страны.

– Трижды обоснованный, и вот тебе все три обоснования: во-первых, вы плохо подготовлены, во-вторых, не подготовлены, в-третьих, совсем не подготовлены.

А перед этим Старостин-младший присутствовал на собрании команды. Заметил: трое опоздали, все сидят удобно развалясь, совершенно не сосредоточены, как бывает обычно перед такими важными матчами. К тому же психологически разоружены, подстелив себе соломку на случай проигрыша – трудно выиграть у «Динамо» три матча подряд, о чем успели ему шепнуть некоторые лидеры команды.

Мудрец оказался прав. Он не знал, но догадывался, что динамовцы, наоборот, готовятся к очередному свиданию со «Спартаком» как к последнему решительному бою, а главный пострадавший – Яшин настраивает на него товарищей как только может. Действительно, «Динамо» не оставило от вечного соперника камня на камне: забив два быстрых гола, вело к перерыву 4:0 но, так и быть, позволило размочить счет.

– Ну что, Сережа, сегодня и судья бы не помог? – подначивал Яшин Сальникова, когда нос к носу столкнулись в тоннеле, шествуя в раздевалку.

Через несколько месяцев после нашего случайного свидания на университетской балюстраде, в матче первого круга 1957 года Сальников снова бил пенальти в ворота «Динамо». Удар-то был классный, но Яшин в умопомрачительном броске, еле достав мяч, отбил его из правого верхнего угла на корнер, правда, команда уступила (0:1). В общем счеты между одноклубниками-антиклубниками были нешуточные, но это подолгу занимало в основном болельщиков. Сами персонажи драматических столкновений не были и не стали друзьями, но сохранили взаимную приязнь, сблизились в совместной работе, когда во второй половине 70-х оба оказались на службе в Управлении футбола Спорткомитета, даже отдыхали как-то вместе.

Уж на что трудноудержимыми, заряженными на гол были все

как один форварды «Спартака» той поры, а Никита Симонян и Анатолий Ильин в иные годы возглавляли бомбардирскую гонку, но все пятеро забивали Яшину единичные мячи. Это относится и к другим нападающим сборной 50-х – они сами в этом много раз признавались, совершенно не щадя свое самолюбие. Из «сборников» чуть больше других попортил крови ему Кузьма – Валентин Иванов, забивший Яшину 6 мячей, правда, за целых 14 сезонов (и это включая пенальти).

Объяснение простое – Яшин большей частью переигрывал их всех. Вместе со своими защитниками, разумеется. Три «К» держали корифеев плотнее и внимательнее, следовали за ними тенью, а сам Яшин специально изучал повадки друзей по сборной, чтобы лучше вооружить советами партнеров и быть готовым самому, нарабатывал способы утихомирить форвардов во время совместных тренировок. Те даже устраивали шуточные споры на интерес, кто больше ему наколотит.

По уверению Валентина Иванова, любой испытывал ни с чем не сравнимое чувство радости, если удавалось забить Яшину. После матча на первенство страны 1959 года (2:1 в пользу «Торпедо») ходил именинником – запустил Льву со штрафного. Именно такой мяч положил ему в 1955 году легендарный швед из «Милана»

Гуннар Нордаль, когда-то, в 1947 году, выступавший еще за «Норчепинг» против «Динамо» (1:5), а через год ставший олимпийским чемпионом. Теперь грузный, малоповоротливый, давно уже «миланец», он сохранил светлую голову и волшебные ноги. Нордаль так закрутил мяч над «стенкой» в дальний угол, что Яшин не шелохнулся. Иванов начал упорно тренировать подсмотренный удар. Такого сюрприза от приятеля дошлый вратарь не ждал, но все же успел среагировать, однако достал мяч лишь кончиками пальцев, зафиксировать не успел…

В «Торпедо», где после ареста Стрельцова верховодил один Иванов, и на его фоне не затерялся вопреки неказистому виду тщедушный, лысоватый Борис Батанов. Этот хитрец, которому был доверен диспетчерский пульт, сетовал, что Яшина обыграть было безумно трудно. «Сейчас, когда ко всему в прошлой жизни относятся вроде бы с недоверием, – размышлял в 1999 году Борис Алексеевич, – кому-то может показаться, что Яшин фигура преувеличенная или раздутая. Не могу с этим согласиться – я никого выше не знал».

Самое большое удовольствие, по собственному признанию, Батанов получал, когда удавалось забить Яшину или отдать хотя бы голевую передачу. Но это случалось редко, потому что «концентрация внимания была у него исключительная, как ни у

кого, все угадывал, разгадывал…» Чемпион мира по шахматам Борис Спасский, как-то на трибуне оказавшийся рядом с Яшиным, поделился впечатлением, что футбол смотреть с ним неинтересно, потому что наперед знал и элементарно предугадывал ходы противостоявших друг другу соперников. На поле же сам бог велел использовать это необыкновенное чутье, а тем более доскональную изученность конкурирующих команд, повадок самых опасных форвардов.

Специалистов по Яшину статистики выискали вовсе не в лидирующих клубах. Обидчики затаились, например, в «Локомотиве». Это прежде всего Виктор Ворошилов, выступавший (и забивавший Яшину) еще раньше за «Крылья Советов» (Куйбышев – ныне Самара). Ворошилов по прозвищу Клим (считавшийся среди болельщиков родственником, чуть ли не племянником сталинского наркома) поражал ворота Яшина 7 раз. Он забивал всякие мячи: и с 11-метрового, и с игры комично между ног – могу только предположить, что при яшинской готовности к любой игре концентрировался вратарь все же не так, как на рандеву со Стрельцовым или Симоняном. Хотя Клим был искусный снайпер, заколачивал Яшину и со смаком, в самую «девятину». Пятью мячами в его ворота отметились нападающие клубов, к числу лидеров тогда не относившихся и в сборную страны не входившие, – Михаил Коман из киевского «Динамо» и Борис Казаков, выступавший в куйбышевских «Крыльях Советов», а потом перешедший в армейскую команду Москвы.

Когда итальянские киношники, снимавшие фильм о легендарном вратаре, предварительно разузнали, что в противоборстве с ним немало преуспел Бубукин из скромного в те годы «Локомотива», то обратились к нападающему сборной СССР с просьбой рассказать, как же это удавалось. Сам Валентин Борисович ошибся в подсчетах, записав за собой 6 голов Яшину, а на самом деле в официальных встречах их было 4. Правда, может занести себе в актив, что дважды забивал ему «дуплетом», то есть по два гола за матч. Бубукин сразил итальянцев своей немудреной находкой:

– Сначала, когда выходил на ударную позицию, смотрел на Яшина. А он впивался взглядом в меня. Получалось – гипнотизировал: куда ни бьешь, он всегда в том углу. Я решил не глядеть на него перед ударом. Когда входил в зону обстрела, лупил изо всех сил: поднимаю голову – смотрю: гол! И так несколько раз.

Когда я узнал об этом, вспомнились слова самого Льва Ивановича: «Интересно было бы вам, журналистам, заглянуть перед пенальти в лицо и вратарю, и бьющему. Вратарь не боится

смотреть прямо в глаза, а бьющий часто отводит взгляд. Значит, ему морально труднее, чем вратарю. И нам иногда удается воспользоваться этим преимуществом».

Как другие вратари, не знаю – многие скорее упираются взглядом в мяч, но о себе Яшин сказал чистую правду. Он привык смотреть атакующему прямо в глаза, как и собеседнику в самом остром разговоре. Недаром подытожил: «Может быть, это моя единственная тайна, позволяющая брать верх над форвардами».

Но как бы публика ни отличала Ворошилова, Бубукина и других покорителей Яшина, для нее существенно интереснее были схватки лучшего вратаря с лучшей пятеркой нападения страны. Можно сказать, это было главное зрелище в столкновении двух лидеров советского футбола 50-х. Взнос Яшина в общий успех своего клуба по результатам непосредственного и турнирного противостояния «Динамо» со «Спартаком» невозможно переоценить.

По моему глубокому убеждению, «Динамо» той поры по своему составу определенно уступало легендарным предшественникам. Бело-голубые располагали во второй половине 40-х – начале 50-х годов искусными игроками во всех линиях. Динамовские звезды того времени ничуть не уступали армейским, а по качеству индивидуальной и командной игры порой даже превосходили. Можно сослаться на мнение ряда авторитетных очевидцев, например, Игоря Нетто. Своими выступлениями в Англии (1945) и Швеции (1947) динамовцы покорили и Европу. А во внутренних соревнованиях были откровенно биты не проявившими себя на международном фронте футболистами ЦДКА, да еще как! За 1945–1951 годы армейцы выиграли пять чемпионских титулов и трижды взяли Кубок, динамовцы дважды выигрывали первенство и ни разу Кубок при трех выходах в финал. В очных встречах турнирного зачета полное преимущество также за ЦДКА (+12 =2–4). Почему же сложились столь заметные «ножницы» в качестве и спортивных результатах?

Я на эту тему много писал, желающих разобраться поподробнее могу отослать к своей книге «Василий Трофимов» (2001) и статье «Динамовский дефолт» в книге «Откат» (2005). Но если коротко, динамовцы в те годы обыгрывали почти всех соперников в основном за счет чистого искусства, не дополняя его психологической агрессией. Тем более не прибегали к ней, когда вели в счете по ходу матчей с тем же ЦДКА (финал Кубка 1945 года и решающий поединок за первенство 1948 года), или когда опережали армейцев в турнирной таблице по ходу чемпионатов страны 1947 и 1948 годов.

Слишком далеким от контекста было бы углубление в причины волевой хрупкости, а с годами – и тактической ущербности разных поколений команды (гипертрофия игры на удержание счета), но факты упрямая вещь: динамовцы позволяли увести у себя из-под носа золотые медали не менее восьми раз (1947, 1948, 1962, 1967, 1970, 1986, 1996, 1997), трижды проигрывали (и ни разу не выигрывали) заключительные или дополнительные матчи, где непосредственно решалась судьба чемпионского «золота» (1948, 1970, 1986), отдали 7 финалов Кубка СССР (России) из 14, в которых участвовали, использовали только самый первый (1937) шанс сделать «дубль» из пяти возможных (1937, 1945, 1949, 1955, 1970). Словом, и до сползания, а затем позорного падения недавних лет, еще благополучно пребывая на верхних этажах, то и дело поскальзывались, штурмуя верхнюю ступеньку.

И только в 50-х, когда состоялось второе пришествие в команду Михаила Якушина и в ней царил Лев Яшин, динамовцы благодаря в первую очередь двум «Я» в значительной степени избавились от комплекса неудачников. В этот период их главным конкурентом взамен ЦДСА стал «Спартак», и, если брать десятилетие целиком (1951–1960), то у «Спартака» и «Динамо» зафиксировано равенство победных титулов в союзных соревнованиях. Это уже прогресс «Динамо», как, впрочем, и «Спартака», сравнительно с 40-ми годами.

Однако полное десятилетие не дает требуемой сопоставимости. Больший смысл в сравнении результатов за те годы, когда в командах начали складываться и были закреплены сильнейшие, победные составы, которые и вели непосредственную борьбу за высшие награды. А это происходило, начиная с 1953 или 1954 года – кому что больше по душе. И вот за такой, более показательный отрезок «Динамо» победными регалиями в первенстве и Кубке превзошло «Спартак»: с 1953 года – 4+1 против 3+1, с 1954-го – 4+0 в противовес 2+1. Конкретнее, динамовцы, начав восхождение с 4-го места в 1953 году, чемпионском для главного «супостата», закончили сезон выигрышем Кубка, а чемпионство обрели в 1954, 1955, 1957 и 1959 годах. 1956 и 1958 годы оставили команду на втором месте вслед за «Спартаком», который в 1958 году отметился и победой в розыгрыше Кубка.

Несколько хуже для «Динамо» баланс личных встреч (+4–5 при нескольких ничьих, считая что с 1953-го, что 1954 года), но все же не сравнимый с махрово отрицательным сальдо против главного конкурента 40-х – «команды лейтенантов». В общем и целом результаты «Динамо» в сшибке со «Спартаком» неизмеримо

выше, чем в семилетней же армейско-динамовской дуэли 1945–1951 годов.

При этом динамовцы оказались в менее благоприятных обстоятельствах, чем во второй половине 40-х. Если нападение тогда было вполне сопоставимо с армейским, а полузащита, возможно, превосходила коллег, то в 1954–1960 годах эти два звена в «Динамо» справедливо котировались ниже спартаковских по индивидуальному мастерству, командному взаимодействию и ударной мощи. Динамовские же тылы если и были крепче спартаковских, то совсем ненамного. Все-таки за «Спартак» выступали игроки сборной СССР Николай Тищенко, Михаил Огоньков, Юрий Седов, Анатолий Масленкин. Так что главным козырем «Динамо» в победные годы был, вне всяких сомнений, Лев Яшин!

Такое заключение выглядит, признаюсь, несколько механически высчитанным. Превосходство «Динамо» определила в качестве работоспособной и эффективной системы именно комбинация Льва Яшина (или подменявшего его Владимира Беляева) с защитниками во главе с Константином Крижевским (даже в тех случаях, когда в отсутствие кого-то из них по болезни выходили Андрей Юрченко или Виктор Царев, а Владимир Кесарев менял фланговую позицию на центровую).

Не стану поддевать Михаила Иосифовича Якушина за склонность к излишней осторожности (он-то формулировал – к «гармоничному футболу»), поскольку выразительность и агрессивность командных действий объективно умерялись, понятно, персональной наличностью. «Динамо» в 50-х годах не располагало на переднем крае ни такими индивидуальностями, как в 40-х, ни атакующим потенциалом, соизмеримым в 50-х, как уже отмечалось, со спартаковским, точно так же как со способностями торпедовского тандема Валентин Иванов – Эдуард Стрельцов.

В «Динамо» собрались достаточно сильные мастера атаки (Владимир Шабров, Генрих Федосов, Аликпер Мамедов, Алексей Мамыкин, Владимир Рыжкин и другие), но все же по индивидуальной выразительности и командной силе они уступали ближайшим конкурентам. Лишь присутствие Юрия Кузнецова в те редкие календарные отрезки, когда он избавлялся от травм, появление рядом с ним юного Игоря Численко, да скоростные спурты Валерия Урина позволяли динамовцам время от времени, уже на излете 50-х, выстраивать убедительную и мощную игру. В частности, ряд матчей первого круга первенства в 1959 году по своему эффекту был сравним, а то и превосходил штурмовые свойства спартаковцев.

Однако чаще всего «Динамо» отдавало территорию «Спартаку» в расчете на контригру из засады. Характерным примером успешности такого сценария может служить матч лидеров во втором круге 1954 года. Тогда динамовцы почти на протяжении всего первенства заметно опережали конкурента, но вдруг проиграли два матча подряд. Как и в 1947–1948 годах в армейско-динамовской дуэли, отрыв лидера растаял до трех очков, а по потерянным – до одного.

Однако даже нагнетательная игра по недавнему образцу «команды лейтенантов» не сослужила спартаковцам добрую службу. В их встрече с «Динамо» уже на последней прямой (за пять туров до финиша), по сути, решалась судьба первенства, но лидер сумел отчаянными тактическими и волевыми усилиями, да безукоризненными действиями еще не слишком опытного вратаря обезвредить бурный натиск преследователей, а на исходе игры забить (Владимир Рыжкин) единственный, можно сказать, чемпионский гол. Яшин запомнился не по стажу зрелым выбором позиции и несколькими, как теперь говорят, сэйвами, особенно броском за коварным мячом, который незадолго до конца игры, еще при счете 0:0, был пущен в дальний угол спартаковским капитаном Игорем Нетто.

Когда контроль мяча и инициатива оставались за противником, положительный результат во многом зависел от точности действий задней линии. Любая ошибка могла стоить слишком дорого. И на чемпионские претензии при таком построении игры Михаил Якушин мог рассчитывать при решающем условии – он имел «в рамке» Льва Яшина. Не только как первоклассного хранителя неприкосновенности ворот, не только как ведущего исполнителя продуманного до мелочей взаимодействия в тылу, не только как дополнительного защитника, не только как зачинателя атакующих комбинаций.

Очень важно было обратить на пользу клубу обнаруженные в Яшине задатки вожака, использовать эту мощную волевую и нравственную опору команды. Одного приободрит, на другого пошумит, с третьим пошутит, а то и разыграет товарища. И его самого разыгрывали. Только и скажет: «Ну Рыжкин, погоди!», и никакой обиды. Он пользовался полным доверием. Не возвышался над командой, а существовал внутри нее. Как стержень, объединитель.

Яшин был свободен от банального человеческого эгоизма, который спортивными амбициями только умножается. Одноклубники это видели и ценили. Сколько было случаев, когда ему удавалось поднимать партнеров на борьбу, гасить конфликты, улаживать отношения, приводить в норму командное

самочувствие. Бывало, при неудачах «Динамо» собирал игроков в отсутствие тренеров, стараясь развязать языки, чтобы каждый мог высказать, что накопилось. Умел разрядить обстановку, когда видел, что партнеры завелись. Не раз они слышали: «Хватит, мужики, давайте поговорим откровенно. Пойдем посидим вместе. Разберемся, успокоимся».

А уж индивидуально, один на один, воздействовал виртуознее завзятого психолога. Легко возбудимого вроде Володи Рыжкина перед самым выходом на поле успокоит ласковым словом, а вялого, замедленно входящего в игру, того же Гешу Федосова, вмиг разбудит легким хлопком по лицу. Михаил Иосифович считал, что помогало, и сам, бывало, просил расшевелить своего инсайда своеобразной «пощечиной».

В якушинском «Динамо» культивировалось уважительное отношение молодых рекрутов к традициям команды и опыту ветеранов. Чемоданчики за ними, как во времена яшинской юности, салаги уже не носили, но ни один из них, например, не позволял себе войти в автобус, пока столпы команды не займут удобные или насиженные места. Было заведено шефство опытных игроков над новобранцами. Михаил Иосифович чувствовал, кого за кем закрепить.

В 1953 году к Яшину, вновь допущенному в основной состав, был неслучайно приставлен «дядькой» Сергей Коршунов. Человек много знающий и начитанный, он был призван потихоньку «образовать» окончившего лишь шесть классов, зажатого, будто стеснявшегося своей скудной лексики вратаря. Тогда-то Лев и обнаружил замечательное свойство – он жаждал и умел слушать, впитывать услышанное. И уже буквально через год Яшин со своим ответным желанием учиться удивлял тренера и товарищей заметным прогрессом в знаниях, стал намного речистее, вольнее в суждениях.

Когда в 1956 году «Динамо» приняло пополнение в лице Анатолия Коршунова, приходившегося братом бывшему яшинскому патрону, по случайному совпадению или, скорее, хитрому якушинскому замыслу, Яшин уже сам был назначен опекать 17-летнего новичка. Анатолий Александрович, один из немногих наших футболистов, состоявшихся в жизни (сейчас – председатель совета директоров крупной внешнеэкономической фирмы «Совинтерспорт»), считает, что ему с первых шагов в «Динамо» крупно повезло с наставником, который эту миссию нес вовсе не формально, а очень даже заинтересованно. Было бы неточно сказать – старательно, скорее естественно, как долг, как благодарный ответ на внимание людей, возившихся с ним самим. Именно Яшин и словом, и делом научил его многим житейским и

спортивным премудростям, внимательности к людям, старшим прежде всего, и Коршунов многие годы добром оплачивал уроки Яшина. Создал, в частности, специальный фонд для подмоги футбольным ветеранам, враз обнищавшим в 90-е годы вместе с большинством россиян, устраивал для разобщенных возрастом и болезнями стариков теплые вечера встреч.

В значительной степени потому, что моральную обстановку в динамовской команде 50-х честностью помыслов и отдачей сердца предопределял и олицетворял Яшин, ей выпало в худших обстоятельствах добиться лучших результатов, чем предыдущее, сплошь звездное поколение, не говоря уже о будущих малозвездных или вовсе беззвездных. С Яшиным и его ближайшими «сотрудниками» московское «Динамо» 50-х хотя бы на время преодолело тот пор о г психологической и игровой неустойчивости, который на долгие годы, вплоть до нашего времени, превратился в глубокий пор о к именитого клуба.

Глава пятая
Хвала и хула

Авторитет его игры

Когда Яшин величается лучшим вратарем всех времен и народов, доводы слышны самые разные. Достаточно скромными, но верными словами оценил своего любимца Михаил Якушин: «И у нас, и за рубежом были вратари, которые в отдельных матчах играли, может быть, ярче, чем он. Ни одному вратарю не удавалось избегать и ошибок в игре, в том числе Яшину. Но только Яшину удавалось проводить долгие серии игр с редким постоянством – ровно и надежно. А это и есть признак высокого класса».

Можно даже сказать не так сдержанно: Яшина выделяла более или менее стабильная игра высокого качества на протяжении такого длительного периода, что никому из коллег и не снилось. И заметьте, играть ему приходилось за два десятка лет почти против всех самых выдающихся форвардов, каких знала к тому времени футбольная история, во главе с Пеле в международных испытаниях и Стрельцовым – во внутренних.

Протяженность этого тронного царствования смотря как считать. Если с 1955–1956 годов, когда редкие еще матчи сборной СССР и Олимпийские игры убедили участников первого голосования по присуждению «Золотого мяча» отдать ему пятое место среди футболистов Европы, оно же первое среди голкиперов, – получается 15 лет. Если с 1958 года, когда он фигурировал среди двух-трех лучших вратарей мирового первенства, – то 13. Если с 1960-го, когда Яшин завоевал Европу в самом Париже, законодателе не только высокой, но и футбольной моды, и был бесповоротно утвержден первой скрипкой мирового ансамбля вратарей, – 11 лет. Но как ни считай – 11 ли, 15 ли – в любом случае стаж пребывания на мировом вратарском Олимпе огромный и никем не превзойденный – ни до, ни после Яшина. Во всяком случае, в XX веке.

Не верю, что кто-либо сумеет это сделать в ближайшем будущем. Да что я – не верит и многолетний (1974–1998) президент ФИФАЖоао Авеланж, который был совсем категоричен: «Никто и никогда не сможет превзойти его». Даже наиболее приближавшийся к яшинской «долгоиграющей» стабильности вратарь сборной Германии Оливер Кан. Он, однако, оказался не в состоянии столь длительное время с подобным достоинством нести тяжкое бремя славы, а главное – перекрыть игровые аргументы, которыми аналитики доказывают непревзойденность Яшина. Тяжелейшая травма головы и нейрохихургическая операция пока приостановили многообещающее восхождение

нового претендента на вратарский престол – чешского голкипера Петра Чеха из лондонского «Челси», заявившего о себе уже в XXI веке.

Выделяя Яшина среди других знаменитых киперов, многие эксперты опираются даже не на долговременность его успешной карьеры, более или менее свободной от длительных и серьезных срывов, а на истоки этой многолетней надежности, особенности вратарского облика, выигрышное качество киперских манер. Они упирают на обогащенное содержание яшинской игры, творческую свежесть, которую Яшин внес сперва в свое собственное, а постепенно и в наше общее восприятие вратарского ремесла.

Вот мнение на этот счет признанного европейского специалиста, тренера вице-чемпионов мира 1962 года футболистов Чехословакии Рудольфа Вытлачила, перед глазами которого прошли все крупные вратари прошедшего столетия: «Как и во всем мире, задачи вратаря меняются. Раньше задача вратаря ограничивалась его действиями в воротах и штрафной площадке, сегодня он фактически должен начинать все атаки. От того, насколько умело он это делает, часто зависит успех всей команды. Естественно, он должен быть активнее и, значит, иметь лучшую атлетическую подготовку, чем раньше. Практически на его долю выпадает значительная часть тех задач, которыми в свое время был загружен центр защиты. В современном футболе не очень ценят акробатические прыжки вратаря, он должен быть скорее «роботом», который, не стараясь произвести впечатление на зрителей, уверенно руководит командой и правильно оценивает каждую ситуацию. Как на типичного современного вратаря, полностью отвечающего всем этим требованиям, я бы указал на великолепного Льва Яшина. Мне кажется, именно он и был тем новатором, который изменил игру современных вратарей».

В обойме приводимых обычно резонов яшинской возвышенности над вратарями из разных стран и эпох значатся также его несгибаемый характер и умение сконцентрироваться так, чтобы прыгнуть выше головы, да при этом еще и вдохновлять партнеров на большие дела именно в самых важных, решающих матчах. По признанию самого Яшина, в таких матчах его посещал небывалый подъем, он ощущал бурный прилив сил. Чрезвычайную внимательность, редкую собранность, филигранную точность действий советского вратаря в судьбоносных, как принято теперь говорить, поединках отмечали одинаково изумлявшиеся соперники и партнеры.

Автор единственного гола югославов в финале первого Кубка Европы, олимпийский чемпион 1960 года Милан Галич (в те

времена имя очень звучное) жаловался, что годом раньше неубедительной игрой в ходе турне «Динамо» по Югославии Яшин ввел в заблуждение его и всю сборную. «Это был человек, совершенно непохожий на прошлогоднего. Казалось, ему сменили и тело, и душу – надо же так сильно сыграть на этом скользком поле с утяжеленным мячом. Видно, ценность Яшина в том, что он отлично играет тогда, когда это особенно нужно!»

После чемпионата мира 1966 года вот что приходилось слышать от Валерия Воронина: «Не устаю восхищаться Яшиным. Его умение отдать все силы именно тогда, когда это необходимо, просто феноменально!» Неужели такие слова не колеблют упрямство воронинского «дружбана» Александра Нилина – любителя сталкивать эти фигуры?

Справедливости ради нельзя опустить и его мнение о козырной карте Яшина, не относящегося, как мы с вами успели убедиться, к любимым персонажам литературных откровений этого автора. «Прославиться – значит выступить наилучшим образом у всех на виду, – замечает Александр Нилин. – Никто, кроме Яшина, не сыграл в XX веке столько матчей, имевших исторический резонанс. Никто, кроме Яшина, вообще не провел такого количества блестяще сыгранных матчей».

Остается только радоваться, когда здравый смысл, несомненный талант, наконец, писательские гены (сын известного прозаика Павла Нилина. – *АС.)*прорывают плотину мутных политических эмоций. Судя по контексту, в котором прозвучало только что приведенное высказывание, оно означает авторское признание особого места, которое Яшин занимает среди советских вратарей и советских футболистов вообще. И как ни крути, как ни поддевай этого «номенклатурного» спортсмена, как ни делай антигероем своего романа, от согласия с очевидностью никуда не денешься.

Международное же измерение феноменальности Яшина при всей справедливости и совместимости приведенных ее толкований имеет под собой очень твердую почву тех самых игр, которые на языке социологов называют репрезентативными. Сам я в статистике не очень силен. Приверженцы этого особого футбольного жанра в программе к прощальному матчу насчитали Льву Ивановичу 812 матчей за основной и дублирующие составы «Динамо», сборные Москвы, СССР, УЕФАи ФИФА. Позже, по-моему, эта цифра почти не фигурировала, а в 1989 году, сочиняя юбилейные тексты к 60-летию Яшина, та же группа статистиков из общественного пресс-центра «Динамо» опубликовала данные без игр за дубль, а также некоторых товарищеских и контрольно-тренировочных – 540 матчей. Но не будучи специалистом в таких

подсчетах, я тем не менее обнаружил неточности. Правда, разница в каких-то единицах. Может быть, нашлись или найдутся другие коррективы, но, полагаю, они не меняют общую статистическую картину – за плечами Яшина многие сотни игр.

Однако какими данными ни пользуйся, у международных футбольных деятелей, тренеров и журналистов, выносящих свой вердикт в виде всяческих рейтингов и классификаций, наберется с полсотни, от силы сотня показательных, репрезентативных матчей. Хотя Лев Яшин из разряда первых вратарей телевизионной эры, узнанных всем миром непосредственно, а не по чужим впечатлениям и слухам, как Рикардо Замора и Франтишек Планичка, все-таки еще не существовало «Евроспорта» и других телеканалов, позволяющих отслеживать игры национальных чемпионатов, а видеозапись лишь начинала зарождаться. Не довелось Яшину участвовать и в еврокубках, потому что, опасаясь за престиж социалистической державы, власть долго не давала «добро» на вступление в борьбу. Зарубежным экспертам оставались только матчи сборной СССР и отдельные международные встречи «Динамо». Но они по советской прессе твердо знали, а мы здесь по многолетним наблюдениям – тем более, что эти матчи потому и представительны, что зеркально точно отражали, а скорее всего как увеличительное стекло высвечивали в яшинских действиях постоянные признаки отменного качества.

Если в 1956 году в Австралии, в 1958 году в Швеции и в 1960 году во Франции футбольное сообщество накапливало все больше сильных впечатлений от яшинской игры и доводов его всевратарского превосходства, то 60-е годы, особенно после «матча века», означали прорыв даже в таком добром отношении к нему: необъятный футбольный мир стал попросту млеть от Яшина, упиваться им. Если в 50-х он завоевал в основном Европу, то после неоднократных турне сборной СССР и «Динамо» по южноамериканским странам и регулярных визитов в Мексику во второй половине 60-х у ног Яшина оказалась и Латинская Америка.

Первый из 13 матчей Льва Яшина в финальных турнирах на первенство мира СССР – Англия 8 июня 1958 года в Гетеборге (2:2). На снимке: вратарь советской сборной выносит мяч из штрафной площади в борьбе с У. Слейтером. Слева В. Кесарев и Ю. Воинов

Он преуспел в серии игр на Кубок Европы 1963–1964 годов, в чемпионате мира 1966 года, шесть раз (больше кого бы то ни было) выступал, и очень успешно, за сборные ФИФА и УЕФА, начиная с уже упомянутого «матча века» между сборными Англии

и «остального мира» в 1963 году и кончая встречей сборных Бразилии и ФИФА в 1968 году. Наконец, второе десятилетие выступлений Яшина отмечено главным его футбольным трофеем – «Золотым мячом» как лучшему футболисту Европы 1963 года.

Не могу пройти мимо того, что в 2003 году учредитель престижной награды «Франс футбол» особо отметил 40-летие этого «исторического события в мировом футболе», а в честь 75-летия человека, «совершившего революцию во вратарском искусстве», поместил в 2004 году специальную публикацию.

Наконец, на исходе 2006 года, когда «Золотой мяч» выиграл итальянский защитник Фабио Каннаваро, появился новый повод добрым словом помянуть нашего вратаря. «Франс футбол» напомнил, что короткий список победителей из числа «тыловиков» (5 из 53) открыл Лев Яшин, представленный читателям в редакционной статье, как первый «либеро» футбола. Действительно, за 10 лет до того, как родилось это понятие итальянского происхождения, именно он либерализовал привычные нормы оборонительных действий, разомкнув узкие границы вратарской площадки выходами вперед для перехвата мяча (хотя в общепринятой трактовке «либеро» – свободный, задний защитник, или «чистильщик», отходивший, наоборот, вглубь с той же самой целью страховки партнеров).

Восхождение от одного десятилетия до другого в славной карьере можно было бы назвать поступательным и вполне естественным, если бы не «яма», в которую Яшин угодил в 1962 году, – яма не столько игровая, сколько психологическая, когда свои же соотечественники повесили на него всех собак за вылет из плей-офф чилийского чемпионата мира. Поэтому особенно ценно, что ему удалось, выбравшись из этой ямы, «вернуться в славу», как выразился тот же Александр Нилин. Но выразился не совсем точно: не просто вернулся – заметно приумножил ее.

Нет, как Яшин ни старался всякой славой пренебрегать, быть как все и рядом со всеми, его место объективно оказалось даже не выше всех вратарей – отдельно от них: вот Яшин, а вот остальные. Если необходима авторитетная подпорка этого утверждения, то выбираю из целой колоды высказывание Валерия Маслова. Небезоблачность их личных отношений только подчеркивает объективность оценки, вдобавок понравилось, как Валерий Павлович высмеивает россказни некоторых наших вратарей, что они играли не хуже: «Говорить – не мешки ворочать. Да, 40 лет назад достойных вратарей было очень много (дальше следует уже фигурировавший ранее перечень. —*АС.)*…Скажем так: они были «хорошистами», а Яшин – круглым отличником во вратарском деле».

С Масловым вполне солидарен Анзор Кавазашвили, достойно защищающий благородство вратарского племени от разрушения изнутри бесчестным отношением к своим же коллегам. Просидев на скамейке подольше некоторых дублеров Яшина в сборной, он мало того что не позволяет себе стонать по поводу своей долгой обделенности, но с трудом скрывает возмущение их попытками представить Яшина героем, «спущенным сверху», откуда на него якобы снизошло предпочтение.

«Полная чушь! – комментирует Кавазашвили эту злонамеренную «кочку зрения» в интервью журналу «Тотальный футбол» (2007). – Как и любой человек, Яшин не был застрахован от ошибок, ведь даже компьютерные программы дают сбои. Но сколько раз он буквально вытаскивал нашу сборную на себе, к примеру, в четвертьфинале чемпионата мира 1966 года с Венгрией. Хороших вратарей у нас было много, великий Яшин – один. Он был лучшим еще и потому, что в него верила команда. В футболе ореол искусственно не создать – мы же на виду у людей. Все семь лет, что я был в сборной рядом с Яшиным, он ни разу не сфилонил, бросался на тренировках за каждым мячом, трудом заслужил себе признание».

Если гордыня, тесня профессионализм и справедливость оценок, мешает паре его коллег согласиться, что он отдельная планета, то они из обиды на кажущуюся ущемленность, конечно же, вряд ли готовы вместе со мной пополнить прозвучавшие соображения еще одним резоном, ставящим этого эпического вратаря на отлете, особняком: новое восхождение Яшину пришлось начинать не от подножия футбольного Олимпа, а из бездны подземелья, куда он был опущен неверием многих функционеров, тренеров, коллег, болельщиков. Мало того что в 34 года восстал как Феникс из пепла, так забрался круче прежнего – вот еще один и самый дерзкий вист Яшина!

Уж на что хорошо узнал Альберт Шестернев за годы совместных испытаний кумира своей юности, когда сам, между прочим, играл вратарем, он не уставал поражаться, как его старший товарищ по сборной и по жизни (первый номер даже в списке приглашенных на свадьбу), нашел в себе силы, поднявшись с колен, совершить бросок на заоблачную вершину мирового признания. «Я иногда думаю, – рассуждал капитан сборной СССР, – сумел бы я, окажись на месте Яшина, преодолеть такой спад или нет? Не знаю. Может, и сумел бы. Потому что, *когда есть один, другим уже легче*(выделено мной. – *А.С.)».*Капитан уловил самое важное: его пример другим наука.

В отличие от более ровных и гладких 50-х, второе десятилетие футбольной карьеры оказалось для Яшина совсем

неоднозначным в своих контрастных проявлениях. Не мне одному виделась разница. Интересно мнение Эдуарда Стрельцова, который мог сравнить прежнего и нового Яшина через вынужденную семилетнюю паузу: «Реакция у Левы наверняка уже стала не той, какой была прежде, – не забыть мне никогда, какие мячи он брал от Копа в Париже, как стоял против болгар на Олимпиаде, сколько матчей выиграл нам Лева, но авторитет его игры стал еще выше. Он и оставался самым надежным вратарем».

Как же точно выражено – авторитет его игры! То есть весомость, убедительность, влияние, наконец. Стрельцов так и говорил, что ему нравились вратари, на которых сказывалось влияние Яшина. Только надо учесть, что Эдуард Анатольевич не мог делать сопоставление в разрезе десятилетий, поскольку не видел Яшина в начале 60-х. Но, мне кажется, и во второй их половине, судя по целому ряду важных матчей, проведенных на «отлично», скорее не реакция вратаря стала хуже, а психофизическое состояние потеряло прежнюю непоколебимость, стало менее устойчивым, как результат нараставшей год от года суммы телесных и нервных нагрузок.

Прежде, в 50-х, Яшин не испытывал такой смены стремительных взлетов и участившихся разочарований. Вот уж действительно: чем выше забираешься, тем больнее падать. Но взмыв вверх после того, как шлепнулся, испытываешь счастье ни с чем не сравнимое. Оно заключалось для Яшина не в новой, добавочной порции славы, достигшей в 60-е годы небывалых размеров, а в том, что, вырвавшись из небытия, быстро ожил и обрел еще целых восемь лет полнокровного участия в любимом деле.

Было бы опрометчиво сводить коварство 60-х в футбольной судьбе Яшина только к драме 1962 года, которая – чуть потерпите – будет вскоре развернута для исчерпывающего понимания. Хотя хорошая базовая тренированность долго уберегала от крупных травм, неизменно самоотверженная манера игры с возрастом прибавляла во множестве мелких, но беспокойных и неприятных повреждений, а с нарастанием нервотрепки изношенный уже организм то и дело подкидывал всевозможные сбои здоровья.

Вот почему Яшин значительно чаще стал выбывать из строя – на длительные сроки в 1961, 1965, 1968 годах, в то время как на предыдущем отрезке – только в 1957 году. Между тем дублера, подобного Владимиру Беляеву, он лишился. Пробы молодых сменщиков Льва Белкина, Александра Ракитского, Валерия Балясникова, Михаила Скокова, Олега Иванова получались не всегда удачными, что доставляло Яшину, как никто переживавшему за команду, дополнительную головную боль.

Медицинское «вето» оказалось не единственной причиной продолжительных отрывов от команды ее неформального лидера. В 60-е годы окрепла пагубная (и для сборной тоже) мода надолго выдергивать якобы в ее интересах футболистов из своих клубов. Элитные команды вынуждены были проводить длительные фрагменты первенства страны без игроков сборной. Ведущие футболисты возвращались к родным пенатам после утомительных вызовов в национальную команду с многочасовыми путешествиями на другие края света (в ту же Мексику), не говоря уже об участии в официальных международных турнирах. Вот и получилось, что Яшин в 1961–1970 годах по болезни и нуждам сборной отсутствовал почти в половине встреч на первенство СССР, в то время как в 1953–1960 годах те же причины вынудили его пропустить лишь около трети календарных матчей чемпионата.

Мало того, что столь долгое отсутствие основного (да еще какого!) вратаря за неимением приемлемой замены само по себе ослабляло динамовскую игру, в значительной мере было утрачено и его моральное влияние на команду, в котором она нуждалась даже больше, чем десятилетием раньше. Нуждалась по важным соображениям: началась тренерская чехарда и чрезвычайно болезненно проходила смена поколений игроков. А Яшин не всегда имел возможность подставить плечо.

На десятилетие 60-х пришлось четыре тренерских отрезка. Не сравнить, конечно, с падшим «Динамо» конца XX – начала XXI века, когда тренеры уступали свое место, бывало, по три-четыре раза за один сезон, но в 60-х и к такой сменяемости футболисты не были приучены. Разные подходы и привычки очередных дежурных по тренерскому мостику бросали команду то в жар, то в холод. Даже у контактного и дисциплинированного Яшина, никогда не конфликтовавшего с тренерами, случались осложнения с некоторыми из них.

Ситуация в «Динамо» начала портиться на стыке десятилетий. Третье место в 1960 году, свалившееся как снег на голову вслед за шестью сезонами сплошного премьерства и вице-премьерства, послужило сигналом для отставки Михаила Иосифовича Якушина. В противовес ситуации десятилетней давности, когда у динамовского руководства хватило ума по прошествии времени вернуть команде ее лучшего наставника, на сей раз уход этого гуру оказался окончательным и бесповоротным.

Бразды правления принял его верный и многолетний помощник Всеволод Константинович Блинков. Но избалованные значительностью и неординарностью прежнего шефа многие

футболисты нового не приняли, загулыщики в отсутствие недреманого ока распустились, игра команды постепенно разваливалась, и столичное «Динамо» впервые в своей биографии заняло столь низкое, 11-е место.

Яшин, пропустивший из-за болезни два месяца, провел чуть больше половины игр, и его усилия по нормализации обстановки были ограничены не только из-за ее запущенности, но и продолжительного отсутствия в расположении команды. Большинство яшинских матчей пришлось на осенний период, когда из-за неудач в предварительном раунде оставалось выступать в финальной подгруппе, оспаривавшей места с 11-го по 22-е. Но Яшин не думал роптать, выходил играть отмобилизованным, как будто решалась судьба первенства. Проявив свою фирменную спортивность, набрал во второстепенных играх турнирного захолустья такую форму, что к трудному финишу сборной был без всяких колебаний вызван туда тренерским штабом.

Приглашенный динамовским руководством на тренерскую работу в 1962 году Александр Семенович Пономарев, знатный бомбардир довоенного «Стахановца» (позже – «Шахтера») из Сталине (Донецка) и послевоенного «Торпедо», был воспринят командой настороженно, во-первых, как чужак, во-вторых, очень уж отличался повадками от Якушина. Но футболисты быстро распознали, что за грубоватостью Семеныча скрывается и душевность, и завидное знание футбола, и умение зажечь команду.

Пожалуй, ни с кем из тренеров «Динамо» 60-х у Яшина не возник такой человеческий и профессиональный контакт, как с Пономаревым, не говоря уже об особой миссии, которую взял на себя этот человек по вызволению вратаря из депрессии 1962 года. Неудивительно, что Яшин стал опорой тренера в сплочении команды. Динамовскому старожилу пришлось по душе, что новый главный, вопреки обыкновению, не стал корежить состав, тащить «своих» игроков, а мудрым взором разглядел в заготовках, оставленных Якушиным, будущее клуба. Пономарев чуть ли не первым в стране увидел перспективу и в переходе на бразильскую систему 1 + 4 + 2 + 4, которую наш футбол воспринял с вредоносной задержкой.

Если в 1960–1961 годах наблюдатели отмечали несоответствие мастерства новых защитников высокому классу своего вратаря, то абсолютно те же игроки (Эдуард Мудрик, Георгий Рябов, Владимир Глотов) вместе с опытными Владимиром Кесаревым, Виктором Царевым и еще одним подоспевшим воспитанником «Динамо» Виктором Аничкиным в

разных сочетаниях квартета защитников напоминали прежний монолит. На этом прочном основании уверенно чувствовали себя разыгрывающий Валерий Короленков, «мотор» команды Валерий Маслов и возмужавший лидер атак Игорь Численко.

Уже в 1962 году динамовская команда была в основном реконструирована, и только осечка на финише помешала ей стать чемпионом, прозвучав тревожным звоночком-напоминанием о роковых финишных неудачах, преодоленных, казалось, в 50-е годы. Кое-какой грех взял надушу и Яшин. Постчилийская психологическая травма затянула его вынужденный отпуск, а когда привел свое состояние в норму и осенний футбол уже мало отличал его от прежних кондиций, за три тура до конечной остановки внезапно пропустил в Киеве дальний штрафной Андрея Бибы, решивший исход важного поединка (киевлянин до сих пор гордится этим голом Яшину, не упуская возможности при случае напомнить о нем). Правда, шанс на первенство еще оставался, но динамовцам в пагубной игре на удержание не хватило двух минут, чтобы сохранить в Москве с «Шахтером» столь необходимый ничейный счет 1:1 (Яшин вряд ли извинял сам себя, что, пропуская первый гол, на тяжелом ноябрьском поле попал ногой вместо мяча по снежному насту). Самым обидным для динамовцев было дозволение обогнать себя не кому-нибудь, а вечному сопернику – «Спартаку».

Упущенное командой было наверстано, однако, уже в следующем сезоне. Пономарев уверенной рукой привел «Динамо» к десятому титулу чемпиона. Но, как оказалось, это был последний полноценный триумф «Динамо» в первенстве страны – не только в рамках 60-х годов, но и до сего дня (команда за 40 с лишним лет еще лишь раз вышла победителем, и то в усеченном весеннем первенстве 1976 года, разыгранном в один круг).

Ни один чемпионат, даже в славные 50-е, Яшин не проводил с таким блеском, как в 1963 году. Он установил всесоюзный (а, возможно, и мировой) вратарский рекорд серьезных турниров – 6 пропущенных мячей в 27 матчах, или 0,22 мяча в среднем за игру, сыграл «на ноль» 23 встречи (85 %!). Слитность интеллектуальных и практических усилий со своими защитниками напоминала лучшие матчи 1954, 1957 и 1959 годов, а порой превосходила их.

Подводя черту под чемпионатом-63, будущий тренер сборной СССР Николай Морозов писал в «Советском спорте»: «Мастерство и авторитет Льва Яшина не нуждаются в особой характеристике. Однако рассказать о нем как о дирижере и тактике я считаю своим долгом. Признаюсь, что нам, тренерам, при установках на игру с динамовцами всегда приходится начинать именно с

Яшина. Вопрос № 1: как помешать этому великолепному вратарю организовывать большинство атак, которые он начинает вводом мяча в игру рукой сразу же после срыва атаки противника. Обычно тренеры вменяют в обязанность своим крайним нападающим отходить немедля назад, дабы не дать крайним защитникам «Динамо» получать от Яшина мяч, лишить их необходимой паузы для восстановления сил. В то же время крайние защитники динамовских соперников обязаны преследовать крайних нападающих вплоть до штрафной площади, если они отходят на связь с Яшиным. Все это требует от динамовских противников колоссального внимания и дополнительных затрат физической энергии». Так что Яшин «убивал» их не одной лишь бесполезностью большинства ударов по своим воротам, но и отвлечением сил и нервов на другие свои действия, лишь непосвященным казавшиеся элементарными и второстепенными для хода игры.

В 1964 году (как позже и в 1968-м) нормальный ход первенства подсекли превратно понятые спортивным руководством интересы сборной, которая готовилась, а затем участвовала в решающем раунде Кубка Европы. Первенство страны не приостанавливалось. Так что динамовцы, вслед за 1958 годом широко представленные в сборной, на время остались без своих лидеров, да те еще вернулись опустошенными поражением в финале от «франкистов», с которыми наверху явно спутали сборную Испании и поэтому трепали почем зря тренера Константина Бескова и косились на игроков. Словом, дело в первенстве не заладилось (7-е место).

Самостоятельный и независимый Пономарев за это время успел надоесть динамовским генералам, так что они применили свой излюбленный и с годами не забытый прием из арсенала «разделяй и властвуй»: пришпилили к старшему тренеру в качестве начальника команды Вячеслава Дмитриевича Соловьева. Слабый старт 1965 года из двух медведей в берлоге оставил одного – боссы, казалось, только и ждали момента, чтобы избавиться от предводителя чемпионов.

Довольно заметный игрок легендарной «команды лейтенантов», красавец мужчина Вячеслав Соловьев пришел в московское «Динамо», уже сделав тренерское имя – в 1961 году он добился с киевскими одноклубниками прежде невозможного: впервые вывел на чемпионский верх немосковский клуб. Однако в столице этот сильный замах завис в воздухе. В динамовской команде не без помощи нового тренера буйным цветом расцвели интриги, появились группировки, начались размолвки. Практически с тем же составом сильных игроков, что и при

Пономареве, команда под началом Вячеслава Соловьева вытянула за два последующих сезона лишь 5-е и 8-е места.

Яшин и разреженными выступлениями (в чемпионате-66 сыграл всего 8 матчей) свой авторитет не поколебал, среди динамовских игроков был недосягаем в уважительном отношении, однако новые обстоятельства его влияние на команду ослабили. Не только в силу поощрявшихся и даже насаждавшихся интриг атмосфера в «Динамо» была далека от родственной, характеризовавшей вторую половину 50-х. Тогда основу команды составляли игроки примерно одного поколения, которое именовалось «дети войны», и схожего социального, чаще всего рабочего происхождения. Теперь же образовался большой возрастной и социальный разрыв.

К выходцам с окраин в футболе 60-х присоединились отпрыски из более обеспеченных семей, бравировавшие начисто отсутствовавшей интеллигентностью, развелось, как, впрочем, и во всем обществе, немало циников, высмеивавших все и вся, посматривавших свысока, с пренебрежением, на старшее футбольное поколение. Некоторые и к Яшину относились с долей иронии, между собой звали Слесарь, но по мере понимания, что его авторитет покоится не на фальшивой основе, по-моему, сами осеклись, сраженные абсолютной естественностью и доброжелательностью в общении. Кажется, это единственный случай, когда прозвище не привилось, не вышло за пределы узкого круга и в нем же самом сошло на нет.

И в житейских-то обстоятельствах старикам зачастую трудно найти общий язык с детьми и внуками, выросшими в иных условиях, получившими иные знания. Когда же динамовская компания стала очень уж разношерстной, футболистов, совсем не сходных по возрасту, образованию, моральным устоям, разделило и отношение к профессии. Искренность обнаружила плохую совместимость с цинизмом. Некоторые из способных игроков призыва 60-х позволяли себе манкировать своими обязанностями и запросто шли на сделки с совестью.

Неслучайно именно эти годы открыли простор для сговора спортивных противников и подделки результатов игр. «Динамо» не стало исключением, некоторые руководители клуба и тренерского штаба мало того, что закрывали на это глаза, но и сами порой манипулировали результатами – якобы в ведомственных интересах (это, однако, не касалось киевского «Динамо», которое готово было «поддержать» даже «Спартак» – лишь бы не московских одноклубников, почти откровенно демонстрируя свою «незалежность» и подвластность республике, но ни в коем случае не динамовскому центру).

Для новой генерации динамовцев, во всяком случае части ее, скажем, Валерия Маслова и Виктора Аничкина, Яшин, оставаясь персоной, безусловно, чтимой за реальные заслуги, да и за недоступное для них, завидно серьезное, профессиональное служение футболу, не был уже, однако, своим в доску. Они водили другие компании, не знали меры в гульбе. Договорные игры тщательным образом маскировались от Яшина, чтоб, не дай бог, не легла тень на заслуженного человека, да и чтоб не досталось на орехи им самим, потому что гневное отношение Яшина к нечестному футболу они прекрасно знали.

Контакт Яшина с молодым пополнением складывался сложно. Лев Иванович, как теперь все звали его в команде, находил, например, большее понимание в лице Эдуарда Мудрика и Георгия Рябова – последний был даже удостоен яшинского соседства в гостиничных номерах на сборах и выездах, переросшего в крепкую дружбу (вплоть до того, что приютил Жору Рябова с маленьким ребенком у себя на даче).

И все же Яшин именно в эти годы начал ощущать некую тупиковость в отношениях с молодыми игроками, особенно, конечно, новоявленными любителями поглощать шампанское бутылками, признавался, что подход к ним найти становилось все труднее. Да и не любил он увещеваний, опасался пережать. Продолжал находить нестандартные слова, еще как-то трогавшие спортивные струны их нестойких душ, но скорее воздействовал невольно, даже заражал своим отношением к делу. Неподдающиеся, видя непоказную и неугасающую выкладку Яшина на тренировках, преображались в своем просыпавшемся рвении – футбол-то как-никак любили.

Однако даже воцарение Константина Ивановича Бескова, заступившего на тренерский пост взамен Соловьева в 1967 году, при достигнутом переломе в игре, да и спортивных достижениях, кардинально не преобразило «Динамо», мало того – возвернуло прерванную в 50-х моральную ломкость команды, познанную и, вероятно, впитанную Бесковым-игроком. Для Яшина же заново открыло старую динамовскую болезнь – драму бездарных концовок первенства, неумение доводить до окончательной победы вполне соответствующую ей игру Бесков-то все это не раз пережил, он считал, а, может быть, лишь самого себя успокаивал тем, что качественная игра важнее результата, поэтому внешне спокойно относился к финишным срывам 1967 и 1970 годов, когда были упущены верные шансы сотворить «дубль» – к выигранному Кубку добавить золотые медали. Яшин же от этого «серебра» рвал и метал.

После второй переигровки 1970 года за чемпионский титул с

ЦСКА в Ташкенте (первая – 1:1), когда динамовцы впервые за 16 сезонов (с 1954 года!), ведя два мяча, отдали матч (3:4), на ветеране, казалось, все повидавшем, лица не было. Телевидение то и дело показывало крупным планом Яшина, не сумевшего выйти на поле из-за травмы. Вся страна видела, как до боли знакомый человек на непривычном месте – скамейке запасных и в непривычном «обмундировании» – элегантном сером реглане предвкушал долгожданное счастье победы родного клуба, радостно, но, увы, преждевременно потирал руки, как с каждым голом армейцев мрачнел, готовый расплакаться от обиды, как понуро, согнувшись под непереносимой тяжестью угодившего в самое сердце удара, медленными шагами покидал бушевавший стадион. Он сказал мне, вернувшись из Ташкента, что так тяжело не переносил никакие собственные вратарские ошибки, решавшие судьбу матчей. В отчаянии махнул рукой: «Пора уходить, и на тебе – подарочек напоследок».

Чрезвычайно обидно было оба раза отдавать «золото» вполне сложившихся сезонов, когда Бесков сумел поставить команде вполне приличную, более или менее зрелищную игру, в которой были пригнаны одно к другому все звенья и в каждом из них выделялись заметные фигуры тех памятных чемпионатов – Виктор Аничкин и Валерий Зыков в защите, Валерий Маслов и Геннадий Гусаров в полузащите, Игорь Численко, Владимир Козлов, Геннадий Еврюжихин в нападении. Ну и, само собой, Лев Яшин.

Как и легендарный вратарь, Константин Бесков ненавидел бесчестный футбол и подтасовки, но был, очевидно, бессилен предотвращать их. В финальном крахе 1970 года тоже обвинил некоторых игроков, якобы продавших игру матерым картежникам, крупно поставившим на ЦСКА в подпольном тотализаторе и хорошо «отстегнувшим» за услуги. Своей версией поделился с Яшиным. Валерий Маслов, который, понятно, давно и начисто это предположение отверг, считает, что тем самым вызвал у Льва Ивановича явное к себе охлаждение. Но незадолго до кончины тот передал через общего знакомого, чтобы Валерий ему позвонил. Раскаялся в необоснованности своих подозрений или простил – кто теперь скажет?

Знаю только одно: мне Лев Иванович пару раз уже после событий 1970 года так нахваливал Маслова, что я подумал – это его любимчик, да и как было не ценить игрока, безотказно колесившего по всему полю, отдававшего игре сердце? Молва насчитала даже два – за беспримерную работоспособность и звали Маслова газетчики «человеком с двумя сердцами». Но люди, близкие к футболу, знали, что «мотор команды» умудрялся

исправно работать даже при винных перегрузках. Видно, и Яшин разрывался от противоречивых чувств к противоречивому партнеру: человечность конфликтовала с претензиями.

Бескову же, увы, человечности к игрокам было отпущено не так щедро, как режиссерского дара, поэтому ему трудно было добиться единения и победного духа. Как же мешало команде «Динамо» (а впоследствии «Спартаку»), что замечательному постановщику тренировочного процесса и самой игры сложный, непредсказуемый характер вставлял палки в колеса взаимоотношений с людьми. Даже всеми вокруг обожаемый, к тому же вполне безобидный Яшин попадался под горячую руку.

Как-то по ходу игры в южноамериканском турне 1969 года за довольно безвредную провинность тренер облаял старого вратаря самым грубым образом. Реплика для ушей Яшина, вероятно, не предназначалась, а тот услышал, ринулся в сторону тренера со сжатыми кулаками – еле остановили. Мирный и казавшийся иногда флегматичным за пределами поля, Яшин в игре подпадал под ток высокого спортивного напряжения, и этот ток, случалось, обжигал его натянутые нервы.

Словом, футбольная повседневность 60-х годов, волею обстоятельств умалившая участие Яшина в судьбе «Динамо», но никак не персональное реноме, принесла ему немало тревог, главные из которых – вынужденное отдаление от клубных дел и нараставшее отставание динамовских достижений от личных, которым не придавал такого важного значения. Откат «Динамо» с прежних чемпионских высот больно задевал его.

Душа Яшина была выкрашена в бело-голубые цвета, поэтому он сам едва ли понимал, что главное его предназначение в 60-е годы выявлялось на международной стезе. Из национальной фигуры он все больше превращался в интернациональную. В то время отвлечение из клуба в сборную никак не лимитировалось предписаниями ФИФА, тем более так строго, как сегодня, когда национальные команды могут беспрепятственно получать игроков в свое распоряжение на семь матчей в год за два дня до каждой из этих встреч.

В яшинские времена сборные проводили наряду с турнирными массу (несравнимо больше, чем теперь) товарищеских матчей, и им придавалось самостоятельное, престижное значение. А уж в Советском Союзе сборная была центром футбольного мироздания. Футболисты изымались из клубов на какое угодно время. В предсезонных и послесезонных поездках находились месяцами (а Яшин провел в них суммарно времени больше, чем любой из его партнеров, потому что в зарубежных контрактах специально оговаривалось его участие).

Непосредственно перед серьезными мировыми и европейскими турнирами футболисты «главной команды» тоже подолгу готовились на сборах с выездами на контрольные игры.

Да и «Динамо», под предлогом «пропаганды советского футбола за рубежом» уцепившееся за коммерческие выгоды (а заодно дававшее заработать и игрокам), приложило руку к расширению международной деятельности Яшина. Как самый известный в то время советский клуб (под этим именем импресарио даже просили выступать олимпийскую сборную СССР), «Динамо» значилось среди первых приглашенных из нашей страны в коммерческие турне по Южной Америке, где главной приманкой опять-таки был Яшин. И, получается, невольно стал косвенным виновником стартовых провалов своей команды в чемпионатах страны 1965, 1968 и 1969 годов, когда серьезные по продолжительности, наезженному километражу, силе соперников испытания требовали соответствующих усилий и отодвигали сроки подготовки к первенству, так что накануне первых календарных игр приходилось ее форсировать. И только более легкая, скорее тренировочная поездка 1970 года в Австралию, где спарринг-партнеры были заметно слабее, не дала отрицательного эффекта.

Для Яшина же лично эффект всех этих поездок был положительный с точки зрения международного имиджа. Он и в самом деле стал «человеком мира». Времени и матчей, проведенных им за это десятилетие с зарубежными командами, прежде всего на выезде, достаточно для сопоставимости с объемом участия во внутренних соревнованиях. Я уже не говорю о том, что следовавшие сплошняком и, как правило, успешные интернациональные встречи, стало быть, незыблемая международная репутация Яшина оказывали все это время определяющее влияние на его высокие рейтинги, не исключая наши собственные (неизменное вплоть до 1969 года вратарское первенство в списке 33 лучших футболистов СССР), при том что и у себя дома вратарь особенно не давал повода для снижения котировок.

То взлет, то посадка…

Очень хорошо помню, что и как происходило в начале 60-х, поэтому меня покоробило от выдумок, переполняющих интервью Владимира Маслаченко корреспонденту «Московского комсомольца» Борису Левину 5 марта 2003 года. Зная о теплом отношении этого журналиста к Яшину, подтвержденном рядом его публикаций, не могу судить, почему вдруг (может быть, потому, что с Маслаченко состоял, как не раз афишировал, в приятельских отношениях?) интервьюер начал неприкрыто подпевать его мании величия: «В начале 60-х ты был, безусловно, лучшим вратарем страны, особенно в 1962-м…» Такую подачу, как погоду в популярной песенке, «надо благодарно принимать», и Владимир Никитович, не находя, естественно, возражений, это охотно сделал. Да и без наводящих вопросов неоднократно расписывал свой перевес этих лет.

Я хотел сразу после публикации спросить автора более чем смелого утверждения: «А совесть, друзья, у вас есть?». Но хворал в то время, угодил в больницу, а Бориса судьба совсем не пощадила – попал в автокатастрофу, после которой не выкарабкался. В общем, так и не довелось выведать, как мог коллега сделать столь абсурдный, да еще «безусловный» вывод. Фактуру, которую, парируя этот вывод, я хотел ему напомнить, тем более не скрою от читателей.

Даже если относить 1960 год, когда Яшин сверкал на всю Европу, к концовке предыдущего десятилетия, а не к началу следующего («миллениум» тоже стартовал не 2000-м, а 2001 годом), разве же 1961 год, когда вслед за Европой ему открыл объятия второй футбольный континент, Южная Америка, – это не начало 60-х? А 1963-й, вообще лучший сезон Яшина, увенчанный «Золотым мячом», тоже не относится к началу 60-х? И если 1962-й еще вызывает споры в предпочтениях, перечеркивающие по меньшей мере безусловность выигрышного положения Маслаченко, то именно в 1961 и 1963 годах Яшин, может быть, больше, чем в любые другие, покорил футбольный мир, лишая всяких оснований и делая мнимым превосходство самозваного конкурента в начале 60-х.

В 1961 году болезнь впервые так надолго вывела Яшина из строя, вслед за ним был травмирован Беляев, а «Динамо» выступало, в том числе и по причине отсутствия обоих вратарей, с неопытным Белкиным в «голу», крайне неудачно. Правда, когда в «Динамо» Яшин выходил на поле, то себя лично какими-то существенными изъянами в игре не запятнал. Плюс к тому,

запомнился безупречными действиями в заключительных отборочных матчах чемпионата мира со сборными Норвегии (3:0) и особенно Турции (2:1).

В Стамбуле обстановка была накаленнее некуда, ведь хозяева поля в случае победы могли рассчитывать на дополнительный матч за выход из группы в финальный турнир. Обозленные якобы за то, что советским футболистам заказаны авиабилеты из Стамбула в Буэнос-Айрес для товарищеских игр в Южной Америке, а значит, гости заранее считают себя победителями группы, турки устроили на поле дикий шабаш, еле пресеченный израильским арбитром. От Яшина требовалась особая стойкость – на него ополчились в особенности, задирали неприкрыто. Понадобилось прибавить свойственных ему терпения и мужества. И вратарь отыграл в этом «турецком аду», именно так позже названном в Европе, как положено, как от него ждали.

В свою очередь, для Маслаченко сезон складывался как нельзя лучше – 25-летний вратарь отлично выступал за «Локомотив», и на него положил глаз «Спартак». Дебютируя в сборной, вполне благополучно заменил в трех играх хворавшего первую половину сезона Яшина. Редакция журнала «Огонек», за год до этого учредившая приз лучшему вратарю (на что, кстати, натолкнула огоньковцев потрясающая игра Яшина, который и открыл список обладателей приза), сочла нужным присудить награду Маслаченко. Не смею сказать «незаслуженно», но поспешно объявила свой выбор еще до поездки сборной в Южную Америку, где Яшин и проявил себя во всей красе. Недаром же говорят: конец – делу венец. И президиум Федерации футбола СССР, выбирая вратарей для списка 33 лучших, обоснованно, к тому же единогласно поставил Яшина в тройке вратарей под № 1.

Если бы впечатление, произведенное тогда им в Аргентине как на профессионалов высокого полета, так и на любителей футбола, не сохранялось в их памяти десятилетиями, я наверняка поискал бы для этой книги другую завязку. Так что вы уже кое-что о тех давних событиях знаете с первых страниц. А добавление кое-каких красок сделает картину законченной. В Буэнос-Айресе Яшину противостояли две крупные фигуры аргентинского футбола – Луис Артиме и Хосе Франсиско Санфилиппо, которых по виртуозности, ударной мощи, популярности не смог превзойти даже центрфорвард команды-победительницы и лучший бомбардир чемпионата мира 1978 года Марио Кемпес и только через два десятка лет сумел затмить Диего Марадона. К тому же оба лидера аргентинского нападения 1961 года были в ударе, отличаясь чуть ли не каждую календарную игру в предшествии советско-аргентинской схватки на стадионе «Ривер плейт».

Эту встречу вся советская сборная провела убедительно. Но под давлением хозяев поля вынуждена была немало времени провести на своей половине, отвечая, как и полагается уважающей себя команде, предприимчивостью острых контрвыпадов. В такой контратаке Виктор Понедельник забил свой второй в матче гол красивейшим ударом через себя в акробатическом кульбите, оба мяча – с передач стремительных крайних Славы Метревели и Михаила Месхи.

Но чего стоила победа гостей! Атакующий хав Валерий Воронин был отведен назад подальше и подольше, чем когда бы то ни было. Однако полностью парализовать угрозы воротам даже укрепленная защита была не в состоянии. Разыгрывающий Артиме действовал медлительно и был заменен, зато Санфилиппо разошелся – мортира голеадора из голеадоров была хорошо заряжена. Если бы не активное вмешательство Яшина, центрфорвард нанес бы наверняка больше трех зафиксированных ударов, но все они, без упоминания даже попыток его партнеров, были чрезвычайно опасны. Особенно когда кумир «инчады» пустил мяч словно пушечное ядро с шести метров в самый угол. Уж такой удар казался ему и всей сотне тысяч вскочивших как один зрителей неминуемым голом. Воздев было руки к небу, чтобы отпраздновать, наконец, верх над Яшиным, Санфилиппо через мгновенье бился головой о землю в прямом смысле слова: рухнул на газон и несколько раз от бессилия с размаха приложился к нему лбом, когда увидел вратаря с мячом в руках. Единственный гол аргентинцы забили в конце игры после замены Яшина, вынужденного покинуть поле после столкновения с Марсело Пагани.

Президент Южноамериканской футбольной конфедерации и Аргентинской ассоциации футбола (АФА) Хосе Рауль Коломбо стоя бурно аплодировал герою матча, когда тот покидал поле. Через пять лет на каком-то приеме в Лондоне я, увязавшись за своим знакомым, известным польским журналистом Гжегожем Александровичем, попытался взять хотя бы короткое интервью у главы аргентинского футбола, но оказалось, он куда-то спешил, на бегу извинился и, стремительно удаляясь, обернулся, чтобы вскинуть руку с поднятым большим пальцем и выкрикнуть всего одно слово: «Яшин!»

Следующий матч южноамериканского турне – против сборной Чили (1:0) Яшин пропустил, но ушиб, полученный на исходе предыдущей встречи, позволил все-таки выйти на поле легендарной арены первого чемпионата мира (1930) – стадиона «Сентенарио», где разыгрывался заключительный матч турне Уругвай – СССР (1:2). Вратарь вновь был явно в ударе. К тому же

изумил местную изумления публику диковинным для нее приемом, совершенно смутившим и аргентинского рефери Луиса Прадбауде.

В противоборстве с аргентинским голеадором Х. Санфилиппо в матче Аргентина – СССР 18 ноября 1961 года (1:2) Л.Яшин превзошел сам себя. Автору несостоявшегося гола (крайний слева), как и В.Воронину, А.Масленкину, Л.Артиме, остается только застыть в немой позе

Ожидание мяча у границы штрафной показалось Яшину опасным, он выбежал за линию дозволения играть рукой и отбил мяч головой. Арбитр от неожиданности опешил и… назначил штрафной удар, хотя никакие правила нарушены не были. В перерыве, правда, принес извинения, оправдываясь тем, что видит вратарскую игру головой впервые. Пресса к многочисленным эпитетам, которыми наградила Яшина, добавила экстравагантность. И только самые искушенные наблюдатели понимали, что она не вяжется с простой и убедительной манерой действий открытого Америкой вратаря, догадываясь, что и игра головой входит в яшинский арсенал.

Уругвайская газета «Эль Пайс» устами лучшего футбольного обозревателя страны Бернардо Гарроса писала: «Возможно, некоторым игра советских футболистов покажется лишенной нашей виртуозности. Да, лишена, но виртуозности, которая сейчас так мало дает уругвайскому футболу. Советские

футболисты свои действия основывают на коллективной игре, владении пасом, на быстрых и сухих ударах. Впрочем, это касается не всех. Есть в советской команде и настоящий виртуоз, заставляющий восторгаться публику, но вместе с тем игрок чрезвычайно полезный. Это вратарь Яшин. Он мастер в своем индивидуальном специфическом деле и одновременно мастер общей игры. Вся оборона советской команды играет с Яшиным. Он выходит вперед, чтобы получить мяч, адресованный ему одним из партнеров, и посредством нескольких шагов и мощного броска рукой кладет начало новой комбинации. Яшин – часть сплоченного коллектива, который служит не только для того, чтобы уберечь свои ворота».

Похоже, поведение вратаря в южноамериканских встречах было настолько необычным, что Яшин, «чьи безупречные перехваты и приемы мяча вызывали у зрителей нескрываемый восторг, все время оставался в центре внимания». Даже в сравнении со стройными и быстрыми действиями советских нападающих, а этим сравнением оперировал известный французский журналист Франсуа Тебо. Да, Европа не осталась в стороне от советского футбольного десанта в Южную Америку и в один голос отметила, что наша сборная разбила миф о непобедимости южноамериканцев у себя дома.

Французский журнал «Мируар дю футбол», как раз и снарядивший в дальнюю командировку своего главного редактора Тебо, опубликовал его многострочный отчет, который заканчивается специальным разделом «Несравненный Яшин». В нем говорится:

«Можно утверждать, что сильнейшим игроком сборной СССР является Яшин. Этот поистине бесподобный футболист обладает необыкновенно тонким футбольным чутьем. В позиционном плане игра Яшина является уникальной. Восхищает и то искусство, с которым он берет самые трудные, казалось, неотразимые мячи, те непринужденность и уверенность, с которыми он покидает ворота, чтобы ликвидировать опасную ситуацию в штрафной площади. Возможно, аргентинцам так и не удалось бы размочить счет, если бы не вынужденный уход Яшина, получившего травму».

Конечно, не этим достаточно вольным и недоказуемым предположением опровергается «безусловное» самоназначение Маслаченко лучшим вратарем СССР начала 60-х. Я больше верю и собственным впечатлениям 45-летней давности, навеянным видеозаписью южноамериканских матчей, и тогдашним наблюдениям зарубежных специалистов, и оценкам советских участников и очевидцев сразу же по горячим следам событий

1961 года, неоднократно подтвержденным по прошествии времени. Виктор Понедельник, который сам значился среди особо отличившихся, но не упивался своей персоной, а бурно восхищался партнерами, в первую очередь Яшиным, по возвращении заметил: «Он выходил на стадионах Южной Америки из таких ситуаций, которых не представляли себе видавшие виды специалисты. Они только пожимали плечами».

Если все эти факты и отзывы перечеркивают запоздалые претензии на «безусловное» превосходство Маслаченко в 1961 году, то он и сам едва ли посмеет (хотя от фантазера можно ожидать всего) толковать о своем верховенстве в 1963-м, когда Яшин установил редкостный рекорд непробиваемости, дал «мастер-класс» в Лондоне и Риме, стал первым и до сих пор единственным среди вратарей владельцем европейского «Золотого мяча». Всех его коллег и даже, можете себе представить, самого Маслаченко 1963 год заметнее, чем любой другой сезон, оставил в глубокой тени Яшина. Это же совершеннейшая аксиома, не требующая для аргументации дополнительных подробностей (но для них обязательно еще найдется место, потому что без незабываемого 1963-го останется неполной биография Яшина). Чтобы было удовлетворено желание запасного вратаря сборной СССР, так и не сумевшего выбиться в основные, выдать старт десятилетия за пору своего триумфа над Яшиным, остается лишь превратить очевидное в невероятное, например, объявить, что 1963 год к началу 60-х не относится.

Итак, с 1961 и 1963 годами худо-бедно разобрались, так что два года из трех в начале 60-х полностью дезавуируют не то что безусловные – вообще какие бы то ни было основания, чтобы представить себе Владимира Никитовича в ореоле лидера советских вратарей. Стало быть, даже его премьерство 1962-го не могло бы нарушить соотношение вратарских сил в пресловутом начале 60-х. Да и премьерство это еще надо доказать.

1962 год следует подвергнуть тщательному разбору не только, конечно, потому, что на него с нажимом упирает Маслаченко в стремлении постфактум обскакать человека, якобы загородившего ему свет. Этот сезон стоит особняком в длинной футбольной жизни Яшина как самый тревожный и беспокойный, чуть не загородивший свет ему самому.

Футбольному диссиденту, как с гордостью позиционирует себя Маслаченко (только разве диссидента позволили бы избирать комсоргом сборной и капитаном ведущего клуба?), очень хочется вдогонку ушедшему времени заткнуть Яшина за пояс хотя бы своим успешным, действительно успешным 1962 годом. Было бы нечестно с моей стороны умолчать, что самого

Льва Ивановича он, во всяком случае публично, не упрекает в провале, который сводится фактически к одному матчу – четвертьфиналу мирового первенства со сборной Чили (1:2), где Яшин обязан был, в его представлении, брать оба пропущенных мяча.

Свои проклятья Владимир Никитович адресует аппаратчикам ЦК КПСС, которые якобы навязали тренеру сборной Г.Д. Качалину ставку на «обожаемого» вратаря, взятого на чемпионат мира больным и неподготовленным, о чем знал, как поясняет, со слов и жалоб самого Яшина. Но если поинтересоваться у знающих людей, они подтвердят, что степень вмешательства чиновников доведена в этой версии до полного абсурда. Партийные функционеры были вовсе не такие дуроломы, чтобы подставлять себя разделением ответственности в случае неудачи сборной. Да и Качалин при всей своей пресловутой мягкости, как рассказывал мне начальник команды Ан. П. Старостин, был готов выслушивать советы, но решения по составу принимал самостоятельно.

«Больной» Яшин не вызывал у тренера сомнений: давно залечив травму (растяжение мышц бедра), несмотря на три недели пропуска тренировок, убедительно отыграл абсолютно все подготовительные матчи с клубами (ГДР, Бразилии) и сборными (Люксембурга, Уругвая, Швеции) – от шведов, проигравших нам в Стокгольме 0:2, даже взял пенальти. Уругвайский журналист Марселино Перес, шокированный поражением (0:5) своей сборной, между прочим, двукратного чемпиона мира, и отслеживавший в других встречах ее главного соперника в группе, передавал из Москвы, что лучший вратарь современности играл «с превосходной уверенностью». Коллеги из других стран отличались только тем, что ровно такую же оценку выражали другими словами.

Не подвел Яшин и в стартовых встречах мирового первенства с Югославией (2:0) и Уругваем (2:1). А курьезный гол колумбийцев (Гиви Чохели не расслышал подсказку вратаря) и уже его собственный мах ногой мимо мяча, стоивший другого гола, были явно перекрыты двумя отчаянными бросками, которые в концовке игры просто-напросто уберегли сборную от поражения (4:4). Запасной вратарь Сергей Котрикадзе закричал вслед заключительному полету за сумасшедшим мячом: «Приеду в гостиницу – расцелую Льва за то, что спас нас».

В подготовительных встречах на полях Центральной и Южной Америки перед высадкой в Чили наш тренерский штаб наигрывал двух вратарей – Яшина и Маслаченко, которых, судя по всему, собирался чередовать на самом чемпионате в зависимости от их

состояния. Яшин в Коста-Рике действительно почувствовал недомогание, которое ни от кого не скрывал, в частности, от своего дублера. Маслаченко, хорошо зарекомендовавший себя там в последних контрольных играх, с учетом неважного самочувствия Яшина не без оснований претендовал на попадание в состав, по крайней мере на стартовые матчи. Но в последней, костариканской игре получил перелом челюсти. Дозаявку сделать было невозможно – это не предусматривалось регламентом, а состав из 22 персон к этому времени был уже в ФИФА подан.

Так сборная СССР явилась в полупустынную Арику где базировалась наша предварительная группа, всего с двумя вратарями. Кого было предпочесть? Искушенного, не раз мужественно справлявшегося с недугами Яшина или засветившегося дома хорошей игрой, но совершенно необстрелянного в серьезных матчах, к тому же импульсивного, горячего Котрикадзе? Смешно теперь слушать Маслаченко, в доказательство готовности Котрикадзе ссылающегося на его преуспевание… в тренировках.

Выбор, естественно, был сделан в пользу Яшина. Тот в групповом микротурнире обнаружил некоторые признаки мало идущей ему невыдержанности, в частности сцепился с уругвайским форвардом, который неверно атаковал вратаря. Нервничал, очевидно, больше обычного, стало быть, находился не в оптимальной форме, но все это не помешало Яшину столько раз спасать ворота в трех первых поединках, что если бы не он, команде вообще было не видать четвертьфинала. Существовали ли резоны вдруг вводить на злосчастный матч против чилийцев Котрикадзе, как задним числом, уже после поражения, рассуждали разные умники, а через 40 лет негодовал по поводу обратного решения Маслаченко?

Начало матча с Чили было омрачено, однако, неприятным инцидентом: Яшину заехал бутсой по голове центрфорвард Онорино Ланда, и вратарь вынужден был продолжать игру с сотрясением мозга (замены еще не разрешались). Его качало, потемнело в глазах. Долг и отвага истинного спортсмена только и удержали на поле. А мнения очевидцев о двух пропущенных мячах со временем разделились натрое: одни клеймили Яшина, другие дивились не этим голам, а мужеству вратаря, доигравшего до конца, третьи же вообще не признавали эти голевые удары легкими, а потому вовсе не желали обсуждать его вину.

Однако сразу по возвращении Яшин был объявлен если не единственным, то главным виновником поражения, подвергся чудовищным оскорблениям футбольной швали, обструкции на стадионах, особенно в Москве, и посему даже вынужден был взять

паузу в чемпионате страны, чтобы обдумать, не порвать ли с футболом вообще. Позднее Лев Иванович признавал сложившуюся ситуацию самой тяжелой для него за длинную череду футбольных лет, самой «ухабистой» на жизненной дороге, поэтому и место ей в специальном разделе «Ухабы большого пути».

В контексте же размышлений о спортивных перипетиях 1962 года интересно проследить, как же такая оказия могла стрястись. Начать следует с происходившего в самом матче Чили – СССР. Я, например, не раз просмотрел кинозапись голов, пропущенных Яшиным, но не берусь оценить их однозначно. Первый мяч левый крайний хозяев Леонель Санчес подрезал метров с 18 из мертвого для ударов по цели сектора между боковой и лицевой линиями, стало быть, под большим углом к воротам. Удар, конечно, был редкостный, и мэтр футбольной журналистики Аркадий Галинский, разбирая всю эту чилийскую вакханалию, писал («Советский спорт» от 24 сентября 1991 года), что если бы тогда существовало «Футбольное обозрение» (популярный тележурнал. – *А.*С), оно наверняка признало бы этот гол лучшим в сезоне. Получается, самим мастерством исполнения удара Аркадий Романович снимал вину с вратаря.

Андрей Старостин, начальник сборной СССР на чемпионате мира, в книге «Флагман футбола» (1988) заметил: «Яшин находился в оптимальной точке противостояния, и никакой вины, что мяч влетел в ворота, на нем не лежит». Маслаченко, наоборот, утверждает, что Яшин занял неверную позицию у дальней штанги. Однако должен пояснить, что в те времена, когда штрафная не была так насыщена, как сегодня, при боковых подачах с игры или «стандартов» (угловой, штрафной) вратари, включая «лично» Маслаченко, готовясь к отражению угрозы, обычно располагались именно у дальней штанги. Кому и чему верить? Своим глазам, но беда в том, что для меня до сих пор остается неясным, преобладает в этом голе высшее качество нанесенного удара или неготовность к нему вратаря. Скорее всего мастерство произведенного удара было столь высоко, что вызвало оцепенение хранителя ворот.

Второй мяч (при счете 1:1) Эладио Рохас отправил в ворота дальним ударом. Не с 35 метров, как было преувеличено в отчете наших журналистов из Сантъяго и как заученно повторяет теперь Маслаченко, а с 25 – не больше. Тоже, конечно, немалое расстояние, правда, удар оказался и мощным, и закрученным. Но извиняло ли Яшина сие обстоятельство? Сам он за этот мяч себя корил. Галинский снова берет вратаря под защиту и вот в чем прав.

Яшин так и не докричался до своих оборонцев, а ведь пока чилиец тащил мяч, несколько раз громогласно требовал, чтобы они накрыли полузащитника, беспрепятственно двигавшегося аж со своей стороны поля. Наши же пятились от мяча – скорее всего не желали бросать своих подопечных нападающих, которых персонально обязаны были придерживать. В результате перед воротами образовался вакуум, и ворвавшийся туда Рохас, улучив момент, когда защитники начали все же нехотя стягиваться к нему, но напасть еще не успели, нанес свой роковой удар. Наша команда проиграла при полном преимуществе с полдюжиной верных, увы, нереализованных голевых шансов. Но это не амнистирует грубые провалы защитной системы, выстроенной тренерами явно неудачно.

Нельзя умолчать, что некоторые авторитетные участники событий посчитали оба гола сложными для вратаря. Среди них начальник советской команды Ан. Старостин и чилийский тренер Фернандо Риера. Андрей Петрович писал в «Повести о футболе» (1973): «Никто не хотел считаться с тем, что несмотря на дальность дистанций, с которых были забиты голы, отразить их было непросто: через гущу игроков полет мяча не просматривался». При том недоверии, которую порождала атмосфера лжи, окутавшей (и окутывающей до сих пор) наше общество, я поймал себя на подозрении, а не пытался ли Старостин-младший, никогда не скрывавший пристрастия к Яшину, невольно обелить его.

Риера знал о нападках на Яшина в советской печати, но тем не менее через год без колебаний пригласил его в сборную мира, которую возглавил на «матч века». И даже сделал специальное заявление для прессы, полностью реабилитировавшее Яшина: «Такие удары не мог бы парировать ни один вратарь». Но наша подозрительность всплыла и в этом случае.

Слышал, что мнение Риеры о двух мячах в ворота сборной СССР, которое он озвучил первый раз по следам событий, а в 1963 году только повторил, могло исходить из желания приподнять победу собственной команды вместо обесценения ее грубыми ошибками соперников. Но сомнение в правдивости слов Риеры снимал сам факт приглашения Яшина: вряд ли тренер, удостоенный чести готовить сборную мира, рискнул бы пожертвовать своей репутацией на случай серьезных промахов якобы обеленного им вратаря, навлекая на себя колючие вопросы и иронические реплики в прессе. Да и не давал никому Риера поводов для упреков в лукавстве. И позвал Яшина на «матч века», потому что был в нем абсолютно уверен.

Почему же на родине, не успела еще сборная приземлиться в

аэропорту, Яшина выдали чуть ли не за преступника, опозорившего страну? Сам Лев Иванович говорил, что на своей шкуре познал силу печатного слова. Подавляющее большинство советских газет опубликовало одну и ту же корреспонденцию из Чили, в которой прозвучало как приговор, что «пропускать такие мячи для Яшина непростительно». Кто-то Льва Ивановича ввел в заблуждение – так и считал до конца дней, что это было сообщение «далекого от спорта журналиста», а незадолго до кончины в интервью телекомментатору Владимиру Перетурину озвучил его имя – Олег Игнатьев. Такую геростратову славу приписывали ни в чем не повинному корреспонденту АПН и многие его коллеги-журналисты.

Между тем, каждому из них ничего не стоило разобраться, как сделал это Галинский. Он поднял корреспонденцию Игнатьева, опубликованную в считанных изданиях, и не обнаружил там никаких обвинений в адрес Яшина. Я немного знал Олега, когда он еще работал в «Комсомолке», и все удивлялся, как мог этот скрупулезный, педантичный, взвешивающий слова человек так оскандалиться с категоричностью своей инвективы. Тоже хорош гусь – удивлялся вместо того, чтобы вникнуть.

А если бы вникнут, то, как и Галинский, легко бы установил, что хулу в адрес Яшина распространили на весь Советский Союз авторы тассовского отчета о матче, который опубликовали все центральные и многие местные газеты. Своих корреспондентов в дорогостоящую командировку власти послать не разрешили (в советское время это они определяли), а кому разрешили (Н.С.Киселеву из «Комсомольской правды», да М.И.Мержанову, представлявшему «Советский спорт» и «Футбол»), было предписано объединиться для общего отчета о матче с корреспондентом ТАСС А.Э. Стародубом и отправить текст в Москву на ленту ТАСС.

За неимением своих корреспондентов практически все газеты опубликовали эту самую, как тогда говорили, «тассовку». Почему горстку спецкоров внезапно, после поражения, соединили в пул под эгидой правительственного агентства и почему газеты выбрали для публикации официоз, остается только догадываться. На вторую часть вопроса найти ответ проще: все газетные руководители прекрасно знали, что Агентство печати Новости (АПН), тоже имевшее в Чили специального корреспондента, предназначено для советской пропаганды за рубежом и ему дано право на некоторые вольности, так что для верности лучше опираться на ТАСС – правительственное агентство не подведет. Неудивительно, что некоторые газеты, подбивая итоги

чемпионата мира, только и делали, что развивали соображения, высказанные в тассовском отчете о последнем матче советской команды.

Яшин вряд ли подозревал, что стал жертвой не печатного слова, а спортивной политики, или, правильнее сказать, угодной ей лжи. Простые же болельщики, вдруг воспылавшие к нему ненавистью, были просто зомбированы, как, впрочем, большинство советских людей, привычным словосочетанием «ТАСС уполномочен заявить», даже если это не было важное политическое заявление под столь привычной шапкой, а скромное сопровождение корреспонденции магической аббревиатурой. Каждому было ясно, кем уполномочен: высокими инстанциями. А те всегда знали, кто виноват и что делать.

Какая сила конкретно – верхушка делегации в Чили или сама Москва – уполномочила тройку журналистов объединить усилия, чтобы без суда и следствия назначить виноватым Яшина, так и неизвестно. Известно только, что вся троица входила в состав официальной спортивной делегации, а каждая делегация имела руководителя (в данном случае это был заместитель председателя Спорткомитета Е.И. Валуев), ослушаться которого было смерти подобно. Такова была «независимость» прессы, чьи служащие считались «подручными партии».

Галинский прямо обвиняет злополучную тройку в следовании линии спортивного руководства, спешившего переложить свою вину за неподготовленность сборной на одного Яшина. Не знаю, за неподготовленность ли, потому что едва ли спортивные боссы в тот момент отдавали себе отчет, в чем же эта неподготовленность состоит. Но поскольку первый спрос всегда с руководства делегации, а затем с высоких администраторов, отвечавших за футбол в стране, правильнее, видимо, сказать, что они желали обезопасить себя от ответственности за негативный результат. Действительно, зачем отвечать за поражение, когда представился случай перевести стрелку на одного человека, который «неожиданно подвел».

Это укладывается, конечно, в логику эвентуальных рассуждений ответственных лиц, но никто не знает, как было на самом деле. Я не раз сталкивался с руководящими повадками и не верю, что лейтмотив отчета мог быть впрямую указан журналистам, которым ничего не стоило невзначай проболтаться и «заложить» кого надо. Скорее поверил бы в руководящие намеки, которые журналистское ухо в те годы чутко улавливало, или в целенаправленное обсуждение сразу после игры, воспринятое пишущей братией в качестве ориентировки. Но что бы это ни было – прямое указание или прозрачная ориентировка

– проигнорировать или, не дай бог, не догадаться, как надо поступить, опытные зубры журналистики, среди которых были редактор еженедельника «Футбол», он же член редколлегии «Советского спорта», член редколлегии «Комсомолки» плюс заведующий спортивной редакцией ТАСС, не имели ни малейшей возможности, потому что в противном случае вылетели бы из своих кресел.

И все же мне хотелось бы думать, что знай, например, Мартын Мержанов, чем это обернется для одного из его любимцев – Льва Яшина, постарался бы избежать хотя бы резких выражений обвинительного вердикта. Не привыкший, да и не имевший скорее всего возможности публично признаваться в содеянном, он во всех своих дальнейших публикациях, касающихся чилийского конфуза, а их было немало, больше никогда не повторял упреков Яшину. Годами молчала вся троица и о своей косвенной вине перед Игнатьевым. Если уж перед самим Яшиным не извинилась, то что им какой-то апээновец.

По существу же прав оказался этот известный журналист-международник, знаток не футбола, а Латинской Америки, в состав делегации не входивший и поэтому не запятнавший себя как «агент влияния», хотя сам кем-то запятнанный. Что он думал, то и написал, а передал в Москву, что советская команда потерпела поражение, потому что играла слабо. Чтобы вывести такое резюме, не надо было рядиться в тогу эксперта, каковым Игнатьев и в самом деле себя не ощущал, а поэтому в мудреные тонкости не лез.

Однако еще до чемпионата мира многие специалисты не разделяли казенный оптимизм спортивного руководства и средств массовой информации, основанный на результатах шести предшествовавших встреч, которые были выиграны нами у других национальных сборных с общим счетом 15:3. Единицам скептиков, которым удалось прорваться на страницы восторженной прессы со своими «критиканскими» замечаниями, было очевидно тактическое отставание советского футбола и его флагмана – сборной страны, за четыре года после Швеции-58 так и не взявшей на вооружение бразильскую систему, которую успели освоить все ведущие команды мира. Объясняя чилийское фиаско, те из знатоков, кто не желал все грехи сваливать на одного Яшина, снова вытащили за ушко да на солнышко этот явный пробел, а позже, когда дым антияшинских выпадов стал мало-помалу рассеиваться, к такой точке зрения присоединились многие участники и очевидцы событий.

Годы спустя капитан сборной СССР чилийского призыва Игорь Нетто, вспоминая гол Рохаса, как незажившую за четверть

века рану, представил его следствием характерной тактической малограмотности: «Представляется невероятным, чтобы футболист мог так спокойно, не встречая сопротивления, пройти с мячом всю центральную зону поля. Разрыв между линиями у нас был столь очевиден, что нечто подобное рано или поздно должно было случиться».

Несогласие с некоторыми нюансами в рассуждениях Аркадия Галинского, взявшего на себя труд восстановить искаженную картину, не мешает мне присоединиться к выводам собственного расследования, предпринятого уважаемым коллегой: отводя удар от себя, высокопоставленным аппаратчикам было очень удобно сделать Яшина козлом отпущения.

С величайшим трудом отходя от обидных и незаслуженных оскорблений, Лев Иванович нашел в себе силы после взятой паузы вернуться в футбол и от матча к матчу обретал прежнюю уверенность. Так что на исходе сезона президиум Федерации футбола СССР счел возможным снова определить ему первую вратарскую позицию в списке 33 лучших. Уместно заметить, что муссировать такие классификации, результаты бомбардиров и всевозможные рекорды – прерогатива журналистов, статистиков и болельщиков. Футболисты к таким забавам чаще всего относятся пренебрежительно, считают их ниже своего достоинства. Хотя случаются и исключения.

В начале 70-х, когда я зачем-то позвонил Анатолию Ильину, тот устроил мне нахлобучку за какой-то не засчитанный гол, уменьшивший общую сумму забитых им мячей в справочнике «Все о футболе». Владимир Маслаченко подобную обиду за «ущемление» 1962 года, когда его не определили лучшим вратарем, упорно держал в себе до нашего времени, позволившего выплеснуть ее публично. Когда футбол получил в газетах и журналах несравнимо больше площади, чем прежде, и, что более существенно, стало возможно изливать на этой площади разного рода откровения, Владимир Никитович и не подумал скрывать свое мелочное, чуждое привычкам самих игроков раздражение якобы отнятой у него возможностью именно в 1962 году официально превзойти Яшина, «не игравшего сезон, провалившего чемпионат мира».

Нет смысла дальше мусолить этот спорный провал, и еще вопрос, кто из них не играл сезон. Яшин-то, несмотря на двухмесячную летнюю паузу в первенстве СССР, провел матчей за клуб и сборную почти вдвое больше, чем Маслаченко. Тот за «Спартак» сыграл 11 встреч из 32 и, кстати, получил золотую медаль чемпиона в порядке исключения, не проведя, как видите, положенных 50 % матчей. Так что взнос в чемпионский спурт

«Спартака» не остался, и заслуженно, без высшей оценки. Но нет, подавай еще и первый номер в классификации вратарей!

Вправе ли Маслаченко вообще претендовать на такое предпочтение, если был лишен возможности экзаменоваться в сборной, а вдобавок и во многих матчах союзного первенства, пусть даже вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств (травма плюс канитель с переходом из «Локомотива» в «Спартак»)? Разве не было честнее классифицировать под № 1 того, кто одолел более длинный путь в клубе и сборной, вынеся ношу намного тяжелее? И можно ли было оставить без внимания, что в 11 матчах финальной пульки первенства страны Яшин пропустил всего 4 мяча, причем 8 игр отыграл «на ноль», из них 7 подряд?

Так что правильно поступила Федерация футбола. Этот общественный орган принимал немного самостоятельных решений, в важнейших случаях они диктовались ему партийными и государственными чиновниками, чтобы выдать за мнение широких кругов. Но состав 33 лучших было дозволено определять футбольной общественности.

Насколько я помню, многие люди футбола тогда одобрили решение Федерации в пользу Яшина еще и потому, что оно прозвучало в пику спортивным и партийным бонзам, ошельмовавшим за единственную неудачу человека, который сделал для советского футбола столько, сколько, может быть, никто другой. Федерация, протянув Яшину руку поддержки в преодолении психологического надлома, при этом нисколько не погрешила против истины, которая гласит: один матч, каков бы он ни был, не может перечеркнуть целый сезон. Эту истину как по заказу не так уж давно освежила непоколебимость благоговейного отношения к вратарю сборной Германии Оливеру Кану. Вопреки ужаснейшему промаху, решившему дело в финальном матче, он был признан лучшим в чемпионате мира 2002 года.

А ровно за 40 лет до этого своей черной неблагодарностью и шумной публичной несправедливостью власти, пресса и горе-болельщики чуть не вышвырнули из профессии и из пространства зрительских симпатий еще более грандиозного вратаря, который годами выручал-выручал, но вдруг споткнулся, да еще как-то неявно, неочевидно, необщепризнанно.

А если бы действительно и безоговорочно споткнулся и упал, заслуживал ли подлый удар ниже пояса? Слава богу, дело кончилось нокдауном, а не нокаутом. Немногие боксеры, побывавшие в нокдауне, добиваются конечной победы. Яшин же победил обстоятельства, время, самого себя и оставил с носом

недоброжелателей. Некоторые из них тут же перекантовались и как ни в чем не бывало возобновили дежурную безграничность восторгов. Другие затаились до поры до времени, чтобы придумать очередные упреки и обвинения.

Знаменательно, что сразу вслед за самым неудачным сезоном в карьере Яшина наступил самый яркий. Думаю, это не просто совпадение. И не усердие провидения. Он сам говорил, что ощущал прилив сил, когда предстояло выходить на важные, решающие матчи. А тут предстоял важный, решающий сезон – он должен был доказать самому себе и другим, что происшедшее годом раньше не более чем недоразумение, ответить самому себе и другим, может ли играть на прежнем уровне, правильно ли сделал, что не ушел, а остался. Собственно, он и не мог уйти в никуда. Чем бы занялся в «возрасте Христа» (кстати, ситуация подтолкнула продолжить образование)? Не мог позволить себе и смалодушничать, сгинуть побежденным, раздавленным. Эти мысли грызли его. У него просто не было иного выхода – только продолжить, только вернуть уважение обманутой публики. У него была бешеная мотивация, какой еще не знал.

Свой горький опыт Лев Иванович почти через четверть века пытался донести до Рината Дасаева, сломленного неудачей сборной СССР на чемпионате мира 1986 года в Мексике. Там команда, качественно игравшая в группе, в первом же матче плей-офф уступила сборной Бельгии – 3:4, и немалая доля вины пала на вратаря. Вернувшись домой не в лучшем психологическом состоянии, Дасаев не выручал и «Спартак» после паузы в первенстве страны. Ему бы вспомнить, что в 1984 году говорил Яшин, когда Ринат навестил его дома после операции. Между делом гость пожаловался на прессу, упрекавшую за какой-то гол, на что хозяин заметил:

– А знаешь, нам полагается в каждом пропущенном мяче винить прежде всего себя. Шанс взять есть всегда, хотя бы теоретический. У вратаря должна быть особая память. Память на ошибки. Только она поможет избежать неприятностей в будущем. А пресса может в своих оценках заблуждаться. Главное, чтобы твоя собственная оценка была правильной. После чилийского чемпионата мира журналисты объявили меня виновником поражения. А то, что написано пером, не вырубишь топором. Ты бы слышал, каким свистом меня встречали. Честно говоря, я на первых порах здорово растерялся, хотя считал себя тертым калачем. Момент был, даже на футбол плюнуть хотел. Но, чуть поостыв, понял – надо доказывать все заново. Кажется, доказал. С нас, вратарей, всегда спрос особый. А если ты первый номер среди первых, тут уж пощады не жди.

То ли Дасаев пропустил мимо ушей, то ли не уловил спрятанный в словах старого вратаря мудрый намек, что коли ты не в порядке, лучше взять тайм-аут в играх, успокоить нервы, но Ринат яшинским терпением, видно, не обладал, хотя возраст не так поджимал – было ему 29 лет, а не 33, как в черные дни его доброму советчику. Выход из кризиса затянулся у спартаковского вратаря до 1987 года, потому что слишком спешил доказать, что не лыком шит. Хотя Яшина клевали побольнее, чем впоследствии Дасаева, он не торопился, паузу выдержал и уже в том же самом, психологически обвальном 1962-м начал готовить себя к новому рывку, окончательно поставившему шлагбаум отрицанию его прежней, якобы угасшей силы.

Что он творил в календарных играх союзного первенства 1963 года, вы уже знаете. Самый успешный из 20 с лишним сезонов долгой и славной карьеры отметил своей пятой золотой медалью чемпиона, а завершил поистине золотой игрой на лондонском «Уэмбли» за сборную мира и римском «Стадио Олимпико» против сборной Италии, и в заключение этого поистине золотого сезона, прямо под Новый год, был провозглашен лучшим футболистом Европы с вручением нежданного «Золотого мяча».

Апогей

А теперь, соблюдая хронологию, приступаю к самой приятной части повествования – рассказу о двух матчах. Один из них называл лучшим среди сотен сыгранных герой этого повествования, другой возведен на вершину его достижений мной – по праву автора на собственное мнение.

Сам Лев Иванович считал для себя звездным «академический» час, он же футбольный хавтайм – 45 минут на лондонском стадионе «Уэмбли» в незабываемом «матче века» сборная ФИФА – сборная Англии в честь 100-летия британского футбола. Немаловажно заметить, во-первых, что юбилей справлял не только британский – весь мировой футбол, ведь он родом из Англии. И во-вторых, сборную ФИФА родоначальники футбола окрестили командой «остального мира». Не правда ли, звучно для хозяев торжества – Англия против остального мира. И как на заре существования футбола, Англия оказалась сильнее его. Сильнее всех, вместе взятых. Она выиграла 2:1. Неважно даже, сама себе преподнесла подарок или изобретателей спортивного божества одарил в знак благодарности остальной мир?

Ясно лишь, что единственный наш «посол» в торжественной игре Лев Яшин, если и собирался что-то дарить гостеприимным англичанам, то не победу, а свое умение – как раз для недопущения такой победы. Тем более что игра состоялась на следующий день после 34-летия, с которым его сердечно поздравили тренер Фернандо Риера и вся звездная братия. Мало того, что бенефисом 23 октября 1963 года Яшин переломил зародившийся в Чили-62 скепсис советского спортивного руководства. Эти феерические 45 минут позволили ощутить недосягаемость Яшина и великому множеству футбольных деятелей, тренеров, ветеранов футбола, приглашенных на «матч века», и тысячам понимающих толк в футболе английских «фэнс», и миллионам их собратьев в других странах.

Ауру Яшина распространило по всему миру телевидение. Даже советское ТВ, почти не позволявшее себе роскошь оплачивать трансляции международных матчей, если в них не участвует сборная СССР, снизошло (с высокого позволения, разумеется) до прямого эфира с «Уэмбли». Решение, как повелось, принималось в последний момент, и Николай Озеров, добиравшийся до Лондона с пересадками и приключениями, еле успел из аэропорта прямо на стадион, ухватившись за микрофон одновременно с начальным свистком. Так что вся неисчислимая рать наших любителей футбола получила уникальный шанс

лицезреть гала-концерт, в котором солировал Лев Яшин (вместе с англичанином Джимми Гривсом).

Сотни журналистов со всего света, освещавшие схватку Англии с остальным миром (многие из них предпочитали толковать именно о стране и мире, а не о футбольных командах), отмечали, что несмотря на выставочный характер действа на «Уэмбли» азарту участников и накалу борьбы могли бы позавидовать иные встречи английской лиги и даже первенства мира. Футболисты оплачивали честь засветиться по такому поводу полной мобилизацией сил и умения, уступившей место имитации футбола в бесконечной череде подобных встреч, так и поименованных впоследствии выставочными.

Впрочем, в 60-е годы они еще продолжали будоражить воображение вполне пристойным футболом, а не кормили эрзац-зрелищем. Это относится и к матчу сборной УЕФА со сборной Скандинавии (4:2) в Копенгагене по случаю 60-летия Датского футбольного союза и благотворительной встрече лучших европейских футболистов с югославскими (7:2) в Белграде, когда весь сбор был направлен пострадавшим от землетрясения в Скопле (обе – 1964 год). Это относится и к прощальному матчу сэра Стэнли Мэтьюза (1965), на который были приглашены «звезды Европы», вышедшие победителями над британскими – 6:4. И к проводам известного турецкого вратаря Шерена Тургая (1967): любопытно, что бенефициант вывел на поле как капитан команды свой «Галатасарай», а Яшин… сборную Турции, усиленную несколькими зарубежными звездами, она и выиграла – 2:0. И, конечно же, к встрече сборных Бразилии и ФИФА (2:1) в Рио-де-Жанейро по случаю 10-летия первой бразильской победы в первенстве мира (1968), когда нашему вратарю опять-таки было доверено вывести на поле мировых светил в качестве капитана команды.

Каждый из этих матчей внес свою добавочную лепту в прославление Яшина – единственного, кстати, участника всех перечисленных игр, который мог пополнить этот почетный перечень еще двумя, но не пустили раз руководство, другой – травма. Все шесть выступлений в «интернациональных» сборных были для Яшина незабываемы, но первое, лондонское впечатление так и осталось самым ярким.

1963 год пополнил хрестоматии по истории футбола красочными описаниями и фотосвидетельствами противоборства Яшина с Джимми Гривсом и Бобби Смитом. Эти признанные бомбардиры наносили такие удары, которые принято называть верными голами. Но голы так и не состоялись – только благодаря Яшину. Он был полным хозяином положения в своей штрафной.

Джимми Гриве, такой же идол английской публики тех лет, как совсем еще недавно Дэвид Бэкхем, особенно хотел одолеть советского вратаря, чего только для этого не предпринимал – бил издали и в упор, ногами и головой, но не тут-то было. Местная печать отмечала, что никогда прежде не доводилось видеть Гривса таким одержимым игрой – это был его лучший матч, и победу хозяевам торжеств (2:1) принес за четыре минуты до конца игры именно его удар, но уже в ворота, вынужденно оставленные Яшиным на попечение Милутина Шошкича.

Матч сборная Англии – сборная ФИФА. Лев Яшин забирает мяч из под ног Джимми Гривза. 1963 г

Известный английский обозреватель Джефф Эллис, с чьей легкой руки пошло гулять по белу свету определение «матч века», писал: «Персональную славу этого матча разделили прежде всего вратарь сборной мира в первом тайме Лев Яшин и англичанин Джимми Гриве. Последний нанес больше ударов по воротам, чем сделали все остальные вместе взятые… Сейчас всем ясно, что Яшина прозвали «спрутом» не для красного словца. Его предвидение просто сверхъестественно. Его ловкость превосходна. Его храбрость поразительна. И нет ничего удивительного в словах Гривса, сказанных мне после матча, что Яшин был просто великолепен. Кстати, русский вратарь вернул комплимент, высоко оценив своего главного противника…».

Яшин произвел такое впечатление на Гривса, что

суперфорвард, все чаще прикладывавшийся к бутылке (и потом еле излечившийся от алкоголизма), как-то был узнан в пабе двумя посетителями – они оказались русскими. Те пригласили футбольную знаменитость к своему столу и когда провозгласили тост за английскую королеву, Гриве ответил спичем в честь советского лидера Н.С. Хрущева. Но только дипломатическая вежливость уступила место расслаблению, в искреннем порыве тут же призвал выпить за «выдающегося русского вратаря Льва Яшина».

Первый (правильнее сказать – старший) вице-президент ФИФА председатель Федерации футбола СССР Валентин Гранаткин наблюдал за игрой из ложи почетных гостей, сидя рядом с президентом сэром Стэнли Роузом и другими членами исполкома. Весь первый тайм получал от них поздравления с удачными действиями советского вратаря. Эти пожилые люди, повидавшие на своем веку тех еще игрочищ, не скрывали восхищения. Гранаткин только успевал благодарить и в шутку заметил:

– Не вижу ничего мудреного в том, что у нас такой страж ворот, поскольку председатель советской федерации футбола тоже в прошлом вратарь.

Этому непроницаемому человеку с суровым лицом несамостоятельное предводительство в советском футболе доставляло не так много положительных эмоций, и он не мог нарадоваться, что порция счастья привалила от младшего собрата, родственной души.

Кто только Яшину не был благодарен! Послушаем, что сказал своему давнему русскому знакомому на прощание «черный бриллиант» бразильской защиты в мировых чемпионатах 1958 и 1962 годов Джалма Сантос:

– Я уже заканчиваю играть, но если бы не встретился с вами в одной команде, не получил бы самого сильного впечатления в жизни.

К слову, совсем недавно, во время работы над этой книгой о Яшине, спартаковский соперник и партнер по сборной Анатолий Исаев начал свой ответ на мои расспросы о герое книги с признания, перекликающегося со словами Джалмы Сантоса: «Мне крупно повезло – я играл в одно время и в одних матчах с Яшиным». А Юрий Семин, чья тренерская известность давно заслонила игровую, в свое время очевидную, в ответ на вопрос, какой самый яркий эпизод в его карьере футболиста, ответил: «Выход на поле вместе с Львом Яшиным».

Уж сколько за плечами Яшина осталось зарубежных поездок, но это была совершенно необычная, из ряда вон выходящая. По

Лондону мегазвезд возили в навороченном, сверкающем зеркальными стенами автобусе с эскортом сопровождения: впереди расчищал путь огромный черный лимузин, по обе стороны и позади автобуса следовали на мотоциклах полицейские в парадных мундирах. Кавалькада двигалась под вой сирен и приветствия с тротуаров – люди догадывались, кто внутри. Перед матчем на поле спустился из королевской ложи, чтобы приветствовать футболистов, герцог Эдинбургский, супруг королевы Елизаветы. На торжественном банкете в присутствии членов кабинета, палат общин и лордов, разной прочей знати участников «матча века» громогласно представлял специальный спикер в парике и средневековом одеянии. Всем гостям праздника дали понять, что футбол в Англии больше чем футбол и его чествование по случаю такого юбилея может быть приравнено только к визиту глав государств.

Яшину не меньше запомнилась теплота и непринужденность отношений супермастеров футбола, ему по душе пришлась межзвездная доброжелательность и солидарность. Организаторы позаботились, чтобы Яшин не остался без переводчика (остальные худо-бедно знали языки). Добровольцем вызвался знаменитый французский форвард Раймон Копа – этнический поляк, урожденный Копачевский, чей отец в свое время удрал от безработицы, чтобы пополнить легион французских шахтеров. Копа немного лопотал по-русски и в ресторане, где питались звезды, был усажен за один стол с Яшиным. На ломаном русском мог общаться и его старый венгерский знакомый с испанским паспортом Ференц Пушкаш.

Просмотрев по возвращении наши газеты, Яшин не обнаружил Пушкаша в составе сборной мира ни в текстах, ни на групповом фото, но уже давно перестал удивляться. В самой Венгрии эмигрант не вылезал со страниц печати, а у нас имя «предателя социализма» даже упоминать было запрещено, с фотографии его убрали ретушью. Так продолжалось до времен горбачевской перестройки.

В один из трех прекрасных дней пребывания на футбольном празднике Пушкаш явился в гостиничный номер к Яшину в сопровождении защитника сборной ФРГ Карла Хайнца Шнеллингера, чтобы пригласить его в ресторан на вечеринку сборной мира. А когда Лев внес ответное предложение «посидеть по-русски» у него в номере и, не успели посетители оглянуться, стал доставать из кофра водку, икру и прочее, они быстро сообразили, что поставили в неловкое положение безденежного советского вратаря, которому нечем расплачиваться в ресторане. Не забывший социалистических порядков, но сам никогда не

испытывавший финансовых затруднений, Пушкаш легко вспомнил о валютной недостаточности советских спортсменов, и лучший вратарь мира не был исключением.

Яшина гости настолько уважали, что он получил согласие на свое предложение и начал накрывать на стол. А Шнеллингер, пошептавшись с напарником, мигом сгонял вниз, где в гостиничном сувенирном магазинчике купил 20 галстуков, специально выпущенных к матчу, и передал Яшину для вручения футболистам «Динамо» (что и было сделано ровно через день). Галстуки в Лондоне вообще дорогие, а эти стоили аж по пять фунтов стерлингов – на эту пятерку, между прочим, тогда можно было приобрести там какое-никакое пальто. Ровно на такую ничтожную сумму (всего на один галстук, да если бы и на одно пальто!) расщедрился достопочтенный Спорткомитет, выдавая голкиперу валюту на поездку.

В номере-то звезды посидели славно, но ущемленность безвалютных советских вояжеров Яшин испытывал на своей шкуре не раз. Понимал, конечно, что ровней богачам типа Ди Стефано или Пушкаша ему никогда не быть, но и могучему государству не пристало ввергать своих граждан в жалкое, унизительное состояние. Ему было неприятно, когда испанский футбольный маг Альфредо Ди Стефано на глазах друзей из сборной мира стал гонять по гостиничному паркету дорогие швейцарские часы, подаренные каждому участнику «матча века», и демонстративно разбил их вдребезги, бравируя своим толстосумством и невоспитанностью.

Но Яшину становилось не менее противно, когда во время зарубежных поездок добровольные дарители пытались сунуть ему конверты с парой сотен долларов на бедность. Он не брал ни у шведского импресарио Ланца, организатора всех советских турне по Южной Америке, ни у зарубежных игроков, пытавших как-то помочь советским футбольным беднякам, которых ценили как замечательных мастеров. Отказывался принимать добросердечные, но все же подачки не только потому, что чувствовал себя «человеком-знаменем», которому не полагалось себя марать, как заключает в своих мемуарах Евгений Рубин. Знамя – знаменем, Яшин отдавал себе отчет, что вытолкнут обстоятельствами на видное общественное место, но боялся не рыка столоначальников, наделенных правом казнить привинившихся, просто не желал позорить страну. И не меньше чем общественное лицо, страшился потерять собственное, не желал унижать свое человеческое достоинство, которым был наделен сполна, – ему стыдно было смотреть в глаза дающего.

Другое дело, когда возникал «вариант Ланцовский» – так сам

Ланц на своем ломаном русском, хитро улыбаясь, объявлял, что за следующим выигрышем где-нибудь в Боливии или Перу последует презент в конверте, полагавшийся каждому члену делегации. Такие знаки благодарности подпадали у нас под понятие валютных операций и официально были запрещены, но глава делегации и сопровождающий с Лубянки закрывали на это глаза, потому что и сами получали свои гроши. Если причиталось всем, не возражал и Яшин.

Правда, Ланц изрядно зарабатывал на устройстве футбольных путешествий в Южную Америку. Но и уважал, даже, может быть, любил наших футболистов, ребят простодушных и веселых. Однажды я оказался с ним за одним столом в стокгольмском «Гранд отеле» на банкете в честь участников четвертьфинала Кубка Европы 1964 года Швеция – СССР. В адрес Яшина, Иванова, Понедельника и других наших игроков услышал от импресарио немало добрых и, мне показалось, искренних слов.

Дружески настроенные зарубежные собратья по футболу, тот же добряк и шутник Шнеллингер, старались передать Яшину злополучные конверты через других советских игроков. И он через вторые руки, было дело, принимал – не желал платить неблагодарностью хорошим людям, не желал и выпендриваться перед своими, такие подношения вовсе не отвергавшими. Можно их осуждать, можно одобрять, а брезгливого Яшина какой-нибудь чистоплюй сочтет непоследовательным или непринципиальным – то брал, то не брал. Но клеймить за это может, по-моему, только ханжа.

В конце концов, такова была реальность советской жизни. Многим она раздражала Льва Ивановича, но это была его жизнь, его страна. А знаменитый вратарь был просто человек. Без всякой корысти – вот уж чего был начисто лишен, – но с понятными любому обыкновенными, даже элементарными человеческими желаниями: привезти из-за границы подарки жене, детям, друзьям, себе – бутылку виски, а победу – в качестве подарка своей стране. Издержки бытия забывались, когда наступало время представлять ее, и недостойным выступлением подвести страну, пусть нещедрую и суровую к своим подданным, он никак не мог. Особенно в «матче века», где представлял ее один-одинешенек. Поэтому чрезвычайный настрой, усиленную концентрацию, полную готовность обнаружили десятки миллионов зрителей и телезрителей в действиях советского вратаря.

Всех футболистов, прибывших в Лондон по приглашению ФИФА, решено было обязательно выпустить на поле – нашего вратаря, как заранее предусматривалось, во втором тайме сменил Милутин Шошкич. На следующий день газеты называли его

«жертвой Яшина». В том смысле, что гремевший в ту пору югославский кипер явно проигрывал на яшинском фоне всеми своими повадками, не говоря уже о двух пропущенных мячах. Он был заметно расстроен и с горечью сказал Яшину, с которым жил в одном номере отеля «Кенсингтон пэлас»:

– Если бы второй тайм играли вы, англичане не дождались бы этих голов.

В своих воспоминаниях Шошкич пишет, как знаменитый коллега утешал его, словно малого ребенка, стараясь убедить, что неправильно располагались защитники и нечего винить себя за их ошибки (хотя, как мы с вами убедимся, он всегда это делал сам). Зряшность самобичевания своего сменщика Яшин подкрепил фразой:

– Напрасно ты переживаешь – у англичан праздник, и пусть они сегодня радуются!

Мне при этом вспомнилась реплика Сергея Сальникова: «Лева же человек понимающий!» Понимание ситуации, понимание ближнего всегда было его визитной карточкой и на футбольном поле, и в обыденной жизни.

Югославский вратарь, вспоминая лондонский праздник, утверждал, что никогда не встречал такого простого и деликатного человека среди известных людей. Шошкичу предстояло в шесть утра отправляться в аэропорт, а накануне он вернулся в отель поздно, сосед уже спал, и Милутин хотел оставить записку со словами благодарности. Но когда проснулся, Яшин уже бодрствовал и в ответ на удивленный взгляд сказал, что встал пораньше, намереваясь попрощаться и проводить его до автобуса. Шошкич был поражен душевной щедростью старшего друга, подмеченной, кстати, и в мемуарах известного чешского вратаря, чемпиона Европы 1976 года Ибо Виктора, который совсем еще молодым ощутил согревающее внимание вратаря с мировым именем, при этом далекое от всякой покровительственности.

Сам Яшин рассказывал, что никогда ни до, ни после «Уэмбли»-63 не испытывал такого блаженства, какое доставляла легкость взаимопонимания на поле, так что казалось, будто все эти звезды провели годы в одной команде. Игравший центра нападения непревзойденный Ди Стефано вдруг оказался в своей штрафной, куда пришел на подмогу, и не глядя откатил мяч назад немного сместившемуся вратарю. «Откуда он знал, что я окажусь в этой точке? – недоумевал Яшин. – Был уверен, чувствовал. Даже не обернулся, подлец, чтобы убедиться, у меня ли мяч». Со Шнеллингером они улавливали взаимные намерения с полудвижения, полунамека (что подметил и использовал в

дальнейшем тренер Хельмут Шен: «У этой пары отличный контакт»), хотя один не знал ни одного русского слова, а другой запомнил лишь пару немецких:

Яшин, арбайтен (нем. работай. – *А.С.)*\

Шнеллингер, цурюк (нем. назад. – *А.*С)!

Напряжение большого футбола всегда требует разрядки, поэтому игроки особенно ценят шутки, розыгрыши. Установлено: чем мастер выше классом, тем больше склонен он воспринимать юмор, хотя бывают и исключения. Во всяком случае, сразу после лондонского саммита, который по звездной представительности, пожалуй, так и не был повторен, Яшин хохотал как никогда. Футбольные корифеи – те же артисты, а в артистах до поры до времени прячутся дети.

Узнаются они и в послематчевых проделках футбольных светил, и в самих солнечных впечатлениях Яшина: «Опять заставил всех надорваться от смеха неугомонный Шнеллингер. Белотелый настолько, насколько могут быть лишь рыжие, веснушчатые люди, он проводил своей большой пятерней по черному телу Джалмы Сантоса, а затем с деланным изумлением рассматривал руку, не почернела ли. А в душевой схватил мочалку, намылил ее и стал растирать стонущего от смеха бразильца – может, побелеет? Намыленные кидались на только что вышедших из душа и заключали их в свои пенные объятия. Растеревшись досуха полотенцем и сев в кресло, ты вдруг ощущал над собой холодную мокрую губку, чей-то галстук висел под потолком, и никто не понимал, как мог он туда попасть и как его оттуда достать. И все мы чувствовали себя так, словно знакомы тыщу лет и играем вместе давным-давно».

В футбольных раздевалках подобная обстановка не редкость, но мало кому удавалось застать ее в такой компании. Как мало кому доводилось испытывать столь необычные знаки внимания, удивившие даже видавшего виды Яшина. По окончании матча во время раздачи автографов к нему подошли два респектабельных джентльмена и, представившись членами руководящего совета одного из любительских футбольных клубов лондонского предместья, предложили стать… почетным президентом клуба.

– На общем собрании мы решили выбрать кандидата после сегодняшнего представления на «Уэмбли». Выбор пал на вас, и нам поручено сделать официальное предложение.

– Мне? Пост почетного президента? Но почему?

– Вы лучший вратарь мира, образцовое сочетание блестящего коллективного игрока с мощной индивидуальностью, не допускаете грубостей в игре, держитесь скромно и корректно, вы представляете великий народ. Если согласны на наше

предложение, автомашина будет ждать вас после заключительного банкета. Вы распишетесь в «Золотой книге» нашего клуба, сфотографируемся, выпьем по бокалу шампанского и через час отпустим вас на свободу.

В глазах собеседников Яшин увидел столько надежды, что ответил согласием. Не хотел обижать ни учтивых джентльменов, ни маленький скромный клуб. Ему даже пришлось втихую, что называется, по-английски, покинуть затянувшийся банкет по случаю 100-летия британского футбола и юбилейного матча. Уже через 20 минут почетный президент оказался в небольшом старинном зале, украшенном советскими флагами, и выслушал несколько вовсе не пышных, скорее искренних тостов в честь вратаря сборной мира и великой тогда еще страны, которую он представлял.

Председательствующий подытожил: «Наш клуб наконец-то имеет почетного президента, и мы гордимся такой честью, потому что это Лайон (англ. лев. – *АС.)*Яшин. Отныне мы не будем похожи ни на один другой клуб». Яшин давно привык ко всяким торжественным приемам, но этот камерный вечер, неожиданно увенчавший исторический матч, запомнился какой-то особенной, близкой ему человеческой теплотой.

Не прошло и трех недель после лондонского концерта, как Яшин на бис дал еще один, на этот раз в сложнейшем турнирном матче 1/8 финала Кубка Европы. Вплоть до полуфинала каждая пара встречалась дважды с дальнейшим выбыванием проигравшего. Стартовую игру в паре СССР – Италия взяли советские футболисты – 2:0. Яшин наблюдал за ней с трибуны московских Лужников. Это был первый случай за 10 лет, когда он пропускал столь ответственный матч, пребывая в полном здравии, – до этого из дела его могла выбить только болезнь, травма. Сам Лев Иванович в «Записках вратаря» деликатно объяснил, что был освобожден от участия тренером Константином Ивановичем Бесковым «под предлогом, что должен готовиться к «матчу века».

Между тем по футбольному закулисью гуляло мнение, что Бесков перестал доверять ветерану. Владимир Маслаченко прав, что тренер сборной тогда делал ставку на Рамаза Урушадзе и Йонаса Баужу Но после «матча века», куда Бесков летал вместе с Яшиным и председателем нашей футбольной Федерации Гранаткиным, он круто изменил взгляд и вернулся к кандидатуре старого проверенного зубра. Однако окончательное решение выпустить его на поле принял в день римской встречи 10 ноября 1963 года незадолго до ее начала. Запоздалость решения объясняется не возобновлением колебаний, а внезапным

недомоганием Яшина, с которым все-таки удалось справиться. Это было спасительное для тренера, команды и страны решение. Честно говоря, вратарь избавил сборную от крупного поражения. Ничья (1:1), да и то добытая хозяевами на последней минуте, вывела сборную СССР в следующий круг.

Наутро «Стампа» написала коротко, но ясно: «Дайте нам Яшина, и мы готовы играть со сборной мира». А начальник советской команды Андрей Старостин не мог этого триумфа забыть, когда давно уже утихли все страсти: «Подумайте сами – в течение получаса Яшин совершил три чуда: отбил на угловой немыслимый мяч ногой, когда Анджело Доменгини «расстреливал» его из вратарской, взял пенальти от Сандро Маццолы и выиграл дуэль у Джанни Риверы, казалось, неотразимо пробившего в нижний угол. Эти три боевых подвига полностью деморализовали итальянцев, которые убедились, что перед ними неприступная живая стена».

Но это всего три эпизода, хотя и решающих: игра шла в одни ворота. Пусть защитников нельзя было упрекнуть в отсутствии старательности, порой создавалось ощущение, что «скуадре адзурре» противостоит один Яшин. Хорошо еще, Геннадий Гусаров забил важный гол. Но это только добавило итальянским набегам на ворота гостей отчаянного неистовства. Яшин так часто вторгался в ход событий, отразил такой град ударов, что римский матч не мог сравнить ни с одним другим. Поэтому и выступили на его глазах слезы, когда в изнеможении вернулся в гостиничный номер, который тотчас оказался усыпан букетами цветов от впечатлительных «тифози» и пачками благодарственных телеграмм-молний с родины. Когда улетали домой, во время посадки в Милане героя Рима окружили обворожительные стюардессы с других рейсов, наперебой требовали автографы и кокетливо щебетали:

– Как мы ненавидели вас в день игры! И точно так же обожаем прекрасного Яшина сейчас, когда отошли от вылета из европейского Кубка.

От себя могу со всей определенностью добавить, что не видел подобной вратарской игры за все 60 своих зрительских лет. Не помню другого случая, когда вратарю удавалось прервать столько атак в зародыше, раз за разом не позволяя вообще состояться удару, а если предотвратить его не было возможности, вытаскивать один обалденный мяч за другим со взятым пенальти в придачу! Так что Яшин – «король вратарей» не только потому, что у него за плечами годы и серии прекрасных матчей, он заслужил трон и за один, поистине королевский матч. Хотя действительно трудно выбрать самый-самый из двух шедевров

подряд в Лондоне и Риме.

Лидер вратарей дояшинской эры легендарный Рикардо Замора готов был следующим же летом присовокупить к ним и третий, но это уже достаточно спорная оценка. После выигрыша в 1/4 у шведов (1:1, 3:1) и уже в заключительном раунде, по приезде в Испанию, где собрался квартет лучших, в барселонском полуфинале – у датчан (3:0), советские футболисты отдали решающий поединок «испанской фурии» со счетом 1:2. Честно говоря, игра нашей команды выглядела победнее хозяйской, как-то обесточенная испанским наступлением. С учетом еще и присутствия ненавистного нам Франко, проигрыш был расценен в советских верхах как форменный политический скандал, стоивший должности Константину Бескову. Но Яшин, словно жена Цезаря, на сей раз остался вне подозрений…

После финала, сыгранного на мадридском стадионе, который теперь называется «Сантьяго Бернабеу», вечером 21 июня 1964 года Замора говорил журналистам: «Если до 84-й минуты держался равный счет, мы должны благодарить только Льва Яшина. Стоит вспомнить лишь два случая. Луис Суарес вырвался по центру на передачу и метров с десяти сильно подрезал тяжелый мокрый мяч в верхний угол ворот. Я вскочил, приветствуя успех Испании. Но оказалось – аплодирую Яшину. Через несколько минут он еще больше удивил меня. Защитник, занявший при корнере позицию у ближней штанги, принял мяч плохо. Но Яшин, и здесь учуявший беду, успел отвести ее даже не в броске, а в каком-то выпаде наподобие фехтовального: молниеносная атака на мяч увенчалась успехом. Не могу считать своих соотечественников очень уж объективными зрителями, но они закатили овацию на несколько минут».

Заморе вторил испанский журналист Антонио Даца: «Не часто нам выпадает наслаждение видеть на своих полях такого мастера, как Яшин. Истинное удовольствие доставляли его перехваты и броски. Яшина нельзя упрекнуть ни в одном из забитых в его ворота мячей. Такие мячи не взял бы ни один вратарь мира».

Прочитав этот комментарий, хотелось воскликнуть: есть такой вратарь! Его фамилия… Яшин – только не 1964 года, а 1963-го. Поэтому согласен с маститым французским обозревателем Жаком Ферраном, который в своих корреспонденциях из Испании тоже отмечал бесконечно ценимого им вратаря, но, привыкший кяшинской фантастике, все же не скрывал некоторого разочарования.

Кинокадры с решающим голом Мартинеса Марселино в финале я просматривал не один раз. Бил нападающий не с

полутора метров, как казалось Яшину («Счастье трудных побед», 1985). Это не смахивало на оправдание ни по тону заметок о матче, ни по привычке – Яшин никогда не оправдывался. Такая аберрация встречается у непосредственных участников футбольных событий. Но я четко видел, что фланговый навес Хесуса Марии Переды был принят Марселино за границей вратарской. Не вышел Лев на перехват, как обычно поступал при таких обстоятельствах, потому что Альберт Шестернев, пытаясь выловить в воздухе мяч, вступил с испанцем в борьбу, а третий – вратарь – всегда в таких случаях лишний. Увы, форвард выиграл опережение, а вот почему Яшин на его кивок головой даже не дернулся, застыв статуей, для меня вопрос без ответа.

Удар головой Бобби Смита в «матче века» был, по-моему, сложнее. Этот, конечно, тоже не назовешь подарком, но секрет, видимо, таится не в общем рассуждении типа: такой матч, как в Лондоне, выдается раз в 100 лет – недаром окрещен «матчем века». Секрет в каком-то тонком нюансе. Говорят, защитник уже крикнул «играю!» – и, не исключено, вратарь мог расслабить внимание. В любом случае удар оставлял мало шансов для вратаря. Но ведь сам Яшин приучил нас удивляться не взятым мячам.

…Бывают ничем не примечательные для футболиста сезоны, проходящие без особых отклонений от нормы, без каких-либо всплесков положительных или отрицательных эмоций, когда и игрок, и его команда заканчивают футбольный год не со щитом и не на щите. Таким Яшину достался сезон 1965 года. Ни он сам, ни «Динамо», ни сборная СССР ничем выдающимся не отметились, но и не провалились. Нельзя же считать таким уж жутким провалом пятое место «Динамо» или поражение сборной, хоть и со счетом 0:3, но от кого! От заворожившей переполненные Лужники сборной Бразилии во главе с самим Пеле.

Яшин в этом матче не играл – еще не оправился от болезни, вратарскую позицию занял Виктор Банников, которого во втором тайме заменил Анзор Кавазашвили. На них с перспективой мирового чемпионата все пристальнее посматривал новый тренер сборной Николай Петрович Морозов, да и большинство отборочных игр с командами Дании, Уэльса и Греции ворота охраняли именно эти вратари. Но Морозов не скрывал желания быстрее задействовать Яшина, поскольку Банников его малость разочаровал. А при подготовке к отборочным встречам убедился в моральной цене основного вратаря, умевшего озонировать командную атмосферу. Как тренеру было не радоваться, что Яшин пренебрег «бюллетенем» и 20 дней сборов провел рядом с ребятами, помогая практическими советами и повседневной

поддержкой.

К отборочным играм Яшин был подключен лишь осенью на финишной прямой, которая и обеспечила путевку на финальный раунд в Англию. И совсем уж основательной проверке ветеран был подвергнут в очередном туре по Южной Америке. Когда Яшин оклемался, тренер облегченно вздохнул – предстояли игры с командами, на которых он собаку съел, тем более оба вратаря в московской встрече с бразильцами дали повод усомниться в их психологической устойчивости. А у Яшина, с нетерпением ожидавшегося за океаном, не наблюдалось бразильского, как и аргентинского, синдрома. Старый конь, всем известно, борозды не портит, и сборная с живой легендой «в рамке» свела обе встречи вничью (соответственно 2:2 и 1:1). Это был уже не победный 1961 год (сборная 1961–1962 годов многими нашими специалистами считалась очень качественной), и такие результаты на чужом континенте воспринимались одобрительно.

Хвори как будто специально отпустили Яшина к осени, чтобы подарить и ему, и сборной эту поездку, а подключился он к играм национальной команды в начале сентября, проведя первый тайм товарищеской встречи с футболистами Югославии. Мало чем примечательная встреча в политых дождем Лужниках (0:0) соответствовала промежуточности всего невыразительного сезона. Но моего друга, главного редактора белградского еженедельника «Фудбал» Джордже Палича всколыхнул в достаточно вялой игре объявившийся вдруг Яшин.

Как ни в чем не бывало, будто и не пропустил полсезона, он отразил пару очень грозных ударов. Во втором тайме у Кавазашвили уже не было таких трудностей, и Палич, не веривший, что тот мог парировать эти мячи, сказал мне: «Нам не повезло, что Яшин стоял в первом тайме. Если бы было наоборот, определенно увезли бы из Москвы победу». Через несколько дней, получив «Фудбал» с его обширным отчетом, прочитал дословно то же самое в резюме. А я со своей стороны убедился, что если летом 1966-го Яшин не разболеется, играть главные матчи своей сборной на чемпионате мира предназначено именно ему.

Разительный результат выявил и опрос, проведенный мной для справочника-календаря «Футбол. 1966», где 14 футбольным деятелям, тренерам, журналистам и «коллективному болельщику» (Клуб любителей футбола при Лужниках) было предложено предугадать нашу заявку на мировой чемпионат из 22 фамилий, выделив основной состав из 11. Яшин получил все 14 голосов в качестве основного вратаря. Морозов, уверившийся на полях Бразилии и Аргентины в «неиспорченности» заслуженного ветерана, не мог знать, как поведет себя его все

менее предсказуемое здоровье, поэтому, обремененный ответственностью, продолжал параллельно наигрывать других вратарей.

Отголоски «заболевания» Яшиным в Англии я сам ощутил там через три года после «матча века» – срок для футбола колоссальный, если принять во внимание, что какая-то пара матчей может сгубить репутацию, особенно вратарскую. Чемпионат мира-66 едва начался, Яшин (прибереженный Морозовым к главным схваткам) еще даже не выходил на поле, а его назойливо доставали журналисты со всего света и фаны даже вдали от шума городского, в уютном местечке Дарэм, где остановилась советская команда.

Там я был свидетелем показательной сцены. Закончилась тренировка, и Яшин вышел за ограду стадиончика – у него оставался пяток минут для встречи с женой, приехавшей в группе туристов. Но советского вратаря подкараулила, пожалуй, не стайка, а хищная стая местных мальчишек, по виду младшего и среднего школьного возраста, плотно прижала к красной кирпичной стене стадионной конторы и вынудила давать автографы. Яшин делал это не равнодушно-пренебрежительно, как иные величавые и неприступные чемпионы тех лет (сейчас смирились – это входит в рабочий регламент), а терпеливо-благожелательно, с фирменной своей, покоряющей улыбкой. Не уверен, что Валентина Тимофеевна помнит этот мелкий, но, по-моему, многозначительный эпизод, а я и сейчас вижу ее понимающий, но грустный взгляд – поговорить-то после месячной разлуки, связанной со сбором и ранним выездом команды на место, так и не удалось.

Подобные сцены приходилось наблюдать в разных странах и городах, да и у себя дома, когда спутникам приходилось подолгу, набравшись терпения, ждать Яшина, пока он не закончит раздачу автографов. Н.П. Симонян рассказывал, что однажды, спеша с Яшиным в гости, дожидался его на выходе из Лужников ровно 45 минут – целый футбольный тайм! «Извини, дружище, что поделаешь, отказать не могу», – только и произнес в оправдание. Я же хотел отметить тягу к нему именно на родине футбола, где чемпионат мира, по моим наблюдениям, вызывал интерес постольку, поскольку в нем играла и претендовала на «Золотую богиню» английская сборная. Остальные в силу культивируемого там десятилетиями комплекса национального футбольного превосходства мало кого занимали. И брешь в этом безразличии могли пробить лишь бразильцы во главе с Пеле (пока не оскандалились), уже в ходе чемпионата Эйсебио и, может быть, венгр Альберт, а в течение всего пребывания – один Яшин.

Морозов освободил возрастного вратаря от расхода нервов в менее значительных матчах предварительной группы, первом и третьем – со сборными КНДР (3:0) и Чили (2:1). Трудно сказать, как оценивался бы этот шаг в случае малейшей осечки, но он оказался удачным. А во второй игре, определявшей выход в плей-офф, на поле «Рокер парк» в Сандерленде появился Яшин. Противник был знакомый – сборная Италии, но «скуадра адзурра» была настроена как никогда агрессивно. Правда, урон она понесла от сборной СССР более плачевный, чем тремя годами раньше. Непопадание из предварительной группы в решающую стадию игр расценивалось на родине двукратных чемпионов мира как несмываемый позор.

Помню, как мои соседи по ложе прессы, пожилые писатели Лев Кассиль, Леонид Малюгин, Цезарь Солодарь синхронно глотали валидол – так велико было напряжение. Но оно будто не касалось Яшина – маститый вратарь проявил завидное хладнокровие. Обе команды играли в свою силу, правда, у нашей козыри были поярче – труднопроходимый оплот обороны Альберт Шестернев, разумно распоряжавшийся мячом Валерий Воронин и прежде всего Лев Яшин с Игорем Численко. Их взнос в минимальный выигрыш равной схватки (1:0) перевесил все итальянские контраргументы.

Участнику матча, одному из лучших защитников мира той поры Джачинто Факкетти (скончался в 2006 году президентом миланского «Интера») оставалось только грустно вздыхать: «Наша команда проиграла – не знаю, как точнее сказать – то ли из-за меня, то ли из-за Яшина. Я любил атаковать и вот прорвался к воротам, ударил сильно впритирку со стойкой. Мяч непременно должен был попасть в сетку. Как Яшин дотянулся, я понять не мог. И до того расстроился, что почти остолбенел – не мог играть несколько минут. Численко получил полную свободу и в это самое время забил мяч, решивший исход дела».

Факкетти привел этот эпизод, поскольку сам был задействован, но решающее влияние Яшина на ход и исход матча не ограничивалось одним эпизодом, и английская пресса уже в вечерних выпусках газет это подчеркивала. «Тайме» отмечала, что «как только итальянским форвардам удавалось выйти на свидание с Яшиным, у них начинали дрожать коленки».

Оказавшись в 1/4 финала, советские футболисты вновь использовали столь грозное оружие, временно припрятанное во время последнего группового матча, уже не имевшего спортивного значения в связи с досрочным выходом в следующий круг. Как можно было ожидать, появился в игре с командой Венгрии, еще недавно регулярным партнером на ежегодных

рандеву с советской сборной. Венгры до этого украсили мировой форум красивой и убедительной победой над самими бразильцами (3:1) в одном из лучших поединков турнира. Но у нас с ними сложились свои счеты, и при массе обоюдных ошибок, сборная СССР в очередной раз взяла верх (2:1).

Слово вратарей и здесь оказалось самым весомым и зримым. Один сплоховал, а другой выручил. Нет нужды смаковать очередные яшинские подвиги, но показательно, что британское телевидение в вечернем выпуске шесть раз показывало их подборку, не уставая сопровождать словами «лучший вратарь чемпионата мира». Хотя, чего скрывать, по окончании турнира вратарем № 1 в большинстве классификаций был признан англичанин Гордон Бенкс – может быть, потому, что был далеко не последним в рядах завоевателей «Золотой богини».

Тяжелые испытания ожидали Яшина в Ливерпуле, где 25 июля 1966 года на стадионе «Гудисон парк» состоялся полуфинал СССР – ФРГ. Уже выход советских футболистов на разминку сопровождался шумным скандированием: «Яшин! Яшин!» Но всерьез раззадорили публику 10 тысяч немецких туристов. Яростно, не жалея голосовых связок, они хором выкрикивали имя центрфорварда сборной ФРГ Зеелера: «Уве! Уве!» И тут мы, несколько советских журналистов, с боем взявших места в экспрессе Лондон – Ливерпуль (вытеснив, помню, из купе самого Пушкаша с парой спутников), услышали, как остальная, более внушительная «английская» часть старого, похожего на средневековую крепость стадиона, начала перекрывать хор этих, показалось, маложеланных гостей: «Яшин! Яшин!»

Еще больше всколыхнули трибуны самообладание и мужество нашего вратаря. Когда выбыл из строя травмированный Йожеф Сабо и был удален Игорь Численко, защита несколько растерялась. Лев Яшин как каменный утес принял на себя бушующие волны немецких атак. Один за другим он парировал опаснейшие удары Лотара Эммериха и Хельмута Халлера, даже с перебинтованной после столкновения головой отчаянно бросался в ноги Зигфриду Хелду и самому Зеелеру по прозвищу Бульдозер. «Дейли миррор» писала, что «немцы играли очень нервно против девяти русских и были не в состоянии сломить их дух и великолепие их вратаря Яшина».

В какой-то момент метрах в пятнадцати от наших ворот вдруг рухнул наземь Зеелер. Он оставался лежать, а отбитая атака стремительно покатилась в нашу сторону. Итальянский арбитр Кончетто Ло Белло почему-то игру не остановил, но Яшин без раздумий и оглядки на возможное взятие ворот ринулся оказать помощь сопернику. Потом ставшему, к слову, одним из самых

добрых зарубежных друзей Яшина, который до последнего времени не оставлял вниманием его вдову.

Жест поддержки соперника поднял на ноги весь стадион. У меня мурашки побежали по спине от гордости – чувства, которым не грешу. Но какую же еще реакцию могла вызвать эта бурная овация чужой публики с громовыми раскатами: «Яшин! Яшин!». После матча немецкие футболисты, забыв о своих грубых провокациях во время игры (хотя Численко не должен был отвечать), выстроились в очередь, чтобы пожать руку советскому вратарю, а Зеелер крепко обнял в порыве чувств. Пропагандистское клише советской прессы, как футбол укрепляет дружбу между народами, вдруг обрело осязаемые черты.

Наши проиграли 1:2, и «Тайме», не особо склонная к умилению, позволила себя величать Яшина «трагическим героем матча». Верно – с учетом не слишком заслуженного поражения его команды, да еще «наезда» тренера Николая Морозова, который вместо благодарности обвинил своего вратаря в мяче, пропущенном от Беккенбауэра (одна из чудовищных, больно ранящих несправедливостей, угнетавших Яшина, так что по этому эпизоду плачут «Ухабы большого пути», которые еще ждут читателя).

Лев Яшин во время матча ловит сложный мяч. 1966 г.

Полуфинал СССР – ФРГ обычно не включается в реестр яшинских матчей-откровений – может, действует далекое эхо проигрыша или беспардонного морозовского упрека, но

утверждаю (и в этом не одинок): уж в пятерку самых шикарных матчей Яшина он входит наверняка. Это такой же медицинский факт, как бронзовые медали английского чемпионата мира за четвертое место – самое высокое до сего дня достижение нашей сборной в главном турнире международного футбола. Жаль, что один из немногих матчей, в котором Яшин вывел сборную в качестве капитана команды (заболел Шестернев), был проигран в споре за третий приз португальцам (1:2).

Но и этот проигрыш оставил Яшину приятный след в образе друга до конца дней. Я говорю о «черной жемчужине» Эйсебио, который был очарован советским вратарем еще в совместных выступлениях за сборную УЕФА 1964 года. А в последующем не упустил ни одного случая, встречаясь с советскими футболистами или тренерами у себя или на других территориях, передать горячий привет Яшину, приезжал на его 60-летие и теперь, бывая в Москве, непременно навещает могилу незабвенного мастера.

«Когда-то Лев приглашал меня в гости, а я так и не выбрался, – сокрушался 67-летний Эйсебио в январе 2009 года, – теперь же я около него, как только оказываюсь в Москве. Хорошо помнит, как 25 лет назад в Лиссабоне мялся возле автобуса сборной СССР, стесняясь войти и нарушить тягостное молчание: гости только что проиграли (0:1) отборочный матч Евро-84 португальцам. Но все-таки решился подняться в салон и произнести: «Извините, что беспокою в такой неподходящий момент, но не так часто появляется возможность переслать дружеские чувства в Москву Яшину…»

В 60-е годы Лев Яшин покорил вдоволь международных вершин, и чемпионат мира в Англии, пожалуй, поставил точку, нет, восклицательный знак в этой впечатляющей серии. За четыре оставшихся года было сыграно немало матчей, закрепляющих его устойчивую репутацию, – и за «Динамо», и за сборную СССР, и за сборную мира. Когда он был в форме, снисхождения к возрасту Яшина никто не мог себе позволить – особых поводов не предоставлял. Но годы и болезни давали о себе знать чаще. 16 июля 1967 года Яшин последний раз вышел на поле в составе сборной. Это был квалификационный матч чемпионата Европы с футболистами Греции (4:0). На заключительные игры через год в Италию уже не поехал – здоровье подвело.

В эти последние сезоны Яшин «где родился, там и пригодился», то бишь своему клубу – помог ему дважды выиграть Кубок и серебряные медали первенства. На финише 1969 года и в стартовых матчах 1970-го даже отметился на прощание фантастическим результатом, отстояв 662 минуты подряд в первенстве страны, включая шесть полных матчей, без единого

пропущенного мяча.

Как и прежде, был все это время визитной карточкой «Динамо» за рубежом, одним своим выходом на поле поднимая гонорар за каждое выступление команды не меньше чем в два раза. Но это не значит – отбывал номер. До последнего шага на футбольной арене оставался Яшиным – ответственным и искусным вратарем. Уже не на голову выше других, но и никак не ниже. Никто ведь не заставлял ГД. Качалина включать его в сборную на мексиканский чемпионат мира 1970 года и дать шанс выхода на поле (отклоненный самим Яшиным). Никто не удалял его и из футбола, мог еще немного посторожить ворота, если б пожелал – игроцки был в порядке, подтолкнула, как признался мне в интервью, травма руки. А я думаю – еще и развернутая с 1968 года «Известиями» (инициатива неуемного Бориса Федосова) кампания по организации прощального матча, где была задействована ФИФА: не могла же подготовка к торжественным проводам продолжаться бессрочно. И все же Яшин сам, а не кто-то за него, решил – пора. А нам с читателями пора покидать «этапы большого пути» и внимательнее присмотреться к его ухабам, то и дело норовившим выбросить путника из дорожной колеи.

Глава шестая
Ухабы большого пути

Зарубки на сердце

Не сочтите за патетику, но сперва заговорю о служении Яшина футболу. Какая уж тут патетика, когда служение обернулось трагическим исходом. Толковать о служении театру опять-таки патетикой не считается, это в порядке вещей, а футбол не заслужил, хотя сравнением с театром дружно оперируют знатоки. Особенно настаивал на их сходстве Константин Бесков, и ему можно довериться как завзятому театралу, но не каждому театралу выпадают еще и многие десятилетия супружества с заметной актрисой, так что театральную жизнь он знал изнутри. Кто в ней участвует, никогда не обмолвится, что работает в театре, непременно объявит, что служит на театре – так принято выражаться в сценическом кругу. Но служить на театре теперь все реже означает служить театру, впрочем, во времена сериалов и антреприз остается пока еще достаточно чудаков, для которых сцена – святое.

Знавал святое отношение и футбол. Борис Аркадьев, Николай Старостин, Михаил Якушин, Константин Бесков, Игорь Нетто, Лев Яшин были, можно сказать, приговорены к футболу. Перечень неполный, но служение ему всегда было уделом немногих. Условное родство с театром не отменяет, однако, существенных различий. Одно из них – возраст исполнителей. Футбол куда моложе, а молодости свойственны и легкость в мыслях, и переменчивость увлечений. Посему многие из заслуженных и популярных футбольных имен в наш контекст не помещаются – затруднительно говорить о служении футболу Всеволода Боброва, Эдуарда Стрельцова, даже Андрея Старостина. В этом нет ничего обидного: не каждому футбольному супермену даны безраздельная верность своему призванию, повышенная ответственность за него, вечная, порой навязчивая охота обновлять, совершенствовать дело жизни. Служить делу ли, идее ли не означает быть непременно фанатиком, но упоенность избранным занятием полагается обязательно сопровождать щедрой отдачей всех сил без остатка. К кому, как не Льву Яшину, все это относится в полном объеме. Но служил он футболу необычно, по-своему, слишком уж затратно, и издержки оказались суровыми.

«В 1960 году сборная выиграла у поляков 7:1, преимущество было такое, что Яшин бросился-то за мячом всего два раза. А потерял за игру три килограмма», – не уставал удивляться Валентин Бубукин и объяснял почему: – Вот что Лев делал, по собственному признанию, во время матча. Выбивает из ворот

Кесареву, но не выключается из игры, а мысленно действует в роли правого защитника. Кричит: отдавай Иванову, дальше за Вальку делает пас Понедельнику и вместе с ним бьет по воротам. Потом отрабатывает в обороне, страхует партнеров. Центральный нападающий соперников выходит на хорошую позицию, мощно бьет, и Лева практически без движений забирает мяч. Пресса пишет: Яшин прочитал комбинацию и оказался в нужном месте! Но он не читал комбинацию, он в ней участвовал!»

Если рассуждать более обобщенно, Яшин, даже не вступая в игру непосредственно, всегда мыслями и чувствами ставил себя на место товарищей, возгласами корректировал их действия, словом, весь матч без продыха находился в работе. Яшинский способ существования в футболе не может обойтись без отдельного разбора, но его истоки тонко уловил Валентин Бубукин. Другие соратники Яшина тоже высказывались на эту тему, но именно он взял на себя труд сформулировать, в чем особая стать Яшина, выделявшая его из общего ряда не вратарей, а футболистов вообще: «Все мы – Стрельцов, Иванов, Месхи, я – играли, а Яшин жил футболом».

Яшин жил футболом, а футбол жил в нем, получил постоянную прописку в его душе. Не знаю другого, кто испытывал столько эмоций до и особенно после игры – положительных или отрицательных в зависимости от результата, от удовлетворенности своими действиями. Футбол не отпускал его зачастую и по ночам, вызывал от избыточных волнений бессонницу или, наоборот, солнцем являлся во сне. Что полностью, до краев поглотил его, говорить неверно, от этого можно было помешаться, а он принадлежал не только футболу, но и семье, друзьям, был большущий жизнелюб.

Как-то, отвечая мне, не сожалеет ли, что некому в семье передать футбольное наследство, сказал: «Слишком люблю своих дочек, чтобы жалеть о чем-то, да и если бы был сын, захотевший стать футболистом, я никуда бы от футбола не смог скрыться». Настолько сросся с ним, что футбол порой и вести себя стал как навязчивый родич, вторгающийся без стука. Люди, наблюдавшие его в дружеской кампании, замечали, как веселый и смешливый человек иногда вдруг замолкал, переставал реагировать на все вокруг. Это посещали его какие-то футбольные думы и тревоги. Футбол и на самом деле превратился для Яшина в родное, кровное, незаменимое дело, которому были отданы все силы дотла. Так и говорил: «Я отдал футболу все».

Лев Иванович ощущал вкус к этой беспокойной, полной тревог, но захватывающе интересной, достаточно веселой жизни. Вкус-то был приятным, да привкус горьким. Поражения

переносил крайне тяжело. Да что там поражения – почти каждый пропущенный мяч в серьезной игре мог обернуться беспокойной ночью, не говоря уже о лишних «беломоринах». Валентина Тимофеевна унимала как могла:

– Вы же все равно выиграли, что ты так терзаешь себя?

– Это полевые выиграли, а я-то проиграл.

В 1967 году, когда Михаила Якушина «бросили» на сборную, тренер, конечно, пригласил в нее своего давнего ученика. Но в товарищеской встрече со сборной Австрии в Лужниках (4:3) тот пропустил досадный гол. Прописная истина: удар в ближний угол должен вратарем браться, если он, конечно, не сумасшедшей силы с короткого расстояния. Но вышло по-другому, и Яшину свет стал не мил. Чтобы пригасить ни к селу ни к городу всплывшую впечатлительность своего любимца, Якушин даже звонил вечером ему домой:

– Лев, что ты расстраиваешься? Все в порядке, мы выиграли. И ты сыграл отлично… – однако не удержался и добавил: – Но на будущее запомни: ближний угол надо закрывать поплотнее.

И это напоминание только добило Яшина – он знал сию заповедь не хуже тренера, за очевидный ляп и судил себя. Вообще придерживался принципа: нет и не может быть строже судьи, чем ты сам.

Некоторые поражения надолго сохраняли тяжесть в душе. Были и такие, что двойную. Поздней осенью 1956 года проиграли «Локомотиву» – 1:7. Эта игра в промозглый мрачный вечер и у меня до сих пор вызывает содрогание: так жалко было Яшина, которому досталось и от чужих несколько тяжелых снарядов, и пара горьких пилюль от своих (Бориса Кузнецова и Евгения Байкова). До 1982 года, когда московское «Динамо» потерпело крушение в столкновении с минскими одноклубниками (0:7), это было самое крупное поражение команды в чемпионатах Советского Союза. Оно заронило кое-какие вопросы у некоторых болельщиков: динамовцы уже потеряли шансы на первенство, но второе место себе обеспечили, а «Локомотив», наоборот, стоял на вылет – победа ему была нужна как воздух.

В то время подозрения в договорных играх еще не овладели массами, но потихоньку стали проникать на трибуны. Впрочем, этот случай выглядел совсем неправдоподобно, поскольку поддельные игры не проигрываются столь позорно, достаточно отдать очки. Тем не менее на следующий день, вспоминает Валентина Тимофеевна, один ее сослуживец позволил себе пошутить:

– Яшина, какой толщины конверт вам вчера под дверь подсунули?

По простоте душевной она возьми и поделись со Львом этой глупой шуткой: «Как он взорвался! Это надо было видеть».

Я уже пытался просветить молодого читателя, не знающего, что тогдашняя пресса была скрытная и полунемая, ограничивалась счетом и несколькими строками комментария, а подробностями, как вот теперь, себя не утруждала, поэтому людям было невдомек, что Яшин вынужден был выйти на поле с махровой ангиной. Он намекнул тренеру на недомогание. Но Михаил Иосифович по каким-то таинственным причинам не отреагировал. Подвижность, потребная вратарю как воздух, оказалась ограничена – болела поясница. Почему-то двоилось в глазах при электрическом освещении. Однако сам придерживался твердой позиции: вышел на поле – играй, и никаких оправданий!

Никаких оправданий не хотел знать и в отношении этих треклятых договорных игр, хотя некоторые их закоперщики пытались что-то лепетать в объяснение. В 1969 году к концовке первого этапа «Динамо» почти обеспечило себе попадание из предварительной подгруппы в финальную пульку. За тур до промежуточного финиша команда занимала четвертое место, а борьбу за звание чемпиона предстояло продолжить первой семерке. Тем не менее поражение от «Нефтчи» при определенном раскладе могло вызвать подсчет мячей для распределения мест в таблице. Тогда группа игроков в полной тайне от тренеров сговорилась с бакинцами о ничейном исходе. По свидетельству Валерия Маслова, Яшин в известность поставлен не был. Первый тайм динамовцы выиграли 2:0, а во втором московские заговорщики «открыли калитку» соперникам, дважды выпустили их прямо на свои ворота, и команда «Нефтчи» добилась ничейного результата 2:2.

По словам Маслова, репутации Яшина ребята урона не желали, но ведь все одно – подставили. Кто из узнавших станет разбираться, был он в курсе или нет, да забыли еще о том, как Яшин казнит себя за каждый гол. Так произошло и в этой раз. Ветеран страшно горевал, что подвел команду, пока не узнал от Бескова, которому все открыл заинтересованный человек со стороны, что нашлись «сплавщики», угодившие, кстати, на гауптвахту (играя за «Динамо», они числились военнослужащими пограничных или других внутренних войск).

И после этого Маслов еще удивляется, что Яшин от него и Аничкина тогда отвернулся, а через год поверил Бескову, что эта «сладкая парочка» продала армейцам переигровку за первое место в Ташкенте. Полную неприемлемость «крапленого» футбола Яшин в 1972 году комментировал мне в таких хлестких, темпераментных выражениях, которые больше я никогда от него

не слышал. К концу 60-х, когда сдача матчей участилась, учащеннее забилось и это честное сердце, приняв добавочную нагрузку к обидным проигрышам и голам.

Зарубки на сердце оставляли, хотя были не больше чем исключениями, громкие поражения, за которые Яшин брал на себя вину, такие, как 1:4 в 1959 году от югославской «Црвены звезды» с «хет-триком» Боры Костича. Не мог простить себе и зевок осянинского удара метров с 30–35 в матче со «Спартаком» (1:4) 1970 года.

А чего стоило «раннему» Яшину удаление с поля в кубковом финале 1955 года против армейцев Москвы (1:2), когда замены еще не разрешались и «Динамо» весь второй тайм дрожало с полевым игроком (Евгением Байковым) в воротах! В концовке первой половины игры вратарь на ходу жестко встретил мчавшегося на всех парах Владимира Агапова, а тот театрально рухнул. Во всяком случае, так считали динамовцы. Пострадавший же от этого столкновения до сих пор ссылается в качестве опровержения на попадание в госпиталь. Динамовский кипер готов был поклясться, что умышленно не прыгал на соперника ногами, а такое злодеяние пытались вменить ему в вину. Однако, поставив «Динамо» в безнадежное положение, Лев проклинал себя, долго выходил из транса, с трудом принимая поддержку товарищей по команде. Навсегда запомнились ему, пусть и не были злыми, строки, прочитанные на следующий день в динамовском боевом листке «Штрафной удар»:

Кубок должен был быть нашим,
Но подвел товарищ Яшин.

Глубина переживаний вратаря за пропущенные мячи оказалась особенно близка Льву Кассилю, в чем он признался мне, когда познакомились во время совместной поездки. Как выяснилось, будущий писатель сам в юности, что протекала в Покровске Саратовской губернии, «стоял на воротах» – так это тогда звучало. Рассказывал, что, пропуская, как и Яшин, нелепые мячи, тоже не знал куда себя деть от стыда и обиды, а я невольно представил даже сходство их комплекции в футбольной юности – оба тощие, вытянутые, длиннорукие, длиннопалые.

Автор «Кондуита и Швамбрании», когда-то настольной книги каждого школьника, ныне, увы, совершенно забытой, без своих вратарских слез и грез, скорее всего, не создал бы романтический, намеренно освобожденный от столь близких автору треволнений образ «вратаря республики» в одноименной повести и знаменитом фильме (с усеченным названием

«Вратарь»). И без своего чуть грустного вратарского опыта, может, не влюбился бы в Яшина, тронувшего прежде всего тем, что играл сердцем, да не зазывал бы усиленно в гости к себе домой. Узрел в нем некнижный, реальный вратарский идеал, запечатленный в художественном очерке «Вратарь мира и «врата Рима», который был навеян яшинским матчем-шедевром 1963 года.

В Англии на чемпионате мира 1966 года Лев Абрамович светился от гордости за Яшина. На обратном пути в самолете я оказался рядом с ним и легендарным вратарем 30—40-х Анатолием Акимовым. Устали безмерно в аэропорту Хитроу маясь несколько часов в ожидании задержанного рейса, скрашенном, правда, нежданной встречей и беседой с легендарным бразильским тренером Висенте Феолой. Но только загрузились в родной «Ил», усталость как рукой сняли сладкие разговоры о футболе, обмен впечатлениями о грандиозном турнире. Фигурировал в них, разумеется, и Яшин – один из общепризнанных героев чемпионата и наш главный герой. Указывая на Акимова, Кассиль просвещал меня:

– Анатолий Михайлович знает, что Кандидова я в какой-то степени писал с него, вернее, присвоил своему вратарю некоторые Толины черты и привычки… – И мягко, но хитро улыбаясь продолжал: – Полагаю, что он не обидится, если теперь склоняюсь к тому, что меня осенило предвидение Яшина.

Акимов в ответ только произнес:

– Он действительно обставил всех нас.

Как мне тогда показалось, Яшин, неся многие черты Антона Кандидова, «вратаря республики», оказался дорог автору больше всего тем, что, в отличие от своего литературного героя, не был заколдован от пропущенных мячей и напоминал ему о реальных ощущениях собственной юности. Земной человек, «вратарь мира» допускал вполне земные ошибки, как никто, терзался ими и, в отличие от большинства коллег, винил обычно лишь самого себя. Ни один защитник не услышал от него упрека за роковой промах.

Казалось бы, Яшин вполне мог упрекнуть, скажем, центрального защитника Анатолия Башашкина, который в стартовом олимпийском матче 1956 года с объединенной командой Германии вдруг, против своих правил, пустился в авантюрное путешествие на чужую сторону поля. Яшин вслед выдвинулся к самой границе штрафной, но не успел оглянуться, как потеря мяча обернулась внезапным навесным ударом немецкого форварда прямо ему за шиворот, и счет вместо спокойного 2:0 превратился в нервный 2:1. Искренне переживавший опрометчивость своего необоснованно дальнего отрыва от ворот, Яшин на послематчевом собрании команды даже

поставил вопрос о доверии. Предложение о собственной замене не отдавало никаким кокетством, на которое он был совершенно не способен, лишь доносило, как обычно, до товарищей и тренеров то, что на самом деле думал. Впрочем, «парламентское большинство» гневно отвергло это самобичевание – команда ему полностью доверяла.

Среди многих эпизодов подобного толка меня особенно впечатлил случай, рассказанный Эдуардом Мудриком. В 1959 году его, 20-летнего, только начали осторожно подпускать в основной состав «Динамо», где первую скрипку давно уже играл 30-летний Яшин. И вот в матче с ростовским СКВО новичок, не оглянувшись, отдает мяч назад вратарю, а того в воротах след простыл, и «Динамо» получает конфузный автогол. После игры маститый голкипер успокаивает донельзя расстроенного юного собрата и полностью берет вину на себя – раз не предупредил, что изменил позицию. Но одно дело признаться наедине, другое – на людях. Динамовский неофит, уже начавший привыкать к тому, что каждый старается по возможности выгородить себя перед руководством, был особенно потрясен, когда на «разборе полетов» футбольный гранд повел себя совершенно противоположно такому обыкновению. Тренер Якушин буквально вцепился в него клещами:

– Лев, ты крикнул Мудрику что вышел из ворот?

В ответ живой классик не стал ни врать, ни изворачиваться, а, лишь чуть помедлив, честно признался:

– Нет, не кричал.

Как вспоминает Мудрик, его больше взволновало тогда не прилюдное оправдание со стороны беспощадного тренера, а «то, что прославленный вратарь так просто и буднично признался в своем промахе. Лев посчитал недостойным защищать себя в расцвете славы перед начинающим молодым парнем. И, возможно, неосознанно дал себе слово, что умру теперь на поле за Яшина и впредь буду так же, как он, честен и искренен, как бы ни страдало мое самолюбие».

Но и прямая вина полевого игрока, особенно молодого, не вызывала гневную реакцию именитого вратаря. Владимир Рыжкин, Александр Соколов, Владимир Кесарев могли на виновника нашуметь, Лев Яшин или Борис Кузнецов – никогда. Лев только посмотрит на бедолагу с грустью, но пониманием, да крикнет: «Ребята, играем!» и виноватые вместе с правыми как на крыльях несутся вперед. В матче 1959 года с «Зенитом», когда ленинградский защитник Владимир Мещеряков съездил юному Толе Коршунову по ногам, тот ненадолго отошел назад зализывать раны, физическую и моральную, и в какой-то момент

неудачно откатил мяч Яшину: перехват Бориса Батанова привел к нечаянному голу. Но спокойная реакция на нелепый промах и знакомый призывный клич вернули команде самообладание и вдохновение, а с ними и убедительное преимущество – 4:1. К себе лидер команды относился заметно строже.

Глядя на Яшина сразу после пропущенного гола, внимательный наблюдатель безошибочно понимал, как он недоволен собой, как страдает. Но эти вжатые плечи, опущенная голова, ссутуленная походка уже через считанные секунды сменялись выпрямленной фигурой, свежими движениями, новой энергией, потому что игра на этом не кончалась и надо было выправлять положение. Самоосуждение, однако, зачастую возобновлялось позже, особенно ночью после игры, пока не поглощалось новыми тренировочными буднями. Обостренное восприятие собственных оплошностей не проходило бесследно. Взваливая на себя многие грехи, свои и чужие, он изводил свои нервы вдвойне.

Чувство вины за пропущенный мяч, застряв где-то в глубинах сознания, могло вернуться к Яшину и спустя годы. Через много лет после наделавшей шума победы сборной СССР над чемпионом мира – командой ФРГ (1955) он приписывал себе по крайней мере один пропущенный мяч, хотя дотошные немецкие и другие зарубежные эксперты давно сняли с него эту вину доскональным разбором результативного удара Ханса Шефера. Пробитый под очень острым углом, это был, оказывается, чуть ли не первый в серьезной международной практике сильно подкрученный мяч, направленный под острым углом. Но Яшин все равно стоял на своем, полагая, что был обязан встретить готовностью и такое коварное новшество.

Самую болезненную рану за все два десятка лет в футбольных воротах нанесла ему злобная реакция болельщиков, когда он был назначен главным ответчиком за досрочный вылет сборной СССР с чилийского чемпионата мира 1962 года. К злобе людей, позволивших охмурить себя этим верховным приговором, был совершенно не готов.

Вся команда отправлялась из Чили в удручающем настроении, но, пожалуй, один Яшин корил себя персонально. Впрочем, как обычно. Собравшаяся в аэропорту Сантъяго толпа местных фанов, хоровыми здравицами и самодельными плакатами славивших вратаря, в их глазах непревзойденного, не внесла успокоения в мятущуюся душу. Но каким контрастом выглядела во Внуково агрессия группы отечественных болельщиков, явившихся в «аэропорт прибытия», несмотря на ночное время, чтобы засвидетельствовать свою ненависть. Они не

остановились перед хулиганством, когда кто-то даже пытался ударить недавнего кумира. Яшин был потрясен. Именно там, в аэропорту, впервые услышал, что кругом виноват он и только он.

Поношение продолжалось на стадионе перед первым домашним матчем, даже до появления на глазах зрителей. Не успел диктор произнести его фамилию при объявлении состава «Динамо», как раздался оглушительный свист, продолжавшийся при выходе из тоннеля и любом касании мяча вратарем. Обычно шум трибун был для Яшина неразличим, а тут он явственно уловил визгливые выкрики: «С поля!», «На пенсию!», «Яшин, иди нянчить внуков!» Обструкция повторилась и во второй игре, и в третьей. Злыдни начали распевать на трибунах издевательскую песенку: «Леву в Чили научили, как стоять разинув рот…»

Никакого покоя не было и дома. Чего он только не натерпелся – находил в почтовом ящике подметные письма, выслушивал угрозы по телефону и звон разбитого окна, видел грязные ругательства, нацарапанные на корпусе автомобиля. Каково было выносить человеку всю эту вакханалию ожесточенности! Хотя позже мне вспомнилось вдруг и сальниковское «Лева же человек понимающий!»: судя по интервью для календаря-справочника «Футбол. 1979», он пытался амнистировать неблагодарных болельщиков («На людей я не в обиде – их тоже можно понять»). А тогда, униженный и оскорбленный, Яшин хотел было все бросить к чертовой матери, покончить с футболом раз и навсегда. Но все же одумался: как можно вот так, вдруг, на полуслове оборвать дело, или, скорее, любовь всей жизни?

Яшин нашел понимание в лице динамовского тренера той поры, матерого футбольного волка Александра Семеновича Пономарева. Тот счел нужным даже заглянуть к нему домой, чтобы на пару с Валентиной лишний раз успокоить издерганные нервы чуть ли не «распятого» вратаря. Яшин уже от людей шарахался, бирюком, по собственным словам, сделался. Александр Семенович посоветовал скрыться из Москвы, найти успокоение где-то в глуши. Лев лечил себя любимой рыбалкой. Мало-помалу отходя от невыносимых душевных мук, в один прекрасный, действительно прекрасный летний день вдруг сорвался с места «временного пребывания», сел в свою «Волгу», помчался в Москву и направился прямо на «Динамо», к Пономареву:

– Хочу играть!

– Давай, раз хочешь, приступай к тренировкам.

Чтобы не произошел рецидив нервного срыва, Пономарев поначалу избегал выпускать его на поле в капризной Москве.

Яшин появился из «небытия» в Ташкенте, потом в Ленинграде и Тбилиси. В столице же 33-летнему ветерану приходилось снова начинать с дублирующего состава – как в молодости трястись в неказистом автобусе по раздолбанным дорогам Подмосковья, где в то время обычно выступал дубль, после стадионов-гигантов в иноземных мегаполисах вернуться на примитивные стадиончики с деревянными лавками, вытоптанными полями почти без травы и тесными раздевалками без горячей воды.

Еще раз добрым словом надобно помянуть Александра Семеновича. Он наставлял своих защитников: «Берегите Леву, не давайте бить – к нему обязательно должна вернуться уверенность». И она вернулась. Но чего это стоило – чтобы окончательно войти в норму и появиться на поле в Москве совершенно успокоенным, пришлось ждать и терпеть с июня до начала сентября. Затяжного стресса такой силы, как жарким летом 1962-го, Яшин больше не испытывал, но моральных ударов помельче, копившихся, чтобы взорваться позже необратимой потерей здоровья, – сколько угодно.

Новая напасть подкралась уже на следующий сезон, невзирая на то, что он был самым удачным, самым громким в карьере. Конфузом для недоброжелателей, спешивших отправить «старика» на покой, обернулся 1963 год, когда большинство игр за «Динамо», как мы уже знаем, Яшин отстоял без голов и даже тени нареканий. Его нехотя вернули в сборную, но в сентябрьской встрече с Венгрией (1:1) произошла осечка (не среагировал на катящийся низовой мяч), пропущенный гол дал повод для отстранения от очень важного матча на Кубок Европы с Италией. В Москве ворота защищал Рамаз Урушадзе, готовился он и к ответной игре в Риме.

Зарубежная печать никак не могла взять в толк, почему Яшин вынужден был уступить свое законное место в сборной СССР, да еще совершенно незнакомому дебютанту. Комментаторы терялись в догадках – от «казни за неудачу в Чили» до чудачества нового тренера сборной Константина Бескова. Тот на пресс-конференции перед московским матчем, отвечая на вопрос корреспондента итальянской «Гадзетта делло спорт», лукаво объяснил отсутствие Яшина его физической и особенно нервной перегрузкой в чемпионате страны. Игроки сборной СССР шушукались между собой, что, видно, «Лева выдохся», некоторые из них предрекали, что его время кончилось. Во всяком случае, Яшин не привлекался к тренировкам, даже не показывался на базе. И вдруг как гром среди ясного неба: Яшин едет в Лондон на «матч века» играть за сборную мира. И возвращается оттуда на коне. Валентин Иванов мгновенно реагирует репликой Виктору Шустикову:

– Ну, Витек, теперь будешь прикрывать грудью Яшина.

– Думаешь, его вернут?

– Пусть попробуют не вернуть…

На сборе перед поездкой в Рим первым, кого увидел Шустиков, был Яшин, прибывший, оказывается, накануне.

– Уже успел потренироваться, – довольно улыбался он. Вел себя по обыкновению сдержанно и спокойно, как будто вся эта шумиха вовсе не его касалась.

О том, что происходило в эти горячие денечки сентября – ноября 1963-го, с возмущением рассказывал мне три года спустя Николай Озеров. Дело было в Лондоне на следующее утро после поражения советской сборной в полуфинале мирового первенства от команды ФРГ. Повод для озеровского возбуждения дал тренер наших футболистов Николай Морозов, публично обвинивший Яшина за мяч, забитый с довольно приличной дистанции Беккенбауэром. Несправедливости этого выпада подивилась тогда вся английская, и не только английская, пресса. Группа наших отборных специалистов, присутствовавшая на чемпионате, тоже решительно не согласилась с оценкой тренера. Мяч взять было невозможно Удар был тот еще. Как сейчас вижу, сидя на трибуне ливерпульского «Гудисон парк», загадочную траекторию мяча – словно бандит, вырвавшийся из-за угла, он вдруг отклонился в полете от первоначального направления и завернул в правую от Яшина «девятку». Совсем еще недавно мы иногда видели приблизительно такие удары в исполнении Роберто Карлоса. Так вот, кляня Морозова на чем свет стоит, Озеров в необычайном волнении тогда выпалил:

– Они опять взялись за свое. Я был в Чили и все видел своими глазами, но Чили им было мало. Ведь все повторилось на следующий год. Знаете, что произошло? Когда без Яшина обыграли итальянцев в Лужниках, собрался верховный синклит, и Гранаткин спросил Бескова, нужен ли ему Яшин для ответной игры в Риме. А если не нужен, пусть собирается в Лондон играть за сборную мира – получено, мол, приглашение. Хотя позже Бесков придумал, что берег его для ответного матча в Риме, ответ был ясный и недвусмысленный. И Яшин отправился в Лондон. Ему, видите ли, давали возможность достойно завершить карьеру. Но после Лондона не взять его в Рим было уже невозможно. Прошло три года, а он все еще никак не «завершит»… И вот снова попал под обстрел. Закулисные игры вокруг такого человека мне противны!

Этот инцидент напомнил, сколько же раз Яшина списывали… И в первой половине 60-х, и во второй. В 1965 году в аэропорту Цюриха его узнал какой-то пассажир, выразил восхищение, взял

автограф и сказал:

– На будущий год во время чемпионата мира устроюсь у телевизора и буду смотреть все матчи подряд.

Яшин тяжело вздохнул:

– Я тоже.

Особенно не верил, что его возьмут, тем более что немного прихварывал. Но Морозов изрек:

– Как же не воспользоваться тем, что у нас в воротах два Яшина? Первый – он сам, второй – его фамилия.

Тренер советской сборной имел в виду, что соперника может остановить не только мастерство вратаря, но и откровенная боязнь опростоволоситься в дуэли с ним, психологическая неуверенность атакующих, внушаемая звучной репутацией Яшина. Что не помешало сгоряча, без всяких оснований, напуститься на вратаря, сумевшего действительно отличиться на мировом форуме в 37(!) лет.

Переиначивая Окуджаву, который вопрошал, «за что же Ваньку-то Морозова, ведь он ни в чем не виноват…», в свою очередь спросим, за что ж другой Морозов – Яшина, ведь он ни в чем не виноват? Сам вратарь на этот раз считал, что чист перед своей совестью и перед командой, а это верный признак невиновности, если он всегда был готов поедом себя есть за малейшую оплошность.

Вот этот гол в описании самого Яшина: «Беккенбауэр с мячом неспеша продвигался к нашим воротам, высматривая по пути, кому бы повыгоднее отпасовать. Он не мог решить этого, поскольку все партнеры были прикрыты. Я низко нагнулся и с трудом сквозь мелькавшие просветы в частоколе ног старался не упускать его из виду. И все-таки, к несчастью, в решающий момент, в момент удара, Беккенбауэр оказался скрытым от меня игроками, и я увидел мяч, летящий в угол, слишком поздно. Такова правда об этом голе, вызвавшем слишком поспешные суждения».

Взамен огульных упреков, столь для нас типичных, пытались скрупулезно разобрать этот эпизод и въедливые, всегда стремившиеся докопаться до сути комментаторы еженедельника «Франс футбол», потому и заслужившего высокую репутацию в мире спортивной журналистики. Перед вами отрывок из стенограммы «круглого стола», состоявшегося в редакции, когда уже улеглись английские страсти, – в сентябре 1966 года.

«Жак Ферран. Не кажется ли вам, что вратари часто испытывали трудности, оказываясь позади очень массивной, сгруппированной защиты? Прежде чем говорить о недостатках вратарей, я думаю, надо констатировать дополнительные

трудности, те, что нередко возникали у них по вине собственных защитников.

Робер Вернь. Это одно из досадных последствий футбольных перемен. Второй гол, пропущенный Яшиным в игре с немцами (он не увидел удара Беккенбауэра из-за толпы мечущихся перед воротами защитников), – самый наглядный пример».

Не могу пройти и мимо оценки британского журналиста Брайана Гленвилла, многие годы известного всему футбольному миру по глубокому проникновению в смысл великой игры. Работая над документальным фильмом о чемпионате мира-66 (помню, представлял его в московском кинотеатре «Спорт»), он несколько раз специально просмотрел кадры, зафиксировавшие с разных точек второй мяч в ворота сборной СССР, чтобы тщательно разобраться, насколько заслуживал упрека Яшин. И вот что написал в результате «собственного расследования»: «Для меня бесспорно, что Яшин не виноват. Он с опозданием рванулся к штанге, думая, что мяч пройдет мимо. Но никак не мог видеть полета мяча, закрытый своими и чужими игроками, и этот запоздалый рывок доказывает скорее его блестящую интуицию, но не ошибку».

Шлея, видно, попала Морозову под хвост после обидного поражения, надо было по обыкновению на кого-то свалить вину, вот тренер и возвел поклеп, но, оказавшись со своим поспешным мнением в полном одиночестве, позднее, анализируя результаты чемпионата, дал задний ход: «Яшин подтвердил еще раз репутацию сильнейшего вратаря мира». Правда, впрямую и не подумал извиниться за то, что оболгал «магистра ворот», «непревзойденного стилиста вратарского искусства». Так называл его в своей статье Гленвилл, по итогам чемпионата ставивший Яшина выше своего соотечественника Гордона Бенкса. Фернандель, как прозвали Бенкса за сходство со знаменитым французским киноактером, сыграл фактически без помарок, но, прав Гленвилл, «не испытывал такого давления в экстремальных ситуациях».

Многочисленные письма поклонников великого голкипера

«Магистра» столько раз разлучали с футболом, что даже УЕФА ввели в заблуждение: он получил приглашение на… матч ветеранов Югославия – Европа, в котором, разумеется, предусматривалось выступление лишь тех, кто уже повесил бутсы на гвоздь. Но в мае 1970 года вместо Белграда Яшин отправился в составе советской сборной на чемпионат мира в Мехико, а вернувшись, успел еще выиграть с «Динамо» Кубок СССР. Начал свой триумфальный путь с кубковой победы, ею же и завершил, продержавшись целых семь лет после распоряжения то ли партийных, то ли спортивных верхов «отпустить» его на «матч века» для увенчания карьеры.

А в Мехико уже не выходил на поле, но нервничал не меньше, может, и больше, правда, не выпускал свои волнения изнутри, напротив, старался как мог поддержать ребят, поднять настроение, успокоить. Хлопотал вокруг них как наседка. Он-то в этой шкуре бывал не раз, как было не понять ребят в осознании своей чрезвычайной ответственности, да еще раздутой

привычными накачками по-советски. Как было не ощутить себя на месте Валентина Афонина, который за нелепую, но решающую, обернувшуюся голом оплошность (прекратил борьбу, когда показалось, что мяч вышел за лицевую линию) получил на орехи тут же после обидного поражения (0:1) в четвертьфинале от Уругвая.

Яшин, сам в 1962 году поставленный в позу виноватого, после начальственной истерики, обрушенной на голову бедного Афонина, заснуть не мог. Был уверен, что тот тоже не спит и глубокой ночью постучался к нему в номер с бутылкой водки. Лев Иванович был единственный, кто пытался встряхнуть, ободрить человека, избранного козлом отпущения. Ему суждено было страдать не только за себя – и за других штрафников жестокого мира футбола.

Сами видите, футбольная магистраль, по которой двигался Яшин, не была гладкой и ровной наподобие немецкого автобана, изобиловала рытвинами и ямами, как и полагается российским дорогам. Помимо злополучных матчей да злокозненных нападок, и другие беды не обходили его стороной. Яшин вовсе не отличался богатырским здоровьем, годами страдал от язвы двенадцатиперстной кишки, да и сердце иногда пошаливало. Отменная тренированность, постоянная мышечная готовность еще с довоенного детства, когда только и делал, что бегал, прыгал, скакал, взбирался на деревья, во что только ни играл, уберегли от распространенных футбольных травм типа растяжений и разрывов мышц, менисков и вывихов, больше свойственных, как полагал Яшин, выходцам из ухоженных дворов, еще и прохлаждающимся на тренировках. Но отчаянная смелость в ожесточенных противоборствах не могла уберечь его от шести сотрясений мозга с потерей сознания, когда приходилось покидать поле на носилках, а уж ушибов, кровоподтеков, трещин, переломов было не сосчитать.

Валентине Тимофеевне до сих пор кажется, что не прошли даром бесконечные падения не столько в матчах, сколько на тренировках, и удары мяча, которые приходилось принимать на живот, хотя Лев успокаивал ее, что принимал на руки и старательно при этом демонстрировал свой мощный пресс: «Его и пуля не пробьет». Но недаром Валентина всего единственный раз посетила тренировку мужа и ушла в слезах, а больше видеть безжалостное истязание родного человека перекрестными убойными ударами с самых близких расстояний оказалась не в силах.

Беззащитность совсем незнакомых, даже иностранных голкиперов, распластанных в ногах у яростных форвардов или

под грудой навалившихся тел, всегда приводила ее в отчаяние. Она не могла избавиться от ощущения жестокости и опасности дела, которым занимается муж. Знатоки и не особенно это ощущение оспаривали, но, увы, постфактум, когда помочь уже было нельзя: да, его тело получало такие перегрузки, что внутренние органы стали сбоить.

Сложилось впечатление, что все свои долгие годы в футболе Яшин не переставал быть пациентом спортивных врачей. Не говоря уже о том, что из-за проклятой язвы вынужден был терпеть боли, сидеть то на диете, то на лекарствах, медикам и ему самому приходилось постоянно сталкиваться с очень сильным, более заметным, чем у других, предматчевым волнением, придумывать, как снимать эмоциональное напряжение. На него хорошо действовали и были прописаны прогулки по лесу да рыбалка, если, конечно, представлялась возможность. В любую поездку брал с собой снасти. Отправляясь за рубеж, тут же начинал искать в незнакомом городе какой-нибудь водоем поблизости от гостиницы.

Успешно отвлекали его от тяжких предыгровых дум и всякие юморные истории, шуточные стихи, дворовые и так называемые блатные песенки, вроде тех, что вспоминают со слов дедушек и бабушек участники популярной телепередачи «В нашу гавань заходили корабли». Знаменитый спортивный врач Олег Белаковский, когда работал с футбольной сборной, специально травил ему всякие байки. Лева очень любил и всегда просил его напеть песенку «Маруся отравилась», начинал хохотать с первой строфы:

Мотор колеса крутит,
Кругом бежит Москва.
Маруся в анституте
Селкифасовскова.

Яшину и самому по себе, и при помощи таких успокоительных ухищрений медиков удавалось сбрасывать нервный груз и выходить на матчи, тем более суперважные, неизменно свежим и сосредоточенным. Он был всякий раз готов для сурового сопротивления, при этом совершенно себя не щадил, то извлекая мяч из клубка тел, то бесстрашно кидаясь в ноги головой вперед, как его учили, а не ногами, как позже стало принято.

В олимпийском Мельбурне блестяще сыгранный полуфинал с болгарами закончил с травмой плечевого сустава, по всем признакам не должен был выходить на финал с Югославией, но

затверженно повторял: «Играть буду!» Постарались, конечно, врачи – сделали блокаду, перед игрой наложили тугую повязку. А Гавриил Дмитриевич Качалин по Левиной решимости понял: не подведет. И не подвел.

На чемпионате мира 1958 года получил в стартовом матче с Англией такой удар ногой по голове, что впору было отправлять в клинику, а он, еле придя в чувство, отбивал мяч за мячом, стойко держался и в следующих встречах, а в переигровке за выход в четвертьфинал с теми же англичанами ему опять так досталось от бесцеремонных британских силовиков, он был настолько измучен, что на какой-то миг потерял ощущение реальности и спросил: «Мы выиграли?»

За три дня до незабываемого матча 1963 года на Кубок Европы в Риме у Яшина подскочила температура почти до сорока. Докторам удалось сбить жестокую простуду, а ослабевший от нее больной на утренней разминке в день игры вел себя как ни в чем не бывало и первыми же движениями убедил Константина Ивановича Бескова в своей готовности, чтобы вечером в игре творить просто-напросто чудеса.

Таких исцелений, достигнутых, возможно, больше силой воли, чем хлопотами врачей, и накануне матчей, и во время самих игр (а замены тогда не разрешались), набралось у Яшина как ни у кого другого, но все эти акты мужества по сумме своей зашкалили, видимо, за разумную черту и аукнулись в будущем серьезными проблемами для организма.

В подобных случаях неизбежен вопрос: ради чего гробилось здоровье? Сколько существует спорт высших достижений, столько времени об этом спорят, а сейчас, в связи с темой допинга, особенно. Охотно поливают и прежнюю власть, выпивавшую из чемпионов и рекордсменов все соки ради победоносного доказательства наших социальных и национальных преимуществ. Она, власть, конечно, не пеклась о последствиях для их здоровья, а самим молодым людям и в голову не приходило задумываться об этом, загадывать наперед. И не ради денег корячились, да и какие это были деньги – сущие гроши, которые и сравнивать не приходится с заработками самых захудалых игроков сегодняшнего дня.

В системе координат футболистов 50-х, разумеется, находилось место и для забот о хлебе насущном, были среди них и финансово озабоченные, и коммерческие гении, но футбол, мяч, престиж страны, клуба, да и свой собственный, как правило, заслонял остальные мотивы. Однако и при таком соотношении стимулов окружающие только дивились бескорыстию Яшина.

Сам он с ностальгией вспоминал 50-е годы, когда в футболе

еще не свили гнездо деляческий подход к игре, сухой расчет, рабское преклонение перед его величеством очком. О договорных матчах пока не было слышно, футболисты в большинстве своем были спортсменами по складу души, беззаветно отдавались игре даже тогда, когда исход поединка был ясен. Каждый, наверное, возносит время своей молодости, но у Яшина были все основания, пусть и немного идеализируя противоречивые 50-е, нахваливать их: «Игра в полную силу была священным законом и нашей команды, и всего нашего футбола». В самом деле, с сегодняшним футболом не сравнить: забив гол, обороты не сбавляли и игру не засушивали. Спортивность была превыше бухгалтерских выкладок.

Яшин был так воспитан, что считал за честь постоять за страну. Валентин Бубукин, поражаясь необычайной его искренности, подметил, что футболисты как правило стеснялись высоких слов, «а у Левы получалось естественно… Сядем у меня на кухне, выпьем, я и спрашиваю, что было для него главное, когда играл. И он не в микрофон, не для статьи, а похрустывая огурчиком под водочку, говорил:

– Прежде всего прославить Родину надо, чтоб все знали: Советский Союз – это сила. И, конечно, общество – чтоб «Динамо» звучало. А уж напоследок – что мне перепадет там».

Яшин вообще-то не любил пафосных слов типа «честь», «совесть», но без этих понятий невозможно представить лексикон его действий и поступков. Делать свое дело честно, на совесть означало для него не только всецело владеть профессией, но и биться на поле, не жалея ни ног, ни рук, ни живота своего – по крайней мере, в обыденном, прямом смысле слова, на который кивала Валентина Тимофеевна.

И никуда не деться от того, что в конце концов определенно накопилась физическая и нервная усталость от нескончаемых тренировок и игр, включая совсем не обязательные матчи, а участие Яшина, как уже осведомлены читатели, было непременным коммерческим условием зарубежных приглашений «Динамо» и случавшихся время от времени гастролей сборной. Особенно доставалось от сверхнапряжения ответственных турнирных игр. А разве не сказывались бессонные ночи, когда не давали покоя явные и мнимые ошибки? В последние годы жизни перенес инсульт и два инфаркта, заметно ухудшилось зрение.

Погрузившись с головой в любимый футбол, рвал сердце, тело, сжигал себя. Но очень скоро понял, что еще хуже тишина на пепелище.

Неприкаянность

Они выдались особенно тяжелыми, последние 10–15 лет. По существу, Яшин оказался не востребован родным «Динамо», которому был предан до конца дней своих. Закончив играть, он на пять лет остался начальником динамовской команды, затем недолго работал заместителем начальника отдела футбола и хоккея Центрального совета «Динамо». Отношения с председателем ЦС, будущим главой московской милиции и заместителем министра внутренних дел СССР генералом П.С. Богдановым постепенно портились. Что было тому причиной, окутано пеленой тумана. Сам Лев Иванович, не привыкший жаловаться, на больную тему не распространялся. Может быть, поэтому не осведомлены об этом даже близкие друзья и коллеги, которых я расспрашивал. Общей в их ответе на мое наивное недоумение, как можно было невзлюбить такого человека, оказалась крайне нелестная оценка главы «Динамо», особенно в сравнении с предыдущим председателем Центрального совета А.П.Куприяновым. В прошлом неоднократный чемпион СССР по велосипедному спорту, тот хорошо понимал и опекал спортсменов. Этого-то не хватало властолюбивому, сухому аппаратчику Богданову.

Помню, тогда, весной 1975 года, в околофутбольных кругах шептали друг другу на ухо, будто Яшина убрали из команды то ли потому, что возложили ответственность за трагическую гибель молодого нападающего Анатолия Кожемякина (полугодом раньше его раздавило лифтом), то ли потому, что в дни предсезонного семинара начальников команд в Сочи Льва Ивановича как-то видели «подшофе» (в те годы разворачивалась очередная кампания борьбы с пьянством). Но не будем путать поводы с причинами. Что же могло стать для генерала причиной отрешения Яшина от должности?

Футбольные ветераны преподнесли мне по меньшей мере три версии размолвки с печальными последствиями для Яшина. Одна из них сводилась к тому, что Богданов опасался за свое кресло. Авторитет и толковость Яшина действительно открывали ему перспективу продвижения по служебной лестнице, подкрепленную окончанием в 1972 году престижного по тем временам вуза – Высшей партийной школы (ВПШ). Председатель Спорткомитета СССР С.П.Павлов, один из самых умных руководителей, каких знало это ведомство (хотя бывший 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ был известен и своими комсомольскими закидонами), предлагал ему должность начальника Управления

футбола в главном спортивном ведомстве страны. Лев Иванович отказался – то ли понимал, что значит быть под постоянным стрессом и каблуком высокого начальства, то ли не считал себя готовым к такой неблагодарной работе, полной еще и чиновничьих интриг. Человеку из высшего игроцкого эшелона об этом трудно было не догадываться, а кое-что и достоверно знать. По причине ли отказа, по другой ли, Павлов свое предложение не возобновлял.

Яшина прочили даже на забронированное за СССР (а ныне утерянное Россией) место вице-президента ФИФА взамен возрастного, полуопального ВАТранаткина, который сам же и называл Льва Ивановича в качестве своего преемника. Но эта идея быстро испарилась. Почему, точно установить не удалось. Кто говорит, что возражал президент ФИФАЖоао Авеланж, желавший сохранить в руководстве организации советского ветерана, опытного и авторитетного в международных футбольных кругах. Другие указывают на то, что Яшин был начисто лишен чиновничьих замашек, и его кандидатура была отведена в наших коридорах власти. Если так, вхожий туда Богданов должен был это знать, а столь матерому сановнику полагалось понимать, что Яшин никакой не конкурент и с его стороны вряд ли могла исходить угроза восседанию на хлебном месте. Так что эта версия маловероятна.

Вторая, более правдоподобная версия вытекает как раз из главного отличия Яшина от закоренелых бюрократов с их лизоблюдством и привычкой угождать начальству. Говорят, генералу были не по душе его независимость, прямота. Вполне допустимо предположение, что, отстаивая интересы футболистов «Динамо», начальник команды говорил шефу правду в глаза, а это не нравилось даже при той корректности и взвешенности выражений, которая с годами все больше отличала Яшина, приученного к дипломатии в диалогах с тузами самой жизнью. К дипломатии лишь в словесном преподнесении, поскольку, не стану спорить с Якушиным, «он не был дипломатом – что думал, то и говорил. Иногда очень резко». Но это в период работы с Михаилом Иосифовичем. Позже, по свидетельству очевидцев, получился для пользы дела выбирать выражения и варьировать тональность.

Наконец, толчком для обострения отношений с Богдановым была восприимчивость чуткого начальственного уха к наговорам и наветам со стороны особо приближенных, а одним из них оказался бывший партнер вратаря, средний футболист, выбившийся в средние начальники. Он завидовал положению Яшина и желал его смещения, чтобы самому занять это место,

поэтому всячески науськивал председателя ЦС. Долго уговаривать не пришлось.

Яшин безумно раздражал Богданова своей популярностью, в то время как собственная была нулевой, а шеф не желал понимать, что это вполне естественно. Когда им вместе случалось появляться на людях – здесь ли, за границей, все внимание поглощал Яшин, к нему бросались журналисты, другие присутствующие, оставляя шефа, ко всему мрачного, застегнутого на все пуговицы, в унизительном, тому казалось, одиночестве. Мерещилось, что Яшин его не уважает, отделяясь для общения с людьми. Послушный, преданный человек больше годился в начальники команды, вот и был поддержан. Эта третья, реальная версия скорее всего смыкается со второй.

Есть и четвертая версия, совершенно неприемлемая, тем не менее посвящение в нее позволит читателям полнее ощутить драму последней трети земного существования Яшина, когда тот вышел из игры, покинул ворота. Версия эта шокирующая – «из начальников команды турнули, и правильно сделали». Я вычитал ее в упоминавшейся уже книге Евг. Рубина «Пан или пропал». Автор цитирует Валентину Тимофеевну Яшину, которую, как признается, решил вызвать на откровение, чтобы лучше понять ее драгоценного супруга, работая над литзаписью «Записок вратаря». Я эту версию отметаю начисто, хотя помню, что Лев Иванович говаривал, и не раз, косвенно упрекая журналистов в приукрашивании: «Написал бы кто-нибудь так, как меня знает жена, Валя…» Конечно, его никто не знал так, как Валентина, но и она не знала все. Как любой человек о другом, будь то жена или муж. Да что другой – сам человек не имеет о себе полного представления!

Женя Рубин, которого позволю себе так называть по причине знакомства и совместных зарубежных вояжей в 60-е годы, относился к Яшину, в отличие от авторов разных небылиц, с симпатией и сочувствием – это видно и по главке, ему посвященной. И подкупил Валентину Тимофеевну своими в общем верными наблюдениями о житейской беззащитности ее супруга, умевшего оборонять только ворота, но не самого себя. Скажем, палец о палец не ударил, чтобы отбить несправедливые нападки за Чили-62 – сам по возвращении оттуда не рассказывал ни в одном интервью, что и как случилось, не призывал в свидетели защиты «сослуживцев» по сборной, других очевидцев происшедшего, больше того, и не думал скрывать, что мог бы сыграть лучше.

Вызвав доверие у жены, журналист в ответ спровоцировал взрыв эмоций, потому что как раз в то время семья глубоко

переживала вынужденный отрыв Яшина от динамовской дружины, которой он принадлежал как игрок и начальник команды полжизни, даже больше. Известно, что и мелкое разобщение в отношениях даже самых близких людей, способное годами накапливаться и откладываться, в точке кипения может вырваться со свистом. Валентина Тимофеевна завелась, а Рубин и рад стараться – коли не мог опубликовать наговоренное ею сгоряча 30 лет назад, почему не использовать сейчас в прояснении яшинских постфутбольных терзаний?

Версию «турнули правильно» отбрасываю потому, что динамовские ветераны не могут припомнить ничего такого, что дискредитировало бы Яшина как начальника команды, отличало в худшую сторону от себе подобных, оправдывало решение ЦС «Динамо» о перемещении из привычной среды в постылую канцелярию. Наоборот, Лев Иванович, по их словам, как мог заботился о футболистах, о сплоченности команды, занимался массой практических и очень хлопотливых дел. Считаю эту версию ложной и потому, что Валентина Тимофеевна, выпалив ее в возбужденном состоянии, едва ли могла так думать, прожив к этому времени с мужем в любви, согласии и уважении больше двух десятков лет.

Всего же набралось 35 лет совместной жизни душа в душу. Познакомились, как добрая половина послевоенных влюбленных, на танцах. Оба были тушинские. Валя Шашкова училась в техникуме (к слову, окончила потом и полиграфический институт, редакторское отделение), Лев в местной округе слыл уже известным футболистом – находился на просмотре в самом «Динамо». Протягивая руку, длинный и тощий, но симпатичный парень забавно пробасил: «Лев», а Валентина подумала, окинув взглядом болтающиеся в кирзовых сапогах худые ножки: «Ну и лев!» Вспомнила, что годом раньше в кинотеатре, опоздав на сеанс, не могла в темноте найти место и как раз этот долговязый подставил ей свой жесткий фибровый чемоданчик: «Садитесь!» После танцев пошел ее провожать, так и «гуляли», по тогдашнему выражению, несколько лет. Свадьбу сыграли под новый, 1955 год, когда Лев уже получил первую золотую медаль чемпиона страны, да комнатку в коммуналке на Маяковской, где в ведомственном доме обитали многие динамовцы. Как раз там «эта свадьба пела и плясала».

У вратаря, уже известного на всю страну, да и Европу, родились с Валентиной две дочери – Ирина и Лена, которых он обожал. На короткие побывки домой с бесконечных сборов возвращался с неописуемой радостью, из-за границы звонил чуть ли не каждый день, не считаясь с таянием жалкой валюты. Когда

сборной, выбывшей из чемпионата мира 1970 года, не позволили даже остаться на финал, сказал: «Вот и хорошо. Успею к Вале на день рождения». Магнитное поле притяжения семьи действовало на любом расстоянии.

Это была заповедная территория любви. Жили, в отличие от некоторых футбольных пар, по-простому без изысков в обстановке, еде, одежде. И дети росли хорошо воспитанные, никогда не хвастались именитым отцом. Когда Лена увлеклась волейболом, сама просила не составлять ей протекцию в «Динамо», поступила в волейбольную секцию без всякой поддержки. И ухажеры знать не знали, кто отец их девушек, пока дело не доходило до свадьбы.

Жену Лев баловал постоянным вниманием, букетами цветов, поездками за границу. У нее и сейчас сохранилась толстенная пачка писем, которые писал ей с южных сборов и всяческих футбольных поездок. Свою безграничную щедрость отдавал в первую очередь и даже вне очереди жене: дарил ей путевки в тургруппы болельщиков на крупные соревнования – в основном, где сам выступал. Ухлопали на эти дорогие удовольствия кучу денег, шутили, что можно было на них дачу соорудить.

Дача появилась у них только в 1982 году – четверть дома с участком в три сотки. А до этого лучший вратарь мира довольствовался крохотными комнатенками в служебных дачах. Зато жили весело, ходили по театрам и концертам, охотно принимали гостей, сами частенько наведывались к друзьям. Не могли нарадоваться общению с соседями по клетушкам в динамовских дачах, а это были в разные годы и Якушины, и Рыжкины, и Кесаревы, и Аничкины. Позже, когда приобрели четвертушку коттеджа, сблизились по-соседски – разговоры разговаривали, шутили, вместе копались в саду, жарили шашлыки – с семьей известного ученого-экономиста Григория Кипермана, чья фамилия по странному стечению обстоятельств в переводе с английского означает Вратарев.

Ссорились ли Лев с Валентиной? Было дело, но, скорее, не ссорились, а дулись, разбредались по разным углам трехкомнатной квартиры, отсиживались с книжками в руках, но выдерживали молчание недолго, один из них, чаще Лев подсаживался для восстановления семейного мира и согласия, которые ценили превыше всего. И без того мало виделись – оба работали (Валентина корреспондентом Московского областного радио), Лев подолгу не вылезал из поездок по стране и миру. У него к тому же водилось полным-полно друзей, а это значит – компании, баня. Да и любимая рыбалка требовала времени. Без такого отдыха давно протянул бы ноги. Так что дом был на

Валентине Тимофеевне.

Доставлял ли Лев Иванович ей неприятности? Старался, очень старался не доставлять, хотя она догадывалась или знала, что водил и женские знакомства. Его бесконечное мужское обаяние сражало молодых дам наповал. Но не ждите от меня донжуанский список Яшина, хотя таковой вряд ли умалил бы его, как не умалили поэта донжуанский список Пушкина. Просто не хочу вторгаться в деликатную тему – кому это нужно и что дает? Задержу на ней только еще мгновенье: пусть Яшин не слыл пуританином, но внутрь этой увлекающейся натуры был встроен своего рода ограничитель – мощное семейное начало и сила первой, по сути единственной любви. Счастье, что ответная любовь оказалась глубока разумением и извинительностью. По словам Валентины, она «понимала его, умела прощать. Лев старался не обижать и делал все возможное, чтобы с ним было интересно и радостно». И добавляла: «До последнего момента он меня любил, в этом я уверена». А она до последнего его мига берегла, ухаживала как только могла за терявшим силы мужем.

Верно замечает Никита Симонян, что «у Яшина и не могло быть другой жены, тогда он не был бы Яшиным». Друзья и знакомые знали и знают Валентину Тимофеевну собранной и волевой, чуткой и терпеливой – все это выявила в ней, а где-то клещами вытянула из нее непростая жизнь с любящим, знаменитым, мало-помалу утрачивающим жизненное равновесие и теряющим здоровье человеком.

По недавним встречам вдова Яшина показалась мне еще и немного суровой. Подумалось: будешь тут суровой, когда трагически потеряла мужа, вслед за ним – внука Сашу, а память о Яшине оскверняется наговорами или халтурой некоторых публикаций. Продолжают донимать журналисты, иногда жалуются на ее неприступность, но ведь не каждому дано, как Льву Ивановичу, сносить репортерскую бесцеремонность.

Перед прощальным матчем в мае 1971 года я взял у Яшина обширное интервью по просьбе общественного пресс-центра «Динамо» (опубликовано в программе матча «Динамо» – «Карпаты» 17 мая) и одновременно – для чехословацкого еженедельника «Гол» (опубликовано в № 22 за 1971 год). Среди заданных вопросов был и такой: «Кто помогал вам обрести в футболе свое «я», встать, можно сказать, на путь истинный?» Никто же не заставлял Льва Ивановича после имен тренеров, товарищей по «Динамо» и сборной произносить такие слова: «Может быть, это прозвучит странно, но хотел бы упомянуть еще одного человека – жену мою Валентину. Ей я обязан тем, что долго сохранял и сохраняю душевное равновесие и оптимизм. Без

ее поддержки я не продержался бы в футболе столько времени. Вы понимаете, высказывать публично благодарность собственной жене вовсе не обязательно, просто я хотел заметить, сколько могут сделать для футболиста чуткость, внимательность, доброта и понимание женщины». Эту мысль он повторял в беседах с моими коллегами неоднократно.

Валентину Тимофеевну после кончины мужа множество раз просили рассказать о нем. Почитав, послушав по телевидению, пообщавшись с ней, понял: она живет памятью о незабвенном Льве Ивановиче. Не знаю случая, чтобы произнесла хоть одно слово, бросающее тень на эту память, как позволяют себе некоторые родственники почивших знаменитостей. Ну брякнула как-то по ТВ, что Лев был трусоват, (даже подумать не мог), чтобы уйти из «Динамо», слишком привык к динамовским порядкам, боялся, что к новым не приспособится, но это неточное словоупотребление: не трусоват, а скорее консервативен, а разве без того, чтобы свыкнуться, прижиться, можно представить себе верность родному клубу? Ну называла еще непробивным, отказывала в практичности, но ничего похожего на то, что вырвалось у нее в разговоре с Рубиным. Потому, что, видимо, была тогда под сильным эмоциональным прессом удаления Яшина из динамовской команды «в связи с переходом на другую работу» и в этом состоянии поддалась обаянию «понимающего» собеседника. Увы, понимающего, как выяснилось из его книги, не до конца, да и сама она без профессионального проникновения в футбольные страсти не все могла до конца понять в своем муже, ставшем столь неприкаянным и неприспособленным к новым реалиям наступившей жизни.

При любой степени душевной близости и тонкости своей второй половины ни один человек не изливает на нее абсолютно всех своих горестей, особенно связанных с малопонятными постороннему нюансами и издержками профессии. Не посвящает во все свои дела и по другим мотивам: не хочет огорчать, нагружать своими переживаниями, не любит жаловаться и т. п. К тому же мы совершенно недооцениваем, что любой человек время от времени впадает в состояние одиночества. Даже такой общительный и доступный людям, как Яшин. Человек, занимающийся творчеством, а футбол, вне всяких сомнений, сфера творчества, нередко чувствует себя одиноким как перст. И ощущает такое состояние вдвойне, если это неординарная личность. Не только на меня Яшин и в самом деле иногда производил впечатление бесконечно одинокого человека.

В том-то и беда, что уход с футбольного поля поставил точку в творении игры, и снести это было тяжело. Не думаю, что всю

созидательную энергию он оставил там, на зеленом газоне. Но и не мог внести творческую жилку в работу начальника команды, потому что как реалист понимал, что при заведенных порядках и существовавшей годами инерции это никому не нужно. Да и сам не очень знал, с какого бока зайти, хотя мысли в голове бродили – опыт-то в футболе скопил колоссальный.

Начальник команды – чисто советское кадровое изобретение, нигде более не встречающееся. Должность какая-то вымученная, неопределенная, безразмерная. В ней собаку съели братья Старостины. Старший – Николай Петрович, бухгалтер по образованию и спорторганизатор по призванию, в созданном им «Спартаке» взял в свои руки финансовые и административные бразды, как знаток футбола и футбольных душ успешно врачевал их. Но все это успешно получалось в 50—60-х годах, начало буксовать в 70-х, осложнилось при Бескове в 80-х и совсем застопорилось в 90-х, когда он был бесцеремонно отодвинут от дел и превратился скорее в символ старого, романтичного, почившего «Спартака», потеряв решающее влияние. Младший брат – Андрей Петрович в работе начальника сборной команды СССР 60-х годов сосредоточился, и достаточно успешно, на миссии психолога, пропитывая мозги и души игроков жизненной мудростью. Приходилось даже слышать объяснение провалов современной сборной России отсутствием в ее штабе именно такого человека, пока не объявился мудрец из Голландии – Гус Хиддинк.

Яшин стал начальником команды «Динамо» при Бескове, как-то смягчал его крутизну, а потом требовалось, наоборот, подкрепить мягкость Качалина металлом, но яшинская натура сама держалась вовсе не на стальных конструкциях. Может быть, это примитивное, но одно из возможных объяснений двукратного третьего места команды (1973–1974), так что, прибавь она твердости устремлений, могла замахнуться на большее. Вряд ли погрешу против истины в утверждении, что «Динамо», в отличие от «Спартака», поставившего себе на службу искушенность Н.П.Старостина, не нашло, да и не искало правильного применения психологическому потенциалу и спортивному опыту Яшина в качестве начальника команды.

Его главная беда, а, может быть, в какой-то степени и вина, – что погряз в текучке, больше занимался выправлением каких-то пожарных ситуаций. Вечно надо было уладить очередную срочную проблему в Управлении футбола, поучаствовать в важном совещании, вызволить какого-нибудь нашкодившего игрока из милиции, а другому выбить что-либо из материальных благ, организовать достойный прием иностранной команды и т. п.

Считалось, что Яшин со своим авторитетом эти дела запросто провернет, но они, лишенные высокого, а и какого бы то ни было смысла, быстро обрыдли. Все это, полагал Лев Иванович, не работа, а суета. И разве был не прав? Какому уважающему себя человеку, тем более привычному к заразительному делу, это понравится?

Яшин слишком переживал никчемность своего нового положения, чтобы отягощать этим еще и жену, поэтому ее советы, вероятно, и не могли идти дальше проведения политинформаций и лекций, которыми тогда усиленно пичкали футболистов, а Валентину, естественно, напрягало, что Лев не желает воспользоваться ее предложением найти лекторов, используя сохранившиеся со времени учебы связи с преподавателями ВПШ (между нами, правильно делал, потому что более занудных лекторов я не встречал, да и он сам, отучившись там, видно, тоже). Валентина Тимофеевна видела его замкнутость, погруженность в свои мысли и переживания, а чем помочь ушедшему в себя мужу, не слишком представляла, хотя очень хотела вывести его из заторможенного состояния.

Домашние заботы Лев Иванович тоже отодвигал в сторону. Нет, в булочную сгоняет, обед приготовит, девочек накормит, когда она задерживалась на работе. Но существовали и более серьезные мужские обязанности. Мебель, купленная при царе Горохе, разваливалась, а Яшину ничего не стоило, предъявив любому директору магазина свою знакомую физиономию, достать что угодно из дефицита, с которым приходилось тогда сражаться любой советской семье, не исключая семью лучшего вратаря мира. Валентину пассивность мужа выводила из себя. И когда Рубин влез в душу, могла сорваться, а тот, ничтоже сумняшеся, представил Яшина (все же, мне кажется, искренне жалея) непрактичным и ленивым.

Да, обладатель вратарской хватки житейской хваткой был обделен. Женя Рубин на этом выводе свои изыскания и закончил, а мог бы, мобилизовав обычную свою журналистскую скрупулезность, установить, что Яшин брался помочь любому, это была его вторая натура, еще ждущая нашего внимания, только себя из круга своих забот всегда исключал. Да, в этом смысле был непрактичен, быту вообще не придавал никакого значения. Но ленив? Невозможно поверить, даже если этому утверждению придать обломовский смысл, а такой оттенок в рассуждениях Рубина улавливается, когда он рассказывает о душевности и доброте Яшина.

Без дела застал его однажды Евгений за пустым, лишенным каких-либо бумаг стандартным канцелярским столом в

помещении отдела футбола и хоккея Центрального совета «Динамо». Спросил, чем Лев занимается в этом департаменте, приводит в книге ответ:

– А чем я должен заниматься? Я же футбольный вратарь. Больше я ничего не умею. Только штаны здесь протираю. Ты себе можешь представить Пеле за таким столом? Или Бобби Чарльтона? А я сижу…

Неужели Женя не догадывался, что это он с невыразимого отчаяния и невыносимой тоски? А какое еще могло быть настроение после перевода с муторной, беспредметной, суетливой, но мало-мальски живой работы на пустую и совсем никчемную? Да, это была неподдельная драма человека, оказавшегося сначала без любимого, а потом вообще без нормального людского дела. Может быть, Рубин и не ставил перед собой задачу пойти дальше диагноза «незащищенный», «неприспособленный», но причину совершенно напрасно, по-моему, нашел в самом Яшине, его нутре, неумении и нежелании вылезать из привычной оболочки вратаря. Мне представляется, надо рыть дальше.

Начать с того, что дело не в отдельном человеке, а в явлении. Козьма Прутков утверждал, что специалист подобен флюсу. Вполне понятно: развивается в одном направлении. В таком случае и талант подобен флюсу. При максимальных достижениях в развитии подобной односторонности переключение на другое дело оказывается чаще всего слишком трудным и тягостным. А если реализация таланта лимитирована возрастным цензом, как в футболе или балете, угроза жизненной неудовлетворенности при перемене занятий более чем реальна.

Футбольная цивилизация кое-как решила вопрос житейского устройства игроков по окончании карьеры. Если суждено стать тренерами, а смельчаков не так уж и много, они, особенно поначалу, плохо переносят резкое сбрасывание уровня общественного внимания от шумной известности к тренерской неприметности, которая сопровождает незаурядных игроков в большинстве случаев. Мало кто из заслуженных футболистов может похвастать хорошим образованием, иной профессией. Некоторые экс-игроки продлевают свое существование в футболе администраторами, менеджерами, других нанимают вести футбольные колонки в газетах или телерепортажи, третьи переходят в бизнес.

Но главное преимущество западных футболистов перед советскими заключалось в абсолютной (у меньшинства) или относительной финансовой обеспеченности и независимости – хотя бы на первое время, необходимое на адаптацию к новому

образу жизни. Современный российский «нелюбительский» футбол, как официально стали именоваться наши профессионалы (может, потому, что многие из них липовые что по квалификации, что по отношению к профессии), в заработках игроков тянется за европейским, а где-то и переплюнул его, и в перспективе может выпускать футболистов в жизнь с энным запасом дензнаков.

Однако в Советском Союзе «труженики полей» – только, разумеется, футбольных – могли скорее получить параллельное образование (правда, порой тоже липовое), чем оставить какой-то финансовый задел на дальнейшее существование. Пагубно сказывался и резкий переход от физических нагрузок к полной растренированности (кто обратил внимание, уже на прощальном матче, всего через несколько месяцев отхода от спортивного режима, у Яшина под свитером обозначился небольшой животик). Многие, даже заметные игроки оказались брошены на произвол судьбы своими спортивными обществами, да и Спорткомитетом (к чести «Динамо», оно своих всегда пристраивало – если не в самом клубе, так в том же МИДе дипкурьерами).

В общем, перелом в жизни футбольных ветеранов, а это мужчины большей частью 33–35 лет, если не больше, – как говорится, в самом соку, – переживался большинством достаточно болезненно, и на подмогу зачастую приходила выпивка (не миновала чаша сия, увы, и нашего героя, хотя сумел остановиться перед опасной чертой, за которой – разрушение человека). Искореженные, несложившиеся постфутбольные судьбы по своей распространенности затмили островки благополучия. Особенно тяжело переносили переход к новой жизни футболисты с тонкой душевной организацией, склонные к размышлениям и рефлексии. Уж на что совершенно разные люди Сергей Сальников и Лев Яшин, но в жизни после футбола, даже оставшись в нем, оба так и не нашли себя.

Юбилейная монета с изображением Льва Ивановича Яшина

Хотя Сальников обладал и другими талантами, мог стать на выбор хорошим тренером, пишущим журналистом, телекомментатором. Метался-метался, но все эти занятия не доставляли такого удовлетворения, как сладостный футбол, поощрявший самостоятельность мышления, но скрадывавший житейскую безалаберность, а на новых поприщах то и другое сильно ему мешало.

Яшин склонностью к иным занятиям отмечен не был, тренером стать не желал, а если бы решился, на мой взгляд, вряд ли мог выдержать перманентное волнение за вверенную команду, коли действующим игроком так терзался за личные ошибки. У него было только два таланта, оба отменных – вратарский и человеческий, но даже этих громадин оказалось недостаточно. И то с вратарским дотянул, слава богу, до 41 года, загвоздка в том, что человеческий мало пригодился в новой жизни. Прежде всего потому, что его окружали люди, такого таланта лишенные, а потому не воспринимавшие и в других. Льву Ивановичу трудно

было даже найти человека в служебной иерархии, с которым поделился бы тем, что гложет, не дает покоя, которому открыл бы свои сомнения и который попытался бы понять его.

Благодаря звучному международному имени Яшин был как раз из тех немногих, кого не могли сбросить в кювет, наплевать и забыть, как поступили с рядом достойных спортсменов. Наверху понимали, что ему полагались заработанные в «Динамо» подполковничье (позже полковничье) содержание с соответствующей должностью на пристойную зарплату. Отторгло «Динамо» – подобрал Спорткомитет, да и уверен, что о перемещении они между собой втихую договорились. Но кто потолковал с Яшиным по душам, чтобы извлечь из его знаний и опыта пользу для футбола и для него самого, не просто пристроить к синекуре, а занять интересным делом?

Разве не мог он, к примеру, тренировать вратарей сборной, но кто ему предложил, кто переубедил человека, не желавшего стать тренером, что это не руководить командой, что это ровно для него (когда был выведен из строя травмой, небезуспешно помогал М.И. Якушину и ГД. Качалину, работая с вратарями сборной)? Что вы, разве посмел бы кто-нибудь – ведь не по рангу, не по имени, которое диктовало, по дурным советским понятиям, какой бы то ни было руководящий пост, как минимум начальника команды.

Отдаю себе отчет, что все это риторические вопросы, и вот еще один: почему у нас были (и есть) такие нелюбопытные чиновники, в том числе спортивные, футбольные? Разве их не могли подтолкнуть к предметному диалогу с Яшиным, чтобы подумать вместе с ним, что предпринять, строки «Записок вратаря» (сами не читают – подсказали бы помощники, консультанты):

«Да, мы были проще и с нами было проще. К нынешним нужен новый подход, нужны новые методы воспитания. А мы чаще идем к ним со старыми, которыми пользовались и два, и три десятилетия назад. Те испытаны, проверены, апробированы на тысячах футболистов. Только на других – прежних, не нынешних. Я гляжу на скучающие лица ребят и понимаю их… Как ни хороша наша новогорская база, осточертели эти четыре стены, на которых он изучил каждую трещинку, надоели одни и те же собеседники, с которыми все давно говорено-переговорено… Нас тоже тяготила необходимость подолгу находиться на тренировочных базах, неделями не видя родных, девушек, друзей, жен. Но мы понимали: это оправдано. Большинство жило в коммунальных квартирах, в одной комнате с многочисленными родственниками, в условиях, где и зарядку не сделаешь, и не поешь, как надо, не

отдохнешь, не ляжешь вовремя спать. Теперь многих тогдашних проблем не существует. Теперешние футболисты имеют возможность и знают, как организовать свой режим, а они по-прежнему живут под надзором, по существу взаперти. Верно, поздно ложиться спать вредно. И просидеть весь вечер за столом тоже. А разве скука и однообразие полезны? Разве нехватка пищи для ума, недостаток впечатлений не отражаются на настроении человека, на его психологическом состоянии, которое не менее важно для играющего в футбол, чем физическое? Я не против того, чтобы собирать футболистов на базах, но накануне матча. Все хорошо в меру. А мера меняется с годами, потому что меняются те, к кому с этой мерой подходим».

Вот и развил бы на практике эти свои мысли, когда стал позже заместителем начальника Управления футбола по воспитательной работе, скажете вы. Но кто знает тогдашние порядки, не даст соврать, что внести радикальные перемены без отмашки сверху представлялось совершенно нереальным. Чем были по горло заняты спортивные боссы? Погоней за результатами, поскольку за них был главный спрос, бюрократической текучкой да групповой подковерной борьбой. Сдались им яшинские мысли, тем более что, если логически продолжить, были близки к крамольным, которые никто и не стал бы докладывать наверх.

О том, что дело обстояло именно так, напоминает принятие в штыки статьи «Затворники», помещенной в «Советском спорте» вскоре после мексиканского чемпионата мира 1970 года. Она принадлежала перу писателя и журналиста Александра Кикнадзе (отца двух деятелей сегодняшнего спортивного телевещания – Василия и Кирилла). Главного редактора газеты Н.С.Киселева затаскали по кабинетам ЦК партии и Спорткомитета, требуя объяснений, зачем опубликовал зловредный материал. А говорилось в нем, что наши футболисты на чемпионате были психологически подавлены, если не раздавлены режимом «осажденной крепости», усталостью друг от друга и опостылевших разговоров о футболе с напоминаниями об ответственности перед народом. Никому из штаба делегации и в голову не приходило отвлечь игроков хотя бы пинг-понгом и шахматами. Советская сборная была единственная из 16 команд, которую не выпускали с базы ни на экскурсии по прекрасному городу Мехико, ни на корриду. Разве не о тех же материях пекся Яшин?

Для того чтобы такой посыл дошел туда, где санкционируются даже малейшие перемены, надо было встречаться не меньше чем с секретарем ЦК КПСС. Но такие

величины со спортсменами не знались. Больших писателей, актеров изредка еще могли выслушать в силу их идеологической опасности. А на великих спортсменов, только в чьем-то извращенном представлении номенклатурно приближенных, на деле же бесправных, зачем было тратить время – что они понимают? Но мы-то, журналисты, знали, что есть такие, кто очень даже понимает. Я – по общению с тем же Яшиным, пусть не слишком регулярному, скорее обрывочному.

Когда мы с ним делали перекуры в работе над обширным интервью, которое Яшин давал мне для справочника-календаря «Футбол. 1972», интересно было послушать собеседника «не для печати», куда цензура все равно не пропустила бы некоторые пассажи – я уже с этим сталкивался. Стоило собеседника чуть подтолкнуть, он увлекался размышлениями вслух. Я не догадался после встречи записать их, дурень, многое стерлось, но помню такое высказывание:

– Уравниловка до добра не доведет. И в экономике (я знал, но особенно это усвоил, когда учился в ВПШ), и в футболе. Все получают почти одинаково, у футболиста нет стимула напрягаться, совершенствоваться, он может валять дурака. Если мало-мальски приличный игрок, не боится и отчисления – кто же его отпустит к противнику? Шум, гам, а он свое. Штраф даже гуманнее – никто не унижал бы криком и матом, он знал бы, что заработал такое наказание. Премировать у нас пора не за выигрыш, а за отношение к делу – как тренируется и как выкладывается в игре. Сейчас-то все обезличено, всем практически поровну, а ведь братьям-футболистам еще мало – начинают спекулировать. Везут из-за границы тряпье, а здесь торгуют или за кордоном икру продают. Некоторые, у кого была ставка чуть поменьше моей, по сравнению со мной были бы богачи, если бы не пропивали. Мне грех жаловаться, я обеспечен, да и много нам не надо, но получалось как: кто похуже играет, имя еще себе не заработал, гуляет себе в полное удовольствие. Или: едем за границу, а всем выдают поровну – что мальцу какому-нибудь, что мне, а контракт ведь под меня составлен: если я на поле, команде полагается в несколько раз больше. За одинаковые гроши в валюте я корячусь – так приучен, а ему зачем? Несправедливо. Но это полдела, но футбол губится – вот что не дает покоя!

Однажды столкнулся с ним у входа в Спорткомитет на Скатертном. Смотрю, паркует свою «Волгу», жду, увидел с противоположного тротуара, приветливо машет. Посмотрел на часы:

– Десять минут до совещания, можно покурить.

– А что за совещание, Лев Иванович?

– Да у Ивонина (зампред Спорткомитета, курировавший футбол. – *АС).*Собирает начальников команд, еще кого-то.

– Что вдруг?

– Не нравится, что происходит. Низкая отдача игроков, «сплав» игр. Зрители не ходят. Качества же нет.

– И что: будет, как говорил Райкин, «какчество»?

– Да, стоит только Ивонину речь толкнуть, как все изменится. Что эти совещания могут решить? Ведь ни одного нового слова. Мелем воду в ступе. Виктор Андреевич – мужик неплохой, но опять начнет толковать о планах воспитательной работы, об индивидуальном подходе к каждому, об общественном воздействии, о связи с предприятиями… Я это уже тысячу лет слышу, а больному становится все хуже. Идеи же есть, только боятся их даже во сне увидеть.

– Какие же?

– Что мы носимся с этим любительским футболом, кого обманываем? Только самих себя. Профессиональных актеров не стесняемся, а футболистам не положено. Будут профессиональнее, станут получать по-другому, это заставит стараться, за проказы будут штрафовать, смотришь – и артистизм появится. А договорные игры, ничейки эти деланные исчезнут…

– Чего захотели, Лев Иванович!

– Да это и произнести нельзя, сочтут не вполне нормальным, а то на парткоме шкуру снимут. Я заикнулся как-то в большом кабинете, хозяин стал отмахиваться как от чумового – не моги и думать, Лев Иванович. Так что сейчас Виктор Андреевич нарисует программу действий пунктов на десять, а мы по командам – новые бумажки плодить, чтобы при проверке отчитаться.

Яшинские рассуждения действительно звучали диссонансом болотному времени, звучали порой наивно, о тех же заработках и «договорных играх», к примеру: вот профессиональный футбол давно на дворе, получают его подданные иногда даже побольше, чем в европейских клубах, а выступают слабее ходивших в любителях предшественников, от поддельных результатов спасу и вовсе нет. Но Яшин-то знал, что без профессионализации футбола совсем ничего не получится. В общем человек думал, терзался, а не покорно высиживал в кабинете или на сцене в каком-нибудь президиуме. Не лежал на печи, умирая от тоски, как вышло в изображении Евгения Рубина.

Я тоже видел его за канцелярским столом, только в Управлении футбола Спорткомитета, и не пустом, а заваленном бумагами, что-то читал, подписывал. Но это казалось безумно далеким от насущного, витал в своих мыслях. Он так долго

горевал не по оставленным воротам, знал ведь, что это рабочее место не вечное, придется сменить, но сменить-то хотелось на что-то человеческое, а не бумажное. Не сумел и не помогли. Вот в чем драма, а вовсе не в овладевшей им лени.

В общем, середина 70-х обернулась для Льва Ивановича временем бурных рабочих перемен, которое для иного, может быть, не было бы столь мрачным. Но отчужденность, неприкаянность Яшина слишком бросались в глаза ближайшему окружению. И это вполне понятно. Сановная немилость предопределила крутой поворот в его жизни: отдав «Динамо» все без исключения годы своей спортивной деятельности, а их набралось к тому времени ни много ни мало – 28, он был, по сути, выдавлен из родной обители. И можно себе представить, как переживал это расставание.

Ведь «Динамо» было родным домом, которому Яшин был верен настолько, что с предложением перейти в другой клуб к нему и обращаться не смели, а на игры сборной предпочитал выходить в свитере с динамовской эмблемой. Здесь состоялось его становление, здесь он приобрел имя, товарищей по общему делу, а среди них – близких друзей, прошел с ними бок о бок огонь, воду и медные трубы. Живой символ клуба вынужденно удалился «в изгнание» на целых восемь лет, пока не догадались, уже при новом председателе ЦС «Динамо» В. С. Сысоеве, что неприлично отказывать от дома коренному, да еще столь заслуженному обитателю.

Валерий Сергеевич пригласил Яшина к возвращению в «Динамо» с подачи работавшего тогда зампредом Московского городского совета общества бывшего начальника Управления футбола союзного Спорткомитета АД. Еремина, к которому после ухода Богданова начали обращаться добровольные ходатаи – истинные динамовцы, тяжело сносившие насильственный отрыв прославленного вратаря от родного гнезда. Но Яшин в ответ… заколебался. Не потому, что затаил обиду. Он давно и твердо усвоил, что на родину, большую и малую (а «Динамо» и было малой родиной), обид держать не полагается. Со своей поразительной нравственной чуткостью Лев Иванович не хотел подводить приютившую его организацию и обижать людей, протянувших руку поддержки в трудную минуту. Советовался с искушенными товарищами в самом Спорткомитете, как ему поступить в деликатной ситуации, когда и хочется, и колется. Руководители комитета все правильно поняли и без всяких обид благословили на обратную дорогу в «Динамо».

Между тем несостоятельные, а то и жалкие наследники Яшина из лидеров советского футбола все больше превращались в

заурядных хвостистов. «Они доконают меня», – как-то шепнул он вашему покорному слуге во время очередной бездарной игры «Динамо» (не предполагая, как низко падет славный клуб в более поздние времена). Футбольные дети и внуки Яшина сомкнулись в расшатывании его нервной системы с бессердечными чинодралами.

Владыки чиновного царства, да и мелкие клерки своими идиотскими запретами, перемешанными с полной безнаказанностью, везде «доставали» его. Режим наибольшего благоприятствования не обеспечивали Яшину ни популярность и слава в игровые годы, ни вынужденное присоединение к их же, чиновничьему сословию в более поздние времена.

То бюрократические черепахи забудут вовремя оформить выездные документы и он будет краснеть за опоздание на целую неделю в Рио-де-Жанейро, куда был приглашен на празднование 70-летия знаменитого клуба «Фламенго».

То партийные иезуиты не разрешат поездку в Испанию почетным гостем чемпионата мира под смехотворным предлогом, и выход найдется только в том, чтобы обманом включить всемирно чтимого человека… вместо переводчика в официальную делегацию на конгресс ФИФА, о чем, впрочем, вы уже знаете.

То советские дипломаты в Париже, где он оказался транзитом, оставят часами маяться в аэропорту Орли без сантима в кармане, а значит, даже без глотка воды, пока не узнает его, накормит, напоит и одарит кучей сувениров случайно проходивший мимо представитель «Адидаса».

То финансовые жмоты пожалеют выделить какую-то ерундовую сумму в валюте на оплату импортного протеза, а когда свои бесплатные услуги предложит Финляндия, спортивные бонзы не разрешат выехать с ним, инвалидом, жене.

И только в следующий приезд на повторное обследование, когда шел уже второй год перестройки, удалось решить эту пустяковую проблему, да и то с колоссальным трудом, через Игоря Громыко – внука всесильного члена Политбюро ЦК КПСС, работавшего в нашем посольстве, еще и с подключением самого посла. Иначе было не сломить тупое сопротивление высокопоставленного партаппаратчика М.В.Грамова, пересаженного к тому времени в кресло председателя Спорткомитета взамен С.П.Павлова, которому суждена была почетная ссылка послом в Монголию.

Платя такой «благодарностью» одному из своих прославленных и верных сыновей, власть в очередной раз запятнала, «опустила» себя, и этот пример – всего лишь один из неисчислимого множества – снимает удивление, что она плохо

кончила, подсунув к тому же вместо себя новое чудище, поставившее страну на грань выживания, а десятки миллионов людей продолжают на этой грани балансировать. Возрастающие год от года количество, коррупция и хамство «новых русских» чиновников всходят на благодатной почве прямо-таки согласно олимпийскому девизу – быстрее, выше, сильнее.

От исступленно-победных воплей телекомментатора Дмитрия Губерниева, заходившегося истерикой в ура-патриотическом раже передач из олимпийского Турина (2006), пролег всего шаг до издевательски унизительной встречи на родине: медалистов впустили через аэропортовский VIP-зал, а безмедальных «плебеев» – через общий вход, наружное оцепление не допускало встречавших родственников в здание аэровокзала, часами держа их на морозе, а когда одна олимпийская триумфаторша вышла к ним, обратный путь закрыли слова: «Ты медаль там выиграла, а здесь ты никто».

Не знаю, приучило ли неистребимое российское хамло к долготерпению новое поколение спортивных героев, но те, прежние, неисправимые, так и не смогли привыкнуть к подобным выходкам. Неудивительно, что добрейшего, всегда готового кинуться на помощь, в чем-то наивного, потому как не ожидавшего подвохов со стороны родного государства, Льва Ивановича от всех этих гадостей колотило, трясло. Чиновничья подлость каждый раз ввергала в стресс, усугубляла болячки, подцепленные в футбольные годы.

Михаил Иосифович Якушин, человек-кремень, даже уронил слезу, когда говорил: «Мне кажется, Яшин считал, что судьба несправедлива к нему. Он ведь с детства старался жить по совести, работать не щадя себя, все делать точно и добросовестно, однако это не избавило его от горя и страданий».

Так и есть – получилось, будто судьба потребовала расплаты за то, что ему дала. Но в минуты тягостных раздумий последних лет, уже совершенно больной, Лев Иванович Яшин в который раз предъявил свою грандиозность отчетливым пониманием общественной несправедливости не к нему лично, а к делу его жизни, к своему ненаглядному футболу. В 1989 году, незадолго до кончины, его тяжелые слова как молотком ударили по тем мозгам, которые не разучились соображать, и тем сердцам, которые не устали чувствовать: «Мы ощущали себя любителями, хотя были профессионалами. Потому что отношение к нам было любительское. Да, мы развлекали людей, мы – шуты. Но мы еще же и специалисты, мы – рабочие…»

Он и остался в благодарном сознании людей специалистом из специалистов, рабочим человеком футбола.

Муки и радости

Кабинетные бдения, бумажная работа, бюрократическая суета были созданы вовсе не для Яшина. Он отдыхал душой, встречаясь со старыми футбольными друзьями, выезжая на матчи ветеранов. В сентябре 1984 года отправился в Болгарию на прощальный матч Христо Бонева, которого принимал 13 лет назад у себя во время такой же торжественной, но печальной процедуры. Вернувшись в Москву, через день улетел в Венгрию во главе сборной ветеранов. Сам в составе ветеранских команд был и в 70-х гость редкий, а теперь вообще не играл – болели ноги и все остальное, да и возраст уже считал неподходящим (как для кого – знаменитый Сергей Ильин, для действующих футболистов «дедуля», выходил на поле до семидесяти).

Матч с венгерскими «бывшими» состоялся 22 сентября 1984 года в Капошваре, что в двухстах километрах от Будапешта. Вечером ощутил потерю чувствительности, онемение, потом адскую боль в правой ноге. Александр Мирзоян, в ту пору слушатель Высшей школы тренеров, изучавший там спортивный массаж, предложил размять мышцы. Но боль не проходила, угрожала гангрена, отвезли в Будапешт, в столичной клинике начали готовить к операции. Разбуженный в пять утра, примчался, несмотря на ранний час, старый товарищ – легендарный вратарь непобедимой сборной Венгрии 50-х Дьюла Грошич, утешал его, теребил врачей, рыдал, как ребенок. Операция не дала радикального результата, решили срочно отправить в Москву.

Из аэропорта Яшин попал сразу на операционный стол: профессор Анатолий Владимирович Покровский, экстренно мобилизованный своим хорошим знакомым и тезкой Коршуновым, в сложившейся ситуации не мог принять никакого иного решения, кроме самого тяжелого и крайнего – ампутировать ногу. Когда Лев Иванович отошел от тяжелого наркоза, увидел рядом плачущую Валентину Тимофеевну. И медленно, заплетающимся после наркоза языком, произнес:

– Не плачь, Валя. Что ты волнуешься? Ну посуди, зачем мне нога? Я ведь в футбол давно не играю.

Сколько в этих словах было непоказного мужества и благородства – в такую минуту он думал не о себе, а о близком человеке. Мужеству Яшина удивлялся даже все повидавший Покровский: «Подумайте только – две операции в день, перелет, две бессонные ночи, а он даже не застонал ни разу, только зубами скрипел».

Несчастье с великим вратарем всколыхнуло тысячи и тысячи людей. Спорткомитет СССР, Федерация футбола, Центральный и Московский городской советы «Динамо», квартира Яшиных были завалены телеграммами, письмами, посылками со всех концов света – из Англии и Бразилии, Италии и Аргентины, Испании и Мексики, многих других стран, из разных городов и самых медвежьих углов нашей огромной, тогда еще не развалившейся страны.

Выражали глубокое сочувствие, предлагали помочь, чем можно, Майя Плисецкая и Иван Козловский, Сергей Герасимов и Тамара Макарова, Гордон Бенкс и Ладислао Мазуркевич, президент ФИФАЖоао Авеланж и президент МОК Хуан Антонио Самаранч, королевская семья Нидерландов, совсем безвестные люди. На многих конвертах значился адрес: «Москва, футбол, Яшину», и письма доходили по назначению. Чемпион мира 1982 года Дино Дзофф, этот «итальянский Яшин», еще недавно обнимавший старшего коллегу у себя в гостях на церемонии собственных проводов из футбола, телеграфировал всего несколько пронзительных слов: «Поражен громом. Стою рядом как друг».

Не счесть было и посетителей: вся команда «Динамо» во главе с тренером Александром Севидовым, старые друзья по клубу Владимир Шабров, Георгий Рябов, Геннадий Еврюжихин, Владимир Пильгуй, дорогие сердцу учителя Константин Бесков, Гавриил Качалин, руководители Спорткомитета и Управления футбола Валерий Сысоев и Вячеслав Колосков, председатель Федерации спортивных журналистов Борис Федосов, поэт Роберт Рождественский, артисты Геннадий Хазанов и Иосиф Кобзон, целый ансамбль «Русский сувенир», дворовые приятели с Миллионной, с которыми не виделся 30 лет, но сразу узнал. Навещавшие порой не могли поместиться в палате, перемещались в холл.

Окрыленный всеобщей поддержкой, он мобилизовал весь запас терпения и мужества, чтобы пережить физические боли и моральные страдания. Физические боли доставались легче, к ним он был приучен жестокостью футбола, его правил и регламента, длительный период не разрешавшего замен. Когда в игре порвалась мышца ноги или перчатку залила кровь из лопнувшего пальца, терпел, но играл: «Я же мужчина в конце концов», – вот и весь сказ.

Труднее давались моральные боли. Когда-то слезу ронял редко, разве что вконец отчаявшись от обиды нелепых проигрышей и голов. А в больнице, стоило появиться на пороге палаты старым учителям и партнерам, тем же Якушину и Симоняну глаза

мгновенно заволакивало. Валентина с первого появления в послеоперационной палате принялась настраивать мужа («Я знаю, как тебе тошно. Но ты же остался мужиком! И я тебя по-прежнему люблю»). Однако его неотъемлемое мужество, как часто бывает, орошалось понятной чувствительностью, на которую подбивала горестная, труднопреодолимая ситуация внезапной обезноженности.

Не давало покоя унижение от толстокожей безучастности власть имущих к людскому горю, не только своему собственному В этой экстремальной ситуации с особой остротой пронзила его трагедия инвалидов афганской войны – с четырьми совсем молоденькими солдатиками оказался в одной палате института протезирования, где в 1985 году проходил реабилитацию. Забыв о собственном несчастье, безутешно плакал над заброшенностью палатных соседей – никому не нужных, отощавших от недоедания ампутантов-афганцев, раздавал им все продукты, доставленные из дома.

Да, единственный и неповторимый Яшин лежал в общей палате – мало ему было своих страданий. «Эй, вы там, наверху!», – хотелось выкрикнуть вслед за Аллой Пугачевой, чтобы «верхние» очнулись от безразличия. Понимал и понимаю, что взывать к бесчувственным роботам бесполезно. Понимал и Яшин, за пару лет до своего несчастья пригвоздивший их к позорному столбу, когда плюнули в душу, не пуская на чемпионат мира. Жаль, что в частном разговоре, но прилюдно или публично не мог, потому как никогда не был скандалистом, да и немедля заткнули бы рот. Но слухами земля полнится, и кому надо стали известны яшинские слова, бьющие как удар хлыста: «Скоты, разъезжают за наш счет на лимузинах, обжираются бесплатно и докладывают на самый верх – мы чемпионы Европы, мы выиграли Олимпиаду… Как будто это их заслуга».

Самовлюбленные властолюбцы палец о палец не ударили, чтобы создать нормальные больничные условия человеку, который считался лицом нации, что же говорить об остальные бедолагах? Дело-то было по сложности копеечное. Когда о ситуации прознал известинский журналист Борис Федосов, он за полчаса добился от главврача отдельной палаты для Яшина.

Но угнетала вся обстановка института протезирования, своими допотопными изделиями обрекавшего любого из своих пациентов на новые страдания. Невыносимо было мириться с убожеством наших медицинских учреждений. Хорошо еще, не довелось узнать ему, что стало твориться там в наши дни, коли сами врачи стали называть в 90-е годы не иначе как

«грязелечебницами» заплеванные больницы, лишенные простыней и лекарств. Хорошо, что лишен «счастья» узнать (а то сердце бы не выдержало), как политико-олигархическая камарилья ввергла в пучину нищеты и бесправия неисчислимое множество безработных, беззарплатных, бездомных, беспризорных, обездолила целые людские контингента, превратив в неимущих миллионы учителей, врачей, пенсионеров.

Но и то, что застал, что оказалось лишь прелюдией к сплошному издевательству над людьми, не раз побуждало его задумываться, почему громкие должности и шикарные кабинеты, дающие их обладателям кучу возможностей облегчать жизнь людям, наоборот, вытряхивают из большинства вершителей судеб сочувствие и человечность. Ведь чаще всего происхождением они из тех самых низов, над которыми измывались. Яшин же хорошо помнил, как люди помогали друг другу во время войны, как в эвакуации заводское начальство вместе с рядовыми работягами перетаскивало из вагонов неподъемные станки и в лютые морозы устанавливало их прямо в заснеженном поле, где параллельно возводили заводские цеха. Может, в молодые футбольные годы был слишком беззаботен и погружен в свое дело, чтобы замечать изнанку установленных порядков и разбираться в них, но чем дальше, тем больше соприкасался с несправедливостью и хамством в отношении людей.

В отличие от надутых фанфаронов, считающих свое должностное возвышение или общественное воспарение поводом для пренебрежения к простым смертным, слава богу, встречались Яшину среди «руководящих товарищей» и такие, кто сохранил душу и сердце. Множественные обязанности и заботы никак не мешали председателю Московского городского совета «Динамо» Льву Евдокимовичу Дерюгину непрестанно хлопотать о житейском благополучии спортсменов, хотя бы элементарном их обустройстве. В советское время было ох как непросто добывать, или как говорили, выбивать любые материальные блага, а особенно квартиры. И Дерюгин с кровью выколачивал их для динамовских игроков, а сам, занимая столь значительный пост, долго ютился с женой и ребенком в жалкой коммуналке. Лев Иванович ощутил с тезкой родство душ, ибо сам был точно так же озабочен чужими проблемами и бедами больше, чем своими собственными. Лишь в кругу таких людей он оттаивал от мерзопакостей, которые подкидывала жизнь, их взаимно притягивала добропорядочность и сердечность.

Необязательно были или становились они так близки, как старинные друзья еще с заводских времен, соорудившие Льву Ивановичу после ампутации специальные сани для удобства

передвижения на зимней рыбалке, или еженедельно таскавший его в эти времена на своем загривке в парилку Георгий Рябов, могучий центральный защитник «Динамо» начала 60-х, а впоследствии работник дипкурьерской службы МИДа. Но оставались верны человеческой солидарности, считали нормой подать руку помощи попавшему в беду, как поступил журналист Александр Горбунов. Работая корреспондентом ТАСС в Хельсинки, он организовал Яшину обследование в тамошней клинике и изготовление подходящего протеза (взамен невыносимого отечественного), и все это за счет финской фирмы, да еще и поселил у себя дома, хотя тот долго отказывался, не желая стеснять людей.

Жена Горбунова Светлана взялась было отучить дорогого гостя от курения. Смотрели они как-то телефильм об испанском чемпионате мира 1982 года, закадровый текст читал первый и лучший исполнитель роли Джеймса Бонда знаменитый шотландский актер Шон Коннери. И вот голосом Бонда произносит: «На чемпионате мира было много неплохих вратарей, но ни один из них не выдерживает сравнения с легендарным Яшиным». И Лев Иванович реагирует на попытку отобрать сигарету:

– Вот ты меня ругаешь Светик, а он, слышишь, что говорит: ле-ген-дар-ный!

Словом, великий спортсмен и из этой жизненной драмы выкарабкался, вышел, как всегда, достойно. «За годы работы с Яшиным в сборной, – писал Андрей Петрович Старостин, – мне ни разу не довелось видеть его в беспомощной позиции, в которую легко попасть вратарю. Не оказался он беспомощным и перед лицом судьбы, которая послала ему тяжелое испытание. Он выстоял».

Когда Яшина в прямом и переносном смысле свалила беда, подняться, пойти, снова включиться в активную жизнь помогли ему не только собственный характер, усилия жены, всей семьи, но и буквально каждодневная поддержка знакомых, полузнакомых, вовсе незнакомых людей. Даже еще толком не отойдя от наркоза, слабо улыбнулся оперировавшему хирургу. Покровскому только осталось произнести слова не утешения, но правды:

– Раз улыбаетесь, будете жить дальше.

К жизни и добрым делам возвратили и прочитанные письма.

«Дорогой Лев Иванович! Позвольте медсестре военных лет сказать вам: то, что произошло, ей-богу, не самое страшное. Главное сегодня – бодрость духа, сила воли, стремление побороть болезнь, Уверена, что у вас и Валентины Тимофеевны мужества достаточно. Прежде всего, вам нужно поднять себя и пойти. Мой

дед, белорусский крестьянин, который умер в возрасте 91 года, говорил: «Нас двое – хворь и я. Я должен быть сильнее, поэтому надо встать и идти». Желаю Вам бесконечной душевной бодрости. Л.Я. Фрусина, Днепропетровск».

«Дорогой коллега Лев Яшин! Пишет тебе бывший футболист киевского «Динамо» Виталий Голубев, который вместе с тобой играл за сборную СССР. Товарищи рассказали мне о твоей болезни. Я тебе сочувствую как никто: у меня случилась та же беда – ампутация правой ноги. Признаюсь, я был в отчаянии. Но дело пошло на поправку, рана заживает. Уверяю тебя, нужно радоваться жизни. Много гуляем с женой, теперь и сам выхожу на прогулки. И у тебя все будет хорошо. Будь здоров и счастлив. Виталий, Киев».

«Дорогой Лев Иванович! В трудную для Вас минуту мы, все шесть тысяч участников турнира по мини-футболу на снегу «Зимний мяч Автограда», рядом с вами. Ни один турнир «Зимнего мяча» не проходил без вашего участия. Мы готовимся к пятому юбилейному. Не забывайте, что вы – его главный судья. Верим в ваше мужество и силу воли. Всегда ждем вас в Тольятти. Участники соревнований».

«Дорогой Лев Иванович! Вспомним изречение Бетховена: через страдания – радость доброй жизни. Иван Козловский».

Яшину и прежде приходилось, пусть и не в такой степени, продираться сквозь терзания и муки, но он никогда не изменял доброй жизни, не разучился находить в ней радость и теперь, когда пришлось перенести особенно мучительное потрясение. Еле двигался с костылем, но старался не отказывать в своем присутствии там, куда наперебой приглашали и даже усиленно зазывали, будь то заводской дом культуры или школа-интернат для трудных подростков.

Терпеть не мог, а ведь что греха таить, приходилось, являться на люди свадебным генералом, когда известного человека навязывают собравшимся, превращают в декорацию, лишь бы придать сбору торжественность и официальность. Но чаще нутром чувствовал: его-то от души желали видеть и слышать, к нему люди тянулись сами. И вот в таком незавидном состоянии, когда каждый шаг давался с трудом, когда даже лестничный пролет преодолеть было проблемой, когда от болей спасали только уколы, мотался по Москве, по стране, совершал дальние вояжи на турниры, названные его именем (Самарканд, Махачкала, Хельсинки) и не названные, на выступления в больших залах – словом, ехал туда, где его ждали. Так и объяснял, когда чувствовал себя хуже и начинали отговаривать: «Как же не ехать? Ведь просили, ждут».

Откликаться на просьбы, не задумываясь, помогать, не распространяясь на эту тему, Яшин возвел в степень своих добровольных обязанностей. Как перед людьми хорошо знакомыми, так и вовсе ему не известными. И независимо от того, находился на взлете славы или в тяжелые для себя времена, слишком уж часто выпадавшие столь успешному человеку. Он торопился делать добро, когда его просили и, что совсем уж удивительно, когда даже не заикались, не дожидаясь ни просьбы, ни благодарности, по своему повелительному душевному сигналу – так уж был устроен.

В динамовском манеже, где зимой 1979 года тренировалась сборная, немногие присутствовавшие были свидетелями такой сценки. К Яшину, который как замначальника Управления футбола курировал сборные команды и посетил занятия, подошла незнакомая женщина, поздоровалась и сказала:

– Лев Иванович, помогите, пожалуйста, моему сыну

– Что с ним?

– С ним все в порядке. Даже чересчур: в 14 лет рост 182. Вратарь он в детской команде «Динамо». Только трудно ему с таким ростом. А тренеры даже считают: бесперспективный. Но они же не вратари, могут ошибаться, но чтобы подсказать – нет. А мальчик не может без мяча, умоляет: найдите мне репетитора – есть же, говорит, репетиторы по математике…

– Вы хотите, чтобы я стал репетитором? – улыбается Яшин.

– Ну что вы! Помогите советом. Что ему делать? Какие специальные упражнения? Да вы взгляните на него, очень вас прошу – они здесь же, рядом, занимаются.

И Яшин, оторвавшись от тренировки сборной, отправляется с незнакомой женщиной смотреть ее сына, потом долго и обстоятельно рассказывает им обоим, что делать для развития гибкости, прыгучести, владения телом. В таких просьбах отказывать не умел.

Лев Иванович охотно эксплуатировал привычку советских бюрократов делать должное не по обязанности, а по обращениям узнаваемых лиц. Поэтому наши большие актеры, писатели и футболисты нередко использовались как ходоки по инстанциям, чтобы пробить кому-то квартиру, телефон, достать путевку в санаторий или место в больнице. Благодарные люди до сих пор не забывают, что многими такими дарами обязаны Яшину, которому удавалось даже выбивать «невыездным» решение соответствующих инстанций на пересечение советской границы.

Раздатчики благ, как правило, опасались отказывать знаменитым ходатаям – вдруг те пожалуются выше, можно и нагоняй схлопотать. А иным чинам было лестно пообщаться с

известными посетителями и пойти им навстречу. Порой Яшину приходилось, улаживая чужие дела, ходить по кабинетам, как на работу. Или часами накручивать телефонный диск, если вопрос пустячный и можно обойтись без такого хождения.

В нем всегда сидела неистощимая потребность просто сделать приятное ближнему. «Исключительно чуткий был человек, – вспоминает его прямой продолжатель Владимир Пильгуй, получивший, пусть символически, вратарские перчатки из рук Яшина. – Никогда не забуду матч «Динамо» в Донецке в 1971 году. Мы сыграли тогда с «Шахтером» вничью – 2:2. А после игры Лев Иванович в раздевалке подходит ко мне с шампанским. Не разыгрывает ли, думаю, не издевается ли надо мной за два пропущенных гола, не обмыть ли их задумал? А он командует: «Тихо! От нас всех поздравляю тебя, Володя, с огромной радостью! Сегодня у тебя родился сын!» Телеграмма из Днепропетровска пришла еще перед игрой, но мне не сказали, чтобы не разволновался. А после игры Яшин организовал этот самодеятельный «банкет», на котором вся наша команда в честь рождения моего сына приложилась к шампанскому».

В какие-то проявления яшинского внимания к людям трудно вообще поверить, кому-то они покажутся выдуманными из желания приукрасить его портрет, а кому-то чудаческим перебором неисправимого альтруиста. Но вот подлинная история. Яшину как-то написал письмо болельщик из Узбекистана. Лев Иванович ответил. И вдруг через некоторое время автор письма предстал перед своим адресатом на пороге его собственной квартиры, и не один, а с семью детьми. В гостиницу устроиться тогда в Москве было невозможно, да он, скорее всего, и не собирался. Ответ Яшина на письмо был настолько теплым, что получатель воспринял его как знак вечной дружбы, и свое явление в гости по восточным законам нахальством, видно, не считал. И что вы думаете – Лев Иванович поселил у себя дома всю эту ораву незнакомцев. Целую неделю кормил, поил, показывал Москву.

«Да, сегодня я в ударе, не иначе, надрываются в восторге москвичи, а я спокойно прерываю передачи и вытаскиваю мертвые мячи» В. Высоцкий, «На уход Яшина»

Яшина особенно пронимала человеческая беда. Как-то в 60-х динамовцы приехали в Ростов играть с местными армейцами. Когда футболисты уже садились в автобус, чтобы ехать из гостиницы на стадион, подошла пожилая женщина и спросила Яшина. Оказалось, ее сын, парализованный в результате несчастного случая, в детстве хотел стать вратарем. Женщина пришла за автографом для сына. И совершенно неожиданно для

нее Яшин пообещал заехать после матча к ним домой. Поздно вечером, взяв футбольный мяч, на котором расписались все динамовцы, отправился к бедному мальчику. С ним напросился молодой дублер Олег Иванов (ныне тренер сборной России по мини-футболу). С трудом нашли скромный домик на окраине Ростова. Прикованный к постели парнишка долго не мог поверить, что разговаривает с самим Яшиным. А Лев Иванович сумел найти нужные, неформальные слова, стараясь убедить: с любой болезнью можно бороться – главное не скисать, уметь держать удар.

Держал удар сам и других приучал – своим собственным настроем и настойчивым, деликатным убеждением. В августе 1989 года на торжественном вечере в честь 60-летия Яшина во Дворце спорта «Динамо» я случайно занял место рядом с пожилой женщиной. Разговорился с ней: оказалось, Галина Яковлевна Жданова – из Краснодара, приехала в Москву на эти торжества по приглашению четы Яшиных, остановилась у них дома. Она не имела никакого отношения к футболу, с Львом Ивановичем их свело и сдружило несчастье.

Познакомились по переписке. В потоке писем, хлынувшем к Яшину после обжигающего известия об ампутации ноги, оказалось и теплое многостраничное письмо участницы войны, где рассказывалось о такой же трагедии с ее сыном. Сам едва отошедший от операции, он ответил словами поддержки, старался на расстоянии приободрить мужественную мать и развеселить совершенно уж незнакомого молодого человека, ее сына. А самому ему чем дальше, тем веселиться было труднее. Болезни одолевали все больше. Но держался до последнего.

Нашим соотечественникам принято пенять, и поделом, на такую скверную привычку, как зависть. Хорошо знаю, бывает она обращена и к футболистам, их известности, богатству, сладкой жизни. Если те предаются сладкой жизни – «дольче вита» в феллиниевском смысле, наполнившей знаменитый одноименный фильм, т. е. светским или полусветским похождениям, гульбе напропалую, этот симбиоз с футбольными нагрузками лишь калечит им существование, и примеров хоть отбавляй: в здравом уме не позавидуешь ни Джорджу Бесту, ни Валерию Воронину, ни Полу Гаскойну ни Диего Марадоне (первые двое погибли во цвете лет, непутевый английский затейник, пропив целое состояние, чуть ли не нищенствует, а божественный аргентинец, не успев освободиться от наркозависимости, в 2007 году опять угодил в клинику, на сей раз с алкогольным отравлением).

Сладкое перемешано с горьким и в серьезе футбольной жизни: за материальное благополучие (что в жалком советском

варианте, что в сегодняшнем варианте развращения высокими заработками) приходится дорого платить – изнурением тренировок и жестких официальных схваток, травмами, нервами, ограничениями режима и много чем еще.

Что представляла собой «дольче вита» Льва Яшина, вы уже могли судить по прочитанному. Это была совсем не сахарная, зато достойная жизнь. Кого волнует хруст купюр и блеск мишуры, тот Яшина не поймет, у того едва ли вызовут желание подражать его тревоги, страдания, наконец, печальный финал. Может, и не много теперь таких, кто наподобие Яшина ищет радость в доброй жизни, – вот для кого ценным представляется его жизненный след и кому важна его наука, независимо от рода занятий и степени таланта.

Среди сегодняшних футболистов развелось немало холодных циников, по-бухгалтерски высчитывающих выгоду от своих услуг клубу и сборной, от своего вымученного патриотизма, и мне их искренне жаль, потому что им не дано испытать яшинскую радость от честно сделанной работы, каждого свидания с мячом, каждой удачи партнера, каждой победы команды.

Поводов для радостных эмоций спортивного победителя у Яшина находилось предостаточно. Вернее он сам со товарищи по «Динамо» и сборной эти поводы собственноручно создавал, зарабатывал ценой неимоверных усилий. Однако череда испытаний смолоду и до пенсионного возраста в силу яшинского природного жизнелюбия и праздничности самого футбола не могла затопить его мировосприятие полным мраком и беспросветностью, больше того – закалила насколько могла. Всяческие неприятности и боли перекрывались достигнутыми результатами и расположением неисчислимого множества людей. Да и в каждодневной действительности многое давало удовлетворение. Семья и команда, ставшая второй семьей, друзья и увлечения – все это не оставляло большого зазора для уныния, напротив, окрыляло, поднимало настроение и дух. Высшую степень удовлетворения, как каждому творческому человеку, давали, пока играл, профессиональные искания, постоянные прикидки, как улучшить вратарское дело.

Ни разу не встречал, чтобы кого-либо из спортсменов называли перфекционистом. Это мудреное словечко обозначает человека, поглощенного стремлением к совершенству. Пусть Яшин станет первым, кто в спорте удостаивается такого определения. Потому что заслужил его многими годами неустанного влечения к обновлению вратарских навыков и средств. Видел в этом прежде всего практическую потребность. Но ее подкрепляла и личная любознательность. «Творить,

выдумывать, пробовать» Яшину было попросту интересно.

Глава седьмая
Корень добра

Мыслитель футбола

Откуда он такой взялся – Яшин? Как все мы – из детства. Существует теория, доказывающая, что человеческий характер в основе своей закладывается в довольно раннем, во всяком случае, дошкольном детстве. Родители Яшина – Иван Петрович и Александра Петровна, конечно же, не предпринимали, да и не могли предпринять специальных педагогических усилий, ему достаточно было впитать простые и непритязательные нравы и привычки, сложившиеся в семье. А замешены они были на человеческой порядочности – только и всего. Раннее взросление в военные годы лишь добавило ответственности перед окружающими, прораставшей в его натуре под влиянием отца.

Эту ответственность быстро обнаружил, взяв в молодежную команду «Динамо», Аркадий Иванович Чернышев. Какую-то основательность во всем, что делал его подшефный, сразу подметил и Алексей Петрович Хомич. Даже бытовые мелочи, не говоря уже об игре, выдавали в новичке аккуратиста – с легкой руки Левиной бабушки выстиранная и тщательно отглаженная форма всегда была уложена на полке шкафа ровной горкой (потом эту немудреную привычку переняли другие динамовцы). Роль опекуна определили основному вратарю команды тренеры, именно к нему в комнату динамовского общежития подселили новичка на вечных, почти непрерывных сборах: «Пусть дышит вратарским воздухом». Яшин, как еще недавно за заводским вратарем Гусевым, носил за легендарным Тигром чемоданчик, жесткий, окованный металлическим ободом – подобных теперь не существует в природе.

Хомичу шел уже тридцатый год, он чувствовал, что долго не продержаться, поэтому хотелось найти такого парня, которому мог бы передать то, что накопил, как в свое время ему самому помогал войти в дело предшественник – Борис Кочетов. И сам того не зная, Якушин пошел навстречу этому желанию. Познакомившись с Яшиным поближе, Хомич еще больше загорелся, обнаружив много общего в своей с ним биографии: оба из рабочих семей, в раннем детстве потеряли одного из родителей (он отца, новичок– мать), оба подростками встали к станку

На тренировку новоявленный учитель и ученик выходили с запасными майками и полотенцами, потому что пощады от старых партнеров Хомича ждать не приходилось – бить умели. От их беспрестанных и мощных ударов, вспоминал Алексей Петрович, соль выступала на висках. Полотенца помогали плохо.

Весной, когда Гагру заливали дожди и приходилось, ловя мяч, то и дело падать в грязную жижу, ко второй, вечерней тренировке не успевали высушивать форму. Заставший их совместные занятия Виктор Царев после таких тренировочных сеансов, на которых человек-легенда наставлял его товарища по молодежной команде «Динамо», сравнивал эту вратарскую пару с шахтерами, только вышедшими из забоя – такими плелись они в раздевалку черными и осунувшимися.

Яшин, молчаливый и стеснительный, не любил донимать лишними вопросами (хотя Петрович был вполне доступный, даже простецкий человек), больше присматривался, наблюдал за его повадками. Размышлял над вратарскими премудростями, но постигал их, скорее, в действии. Тренироваться было, понятно, тяжело, но жуть как интересно. Он и сам не осознавал тогда, что это был не механический, а с каждым занятием все более творческий процесс, в котором, собственно, и родился ЯШИН.

Он всю жизнь был, конечно, благодарен своим учителям, начиная с первых, еще заводских тренеров – Владимира Чечерова, как раз и определившего его неизвестно почему в ворота, и Алексея Гусева, прививавшего начальные вратарские навыки, да первого динамовского – Аркадия Чернышева, который лишь за два открытия – Яшина в футболе и Мальцева в хоккее – достоин памятника. Был благодарен Михаилу Якушину, Ивану Станкевичу, Алексею Хомичу, Михаилу Семичастному, Гавриилу Качалину, Александру Пономареву, Константину Бескову, многим другим, принявшим участие в его судьбе. Себя благодарить особенно не умел, но его тренеры как в «Динамо», так и в сборной были убеждены, а мне остается только присоединиться к их мнению, что по честному, так называемому гамбургскому счету, Яшин в своем восхождении больше всего обязан не кому бы то ни было, а самому себе. Таких американцы называют «self-made man». В переводе с английского это означает «человек, сделавший себя сам».

Вратарскую науку Яшин осваивал настойчиво. На тренировках себя не жалел, чтобы преодолеть и чужое неверие, и собственную неуверенность. Понукать его тренерам не приходилось: он попросту боготворил это славное дело – футбол и хотел такому чуду соответствовать. В полной мере соответствовал и своему же ответу на журналистские попытки докопаться до корней пришедшей к нему позже вратарской неповторимости: «Наш удел – греметь костями о землю» (умел же сказануть, черт возьми). И действительно «гремел» часами, весь в пыли и грязи – сами знаете, какие у нас водились и водятся тренировочные поля, особенно по весне и осени. Просил бить ему

двумя-тремя мячами. Бросался за одним, вскакивал, нырял за другим. Злился, правда, даже огрызался, когда били, говоря языком физики, не последовательно, а параллельно, иными словами, не с малыми интервалами, а одновременно – это распыляло, рассредоточивало внимание.

Впервые вызванный в начале 60-х на сборы национальной команды СССР, Валерий Лобановский был поражен, как много и самозабвенно, абсолютно не щадя себя, работал Яшин на тренировках – «падая и вставая, снова падая и вставая, без устали и без нытья». То, что узрел и неожиданно открыл для себя киевлянин, уже лет десять или около того было ведомо и привычно московским одноклубникам и старожилам сборной. «Его самоотдача иногда даже пугала нас, – не переставал удивляться спустя целую вечность Константин Крижевский. – Однажды во время тренировки Лева упал в обморок. Хорошо, рядом находился врач, быстро привел его в чувство. Мы испугались, не перегрузка ли. Доктор говорит: нет, к большой работе он уже привык, но уж слишком отдается игре, слишком рьяно за все берется». Но иначе не умел.

Не умел и жаловаться на трудности, не привык бравировать ими. Как-то сказал мне: «Я не очень люблю, когда выпячивают трудности своего дела. Киноактеры, бывает, рассказывают об адском труде на съемках, балерины – о выматывающем тренаже. Каждое дело трудное, если его не любишь или оно надоело. Если это твое родное дело, если прирос к нему, трудностей не замечаешь. В футболе полагается вкалывать на тренировках, но лично мне это было не в тягость».

Когда был уже в возрасте, за ним не могли угнаться резервисты, хотя были младше на 10–15 лет – присаживались на травку в изнеможении, пока Яшин продолжал «греметь костями». Огромные нагрузки – десятки и сотни ударов за тренировочный день – вошли в привычку, стали, можно сказать, потребностью организма. Единственное, что стал позволять себе со временем, – не летать ласточкой за каждым мячом. Здравый смысл подсказывал ему, что в этом случае физический и нервный износ был бы чрезмерным. Часть таких ударов старался отбивать ногами (и этот навык ох как пригодился в игре!), а некоторые просто провожал глазами, как бы дотягиваясь до мяча мысленно, репетируя бросок в уме. Стоп! Чуть задержим внимание на этом «в уме».

Мысленное моделирование Яшиным своих действий для приема разнообразных ударов может быть понято нами, простыми смертными, мной во всяком случае, только с подачи профессионалов. Первым, насколько помню, обратил на это

внимание интересующихся Андрей Старостин. А недавно напомнил, пойдя в своих рассуждениях еще дальше, Валентин Бубукин. Известный в футбольной среде весельчак и баечник, которого, кстати, и Яшин нахваливал как автора доброго настроения в сборной команде, оказался еще и глубоким аналитиком. Задуматься об истоках яшинского мастерства заставил его один случай на тренировке.

Форвард обводящим ударом послал мяч в сетку, Яшин даже не дернулся, и Бубукин исторг радостный вопль. Вратарь посмотрел на него иронически:

– Чего радуешься? Я этот мяч взял.

Бубукин остолбенел: Лев достиг такого совершенства, что мог проводить физическую тренировку мысленно. Нападающий бьет, головной мозг фиксирует удар, дает сигнал в ноги, они пружинят, вратарь падает и берет. Только все это прокручивается в голове! В следующий раз, забив мяч, Бубукин уже не радуется, но и Яшин ведет себя по-другому:

– Какой же я дурила! Момент удара прозевал – я этот мяч не взял.

Валентин Борисович даже отваживается на сравнение с «эффектом Паганини». Некий англичанин, поясняет Бубукин, решил узнать секрет репетиций гениального скрипача. Просверлил дырку в гостиничном номере и сорок пять минут смотрел, как одетый во фрак музыкант стоял с поднятым смычком не двигаясь. После такой «репетиции» он был весь мокрый от пота. Не считая себя большим знатоком психофизических процессов, Бубукин предполагал, что есть научное объяснение такому тренингу, когда голова реально моделирует действия рук и ног. Яшин, считал его друг, был из тех редких счастливчиков, что добивался идеального исполнения своих мысленных приказов.

Бубукин вспоминает, как Лев на тренировках минуты три стоял провожая взглядом летящие в ворота мячи. Со стороны казалось – еще не проснулся или просто пижонит. Потом включался и тащил все что только можно. За те три минуты просчитал все возможные траектории. И уже затем испытывал модель в деле. Эти показательные штрихи из тренировочной практики Яшина, обязательно включавшей серьезные умственные усилия, дают основательный толчок к пониманию корневой глубины его вратарского превосходства.

Одним из своих «производственных секретов» Яшин привел в полное изумление очень знающего французского журналиста Жана-Филиппа Ретакера: «Я становился в двух-трех метрах от ворот, лицом к ним. То есть, получается, спиной к партнерам. По

свистку они наносили сильные удары. Я не знал, кто и откуда будет бить, поэтому после свистка резко оборачивался, пытаясь отразить летящий мяч, который посылался по моей просьбе под разными углами и на разной высоте. Так отрабатывал реакцию на удары, которые изначально не видел».

Даже, казалось, привыкшие к яшинской выдумке на тренировочные новшества одноклубники поражались, как он отрабатывал быстроту реакции – мог намертво поймать в углу мяч, мгновенно вскочить и бросить его во второй мяч, пробитый по просьбе самого же Яшина в другой угол. И так не раз за одно занятие!

Видно, взрослые заботы несостоявшегося детства тогда же и начали прививать вместе со стоицизмом совсем не детский подход к делу и здравый взгляд на происходящее. Потому-то, уже динамовским дебютантом, погоревав после первых неудач, Яшин трезво расценивал свои возможности: «До основного состава не дорос». И практическим упражнениям в воротах обычно предшествовал разбор с тренером пробелов его вратарского образования, характерных ошибок в прошедших матчах, чтобы немедленно приняться за их устранение. Наставник динамовского дубля, будущий вузовский педагог и кандидат наук Иван Станкевич быстро убедился в пытливости нового динамовского вратаря, его умении критически смотреть на себя, оценивая как бы со стороны.

Передо мной образ Яшина, каким его по обыкновению точно и выразительно нарисовал несколько десятилетий назад Андрей Старостин: «Когда Яшин уходит с тренировки, ему, судя по усталой походке, можно дать 60 лет. Когда он выходит на матч, то выглядит 20-летним». Эти слова подчеркивают, как умел вратарь готовить себя к любой игре полноценными, напряженными занятиями. А заключала их особая, сугубо индивидуальная метода непосредственно предматчевой настройки – уединение, прогулка по лесу. Неудивительно, что реакция на мяч и в 40 лет оставалась у Яшина «молодой». В этом еще сравнительно недавно могли убедиться зрители «Футбольного клуба» НТВ, если бы знали, что в заставке телепередачи, позже погребенной бесконечными взрывами, перманентными выборами и мыльными сериалами, использован фрагмент прощального матча, когда Яшин за несколько минут до расставания со зрителями в красивом полете, последнем за 1000 с лишним только официально отыгранных часов, изящным взмахом правой руки отразил фирменный удар английского маэстро Бобби Чарльтона.

Свою, казалось бы, рутинную тренировочную работу он делал

до мелочей осознанно. Любил упражняться вместе со всеми как полевой игрок. И кроссы бежал, и рывки делал, и гимнастические упражнения выполнял. На его вратарском посту, может, и не все это было нужно в широком ассортименте и больших объемах. Но Яшин считал полезным вариться в общей каше, чувствовать себя не каким-то исключительным, обособленным членом команды, а таким, как все. Командные занятия закалили и развили его чутье, понимание, или, как главный козырь Яшина сформулировал Лобановский, чувство игры.

Тренируясь непосредственно в воротах, Яшин оттачивал выходы из них в упражнении «три нападающих против трех защитников», стараясь разгадать маневры форвардов, чтобы наработать своевременный перехват мяча. Неповторимый тренер-импровизатор Михаил Якушин придумал для него смешанный вариант, при котором Яшин в тренировочном «квадрате» выступал свободным полевым игроком, но как только мяч перехватывался противником, получал право на действия руками. При этом хитроумный Михей преследовал еще одну цель – чтобы вратарь получил эмоциональную разрядку от бесконечных падений, отбивающих бедра да локти.

Зимой футбольный вратарь с превеликим удовольствием выходил на лед, чтобы, как в юности, покататься нападающим в русском хоккее. Сходство с футболом по размерам поля, числу игроков и тактике дополнялось ускоренностью течения событий, а стало быть, способствовало развитию игрового мышления. Как заметил мне рьяный сторонник хоккейных тренировок в футболе знаменитый «рыцарь трех игр» (футбол, хоккей с мячом и шайбой) Василий Трофимов, «думать в игре быстрее еще никому не мешало».

Сам в прошлом славный «мячист» (или «русач», как еще называли игроков в русский хоккей), Якушин, полностью разделявший мнение бывшего летнего и зимнего партнера, стремился использованием Яшина на большом льду «разбудить» и закрепить перед началом футбольного сезона его незаурядный игровой интеллект. Именно способностью постоянно думать на поле, оперативно разбираться в меняющихся ситуациях больше всего и отличал тренер нового вратаря от искушенных Алексея Хомича и Вальтера Санаи.

В общекомандных тренировках и двусторонних играх Яшина можно было видеть на разных полевых позициях, но особенно нравилось ему прикинуть свои возможности в роли нападающего. В тренировочном квадрате 30х40 метров он постигал тайны понимания обстановки и своих партнеров, позволявшие ему уже вратарем в календарных матчах со знанием дела и особенностей

каждого из них подсказывать полевым игрокам направления перемещений и адреса передач, а вбрасыванием мяча удобно расположенному или открывшемуся товарищу выбирать наиболее выгодное продолжение.

«Великий комбинатор» Игорь Нетто, как обычно ворча на партнеров, не раз ставил им в пример Яшина за расчетливость и своевременность паса, которыми тот отличался как полевой игрок в двусторонних встречах. «Эх вы, Аники-воины, учились бы у Левы выкладывать мяч на блюдечке!» – внушал он не кому-нибудь, а игрокам сборной. «Не один Яшин из вратарей играл во время тренировок в поле, – вспоминал позже капитан сборной СССР. – Но только он не уступал партнерам в технике и превосходил многих из них в умении ориентироваться в обстановке. Недаром же любой приказ, который отдавал из своих ворот, был для нас законом: мы были уверены – ошибка исключена».

Игра в поле на тренировках и в спаррингах сослужила Яшину добрую службу в непосредственной охране своего рубежа. Неслучайно реакцию на мяч он проявлял не только «вручную», что для этой профессии привычно, но научился мгновенно отводить ногой сложные удары, зачастую нанесенные с очень близкого расстояния. В этом ему заметно помогли разнообразные упражнения, например, тренировочные «кошки-мышки», когда группе игроков в условиях жесткого сопротивления требовалось удержать мяч от перехвата передачами в касание, – может быть, в этом секрет так называемых быстрых ног, которые считались одним из козырей Яшина. В результате он оперировал ногами значительно искуснее других стражей ворот. И явно предвосхитил более активное использование вратарями «ножных» действий в перспективе, которая уже стала сегодняшним днем футбола.

Вводить мяч в игру рукой когда-то казалось во вратарском арсенале делом десятым. Но и эту «мелочь» Яшин использовал на «все сто», даже больше. Сейчас первым пасом вратаря мало кого удивишь. Но именно динамовский оригинал остается в футбольной летописи тем пионером, кто полвека назад взял за правило выбивать мяч от ворот не куда попало, а точно в распоряжение партнера. Вручную это делать было, простите за тавтологию, сподручнее, чем ногой. И до яшинской эры отдельные вратари, тот же Руди Хиден из «вундертим» (нем. чудо-команда), как именовали сборную Австрии 30-х годов, кидали мяч в поле рукой, но лишь спорадически и недалеко, чаще всего выкатывая низом. Яшин же научился более далекому выбросу по воздуху на свободного партнера, да так, чтобы мяч приближался к адресату, медленно стелясь по газону, и не сзади, а спереди.

Особо натренированное Яшиным выбрасывание толчком или броском на дальность и точность преследовало цель начать атаку не только через ближнего (что тоже регулярно делал) – по мере возможности он старался выложить мяч в центр или даже за центр поля прямо в ноги форварду. Вот на такой выброс ему принадлежит патент, который и пытался присвоить себе Маслаченко. Но о вратаре из Днепропетровска еще никто и не слышал, когда Яшин в середине 50-х уже в редких случаях позволял себе выбивать мяч ногой в борьбу, предпочитая отсылом с руки начать атакующую комбинацию. Недаром основательный немецкий футбольный журнал «Киккер» дал ему парадоксальную дефиницию: «Яшин является вратарем наступательного стиля. Что он доказал долгими годами выступлений за свой родной клуб «Динамо» и сборную Советского Союза».

Эта мысль нашла и поэтическое выражение. На 60-летии Яшина Евгений Евтушенко, давно запомнившийся футбольному люду пронзительными строками о Всеволоде Боброве, Алексее Хомиче, Василии Карцеве, Гайозе Джеджелаве, прочитал переполненному стадиону «Динамо» стихи, которые начинаются так.

Вот революция в футболе:
вратарь выходит из ворот
и в этой странной новой роли
как нападающий идет.

«Когда Яшин приобрел уверенность в игре на выходах, – рассказывал Михаил Якушин, – мы стали уже с учетом его действий строить и свою тактику. Предусматривали различные стандартные комбинации. Скажем, на наши ворота с правого фланга следует навесная передача. Мы уверены, что Яшин сыграет на перехвате. Поэтому левый защитник Борис Кузнецов, не дожидаясь, пока это произойдет, устремляется вперед на свободное место. Яшин, поймав мяч, отыскивает его взглядом, быстро делает передачу и мы моментально организуем контратаку. У нас было даже несколько примеров, что контрнаступательная операция, начатая таким образом вратарем, завершалась через несколько ходов голом в чужие ворота».

При появлении в составе Кесарева вместо Родионова, который редко привлекался к таким комбинациям, соперники начали теряться, откуда ждать грозы. Только мяч оказывался у Яшина, крайние защитники молниеносно разбегались от ворот к боковым линиям. Он обрадовался – появилась и у вратаря возможность обманного движения: размахнется в одну сторону,

выбросит мяч в другую.

Когда Якушин обдумывал очередные перестановки игроков, запамятовав, видно, что эта страсть стоила ему в 1950 году тренерского места в «Динамо», решил к концу 50-х перебазировать Кесарева с правого фланга обороны в центр. Тому уже приходилось время от времени выступать за «Динамо» и сборную центральным защитником – справлялся он с этой миссией отменно. Не всегда удовлетворенный надежностью стареющего Крижевского, Якушин пожелал Кесу, как все его звали, закрепить там насовсем.

Но тренер неожиданно наткнулся на категорический протест Яшина: «Ни в коем случае! Мы сразу потеряем в атаке. Володя же лучше всех открывается, и я знаю, что сразу же могу выбросить ему мяч на ход. В центре он не сможет регулярно выдвигаться вперед». В дальнейшем Якушин и другие тренеры использовали Кесарева на обеих позициях в зависимости от баланса в составе и тактического замысла на ту или иную игру. Но реакция вратаря на якушинский проект убеждает в полной правоте «Киккера»: да, Яшин мыслил гораздо шире подответственных ему охранных функций, был нацелен на организацию и результат общекомандной игры.

Яшину приписывали изобретение выходов из ворот, но это были уже издержки захваливания. Перехваты мяча в штрафной площади до него практиковали из советских вратарей тбилисец Александр Дорохов и одессит, позже киевлянин Николай Трусевич, из зарубежных – чех Франтишек Планичка. Другое дело, что Яшин ввел рейды по всей штрафной в систему, не застаивался на линии, постоянно и энергично, а не от случая к случаю, вмешивался в игру. И в отличие от первооткрывателей вынес активность вратаря даже за пределы штрафной площади. Всякий раз это была обдуманная и безошибочная акция, где не исключались и пижонские, но лишь на поверхностный взгляд, проделки, когда, сдергивая свою вечную кепку, Яшин отбивал мяч головой.

Между прочим, Хомич добродушно оправдывал своего ученика и в первых его опытах игры головой, когда тот подбрасывал мяч козырьком кепки: «Эх, молодо-зелено!» Для публики это было занятно и смешно, а шуточные репризы нового вратаря, по мнению Хомича, снимали напряжение и нервозность у партнеров, зато злили соперников. Но все же эти эксперименты, относившиеся больше к выступлениям Яшина за дубль в самом начале 50-х, повзрослевший вратарь из практики убрал и играл головой, а не кепкой, исключительно по делу.

… Когда после английского чемпионата мира доброхоты в

очередной раз прочили Яшину отставку, он опять посрамил торопливых скептиков в матчах сборной с Мексикой (2:0) и Францией (4:2), «Динамо» с бразильским «Фламенго» (3:1) и совсем уж очаровал футбольный мир в мае 1967 года, оказавшись в Глазго на знаменитом гиганте «Хэмпден парк». Матч Шотландия – СССР (0:2), который у нас не транслировался, тем не менее следует, по отзывам очевидцев, занести в разряд его достижений.

Шотландцы в то время громили одного соперника за другим, не сделали исключения и для свежеиспеченного чемпиона мира сборной Англии, своего извечного супостата, которого сломили у него в гостях на самом «Уэмбли» (3:2). Но Яшин с партнерами обернул знаменитый «рев Хэмпдена» против хозяев, всегда пользовавшихся неслыханной шумовой поддержкой. Ни с чем не сравнимый вопль, в едином порыве издаваемый десятками тысяч глоток в сопровождении шквала аплодисментов, на сей раз адресовался 38-летнему советскому вратарю. Не оставив без реакции пару-тройку спасительных бросков, «Хэмпден» с удивлением, но явно одобрительно воспринимал необычную плотность вратарского участия в игре. Присутствующие попросту разинули рты от неожиданности, чтобы тут же восторженно загалдеть, когда Яшин в высоченном прыжке вынес мяч головой от греха подальше или наподобие то ли дискобола, то ли толкателя ядра швырнул его рукой за центр поля Стрельцову, которому оставалось сделать лишь короткий рывок для удара по воротам.

Новаторская природа яшинского таланта и предпосылки форы, которую он давал и предшественникам, и современникам, и последователям, кроются не столько во введении новых чудодейственных приемов исполнения, как пытались нам внушить любители гипербол, сколько в усовершенствовании мало-мальски известных, в суммировании или приумножении накопленного коллегами капитала. У каждого из выдающихся вратарей прошлого были свои сильные стороны, сильной же стороной Яшина оказалась универсальная способность использовать и объединить их достижения. Он, разумеется, не мог видеть в игре ни Планичку ни Хидена, ни Трусевича. И не изучал их методику по литературе или по чьей-то наводке. Тренерам оставалось только корректировать яшинские новшества, с которыми тот перед ними предстал. Как же перенимал достоинства лучших?

Мне удалось обсудить эту тему с Львом Ивановичем, когда я привлек его к работе над энциклопедическим справочником «Все о футболе». В конце 1971 года я уже заканчивал рукопись и радостно сообщил об этом в издательство «Физкультура и спорт».

В ответ мне предложили подыскать в качестве автора предисловия кого-то из известных футболистов или тренеров. Я обратился к Яшину, он дал согласие и получил рукопись для ознакомления. Когда мы сели обдумывать предисловие, Лев Иванович поделился со мной, что первым долгом прочитал краткие биографии знаменитых вратарей. Вот тут я и спросил его:

Было ли вам известно о приемах, употреблявшихся вашими предшественниками, прежде чем их усовершенствовать?

Я и знать не знал, что Планичка «гулял» по штрафной, а Хиден выбрасывал мяч рукой. По секрету скажу, первое время вообще понятия не имел, кто это такие (зато через много-много лет, когда гостил у Планички в Праге и виделся с Заморой в Мадриде и Москве, убедился, какие это милые старики). Но я играл в туже игру, что и они, значит, искали в одном направлении – только и всего. До чего-то доходил сам, своим умом или интуицией. Наверное, чувствовал, когда надо вылезать из своей «берлоги». Сначала не получалось, выбегал из ворот опрометчиво, набивал шишки на лбу. Но как-то не испытывал сомнений, что надо играть в таком духе. Много тренировал выходы на высокие мячи и на длинные передачи. Если не получалось ловить, старался отбивать обязательно кулаком в высшей точке полета мяча. Якушин даже специально просил нападающих не только бить, но и делать навесы, чтобы я попрактиковался выносить его подальше. Постепенно все это превратилось в привычку, к которой приспособились мои защитники. Когда их стало не три, а четыре и появилось больше толкотни в штрафной, обстановку для выходов нужно было отслеживать внимательнее, покидать ворота осмотрительнее. Перешел на короткие рывки, далеко убегал уже реже, потому что при четырех защитниках стало меньше длинных передач на ход.

А у кого-то все же учились?

Многому научился, конечно, у старшего поколения. Главным образом у Хомича, который «пас» меня первое время. Но я все-таки был другой комплекции, другого склада. Поэтому стал приглядываться к рослым вратарям. Мне импонировали Акимов, Никаноров, они отличались выбором места – зря не кидались за мячом, он сам летел к ним. Добивался того же, искал в воротах свою «точку».

Устроенные для нас Яшиным пиршества вратарского искусства, так или иначе впечатанные в память очевидцев и ставшие уже достоянием истории футбола, как нельзя лучше раскрывали его персональные способности, но в то же время чуть заслоняли, что ли, доминанту стиля, главную особенность его игрового почерка. Серьезных специалистов, да и любого

посетителя стадионов, безусловно, впечатляло, как заматеревший, в последнее время казавшийся уже тяжеловатым и медлительным, сутулившийся Яшин мгновенно распрямлялся пружиной в реактивных полетах из угла в угол ворот. Но сам-то он старался обходиться без этих деликатесов, любил, можно сказать, простую вратарскую пищу, а потому еще больше впечатлял знатоков постоянством хозяйской предприимчивости в воротах.

В основании этой неизменной вратарской надежности Яшина лежали приемы, казавшиеся немудреными, а то и создававшие ложное впечатление поддавков – будто нападающие посылали мяч ему прямо в руки. На самом же деле Яшин чаще всего предугадывал направление удара и успевал занять такую позицию, чтобы можно было справиться с мячом без лишних падений. Он в какой-то степени виновник выражения, привившегося в футбольной среде, – «играет на кухарок». Яшинское «доказательство от противного» относилось к любителям брать легкий мяч в ненужном падении, своей мнимой красотой способном тронуть лишь визгливых дам.

Как не согласиться с проницательным Аркадием Галинским, который в своей радиореплике на выпады Маслаченко («Свобода», 1996) поставил каждого на свое место: «Эквилибристикой, подобно Разинскому и Маслаченко, Яшин в воротах не занимался. Но вовсе не потому, что не владел техникой головокружительных прыжков, а по той причине, что в 99 случаях из 100 необходимости в такого рода прыжках у него не было. Ведь Яшин прежде всего в том и был гений, что находился едва ли не всякий раз именно там, куда соперники направляли мяч». При этом Галинский вовсе не отрицал (да и я ни в коем случае не отрицаю) талантов Маслаченко и Разинского, но для них были гораздо привычнее, характернее нелепые, досадные голы, не вытекавшие из логики ситуаций, что возникали перед воротами.

Лев Яшин – вратарь, который поймал «Золотой мяч»

Как видите, мой старший и почитаемый коллега Аркадий Галинский вовсю славит гений Яшина. По личному знакомству, многочисленным периодическим и книжным публикациям Аркадия Романовича знаю, что такие обязывающие слова он всуе не употреблял. Это сейчас безответственные и развязные СМИ плодят одного за другим «великих» и «гениев», с легкостью необыкновенной относя к ним без особого разбора писателей, актеров, спортсменов вчерашнего, да и сегодняшнего дня. Видимо, на такие щедроты настраивает время усредненных и стертых личностей, явно занижающее критерии. Девальвация этих понятий еще сильнее побуждает отдавать дань невымышленным носителям высшего людского признания.

Я не числю себя в любителях сыпать громкими эпитетами, но Яшина определенно ставлю в малый, очень малый ряд тех, кому они положены. Но кто есть гений? Он отличается от «обыкновенного» таланта отнюдь не более высокой степенью способностей. По некоторым параметрам вратарского мастерства (например, прыгучести), а, может быть, вообще по природному вратарскому дару Яшин отдельным коллегам уступал. Невозможно было прочитать или услышать от знатоков про его артистичность, воздушность, легкость, но разве это не искупалось

проком? Согласитесь, эстетика, а правильнее сказать – эстетство во вратарском деле мало что стоит в соотношении с пользой. Поэтому-то за явным преимуществом Яшин обошел на конкурентной дистанции в чем-то даже превосходивших его, приятных глазу вратарей.

Определяя, в чем же гений Яшина, Галинский как раз и видел его в противовесе и превосходстве надежной простоты над всяческой цветистостью и вычурностью вратарских действий. Руководствовался при этом известной формулой «все гениальное просто». Но не все простое гениально, и для понимания яшинского феномена, отвергавшего популизм внешних эффектов, формулы Галинского, мне кажется, недостаточно, потому что в ней зримо проступает оболочка, а не природа явления. Правда, в приведенном фрагменте коллега и не задавался целью полностью, всеобъемлюще раскрыть ее, а лишь касался по ходу конкретных рассуждений. Поэтому тему закрывать рано.

Напоминая слова Яшина, что искал свою «точку» в воротах, вижу основу почти безошибочной простоты его вратарских решений именно в том, что он эту «точку» нашел. Известный вратарь дояшинского периода, а в его время не менее известный журналист Алексей Леонтьев любил занимать «наблюдательный пункт» за воротами, чтобы понять, в чем секрет экономных и рациональных действий Яшина. И, кажется, разобрался: «30 сантиметров. С трибуны их не заметишь. Но для Яшина они очень важны. Он мысленно как бы очерчивает сектор перед воротами – и ровно на 30 сантиметров больше, чем его коллеги. Это диктуется опытом, точным расчетом. Учтены собственный рост, прыгучесть и скорость реакции. С какого бы места нападающие ни наносили удар, Яшину не нужно лишних движений, чтобы преградить полет мячу. Шаг в сторону, и позиция идеальная».

Своего рода ключом к пониманию феномена Яшина, мне кажется, можно считать краткую, но емкую оценку, прозвучавшую когда-то из уст Константина Бескова: «Яшин не только великий исполнитель, но и великий мыслитель футбола. И именно это поднимает его над всеми остальными вратарями». Здесь кроется существенное дополнение к мысли Галинского о гениальной простоте – истоки ее следовало искать не столько в манере исполнения, сколько в искательстве, желании и умении глубоко копать, шлифовать нюансы, а это доступно только вратарям умным, думающим, понимающим хитросплетения игры, и Яшин – первый среди них, а чем-то и единственный.

Бесков знал, что говорил: они пуды соли съели, вместе оказавшись в «Динамо» и сборной – как партнеры (1950–1954), как тренер и игрок (1963–1964 и 1967–1970), как тренер и

начальник команды (1971–1972). Бывало, пробегала между ними черная кошка, как осенью 1963 года, когда тренер сборной отказал в доверии Яшину, но после «Уэмбли», где присутствовал, вынужден был, пусть косвенно, признать свою неправоту. Как-то я спросил у Льва Ивановича, не обижен ли он на Константина Ивановича за 1963 год.

– А чего, собственно говоря, обижаться? В футболе всякое бывает. Обидеть может несправедливость, а не ошибка. Тренер имеет право ставить кого угодно по своему усмотрению. К тому же не уверен, что тогда обошлось без давления. Только не знаю, людей или обстоятельств. Видно, обстоятельств, потому что Бесков человек самостоятельный. Но и ему, как многим другим, могло показаться, что пора мне заканчивать. Что бы ни происходило, я благодарен ему за учебу уму-разуму Да и общение в неформальной, домашней обстановке давным-давно сняло все вопросы между нами.

Такое вот отношение двух футбольных мыслителей друг к другу

Когда испарилось раннее недоверие к Яшину, в период зрелости вратаря его реноме, видимо, ни у кого не вызывало особого желания позволить себе критический анализ действий. Речь не об отдельных матчах – тут он не избежал критики, иногда даже несправедливой, а об архетипе игровых навыков и привычек. Убежден, что идеализация была Яшину совершенно ни к чему, он и без нее возвышался, словно Эверест. Помню, как Лев Иванович заразительно смеялся, когда я рассказал, как две-три редакции отказали мне в намерении преподнести его реалистический образ, фиксирующий не только масштаб личности, но и, как тогда выражались, «отдельные недостатки» живого классика футбола. И добавил: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет».

Яшина раздражала неуемная восторженность и лакировка в освещении футбола, в частности, в припудривании его собственного облика. Когда понял, что таковы неписаные правила советской пропаганды и ничего не поделать, махнул рукой, но иногда его прорывало, потому что нереалистичная самооценка мешала нашему футболу, заметно в 70-е годы сдавшему, подняться на прежний уровень. Он публично выражал недовольство, что «критика и самокритика звучат все тише и тише, а вот привычка громко кричать о малом успехе и умалчивать о неудаче остались». Его не устраивало, что «научились гордиться мнимыми успехами». Словно заглянул в наше время, когда эти вещие слова звучат еще актуальнее, чем четверть века назад.

А над своей «непогрешимостью», усиленно раздувавшейся

тогдашней прессой, просто насмехался. Спрашивал одного из моих коллег: «Неужели напишете, что я всю свою спортивную жизнь курил? Какой же пример подавал молодежи?» По-моему, это «открытие» наша пресса впервые сделала только в 80-е годы, а об усилившемся пристрастии к выпивке во времена его чиновничьего дискомфорта я вставляю «лыко в строку» только сей момент.

В игровые годы особым пуританством Яшин тоже не отличался. Правда, трешки и пятерки не стрелял, в компанию динамовских выпивох не входил, в забегаловки с ними не гонял. Отъявленным «режимщиком» тоже не слыл, знал место и время, где и когда можно расслабиться. Поэтому я не удивился той были, что поведал мэтр нашей литературы Василий Аксенов. В 1962 году, направляясь с писательской делегацией в Японию, он летел одним рейсом с московским «Динамо», приглашенным туда же на товарищеские матчи. Оказался в салоне по соседству с Игорем Численко, позади расположился Лев Яшин. Число знал о богемности молодого писателя, быстро с ним сошелся и обратился с просьбой:

– Тут за нами стукач присматривает, из-за него даже выпить нельзя. Но ты все-таки закажи виски, а я прилягу на пол, чтобы он не засек, и выпью чуток…

Так и сделали, потом Игорь обернулся к Яшину:

– Лев, выпить хочешь?

– Не против.

– Ложись тогда…

Яшин сильно пригнулся, чуть под кресло не залез. Очень хорошо его понимаю – грех было не выпить в международном рейсе: настроение перед «заграницей» что надо, «под такую закусь, да бутылку», как пел Высоцкий. Кто ж осудит, что усидели ее, да еще втроем, тем более что до первой игры в Нагое оставалось несколько дней.

А когда играть перестал, тормоза не так сдерживали, да и новые обстоятельства настроения не поднимали. По прошествии десятилетий, уже в 2007 году, одна газета, безумно пожелтевшая, при этом бряцающая своим громким брендом, причислила Яшина к алкоголикам, но быстро опомнилась и принесла извинения (только поэтому опускаю название газеты) – настолько диким выглядел этот бред. Нет, у Яшина хватало ума и воли не доводить «вредную привычку» до беспробудности, но стаканчик виски или пару стопок водки из бутылки, упрятанной от бдительной жены в «тетра-пак» (пакет) из-под молока, с утра мог хлопнуть запросто. И упоминаю об этом не на потребу любителям «жареного».

И у другого запоздалого охотника до спиртного,

пристрастившегося к нему в постфутбольные времена, – Сергея Сальникова гости стали обнаруживать дома полным-полно пустых бутылок, в основном, кажется, из-под пива. Это когда он ушел из второй семьи и поселился в коммуналке близ Курского вокзала. Яшин, слава богу, и первую семью не оставлял, да и иные несхожие обстоятельства их разводили, а объединяло (и со многими другими ветеранами тоже) все большее истощение интереса к делу, подброшенному судьбой и не сравнимому по увлекательности с прежним – игрой в футбол. И не ради «клубнички», тем более не для укора стоило уже тогда трубить о житейских последствиях опустошающей неудовлетворенности, а для того, чтобы привлечь всеобщее внимание к социальному неустройству вчерашних любимцев публики, переместившихся с футбольного поля на другую стезю. Но пресса, возможно, и не вполне виновата, хотя могла бы попробовать, как водилось, намеками и экивоками – напрямую-то тема была табуирована.

И уж совсем нелепо и смешно выглядела невозможность правдиво писать о самой игре и игроках. Честняге Яшину досаждало, что он представал в наших опусах напомаженным, далеким от реальной жизни. Да и самому хотелось знать, но, конечно же, от профессиональных критиков, а не от одного только клубного или государственного тренера, каковы его собственные характерные погрешности: «Тренер, разумеется, мне указывал, что надо поправлять, но есть же и другие мнения, а мне, особенно после «матча века», не решались делать замечания. За «пенки» газеты пропесочить не забывали, но сыпать соль на раны легко, а профессионально подсказать куда сложнее».

Были ли у «вратаря мира» действительно слабые места? «На этот вопрос, – писал Валентин Иванов, – вряд ли ответишь утвердительно». Того же мнения придерживался Василий Трофимов, негромкий, скромный человек, внутренне настроенный при этом очень критично к футболистам, начиная с самого себя. Наметанным взглядом находил большие минусы и у Боброва, и у Бескова, и у Стрельцова, у других наших «самых-самых», исключая, пожалуй, Петра (Пеку) Дементьева и довоенного Григория Федотова – этих идеализировал. В каком-то разговоре, а их у нас с Василием Дмитриевичем в 60-х было немало, зашла речь про Яшина.

– Лева не годами, так месяцами держал форму, и вам об этом рассказывать не надо. А когда он в форме, – своим тихим голосом, медленно расставляя слова, произнес знаменитый Чепчик, – все у него настолько налажено, что и придраться не к чему.

За долгие годы яшинской карьеры пресса тоже не нашла, да и

не искала «узкие места», даже специальная («Советский спорт», «Спортивные игры», «Футбол»), все больше нахваливала. Крайне редкие критические обобщения сводились к тому, что низовые мячи он отражал с большими затруднениями, чем верховые, или играл на линии слабее некоторых вратарей. Валерий Маслов считает – того же Беляева (хотя и не сомневался, что в целом как вратарь Яшин «был близок к идеалу»). По поводу Беляева спорить с Масловым не возьмусь – он несколько лет имел возможность сопоставлять каждодневно, стало быть, видел больше моего, только помню, что при всех расхождениях в стиле двух динамовских вратарей дублер Яшина в игре на линии придерживался ясных и рациональных принципов старшего коллеги, не слишком злоупотребляя падениями и бросками.

Просматривая свои достаточно подробные поматчевые записи, которые вел в 1953–1960 годах, я не удивился сочетанию наива с юношеским максимализмом. Доставалось среди других и Яшину, иногда в весьма крепких выражениях («не упал даже, а свалился мешком»). Но мне кажется, и тогда сознавал его необыкновенность. Потеребив свою память, освежив ее этими записями, могу лишь констатировать, что предрасположения к какому-то роду действий за ним не замечал, а оплошностей на линии и на выходах, внизу и вверху он допускал одинаково – одинаково мало. Словом, серьезных нареканий не заслуживал в исполнении Яшина ни один раздел вратарского мастерства, чтобы можно было толковать о каких-то органических пороках.

Анатолий Акимов, с которым я подолгу общался во время чемпионата мира в Англии (он был почему-то приписан к журналистской группе), заметной натренированному глазу слабины, характерной для Яшина, не находил, а во время матча с Венгрией, сидя рядом, особенно восхищался наработанной растяжкой, позволявшей тащить именно низовые мячи. Я напомнил Анатолию Михайловичу, что он писал в 1960 году, будто Яшин «иногда заигрывается». Просил разъяснений, но собеседник упирал на слово «иногда» и, как я понял из туманного ответа, имел в виду неосмотрительность некоторых дальних рейдов. Но Яшин сам сократил их в пользу коротких отлучек из ворот.

И все же – кто ищет, тот всегда найдет. Не то чтобы я специально искал минусы его вратарских навыков и привычек. Но снова и снова перебирал виденное, чтобы доискаться до правды, полагая, что это как раз в духе Яшина, поэтому старался не заслоняться приуроченностью некоторых своих последних публикаций к его юбилейным датам.

Приходилось сталкиваться с мнением, что Яшин иногда не

реагировал на дальние удары, поскольку на склоне карьеры стало подводить зрение. Возможно, чуть истершийся глазомер и стал дополнительной помехой вратарской реакции, но это никак не объясняет повторявшиеся время от времени случаи и прежней безответности на некоторые выстрелы из-за границы штрафной. Насколько я понимаю, в тех матчах, где Яшина можно было упрекнуть за такие голы, его подводила концентрация. Не знаю, прав ли я, но нахожу объяснение в делимости, дроблении его внимания, связанных с избранной манерой игры.

Яшин приучил себя следить сразу за несколькими «объектами» – прежде всего за мячом, но и за целой группой игроков, своих и чужих, их менявшимся расположением, чтобы в нужный момент вмешаться непосредственно или своевременной репликой партнерам, корректируя их действия или определяя направление вероятного развития атаки на свои ворота. И в таких случаях он, бывало, поздно реагировал на мяч или вообще зевал удар.

Жаль, в свое время не имел возможности спросить Яшина, как он относится к этой версии, просто потому, что появилась она позже. Но успел как-то справиться о другом. Мне казалось, что его хватку нельзя назвать мертвой, чтобы мяч прилипал к рукам, как, например, у Хомича. В футбольной юности Яшин, чувствуя эту слабину, пытался с чьей-то подсказки даже варить специальный клей, чтобы смазывать перчатки для прочного сцепления с мячом. Но однажды в игре, когда от волнения похлопывал рука об руку, они слиплись, обработанные таким варевом, и мяч залетел за спину. Эксперимент пришлось оборвать, но удалось ли справиться с проблемой? Во всяком случае, на смену кустарщине явилась зрелость подступа к ней. Припоминаю, что Яшину иногда приходилось фиксировать мяч вторым касанием. Вот и спросил Льва Ивановича о том, почему подчас, принимая его, гасил сперва о землю, а потом уже забирал в руки.

– Считал, что так удобнее, когда мяч летел на уровне груди, а соперников рядом не было.

Я был полностью удовлетворен этим ответом, восприняв его как индикатор примерной рациональности и просчитанности любого игрового хода Яшина, да и интуиция, которую он включал во многих случаях, развита у него была как ни у кого. В любом варианте это как раз тот случай, когда свой минус он оборачивал плюсом.

Характер поведения Яшина на поле можно уместить в два слова, как удачно это сделала крупнейшая в мире французская спортивная газета «Экип». Но, назвав его еще в 1960 году

играющим тренером, вложила в это понятие новый смысл. Что такое играющий тренер? Тот, кто уже работает тренером, еще не закончив играть. Яшин никогда номинально не был тренером, но уже со второй половины 50-х годов начал осуществлять в игре не то тренерские права, не то обязанности, распорядительные и регулирующие. «Экип» сообщала, что в игре «от него все время исходили оперативные тактические установки».

Такую характеристику Яшина развил самый авторитетный футбольный журналист того времени Габриэль Ано, известный еще и тем, что первым выдвинул идею европейских клубных турниров. Вот что он писал вслед финальному матчу на Кубок Европы 1960 года: «Великий Яшин живет интересами своей команды, является ее составной частью. Это не тот одиннадцатый игрок под № 1, который играет где-то вдали на последнем рубеже и который так не похож на других, потому что ему разрешено пользоваться в игре руками. Нет,

Яшин не таков! Он неотделим от команды, впаян в нее. Причем он часто пользуется тем же оружием, что и его партнеры, играя ногами и головой. Без страха он проникает на территорию, которой опасаются все его зарубежные коллеги. Морально он тоже как никто связан с интересами команды, чью судьбу он разделяет. Мы были очевидцами того, как после второго тайма, во время короткого перерыва перед добавочным временем, он обращался к своим товарищам по команде, подбадривая их и вселяя надежду в их утомленные души. Это было похоже на то, как старший брат подбадривает младших. Что я говорю – брат, он, скорее, был похож на отца».

Собственно, в словах этого старого мудреца содержится квинтэссенция яшинского способа существования в футболе: он одинаково умело исполнял одновременно две роли – сам играл и заряжал на игру, на победу товарищей. То, что углядел французский мэтр со стороны, знал и чувствовал любой его тренер и партнер как бы изнутри.

В 50-х годах, когда телевидение только делало первые шаги и «ящик» в домах был еще редкостью, спортивных триумфаторов не завлекали в телестудию после каждого громкого успеха. Публике позволялось воочию приветствовать их лишь в маловместительном зале Политехнического музея, который официально назывался Центральным лекторием общества «Знание». Он оказался явно неподходящим и для поэтических вечеров, на которые рвалась вся Москва, и для своего рода спортивных ток-шоу Помню, после зимней Олимпиады 1956 года в Кортина д'Ампеццо с трудом попал на встречу с тренерами и хоккеистами сборной СССР во главе с Аркадием Ивановичем

Чернышевым, а почти через год – с победителями Олимпийских игр в Мельбурне. И записал тогда, еще не забыв изучавшуюся в школе с какой-то стати стенографию, выступление старшего, или по-сегодняшнему главного тренера нашей футбольной сборной Гавриила Дмитриевича Качалина.

Здесь уместно привести фрагмент этого публичного отчета перед любителями спорта: «Я могу с полным основанием заявить, что во всех матчах олимпийского турнира лучшим игроком на поле был Лев Яшин. Правильнее сказать, он был не только игроком, но и замечательным дирижером, добрым старшим товарищем для каждого футболиста, человеком, в которого верила вся команда». От себя замечу, что «старший товарищ» был тогда моложе почти половины основных игроков, но это не помешало ему стать безусловным моральным авторитетом.

К оценке Качалина примыкают слова Виктора Понедельника: «Поражала способность Яшина в трудную минуту зажечь всех. Зажечь собственным примером. Он умел находить и верные, нужные слова в минуты неудач. В финале Кубка Европы 1960 года первый тайм мы проиграли югославам. В перерыве Яшин подошел к каждому игроку. Для каждого нашел свои, какие-то особые слова. Спокойно так, без крика… Не будь этих слов Яшина, я не забил бы решающий гол».

Вслед за Европой суть и стиль игры Яшина приняла Южная Америка. Во время матча Аргентина– СССР в конце 1961 года президент Аргентинской футбольной ассоциации (АФА) Х. Р. Коломбо поначалу усмехался и громко недоумевал: «Куда помчался? С ума сошел! Он за это поплатится!» Но потихоньку стал разбираться, а к концу матча уже неистово аплодировал странному вратарю гостей. После матча у специалистов не оставалось сомнений, что Яшин привез совершенно новый вратарский реквизит.

Самый авторитетный футбольный журнал Аргентины «Эль Графико» писал: «Яшин прекрасно показал всем нам, каким должен быть вратарь в футболе. Все остальные участники русской команды поступали по его указаниям, которые он давал в решающие моменты. Основой обороны русских, наиболее эффективно ликвидировавшей лучшие комбинации, был Яшин со своим голосом командира, своими указаниями, своими выходами вперед, чтобы сократить путь или дать передохнуть защитнику, передачами мяча на край поля. И мы можем думать теперь, что Яшин действительно достоин звания лучшего вратаря мира, так как он стал создателем определенной системы футбольной игры».

Эта система сводилась к тому, чтобы все или в реальности почти все 90 минут не выключаться из действа. Ждать у моря

погоды было не в его правилах. Яшин непрерывно двигался, выбегал и возвращался к линии, всматривался и высматривал, охотился за мячом, сигнализировал о местоположении противника, расставлял защитников, начинал комбинации, направлял перемещения атакующих.

Интересное наблюдение сделал известный вратарь киевского «Динамо» и сборной СССР Олег Макаров. Только высокий профессионал, стараясь впитывать опыт коллег, мог подметить, что лучшие из них обычно ведут себя на поле весьма беспокойно. Анатолий Акимов замирал только в тот миг, когда мяч приближался к нему, а все остальное время мерил широкими шагами линию ворот, размахивая руками или встряхивая их. Алексей Хомич тоже расхаживал вдоль ворот или на пару метров вперед и тут же обратно, то и дело хлопая ладонями друг о друга. Макаров понял, что такое поведение старших товарищей не было связано с нервическим состоянием. Они усвоили, что вратарь не имеет права на отдых, не должен выключаться из игры, если хочет как можно реже вынимать мяч из сетки. Но и в этой непрерывной подвижности Лев Яшин отличался тем, что старался хождение вратаря обратить на пользу.

Макарову бросилось в глаза, что он редко мерил шагами расстояние от штанги к штанге. Не желая терять контакта с мячом, стараясь быть ближе к участку активных действий, отодвигался от ворот насколько можно дальше (чтобы мяч неожиданно не перекинули через голову). Так, по мнению киевского коллеги, Яшин острее чувствовал все импульсы игры. Когда же видел, что атака на его ворота может приобрести угрожающий характер, бегом возвращался «домой». И в этом тоже нашел выгоду: пробежка, даже короткая, как и беспрерывная ходьба, согревала мышцы и подготавливала к сверхбыстрой работе, характерной для вратаря.

До сих пор не перестает дивиться непрерывной включенности этого уникума в игру чтобы всегда быть рядом с мячом (если не реально, то мысленно, постоянно ставя себя на место им владеющего), главный покоритель Яшина «Клим» Ворошилов. Он убедительно выделяет квинтэссенцию этого изнурительного труда, выжимавшего вратаря как лимон: «Яшин первенствовал умом, а не теми конкретными действиями, которые все видели, будь то вбрасывание мяча рукой или начало атаки с Кесарева, Царева, Федосова…»

Беспрерывное яшинское вторжение в игру что действием, что словом вносило в нее организованность и постоянную мобилизацию. Можно смело сказать, что Яшин был предтечей только намечавшейся тогда универсализации футбола, сразу же

определив наперед, что она затронет не только полевых игроков, но и вратаря.

И сейчас, спустя лет сорок или больше, так научились действовать не все вратари – даже в серьезных профессиональных командах. Стало быть, Яшин, намного опередив время, играл более современно, чем многие из них. Поэтому как нонсенс воспринимаются высказывания Маслаченко, будто яшинский подход к вратарскому делу выглядит устаревшим. Якобы еще с давних времен воцарения бразильской системы 1 + 4 + 2 + 4, когда игра становилась стремительнее, подачи в более людную штрафную уже направлялись по низкой крутой траектории, резаными ударами, а «парашюты» начали себя изживать, как и игра вратаря головой.

Перемены схвачены верно, хотя и чрезмерно абсолютизированы (высокие навесы, игру вратаря головой видим и сейчас). Но разве Яшин не адаптировался к новшествам, разве не в эти годы был единодушно усажен авторитетной международной экспертизой на вратарский трон? Да, стартовая скорость не была его коньком, зато помогла избежать репутации вратаря импульсивного, дерганого, которую наработал кое-кто из слишком порывистых ребят, да и недостаточную скорость старта и передвижения Яшин с лихвой окупал необычайным предвидением и молниеносной динамикой мышления.

Ко всему прочему сегодня как никогда востребована яшинская готовность учащенно вмешиваться в командные действия взамен выжидания наката событий, активно использовать удары ногами и головой, впрямую выполнять обязанности «чистильщика». Последнее особенно важно при теперешней моде на линейную защиту. Искусство вратаря читать игру вообще становится бесценным в сверхнапряженности и калейдоскопичной переменчивости хода встреч. И если Маслаченко признает за Яшиным это умение, а он не раз уверял, что признает, получается, что запутавшийся критикан сам себя высек на манер унтер-офицерской вдовы, потому что способность быстро оценить ситуацию, найти правильный выход из положения, да еще стать зачинщиком ответной атаки и есть контрапункт современной вратарской модели.

Когда-то вратарь был озабочен только одним – неприкосновенностью своих ворот, а Яшин первым добровольно и сознательно взвалил на себя ношу других важных обязанностей, заодно, кстати, усиливающих ту самую неприкосновенность. Это было его «ноу-хау». Не столько изобретая велосипед, сколько совершенствуя и систематизируя тактические находки предшественников, Яшин получил стратегический выигрыш

внедрением в практику абсолютно новой линии вратарского поведения, которую с интересом и благодарностью принял весь футбольный мир. «Франс футбол» тонко заметил, что «слиянием непосредственно вратарских и организаторских начал Яшин достиг невиданной до него свободы действий голкипера».

Знаток всего на свете публицист Юрий Рост как-то обмолвился, что прыжок в высоту «бросбюри-флоп», названый по имени его изобретателя и первого исполнителя, олимпийского чемпиона 1968 года, мог родиться только в свободной стране. Опять «полемисты-вольнодумцы» ни к селу ни к городу приплетают идеологию, готовы политизировать даже способ прыжка, объяснив, что никакой тренер не разрешил бы у нас отойти от утвержденных предписаний. Хочу спросить Роста: как же разрешили невиданные «ультраси» Ольге Корбут? Почему не остановили Станислава Жука с его бредовыми выдумками в парном катании фигуристов? Наконец, как в несвободной стране Льву Яшину разрешили, разгуливая по всей штрафной, произвести вратарную революцию и «достичь невиданной до него свободы действий голкипера»?

С сожалением отмечаю для себя, что Яшин не похож на тот возвышенный образ вратаря, который рисует Владимир Набоков. С сожалением только потому, что хотелось и к Яшину в полной мере отнести сочные слова писателя, который сам когда-то баловался игрой в воротах и со знанием дела живописал: «В России и вообще на континенте, особенно в Италии и Испании, доблестное искусство вратаря искони окружено ореолом всеобщего романтизма. В его одиночестве и независимости есть что-то байроническое. На знаменитого голкипера, идущего по улице, глазеют дети и девушки. Он соперничает с матадором и гонщиком в загадочном обаянии… Он белая ворона, он железная маска, он последний защитник». Но обаяние Яшина не загадочное, а вполне земное – да, он последний защитник, но вовсе не одинокий, не отделенный от партнеров, а действовавший в тесной увязке с ними, игравший на них, занимавшийся не только своим, но и общим с ними делом.

Если воспользоваться словесным оборотом Аркадия Галинского, Яшин прежде всего в том и гений, что выношенную простоту манер и приемов направил на творение новой игры вратаря. Максимально упростив форму, неимоверно обогатил содержание. Талант, даже суперталант прекрасно исполняет свою партию, не выбиваясь с накатанной колеи, а гений отличается от обыкновенного таланта тем, что выламывается из нее, открывает неизведанное. Гений – непременно создатель того нового, что заслуживает профессионального признания и становится

достоянием других. Яшин на годы вперед сформировал вратарский эталон. А оттеняют гений, как полагается, вечные спутники – неприятие и непонимание, особенно на первых порах, и зависть, отторжение чужого успеха, особенно на последних. Жаль, что в яшинском случае такое обязательное сопровождение нигде так не заметно, как в собственной стране, которой он служил верой и правдой.

«Гениев не прощают» – с такой афористичной отточенностью мог выразиться только Бернард Шоу. Это сильнее, глубже констатации, что не понимают или завидуют – именно не прощают. Бывает, что не сразу и сообразишь, почему, да отчего. С какой стати, например, напустился на Яшина Виктор Каневский, довольно заметный в 60-е годы форвард киевского «Динамо», игравший и за сборную СССР?

Судя по концовке того блока вопросов и ответов, который касался Яшина в обширном интервью Каневского газете «Спорт-экспресс» 27 октября 2006 года, давний партнер, если не лукавит, лично к нему относится не так уж плохо («приятный в общении, никогда не зазнавался, никогда никому не нагрубил, о нем только хорошее можно сказать»…). Но несколькими-то строками выше сказал хуже некуда. Ладно еще – дело знакомое – зайклемил за Чили-62. Но такое впечатление, что кроме Чили, где тоже играл, других международных матчей Яшина не видел, ничего о них не слышал. Читаем:

«– За исключением того матча за сборную мира против Англии на «Уэмбли», Яшин на международной арене никогда не блистал. Почему-то в ответственных играх у него не получалось, как на родине. Нормально, надежно играл, но ничего выдающегося не было, а в чемпионате Союза он, конечно, был непревзойден.

– То есть его бешеная популярность за рубежом – результат одного товарищеского матча в Англии?

– Да, много не надо, не так ли? Этот матч сделал ему международную репутацию. Там же абсолютно все звезды играли. Все! А Лева был, конечно, хорош. Пенальти взял. Но я вот помню, как мы играли там в 58-м. И попали 0:5, так-то…»

Утверждение, будто международную репутацию Яшину принес один матч, попросту смехотворно, хотя бы потому что к этому времени она уже была прочно завоевана – иначе бы не номировался раз за разом на «Золотой мяч» лучшего футболиста Европы, начиная с года учреждения (1956) престижного трофея. А было это за семь лет до «матча века». Неужели, если поверить Каневскому, можно принять за сборище чудаков великое множество людей, и за профанов – дельных специалистов из

разных стран, не устающих отмечать другие шикарные матчи Яшина? В самых квалифицированных отзывах, аналитических обзорах, а затем и в мемуарах знатоков он заслужил пятерки, а то и «пятерки с крестом», как выражались когда-то, за целые серии игр с мощными зарубежными соперниками и ни больше ни меньше – за пять турниров высшего ранга (олимпийский, два чемпионата мира, два – Европы). Откровения Каневского способны впечатлить лишь тех, кто уж совсем не в курсе. Строящиеся на зыбком песке явной дезы, они рассыпаются как карточный домик.

Вранье, что в ответственных международных испытаниях у Яшина не получалось – получалось большей частью как раз лучше, чем в рядовых. Вранье, что в «матче века» собрались абсолютно все звезды – а как же отсутствовавшие Пеле и Гарринча? Вранье, что Яшин взял в этой встрече пенальти – его и не назначали. Вранье, что допустил 0:5 со сборной Англии – в той злополучной игре не участвовал.

Опрокинуть эту несусветную чушь нетрудно, сложнее понять, откуда растут ноги. Нашло ли на полузабытого ветерана затмение, потому что на «официозного» Яшина распространяется счет Каневского к советской власти, действительно насолившей ему, прежде чем выпустить в эмиграцию, или вдруг всплыла затаенная обида за жестокие уроки во время двусторонних тренировок сборной, когда Яшин занимал место не в воротах, а в поле? Совершенно не терпевший уклонения от борьбы, играл он против трусоватых партнеров, к которым относился и Каневский, нарочито зло и резко, не жалея ни своих ног, ни чужих.

Замечено: кто носится со своими обидами, тот особенно подвержен «синдрому Шоу», не прощая успеха и незаурядности прежде всего людям, с которыми приходится плотно соприкасаться в быту или на работе. Вот и автор опубликованных нелепиц, сознательно или подсознательно, оказался не готов смириться с тем, что его товарищ по сборной своими понятиями об общем деле заметно оторвался от банальных представлений многих остальных. Не простил ему взлета выше головы, а потому потерял всякие приличия в отторжении святой правды. Самое печальное, что диффамация нашла охотную поддержку в недрах популярной газеты, претендующей на основательность и солидность.

Совсем еще недавно подобное передергивание газетчики считали зазорным. Как бы ни была придушена дубовыми запретами советская пресса, прежний «Советский спорт» не мог допустить столь грубых искажений, потому что сотрудники редакции досконально знали предмет, а фактура обязательно

подвергалась дополнительной тщательной проверке. Теперь же дозволяется не утруждать себя точностью сведений. Вместе с цензорскими функциями, негласно возложенными в советское время на редакторат, выплеснуты обязанности прямые и неоспоримые – давать информацию, а не дезинформацию. Но чего не сделаешь ради громкой сенсации, а она оборачивается чаще всего жалкой дешевкой. Затыкать рот инакомыслящим, как прежде, непростительно, но разве не менее чудовищно, что взамен напрашивающегося комментария «Спорт-экспресс» подчеркнуто укрупнил обман постыдным заголовком, предпосланным этой части интервью: «На мировой арене Яшин не блистал».

Сплошь и рядом наблюдаем мы сладострастное желание СМИ обмазать, обгадить, низложить известных, заслуженных людей. Такой желтый окрас безответственных и зачастую безответных публикаций уверенно вписывается в необъятный ареал всеобщей, тотальной лжи, разъедающей все общество. Фальшивые нравы, фальшивые фирмы, фальшивые права и дипломы, фальшивые лекарства, фальшивое, фанерное пение на эстраде… И под фанеру официальной пропаганды, которая только и делала, что талдычила об успехах-невидимках, миллионами людей вовсе не ощутимых, когда галоп потребительских цен опрокидывал смешную цифирь объявленной инфляции. Кризис же вздыбил цены выше всякого предела, в то время как в других странах заметно понизил. Из года в год увеличивается пропасть между богатством и бедностью, одна катастрофа сменяется другой, отчаянно вымирает население, ядовито расцветают вымогательство и бандитизм, а попутно валятся любые реформы – пенсионная, жилищно-коммунальная, административная, монетизация льгот, рыночное регулирование. То самое, что началось с исчезновения и удорожания алгоколя, а потом не пощадило и закуску, когда поперли с рынков «чужих» торговцев. Но из храма-то изгнать торгашей и не подумали! И вот диагноз, озвученный известным кинорежиссером Сергеем Соловьевым: «Никакое мы не общество с развивающейся экономикой, а колоссальный вертеп. Потому что устроили себе жизнь без совести…»

Когда совесть отключена, даже «гениев не прощают» как-то по-свински, низко и подло, отфутболивая подальше вместе с общедоступными фактами элементарные нормы пристойности. Что делать, такие времена, как повторял с телеэкрана каждую неделю Владимир Познер, завершая очередной выпуск своей авторской программы, прихлопнутой в 2008 году.

Но Познер неостановим и придумал новую программу,

названую его именем. В одном из первых выпусков Владимир Владимирович вынужден был взять под защиту Яшина. Что там «гениев не прощают». Ненависть и бесчеловечность разлились по стране стремительным и мутным потоком, способным смыть, снести все святое. Опять отличился Питер. Культурная столица России, колыбель революции раскачала в своей люльке бескультурье и бесстыдство, прямо-таки фашистского толка. И вывешенный на стадионе «Петровский» позорный баннер («Сдох ваш Яшин, сдохнет и «Динамо») – не первое и не последнее проявление оголтелости и разнузданности. Так вот, Владимир Познер дал отповедь, текст которой я обязан привести в книге о Яшине:

«Я был знаком с Львом Ивановичем, несколько раз общался с ним. Это был добрый, спокойный, рассудительный человек.

В нем выделялось удивительное чувство собственного достоинства. Он уважал себя, поэтому его все уважали. Много раз я наблюдал за Яшиным в игре. Он был не хороший вратарь. Он был не выдающийся вратарь. Он был гениальный вратарь. Его мастерство неописуемо. Это поэзия футбола. Люди, вывесившие позорный баннер, уронили свою честь, честь своего города, честь своего клуба, честь страны».

Питерские подонки торжествуют. Еще не опровергнуто предположение, что в «Зенит» никогда не будет допущен футболист с темной кожей, иначе питерские «ультрас» в диком раздражении что-нибудь натворят. Лев Иванович Яшин, друживший с Пеле и Эйсебио, переворачивается в гробу.

Разговорный жанр

Сейчас еще встречаются случаи, когда капитанская повязка отдается вратарю, а прежде это было исключительной редкостью – все-таки находясь на отшибе, далековато от гущи событий, ему труднее цементировать команду. Яшину довелось выводить на поле «Динамо» (1956) и сборную СССР (1964, 1966). Это символизировало приближение вратаря к эпицентру действий и подчеркивало его личный авторитет, вообще-то признанный, по-моему, уже на второй год пребывания в основном составе «Динамо» и чуть ли не с первых шагов в сборной.

Верно замечает Валентин Иванов, что «команде просто необходим человек, которому она безгранично верит, который может дать указание по ходу игры, если надо – приказать, взяв ответственность за свои слова и дела. И неважно, носит ли этот человек капитанскую повязку». Яшин что с капитанской повязкой, что без нее, при любой смене тренеров и игроков, неизменно оставался неформальным лидером в клубе и сборной.

Какая бы благосклонность к знаменитому вратарю ни витала в верхних слоях политической атмосферы, ближайшие партнеры поверили Яшину задолго до того, как на него обратили свое высокое внимание небожители и совершенно независимо от их симпатий. Доверие коллег и не купишь ни за какие коврижки. Оно рождается из их внутреннего уважения – как игроцкого, так и человеческого, а тут к уважению еще добавилось и явное сердечное тяготение.

Все футбольные ветераны, с кем я общался, единодушно называют лидерами советской сборной 50-х Игоря Нетто, Никиту Симоняна, Льва Яшина. Во влиянии на партнеров у каждого был свой конек. Капитану команды Нетто прощалась его малооправданная суровость и несправедливость, прорывавшиеся в ехидных, злых репликах по ходу игры, поскольку все понимали, насколько он беззлобен, а своим бурчанием и, конечно, личным примером только заводит товарищей команде же на пользу. Симонян подкупал своей спокойной и разумной рассудительностью.

Яшин во время игры мог быть жестким, требовательным, не стеснялся иногда и осадить партнера, но, по формулировке Владимира Пономарева, яшинские претензии не воспринимались игроками как обличение, а представлялись советами на будущее. Однако же в ряду многих признаков вожака главенствовала неподражаемая душевность Яшина в настрое ребят на игру. Он умел найти подход, подобрать для каждого свой тон, свои слова,

чтобы растопить холодные сердца и успокоить трепещущие.

На футболистов, которых привычные руководящие назидания в лучшем случае не трогали, в худшем – раздражали, гораздо сильнее действовало дружеское участие товарищей, а Яшин просто накрывал их теплой волной своей доброты. И для любого находил особый шифр, особый код. Борису Кузнецову, которому везло на сильных визави, деликатно внушал, незаметно подсказывая тактическую уловку:

– Вот увидишь, не ты за ним будешь гоняться, а он за тобой. На чемпионат мира 1966 года в сборную СССР был введен на позицию левого защитника не слишком опытный ленинградец Василий Данилов. Отличавшийся вообще-то спокойным нравом и достаточным хладнокровием, он на английских полях как-то замандражил. Перед выходом на сложную игру со сборной Италии, где Данилову предстояло опекать «темную лошадку» Луиджи Мерони, Яшин уловил, что с новым партнером происходит что-то неладное. И устремив на него свою мягкую улыбку, снял напряжение с новичка всего одной, казалось бы, незначительной фразой, а она, по признанию адресата, мигом взбодрила его:

– Не волнуйся, он ведь тоже молодой.

А ведь Яшину было не так просто и самому перед серьезными испытаниями унимать собственное волнение, иногда душевное равновесие могла восстановить лишь пара лихорадочных втяжек табачного дыма в каком-нибудь подтрибунном закутке. Как типичный чеховский персонаж – суть плохой хороший человек, так и он был одновременно слабый и сильный, словом, человек. Особенность состояла лишь в том, что во имя дела слабину в своем характере Яшин неимоверными внутренними усилиями перегибал. Это констатировал, надо отдать ему должное, и Владимир Маслаченко: «У Яшина был сумасшедшей силы характер». И освободить себя в трудную минуту от подпитки растерянного или разволновавшегося товарища искушенный в переделках футбольный старожил считал непозволительным. Хотя никак не напоминал всеобщего утешителя, от которого следовало ждать обязательного благословения или напутствия. Чутье подсказывало, кто сегодня особенно нуждается в поддержке. Она потому и впитывалась, что вытекала из яшинского естества, выглядела абсолютно ненавязчивой.

«Сколько раз я видел, – вспоминал Валентин Иванов, – как накануне очередного матча Яшин отзывал кого-нибудь из молодых в уголок и вполголоса беседовал с ним о чем-то. О чем? Догадаться было нетрудно: о том, над чем поработать, как справиться с собой. То Яшин, то Симонян перед играми всегда

заглядывали в комнаты к ребятам – перекинуться парой слов, поглядеть, как настроены, вроде невзначай дать совет».

Валентин Козьмич точно подметил – именно невзначай, как бы между делом, раз и навсегда отказавшись от прямолинейной обработки, бросал Лев Иванович семена футбольной мудрости и человеческой откровенности, а уж всхожесть зависела от почвы, на которую они попадали. Многих реплики или рекомендации Яшина сильно цепляли. Потому что даже очерствевешего или недоверчивого человека он брал за душу абсолютной искренностью, о восприимчивых и говорить не приходится. Эдуард Мудрик признался мне, что до сих пор не забыл яшинскую фразу: «Кто хочет получать, футболистом не станет, кто хочет зарабатывать, станет обязательно».

Слово Яшина повышало даже отдачу тренировочного процесса. Футболистов время от времени настигает то перевозбуждение, то апатия. Вывести их из того или другого состояния Яшин невольно помогал тренерам на сборах, в межигровых занятиях, при разминке. Сам не раз слышал на тренировках «Динамо» в 50—60-х годах, как он заводил полусонных партнеров: «Геша, слабо тебе забить, а?» – и брал от Федосова. «Алик, ты-то вообще не попадешь», – и Мамедов мазал. «А ты, Юра, заснул что ли, ну-ка забей!» – но брал и от Юрия Кузнецова. «Число-то совсем ничего не может», – но молоденький еще Численко, как на грех, забивал. «Ну вот, другое дело», – своими непрерывными подначками Яшин тормошил, постепенно разогревал нападающих, им приходилось попотеть, сильно постараться, чтобы «пробить» такого вратаря.

Голос Яшина, обычно негромкий, становился на тренировках и особенно в играх зычным, командирским, чтобы перекричать гудящие трибуны (жаловался, что получалось не всегда) и «чтобы дошло до сознания» – так пояснял сам. «Кеса, влево!», «Стой, назад!», «Пашка, пас в центр!» Иногда его голос походил на окрик: «Куда тебя понесло?!» И никто не думал ни возражать, ни обижаться – эти невинные словесные оплеухи, ворчливые наставления, а чаще всего точные команды, суфлерские, скорее даже режиссерские реплики воспринимались как установки абсолютного авторитета, наделенного зоркостью и пониманием.

Эффект потому и возникал, что партнеры ему доверяли как никому. А для пользы дела высокая степень доверия необходима позарез, потому что игрок в калейдоскопе событий матча реагирует на знакомый голос автоматически, и этот голос должен принадлежать человеку, знающему что к чему, да еще звучать своевременно, ни в коем случае не опаздывать со своими сигналами.

Контраст с другими, в общем неплохими вратарями сразу почувствовал, попав в сборную уже достаточно опытным игроком, торпедовец Виктор Шустиков: «Часто говорят и пишут, словно делают какое-то открытие: Яшин руководит защитой! Яшин дает советы защите! Но все вратари кричат, все пытаются руководить защитой. Разве в этом дело? Дело в том, что Яшин дает свои советы удивительно своевременно. Он на какое-то мгновение успевает опередить твою собственную мысль, и когда ты слышишь его голос, то вздыхаешь с облегчением, понимая, что тебе подсказан самый лучший, самый правильный ход. Вот это необыкновенное чутье, это великолепное футбольное зрение и футбольное мышление делают его таким нужным любому защитнику… Играть впереди Яшина – это всегда удовольствие, чувствуешь себя как артиллерист, ведущий огонь по важнейшим целям, расположение которых подсказывает очень опытный наблюдатель».

Мысль Шустикова развивает армейский защитник сборной следующего созыва Владимир Пономарев: «Вот он кричит: «Володя, справа!» И верно, я потерял из поля зрения своего подопечного, и тот открылся справа от меня. Я уже давно заметил, что Яшин подсказывает только в самый нужный момент. Ни разу не было так, чтобы подсказка оказалась лишней и, к примеру, я сам знал бы, что соперник в этот момент справа. Ну просто загадка, как Яшин ловит то самое мгновение, когда защитник, увлекшись борьбой, забывает о подопречном».

В отличие от других, Яшин своими возгласами и призывами не провоцировал нервозность у своих ворот, а, наоборот, предотвращал ее. Яшинский голос был лишен панических ноток и источал уверенность. Иногда он становился ласковым, просительным: «Ну потерпи чуть-чуть, немного осталось». Бывал ободряющим, благодарным: «Молодец, Витя! Теперь влево, ближнему». И так всю игру с небольшими перерывами, когда мяч оказывался совсем уж далеко, у чужих ворот, или совсем близко, у своих, – в этот миг тишину на поле сквозь грозный рев трибун могло прорезать лишь звучное и решительное: «Мой!» или «Беру!»

И в дояшинскую эру вратари пытались руководить действиями партнеров, докричаться до них, но, как говорится, почувствуйте разницу. Прежде киперы открывали рот лишь в минуты крайней опасности, выдавая подчас свое волнение, неуверенность. Яшин же ввел вратарские команды в норму. Предшественники, да и современники Яшина лишь подправляли действия своего прикрытия, а он систематически направлял. Наконец, его команды следовали не одним только защитникам, но атакующим тоже. Поставив свои распоряжения и подсказы на

постоянную, обязательную основу, Яшин исходил из простой аксиомы: вратарю, да еще не занятому непосредственным действием, открываются наилучший обзор поля и наилучшая возможность отслеживать, оценивать ситуацию.

Он так и объяснял: «Я всегда ценил подсказ. Да и как же иначе? В быстрых сменах ситуаций защитник, желая подстраховать партнера, иногда невольно теряет из виду своего подопечного. Мне же, стоящему сзади, все видно как на ладони – вот и приходится подсказывать. Ребята понимают, что мое вмешательство вызвано интересами дела, а отнюдь не желанием кого-то укорить, и поэтому всегда реагируют сразу…»

Управлению голосом Яшин придавал такое значение, что во избежание опоздания со своим громогласным сигналом сам укорачивал прозвища, которые по обыкновению придумывались в любой команде почти каждому игроку. Массивного Владимира Глотова динамовские остряки прозвали Бамбино, что в переводе с итальянского значит «малыш». Но если так окликать своего защитника, Яшин мог потерять драгоценные доли секунды. И он сократил Бамбино до Бомбы – ребятам понравилось не меньше, тоже соответствовало облику… А вот левого крайнего Валерия Фадеева за сходство с неким киноперсонажем кто-то нарек Пал Палычем. Но Яшину для дела было удобнее производное – Пашка, это прозвище и привилось.

Чаще всего переиначивать прозвища не приходилось, потому что во многих случаях изобретал их сам – отрывистые, короткие, совсем незлые. Ему и в голову не могли прийти обидные Овчарка, Колун или Автоген, их придумали в разное время другие. А Яшину были ближе ласкательные обращения. Когда его друг Владимир Шабров, он же Шабер, переигрывал известного спартаковского защитника Юрия Седова, слух победителя ласкало яшинское Шабрик. Ценилась и его меткость. Своего молодого подопечного, длинного и тощего Толю Коршунова называл Слега, потом Шнур, оно и закрепилось.

Покрикивавший на поле Яшин не был понят и даже осужден… собственной женой. Он очень прислушивался к Валентине, всегда после игры спрашивал, если она присутствовала:

– Ну, как я тебе?

– Ничего, только ноги кривые, – как-то пошутила Валентина. Смотрит, в следующем матче ее Лева как-то переминается с ноги на ногу, придирчиво разглядывает себя сверху вниз – кривизну ног исправляет… Но когда сделала замечание, что голосит на весь стадион, терпеливо объяснял, почему так себя ведет.

– Это же неприлично – громко кричать…

– Приходится, иначе не будут шевелиться.

Это вынужденное объяснение, конечно, не покрывает все резоны шумного поведения вратаря. Голосовые связки Яшина, даже без всего остального вратарского арсенала, крепили и тактические связи, и командный дух. Крепили настолько, что стали отдельным, самостоятельным достоянием «Динамо» и сборной. Недаром динамовский капитан 60-х Виктор Аничкин вовсе не для печати, а в частной беседе, то есть без дипломатии, так отзывался о 38-летнем вратаре, игра которого, казалось, теряла прежний блеск: «Может быть, Лева уже не тот, но каждый из нас прямо-таки кожей ощущает эффект его присутствия на поле. Его постоянные окрики и подсказки стали настолько привычны, что придают дополнительные силы и уверенность. Лев еще очень нужен нам!»

С легкой руки Яшина «немые» вратари переводятся вообще, в чрезвычайной сутолоке сегодняшних матчей таким места на поле нет – они обречены, как обречены вратари надрывные, а тем более слабо разбирающиеся в полевой обстановке.

Вратарь «Локомотива», а позже «Динамо» Сергей Овчинников на «круглом столе» в редакции газеты «Спорт-экспресс» был категоричен:

– Не тот вратарь хорош, кто по «девяткам» прыгает, а тот, кто правильно строит оборону.

– То-то вы в игре никогда не умолкаете…

– Меня еще в детстве учили: Лев Иванович Яшин половину атак срывал одним подсказом. Собственно, и моментов у его ворот было меньше, и били ему реже.

Не успел «Спорт-экспресс» 22 июля 2005 года опубликовать стенограмму «круглого стола», как в очередном репортаже на НТВ всезнающий комментатор Василий Уткин выразил недоверие реплике Босса, будто Яшин срывал атаки одним подсказом, найдя в этих словах «элементы фольклора». Половину не половину атак – подсчитать невозможно, но не хватит Уткину воображения представить себе, насколько часто и эффективно они действительно обезвреживались посредством своевременной команды, которая «пришпиливала» своего защитника к подопечному и предопределяла успешный отбор. Так что в фольклор вошла чистая правда.

Открою небольшой авторский секрет: в немалой степени потому я и насыщаю текст свидетельствами и оценками партнеров Яшина, чтобы у скептиков не было ощущения, что их кормят байками. Хотя и участникам событий можно точно так же не верить, как Овчинникову (которого, кстати, учили люди, игравшие рядом с Яшиным и старавшиеся передать его

бесценный опыт, тот же Геннадий Гусаров), но тут уж ничем помочь не могу. Правда, в чем-то понимаю: если Фома неверующий привык каждую неделю лицезреть на наших стадионах массу примитивных игроков, трудно вообразить, что его бедная страна когда-то знала и других, искусных и вдохновенных, удивлявших весь необъятный футбольный мир.

Разговорный жанр высвечивал Яшина по-разному. Он пришел в футбол человеком молчаливым. Голосистым мало-помалу становился на тренировках и особенно в игровой обстановке. Но, видно, непрерывные разговоры на поле так утомляли, что, покидая стадион, он зачастую снова погружался в молчание. Иногда даже казался замкнутым, но это не замкнутость, а вратарская привычка к концентрации, внутренней тишине – тонкое наблюдение Александра Нилина. Ко всему прочему Яшин не любил пустой болтовни, высказывался по делу, схватывая суть удивительно точно, так что по обыкновению его слово, за которое привык отвечать, звучало для окружающих достаточно веско, чтобы прислушиваться и чаще всего соглашаться.

С первых же, поначалу случайных обменов репликами, а это было в начале 60-х, не говоря уже о более плотном общении последующих лет, Яшин подкупал меня свободной, раздумчивой, а потому несколько замедленной манерой собеседования. Проникновение в суть самых непростых проблем подчеркивалось убедительным подбором слов, лишенным всякой казенщины.

Футболисты тех времен наслушались немало ироничных шуточек и издевательских реплик о своей обделенности интеллектом. В ходу была поговорка: «В семье три брата – два умных, третий футболист». Но верно заметил покойный поэт, в прошлом профессиональный футболист, Александр Ткаченко, что в футболе и не нужны Сократы – только энергию могли отвлечь от дела, ведь ее запас не безграничен.

Обычному зрителю, и мне в том числе, вообще-то все равно, принадлежит бомбардир, дриблер, вратарь к образованным людям или нет, лишь бы играл в наше удовольствие. Да и стыдно упрекать детей войны, вставших к станку вместо того, чтобы сидеть за партой, полуголодных и вымотанных, в недополученное™ образования и недостаточной начитанности – разве тогда было до книжек? К тому же футболисты, с которыми, например, я был знаком, не производили впечатления уступавших в развитии обычным людям. Если удавалось вызвать доверие, это были вполне сносные собеседники, а некоторые на фоне бытовавших слухов просто сражали неординарным мышлением. Начиная с Яшина.

По опыту знакомства с ним утверждаю, что возникавшие

время от времени пересуды о его малообразованности и ограниченности были не просто беспочвенны, а отдавали прямой клеветой – настолько этот человек старался наверстать упущенное когда-то, в военном детстве, настолько был обучаем, схватывал все на лету, подкован по разным темам и разумен в своих суждениях.

Когда его молодой партнер Эдуард Мудрик, выполняя комсомольское поручение «повысить грамотность» динамовцев, затеял диктанты по отрывкам из классики, первый, у кого он нашел понимание, был 30-летний Яшин. Молодые и сопливые стеснялись, а мировая звезда просила дополнительных занятий: «Лев всеми способами старался устранить те пробелы в знаниях, которыми его обделило время». Когда в 1967 году приступил к учебе в ВПШ, близкие быстро начали замечать, что стал больше философствовать, и к месту.

Яшина как-то тянуло к людям, не похожим на него самого, у которых мог почерпнуть неведомое, новое, интересное. Левый инсайд «Динамо» (а в нескольких матчах и сборной) Генрих Федосов, в обиходе Геша, привлекал его не только свойским характером, веселым нравом. В этом красавце-озорнике с первого взгляда трудно было заподозрить любителя и знатока поэзии, но Геша действительно улекался ею, знал наизусть Есенина, Блока, Симонова и даже немного – запретного тогда Гумилева. Яшин раз предложил ему разделить комнату на сборе, другой, третий. То и дело просил почитать стихи и слушал, слушал, ловя каждое слово.

Федос играл в свое удовольствие, не особенно утруждая организм, и жил в свое удовольствие, а это были стихи, музыка, хорошее вино, красивые женщины. Знакомясь, представлялся: «Генрих Федосов – человек, который видел солнце». Не растолковывал новым приятелям, что скрыто за этими словами. Но судя по тому, что говорил о Льве («бесподобный друг», «честен до безумия»), среди ослепительных впечатлений зигзагообразной, непутевой жизни «человека, который видел солнце», вполне мог подразумевать Яшина, которого как-то назвал «солнечным лучом». Не забывал его до самой кончины, случившейся в 2005 году.

Ладно Федосов, он был своего поколения (чуть-чуть моложе – 1932 года рождения) и своего круга, но Яшина «охмурил» полный антипод – Сергей Сальников, человек постарше, пофасонистей, заковыристого ума. Он заражал неподдельным интересом к литературе и кино. Как и Федос, Сало сделал ему прививку к музыке, особенно полузапретному притяжению рафинированной советской интеллигенции – джазу.

О чем только не выспрашивали Яшина иностранные журналисты для своих обширных интервью и статей! В результате таких бесед с советской знаменитостью кое-кто из них спешил поведать своим читателям о романтическом складе лучшего вратаря мира. А хорошо знающую русский югославскую журналистку Бранку Тодич из журнала «Спорт и свет» он немало удивил поэтичностью своего разговорного языка, чтением наизусть отрывков из Пушкина и Лермонтова, нескрываемой радостью от знакомства с Арамом Хачатуряном и Евгением Евтушенко… Эстетическая продвинутость обогащала яшинское понимание жизни.

Возможно, поэтому Лев Иванович, вплоть до плачевного состояния финальных месяцев, поражал наблюдательностью, обостренным восприятием нестандарта, новизны – даже в мелочах. Встретив свой последний день рождения на даче уже в полулежачем положении, еле поднялся, чтобы приветствовать соседку – Валентину Григорьевну, которая пришла с внучкой Катей поздравить его. Потухший взгляд тут же преобразился, когда она поставила на стол блюдо с узорно выложенными морковью, яблоками, сливами и другими дарами своего сада, присыпанными сверху ягодами, а девочка вручила свежие, только собранные луговые цветы. Казалось, что особенного, а Лев Иванович расчувствовался, немного даже прослезился:

– Валентина, сколько букетов за жизнь мне дарили, и раздавал, и целыми машинами домой вывозил. Но чтобы такой натюрморт преподнесли – это в первый раз! Спасибо большущее, вот удивили, – произнес затрудненно, севшим голосом, а яблоко только надкусил, прожевать уже не мог.

Среди почитателей футбола всегда водилось полным-полно писателей, композиторов, актеров. И своим собеседником они часто выбирали Яшина, от которого исходили весьма нетривиальные суждения, а сам Лев Иванович старался напитаться мудрости от этих тонких, рассудительных людей. Тех же Льва Кассиля и Юрия Трифонова.

С обоими меня свела поездка журналистов и писателей в Стокгольм на матч Кубка Европы 1964 года. Трифонов отправился туда с женой Ниной Нелиной, популярной солисткой оперы Большого театра. Мы мило общались, правда, Юрий Валентинович, казавшийся нелюдимым и сумрачным, больше слушал, чем говорил. Когда пришла пора отправляться в Англию на чемпионат мира 1966 года, Нина, провожавшая мужа в аэропорту, спросила, не соглашусь ли поселиться с ним в одном номере. Я обрадованно кивнул, а Трифонов – сухо, нехотя. Но при размещении Юрий Валентинович подошел с извинением, что

обещал разделить английский кров старому приятелю, драматургу Леониду Малюгину, с которым тут же познакомил. Зато, когда высадились в провинциальном Сандерленде, выбрал меня для пеших прогулок, может быть, чтобы загладить неловкость. Но она окупилась прелюбопытным общением. И на футбольные темы, разумеется, тоже.

Трифонов признался, что с игроками разговаривать не особенно любит.

– Слова не вытянешь, а разговорить не умею, сам молчун. Разве что с двумя-тремя…

– С кем же, если не секрет?

– С Андреем Петровичем Старостиным – вот кого заслушаешься. Но его я знаю давно. А с Яшиным знакомы недавно. И я сделал для себя открытие: разбирается в жизни. Рассуждает, скажу вам, здорово…

– С Трифоновым в Москве мы встречались случайно и редко. Все больше обменивались приветами через его вторую жену Аллу Пастухову, с которой вместе работали (Нина скоропостижно скончалась вскоре после нашего с Трифоновым вояжа). В 1975, кажется, году Алла неожиданно вместе с очередным приветом передала приглашение на премьеру «Дома на набережной», которую поставил театр на Таганке. Поговорить с Трифоновым толком не удалось, каждый второй в фойе перед спектаклем его окликал или теребил за рукав. Обменялись только приветствиями и парой фраз.

– Что-то вас совсем не видно на футболе.

– Занят. Да и не тянет. Иногда включу телевизор, вижу – не на кого смотреть, не о ком говорить. Когда сошла эта плеяда – Нетто, Сальников, Симонян, пошел какой-то грустный футбол. Яшин чуть больше побаловал, теперь поле вконец опустело от близких мне людей, а новых не знаю – наверное, таких крупных и нет. Вот что действительно жаль – с Яшиным прервалась всякая связь, уж очень общаться было интересно…

– И Яшину было жаль – я его спрашивал, передавая привет. Уход с поля интереса к нему среди гуманитариев не убавил, а сам Лев Иванович, все чаще вынужденный пересекаться с чиновными людьми, был особенно рад живым и умным собеседникам. В Борисе Чиркове он находил не одно лицедейство, а в Геннадии Хазанове видел не только пересмешника, ценил в них начитанность и глубину.

Вдоволь наговорившись с Яшиным, Хазанов замечал: «Разговоры о Левином малокультурье – все это придумано, все это ложь. Да, может быть, он не так образован, как аспирант МГУ по своей специализации, но мудрость и уникальная одаренность

мальчишки, прошедшего становление через войну, завод, нищее детство, умение самоутвердиться, быть нужным и полезным (сегодня понятия забытые) были присущи ему сполна». Профессор Григорий Киперман, имевший возможность в 80-х годах общаться с Львом Ивановичем каждое дачное лето, поделился наблюдением, что сосед жил широкими интересами. Сидя на крылечке, затевал поход по запутанным лабиринтам политических и экономических проблем – засыпал нестандартными вопросами, умел слушать, здраво рассуждал.

На фоне самовлюбленных и самозванных интеллектуалов, всевозможных околофутбольных умников, зараженных неизлечимым хамством, Лев Иванович сразу же брал в плен сперва неожиданной для собеседника, а потом уже привычной, внутренней интеллигентностью. Это чисто русское понятие, введенное в оборот малоизвестным сейчас писателем XIX века Петром Боборыкиным, часто путают с высоколобостью, а интеллигентность, наряду, естественно, с достаточной образованностью, включает не такой простой джентльменский набор – и широкий кругозор, и нравственную опрятность, и воспитанность, и терпимость, и мягкость в обращении с людьми, и сопереживание их бедам. Все это – сплюсованное, нет, скорее, перемноженное в личности и характере Яшина – легко ощущалось в общении с ним, в каждой его фразе и жесте.

Многие футболисты того времени были на людях несловоохотливы, зажаты; беседуя с посторонними либо не растормошенные журналистами, отделывались общими словами. Яшин, если не удавалось ускользнуть, вечно был облеплен людьми, привык к окружению, общался непринужденно – его многочисленные интервью чем дальше, тем больше оттеняли своеобразие живого и острого ума.

Бывало, с трудом скрывал скуку от одних и тех же вопросов нашего брата-журналиста, но иногда оживлялся. На вопрос югославского репортера Васы Стойковича «Почему перед каждым матчем вы так долго держите мяч в руках?» ответил: «Ощущаю потребность прижать и приласкать его, сказать ему, как он мне дорог и близок…» В этих словах отчетливо выражены его отношение к футболу, мера любви к нему. Но такие нежные слова вырывались редко, потому что сам футбол суров. Яшин не любил приукрашивать свое дело. Как-то на вопрос уругвайского журналиста «Что делать вратарю, чтобы взять пенальти?» отрезал: «Ничего не надо делать – пенальти не берется. Если только бьющий ошибется…»

Яшину приходилось часто выступать перед разными аудиториями. В его лексике отсутствовали изыски, присущие

тому же Сальникову, между прочим, дипломированному журналисту, выпускнику МГУ. Но речь Яшина, если не была служебной, формальной (а дежурных выступлений на собраниях и заседаниях избежать не удавалось), получалась складной, выразительной, всегда вызывала интерес. Не забуду, как, раскрыв рот, слушали собравшиеся в Октябрьском зале Дома союзов его рассказ о юбилейном матче сэра Стэнли Мэтьюза в 1965 году, насыщенный такими подробностями, которые доступны лишь приметливому человеку.

Рассказывал, как добирался до Сток-он-Тренте чуть ли не на перекладных и едва не опоздал на игру, а Шнеллингер только рад был снова затеять с ним пикировку:

– Яшин, каине дисциплин (нем. никакой дисциплины – *А. С).*Рассказывал, как оркестранты в смешных меховых шапках за час до игры начали вышагивать по полю и гремели маршами, как полтрибуны было отдано голосистым школьникам. Рассказывал о знакомстве с 50-летним Мэтьюзом, не чопорным и сдержанным, как представлялось, а приветливым и веселым, о том, что игрой своей он напоминал нашего Василия Трофимова, о том, как весь 45-тысячный стадион хором пел принятую в Англии оду юбиляру: «Он хороший парень!»

– А у нас юбиляров в футболе так не отмечают, – грустно заключил свой рассказ Яшин. – И песни такой нет.

Песню, славящую достойных людей, до сих пор не придумали, а вот хороших футболистов в памятные дни стали мало-помалу чествовать. Начали как раз с Яшина, хотя просил он не для себя.

Голос Яшина еще запомнился чувством юмора. Не судите строго за длинную выдержку из статьи главного редактора еженедельника «Франс футбол» Макса Юрбини, того самого, что 27 мая 1964 года вручал ему в Лужниках на глазах 100 тысяч москвичей «Золотой мяч». Эта цитата понадобится нам для того, чтобы оценить по достоинству ответную реплику Яшина, но не мешает еще раз послушать о нем знающего человека:

– «Много я перевидал вратарей на своем веку – и Свифта, и Рамальетса, и Земана, и Грошича, и Жильмара, и Коста Перрейру и нашего Бернара (английский, испанский, австрийский, венгерский, бразильский, португальский, французский вратари 50-х годов. – *А.*С). Из того, что я скажу, вовсе не следует, будто я сжигаю все, чему поклонялся, но Лев Яшин превзошел их всех и продолжает превосходить, ибо Яшин – это одновременно и Шейригес (которым восхищался еще мой дедушка), и Комби (фаворит моего отца), и Замора, Планичка, Хиден, Дарю (французский, итальянский, испанский, чешский, австрийский,

еще один французский вратари 30 – 40-х. – *А. С.)*и многие-многие другие. Яшин – сверхвратарь, появившийся на свет, чтобы сыграть в нем исключительную роль как страж ворот. Яшин – это легендарная фигура. Это четвертый защитник. Это стратег во всех измерениях. Это волшебная рука, одетая в перчатку…»

Когда Яшину перевели эту лестную тираду, он засмеялся:

– Не понимаю, почему у меня только одна волшебная рука. А где же вторая?

Он вообще с иронией относился к упражнениям журналистов, как только его не нарекавших, – и «черный спрут», и «пантера между штангами», и «гипнотизер», и «осьминог», и «желтая стена» (в 1963 году для «матча века» ему выдали желтый свитер). Конечно, выдумывать подобные сравнения и метафоры всегда было слабостью журналистов. Слабость питали они и к Яшину, но как же им хотелось «покрасивше» представить его силу… А она, кстати, крылась среди прочего, в этой самой иронии и самоиронии. При мне Яшин забавно объяснял Мартыну Мержанову пропущенный гол: «Раскорячился, вот и скушал».

Никогда не стеснялся подтрунивать над собой. Как-то, уже в пожилые яшинские годы, сосед по даче Григорий Яковлевич Киперман то ли в шутку, то ли всерьез попросил его изловить зайца, повадившегося на садовый участок воровать урожай.

– А что! Запросто, разве я не вратарь?

Сосед придумал загнать ушастого в пространство между яблоней и бетонной стенкой – расстояние как раз приблизительно совпадало с размером футбольных ворот. Когда непрошенный гость явился за добычей, Яшин принял вратарскую стойку, а сосед, развернув старый плащ, погнал в сторону «ворот». Но воришка успел ловко прошмыгнуть мимо.

– Позор, тоже мне вратарь мирового класса! – вполне самокритично расхохотался виновник пропущенного «гола».

Лев Иванович ценил юмор не только в силу человеческой привязанности, как охотный поглотитель анекдотов и смешных историй. Был уверен, что без юмора не обойтись и в его профессии. Вот кусочек нашей беседы, опубликованной на русском и чешском языках в канун прощания Яшина с футбольным полем (май 1971 года).

– После того, как решили уйти, вас не одолевали сомнения, колебания, не появлялось ли желание вернуться в привычное состояние? (вопрос был задан в связи с тем, что передумали объявившие было о своем уходе Йожеф Сабо, Виктор Каневский, знаменитый хоккеист Константин Локтев. – *АС).*

– Призраки не возвращаются…

– Все шутите. Не зря ходит молва о вашем чувстве юмора…

– А куда без него? И так вокруг масса мрачных людей, которые, кажется, только и делают, что ловят нас на ошибках и потерях. Вот мы в Ташкенте вели с ЦСКА 3:1 и за 20 минут проиграли чемпионство, еще и «дубль» вдобавок (дополнительный матч за первое место 1970 года. – *А.С). Или*Шмуц недавно, выбивая мяч, забросил себе в ворота. Что же теперь – рыдать, убиваться? Помогает пережить неприятности только чувство юмора. По своему опыту знаю: перед ответственными матчами у нас атмосфера накалена, все страшно озабочены. Тут и нужны добрая шутка, веселое слово. До сих пор вспоминаю своих товарищей, которые вмиг умели снять напряжение, отвлечь от тяжелых дум, – Валентина Бубукина в сборной и Владимира Шаброва в «Динамо».

Отменное чувство юмора своего незабвенного русского друга произвело впечатление на Франца Беккенбауэра. Когда тот гостил у Яшина в Москве, как-то в дружеском застолье хозяин дома, между прочим, мастер произносить тосты (признанный в этом качестве и гостем), «тостуя», вспомнил, как они вместе с «тостуемым» играли в 1968 году за сборную мира на «Маракане». И тут Кайзер сказал:

– Лев, давно хотел спросить, тогда в Рио у тебя было что-то не в порядке с ногой?

– Действительно, нога болела. За несколько дней до этого, когда играли на пляже в футбол с легкоатлетами, какой-то дискобол нанес мне травму. Я искал врача, но нашел только зубного, который «запломбировал» мне ногу. Некоторое время я продержался, вот Пеле и не забил!

Я повеселился от души, узнав смешную историю, случившуюся в конце 60-х, когда он учился в ВПШ. У Яшиных собрались гости, а хозяина нет и нет. Стол накрыт, у всех душа горит. Вдруг он вбегает, весь в мыле, начинает извиняться:

– Экзамен по политэкономии сдавал… Они за 50 лет в экономике не могли разобраться, а хотели, чтобы я за час рассказал все, что объяснить невозможно.

Все расхохотались – он умел разрядить обстановку. И в самом деле смешно – не только мне, экономисту по образованию. От Яшина выигрывали и теплые маленькие компании, и большие вечера встреч. С ним всегда и везде было легко и комфортно.

Выходит как-то из дачного коттеджа, а сосед, разведя мыльный порошок, наносит на дерево пену, чтобы избавить от парши.

– Что это ты, Григорий Яковлевич, делаешь? Никак дерево собираешься брить?

Когда остался без ноги, в нем пробудился черный юмор.

Друзьям-приятелям было известно, как по нему сохли дамы. И вскоре после операции Яшин с прежней улыбкой подмигивал навещавшим его знакомым:

– Представляете, насколько женщинам легче будет носить меня на руках!

Топорный деревянный протез, изготовленный Льву Ивановичу нашими «умельцами», он называл «кадушкой». Как рассказывал Александр Горбунов, финские врачи, которые обследовали Яшина перед заменой его на местное изделие, рассматривали «кадушку» так, словно в их руки попал редчайший музейный экспонат. Когда перевел им, как пациент называет сей предмет, они спросили, почему именно так.

– Потому, – ответил Яшин, – что в бочке этой можно огурцы солить.

В последние свои годы, неимоверно для него тяжелые, познакомился с известным комиком экрана Александром Панкратовым-Черным. Это случилось в Махачкале, куда знаменитый вратарь был приглашен на открытие детского футбольного турнира, носившего имя Яшина. Там же оказался на гастролях Панкратов-Черный. Свело их застолье, устроенное местными хлебосолами. За пиршественным столом среди людей в кавказских папахах актер обнаружил одного русского. Когда их представляли друг другу, тот с трудом поднялся из-за стола и протянул широкую ладонь:

– Лев.

– Саша. Извините, вы удивительно похожи на Льва Яшина. Я с ним не знаком, но видел по телевизору.

– Я и есть тот самый Яшин.

Тосты сменялись один за другим. Все желали здоровья главному гостю. Панкратов-Черный острил, рассказывал разные истории. Яшин, оценивая каждую шутку, закидывал голову назад и от души хохотал. Когда же ему адресовался очередной тост, как ни было трудно на протезе, да еще в застольной тесноте гостиничного номера, непременно вставал. Продолжили доброе и веселое общение в Москве. Так еще один счастливец, получивший возможность гордиться дорогим знакомством, совсем в другое время и совсем в другом состоянии Яшина все равно углядел солнечное отражение:

– «Он был отзывчив и безотказен, этот великий человек с искрящимися, солнечными, именно солнечными, излучавшими искренность, доверие и доброту глазами». Мнение популярного киноактера, сложившееся за несколько встреч, десятки лет разделяли самые разные люди – и хорошо его знавшие, и только раз говорившие с ним. Начиная с главных звезд мирового

футбола и кончая обыкновенными болельщиками, в которых немедленно превращались те, кто был далек от футбола, но хотя бы на ходу познакомился с ним. Разделяли везде и всюду – в Москве, Махачкале, Рио-де-Жанейро…

Свой среди своих

Упоминанием Рио-де-Жанейро я закончил предыдущий раздел и начинаю следующий. Как образ и символ «сбычи мечт». Только в отличие от бессмертного романа Ильфа и Петрова мечтой и символом притяжения служит Его величество футбол. Рио – столица бразильского и мирового футбола. Там гремел Пеле, сам по себе символ футбола. Неважно даже, что «король» не из Рио, а из небольшого городка Сантос, близ Сан-Паулу, второй футбольной столицы Бразилии. Но он такая же достопримечательность и гордость Рио, как знаменитый пляж Копакабана и стадион «Маракана».

Рио и «Маракана» в этом повествовании ненадолго превратятся из символа в место действия, а Пеле – в главное действующее лицо. Потому что все они – Рио, «Маракана», Пеле признавались в любви к Яшину, и для нас важно, что он по-вратарски и по-человечески заслужил ее, как повсеместно, и в самом сердце футбола.

… В западной футбольной прессе сложилось представление, что слова Пеле ничего не стоят, на них можно махнуть рукой. Этот ложный вывод подсказан прогнозами «короля футбола» на исход крупных международных чемпионатов – эти прогнозы никогда не сбывались. Но прогнозы в футболе, самой непредсказуемой игре с множеством сильных и равных команд – даже для такого знатока не более чем гадание на кофейной гуще. Прочитав же мемуары Пеле, множество его высказываний и интервью, я пришел к убеждению, что футбольному магу присущ талант тонкого интерпретатора событий и людских характеров. Насколько я знаю, Пеле первым в многочисленных отзывах о Яшине, исходивших от самых больших авторитетов, свел воедино, поставил на одну доску его футбольные и человеческие качества.

В 1971 году Пеле молвил о своем русском друге по сути «глагол нареченный»: «Я не знаю лучшего вратаря, чем Лев Яшин. Я не встречал столь благожелательного спортсмена. Иногда в борьбе мы сталкивались в штрафной площади, и Яшин тут же помогал мне подняться. Если у меня получался хороший удар, Яшин мне за это даже аплодировал и поднимал большой палец. Такой объективности и благородства я не встречал ни у кого из знаменитых футболистов».

Искра взаимной приязни промелькнула между Яшиным и Пеле еще до их очного знакомства. На чемпионате мира 1958 года в Швеции сборные СССР и Бразилии, попавшие в одну группу, поселились в живописном местечке Хиндос близ

Гетеборга в четырех километрах друг от друга. Наши футболисты не ленились и пешком, когда не было транспорта, хаживать на тренировки фокусников мяча. Там Яшин засек щуплого негритянского подростка, который расправлялся с взрослыми соотечественниками по законам волшебства, а не футбола. Однако в первых матчах тренер Висенте Феола придерживал юного бразильца, на поле не выпускал.

Но вот наступил день встречи наших сборных– 15 июня 1958 года. Это и был дебют 17-летнего Пеле. В его мемуарах есть строки: «Вот русская сборная занимает место на футбольном поле, это не сон. Наверное, кошмар, но только не сон! Каждый из них крупнее своего соперника в нашей команде, а вратарь Яшин просто гигант… У меня замерло сердце: забить гол такому гиганту– немыслимое дело!» Пеле и не забил, отметился лишь ударом в штангу. А позже признавался Яшину, что возненавидел будущего друга, когда «бреши советской защиты он в буквальном смысле слова закрывал своим телом», мешая «королю» отличиться в первом же матче на чемпионате мира. Хотя для Пеле на первый раз было достаточно победы своей команды (2:0) – после игры плакал от счастья (а при вручении «Золотой богини» рыдал на плече Диди).

Когда переехали в Стокгольм на решающие игры плей-офф, советская и бразильская сборные оказались в одном отеле. Но наша команда выбыла в первом же матче и готовилась к отправлению домой. Как раз в это время прилетела на решающие игры, рассчитывая поболеть за своих, группа советских туристов, куда попали и жены некоторых игроков, в том числе Валентина Яшина. Созвонившись по приезде с мужем, она услышала: «Бери такси и жми ко мне в гостиницу». Лев встретил ее у входа, повел к себе. В этот момент по лестнице проскакал чернокожий парнишка – мелкий такой, Яшину по грудь. Тот притормозил его ладонью за шею и обернулся к жене:

– Знакомься, Пеле – будущая звезда. Станет таким игроком, какого не знал мир.

Завтрашний «король» улыбался во весь белозубый рот. Скоро эта очаровательная улыбка, неповторимая, как футбольное искусство Пеле, надолго засияет с телеэкранов и со страниц газет всего мира.

Своим единственным мячом Яшину Пеле отметился 21 ноября 1965 года в Рио-де-Жанейро на 150-тысячной «Маракане» в ничейном (2:2) матче сборных Бразилии и СССР. И последний, третий раз они встретились лицом к лицу на поле там же 6 ноября 1968 года, когда десятилетие первой победы бразильцев на чемпионатах мира было отпраздновано встречей юбиляров со

сборной ФИФА. Ее ворота и защищал Лев Яшин, а во втором тайме, как принято в таких встречах, уступил место уругвайцу Ладислао Мазуркевичу, позже блиставшему на чемпионате мира-70 и через год прилетавшему в Москву на его прощальный матч.

Надо понять огорчение Пеле, которому статистики тогда насчитали 899 забитых мячей и очень хотелось забить 900-й. «В тот день Яшин был великолепен, – вспоминал «король футбола». – Я от досады топнул ногой, когда он достал улетавший уже от него в верхний угол мяч, переброшенный мной поверх его головы»… Но когда уходили на перерыв, Пеле успел успокоиться и горячо обнимал русского вратаря.

Новый толчок их сближению дало в 1969 году поздравление с юбилейным, 1000-м голом, полученное Пеле от Яшина. Оно оказалось для «именинника» незабываемым сюрпризом. Футбольный мир заранее предвкушал 1000-й гол Пеле – об этом постоянно трубили газеты. В Бразилии своему славному сыну готовили торжества, поздравления, подарки. На «Маракане» юбиляра ждало открытие мемориальной доски, туда доставили вратаря, имевшего честь пропустить первый гол из этой тысячи. Из-за рубежа потоком шли приветственные телеграммы. Каково же было удивление Пеле, когда прорвавшийся сквозь все кордоны в раздевалку знакомый русский журналист Игорь Фесуненко передал ему, уже изнемогавшему от рукопожатий и поцелуев, скромный сувенир из Москвы – красочный буклет о команде «Динамо» с сердечной надписью Яшина. Виновник торжества остолбенел: «Великий Яшин не забыл меня в эту минуту!» На глазах показались слезы. Не меньше, чем мастерство Яшина, его и потом трогало радушие русского вратаря.

Пеле и Яшин были бесконечно рады своим свиданиям, периодически случавшимся уже вне поля за последующие 20 лет – в гостях друг у друга и на нейтральных территориях, скажем, во время чемпионатов мира и Европы, куда оба приглашались. Когда в честь 50-летия Пеле летом 1990 года был устроен грандиозный футбольный спектакль в Милане на «Сан-Сиро», он с грустью заметил: «Сожалею только об одном – что на этом празднике с нами нет Яшина». Русский соратник юбиляра скончался за несколько месяцев до торжества.

Мало говорить о человеческой совместимости и взаимных симпатиях футбольных исполинов – оба, непосредственные и добросердечные, нашли друг в друге верных друзей. Свои чувства Пеле перенес на Валентину. В любой поездке на Пеле всегда претендует множество официальных лиц и журналистов, ему не дают прохода, заранее записываются на интервью, он вечно в

окружении секьюрити. Так было и на чемпионате Европы 1992 года в Швеции. Но вдруг узрев Валентину, Пеле отодвинул все окружение, изменил программу, ни на шаг в этот день не отходил. Такую память оставил в нем незабываемый друг из далекой страны.

Отношение Пеле можно считать лакмусовой бумажкой двух главных знаков различия Яшина – человеческого благородства и футбольной незаурядности. То и другое в огромной цене на родине Пеле, где живут простодушные, чувствительные люди, боготворящие футбол и его рыцарей. Поэтому мне и казалось естественным перенестись в Бразилию, чтобы зафиксировать столь ценное двуединство.

Там советский вратарь оставил о себе добрую память еще в 1957 году, когда «Динамо», открывавшее советский футбол второму футбольному континенту – Южной Америке, прибыло в тогдашнюю столицу республики (перенесенную позже в город Бразилиа) для матча с командой «Васко да Гама». Напряженной игрой против популярного клуба (1:1) испытания первого номера «Динамо», однако, не закончились. Ему сообщили о существующей традиции приглашать вратарей из гастролирующих команд на телестудию, где три добровольца из числа футболистов-любителей, приобретя за солидную плату билеты, получали право пробить чужестранцу пенальти. За удачу смельчакам полагалось вознаграждение, в десять раз превышавшее стоимость билета. И Яшина доставили в телецентр.

Ни одному из трех пенальтистов не удалось поразить импровизированные ворота. Гостю объяснили, что он оказался в этом своеобразном соревновании первым «сухим» телевратарем и тут же вручили крупную денежную премию. В ответ на игривый вопрос ведущего, на что собирается потратить ее, Яшин объявил, что жертвует нуждающимся детям Бразилии. За дни пребывания он испытал потрясение, когда видел несчастных на каждом шагу, не говоря уже о районе фавел, куда наших футболистов возили посольские, чтобы показать «язвы капитализма».

Вся местная печать откликнулась на этот благородный жест. Лев Иванович сохранил газету, где жирным шрифтом выведено: «Вратарю «Динамо» Льву Яшину была предоставлена возможность вывезти пол-Бразилии. Но странный русский добровольно отказался от этой возможности, пожертвовав огромную сумму в пользу наших детей».

Не могу пройти и мимо другого случая, происшедшего там же, в Рио-де-Жанейро, в 1965 году, когда в столице чемпионов гостила сборная СССР. Автобус с нашей делегацией должен было вот-вот отъехать от стадиона «Фламенго», где проходила

тренировка. Все страшно торопились, чтобы успеть в кино (тогда, в отсутствие видео, при ограниченности импорта фильмов, выезжавшие из СССР прямо-таки рвались в кинотеатры). Переводчик, войдя в автобус, обратился к Яшину:

– Там мнется репортер. Говорит, что если не возьмет у вас интервью, редактор его уволит…

– Уволит? Надо выручать…

– И Яшин спрыгнул с подножки автобуса.

Юный журналист был ошарашен и потерял дар речи. Все вопросы, которые заготовил, выскочили у него из головы. Яшин и здесь пришел на помощь. Попросил переводчика «чуть-чуть поработать» и начал вспоминать разные футбольные эпизоды. В кино безнадежно опаздывали, но все в автобусе терпеливо молчали, понимая, что иначе Яшин поступить не мог. Уж они-то его знали…

Знали, как выручал он людей, как ценил добросовестно делающих свое дело, будь то журналист или футболист. Можете представить себе, как после римского триумфа 1963 года, который я не устаю поминать, его атаковали репортеры, взявшие в осаду целый этаж гостиницы, где разместилась советская сборная. Игра настолько вымотала Яшина, еле успевшего отойти еще и от жестокой простуды, что он валился с ног. Кто-то предложил спрятаться, исчезнуть, но в ответ услышал: «Ребята, это же их работа, их хлеб».

Когда Яшин перешагнул границу футбольного поля, чтобы остаться подле него начальником своей же команды «Динамо», мне понадобилось взять у Льва Ивановича большое интервью для очередного справочника-календаря. Он был занят по горло, встречу дважды переносил, обещал перезвонить. Прошла, кажется, неделя, сроки меня поджимали, надежда услышать в трубке голос Яшина улетучивалась. И вдруг звонок, да еще с извинениями: «Можете подъехать? Вы на машине? Нет? Тогда я сам примчусь». И собственной персоной появился на Миуссах, где я работал. Целых два часа просидели, еще раз приезжал прочитать запись собственного интервью, материал можно и сейчас найти в лужниковском календаре 1972 года.

Прошу разрешения читателя на небольшое лирическое отступление. Простой вопрос: кто к кому должен направить стопы, чтобы взять интервью – журналист к интересующему его человеку или наоборот? Двух мнений быть не может: конечно же, журналист. Таков неписаный закон, не требующий даже упоминания в учебниках журналистики. Но «объект интереса» его нарушил, сам ко мне явился. И кто? Лично Яшин! Потому что неписаные человеческие законы, которых он придерживался,

выше деловых условностей.

Такое приятное открытие, повторно посетив меня уже в ходе работы над этой книгой, ощущается сейчас еще острее, потому что в наше время протухли элементарные нравственные нормы поведения и далеко не всякий дождется внимания даже от детей с внуками. А чужой человек, да еще крупный босс спортивного бизнеса, друг-приятель самих Беккенбауэра и Пеле, еле знакомый мне по телефонному общению, узнав, что я болен и не могу его посетить, чтобы порасспросить о герое этого повествования и забрать любезно обещанные фотографии, сам приехал ко мне домой, вырвав пару часов между сложными и ответственными переговорами. Я говорю об Анатолии Александровиче Коршунове и по-детски радуюсь, что среди человекоподобных в нашей жизни еще встречаются человеки.

Впрочем, почему я вроде как извиняюсь за такое отступление? Какое же это отступление, если свой человеческий капитал, помимо других источников (родной семьи и предводимого Н.П.Старостиным «Спартака»), Коршунов начал извлекать в футбольной жизни как раз под благотворным воздействием и прямым влиянием Льва Ивановича Яшина, когда состоял в «Динамо». Жаль, что не всем даже из самого ближнего яшинского круга оказались впрок и успешно примерены на себе его деликатность и любезность, поэтому особенно греет, что рядом с вратарями, заслужившими похвалу «сыграл по-яшински», на виду люди, поступающие по-яшински. Так что это как раз в тему!

Любой, кому посчастливилось общаться с Яшиным, может удостоверить, насколько он был внимателен, предупредителен, готов идти навстречу. Наше время стремительного расчеловечивания людей не располагает к сантиментам, но для меня, когда пишу эти строки, перевешивает, что к ним располагает Яшин. В этом же мне признавался давным-давно Лев Иванович Филатов, по-видимому, первый из малочисленных тогда спортивных журналистов, кто увидел в игроке не функцию, не деталь командного или тактического механизма, а живого человека.

Многие из нас, если и касались в своих опусах человеческой природы футболиста, то лишь через игру, – славили мужество, решительность, куда реже замечали трусость, подлость. Филатов глубже забрался в душу игрока, старался соотносить ее тонкие движения с чисто футбольными привычками того или иного мастера. Наряду с неотъемлемым писательским талантом этому способствовала близость к лучшим советским футболистам, установленная в совместных поездках и дополненная его

способностью к доверительным отношениям.

Футбольным читателям, повезло, что именно Филатов был чуть ли не единственным из журналистов, замордованных строгой советской системой, кому на протяжении многих лет милостиво разрешалось путешествовать вместе со сборной СССР не только на турнирные, но и на товарищеские матчи. Поэтому он лучше кого бы то ни было знал и чувствовал людей, о которых писал, хорошо изучил и Яшина. Так что я неслучайно прибегаю к неординарным суждениям Филатова для воспроизведения на этих страницах чаще, чем к каким-либо иным.

Это не значит обязательно соглашаться с любым его высказыванием. Лев Иванович писал, например, о другом Льве Ивановиче, что, трогая своей человечностью, даже уязвимостью, тот никогда не выглядел «железным», «невозмутимым», «не ведающим страха и сомнений». Однако при всей своей трогательности Яшин именно так большей частью и воспринимался с трибуны стадиона – его уязвимость, ранимость, замеченную вне арены, Филатов, по-моему, напрасно в полном объеме перенес на поле футбольной брани. Там Яшин, поглощенный борьбой, преображался, во всяком случае его хладнокровие, стойкость щедро открывались болельщикам. И, слава богу, не им одним. Если бы Яшин не умел трансформировать свои предматчевые волнения в полную мобилизационную готовность, он так успешно не вселял бы уверенность в партнеров – впрочем, об этом вы уже знаете.

А вот в чем Филатов прав не на сто – на двести процентов, это в своем блистательном экспромте: «Такт жил в нем как реакция на мяч». В этой метафорической параллели столь лаконично, сколь и выразительно (краткость – сестра таланта) схвачен если не весь Яшин, то важнейшие, может быть, определяющие свойства его индивидуальности.

Чуткость Яшина была предназначена, однако, не для публичной демонстрации на людях, она проявлялась им совершенно органично в закрытом для посторонних глаз каждодневном общении на тренировочных базах, стадионах, в клубных офисах – где угодно. Даже малышня отдавала должное дяде Леве Яшину. Нам с известинцем Борисом Федосовым за час до начала какого-то матча, кажется, в конце 60-х, довелось под Западной трибуной Лужников, где находились служебные помещения, стать очевидцами такого эпизода. Мы случайно оказались рядом с мальчиками, подающими мячи. Они бросали между собой жребий. И что разыгрывали? Оказалось, места за воротами Яшина. Борис спросил: почему? Один из ребят сказал: «Он никогда не кричит на нас, всегда говорит спасибо».

В 1962 году, когда сборная страны часть подготовки к чемпионату мира проводила на базе тбилисского «Динамо» в Дигоми, за ограду пробрались двое местных студентов – рьяных болельщиков. Только что закончилась тренировка, и непрошеные гости обнаружили Яшина присевшим покурить. Они были шокированы и решились спросить, как это так: футболист, да еще сам Яшин, курит? Один из этих случайных свидетелей грехопадения (которое для футбольного окружения секрета не представляло), ныне маститый обозреватель газеты «Спорт-экспресс» Аксель Вартанян до сего дня не может удержаться от восхищения, как такой знаменитый человек мало того что не послал подальше наглецов, вторгшихся на закрытую территорию, даже не смерил презрительным взглядом, как позволяли себе многие звезды, а был чрезвычайно обходителен, с какой-то милой застенчивостью извинялся за свою непростительную слабость, при этом даже чуть зарделся то ли от волнения, то ли от стыда.

В общении Яшин импонировал тем, что не позволял себе перебить собеседника, ворчать, а тем более срываться на крик или брань. Собратьев своих, футболистов, старался публично не осуждать, не критиковать. Оскорбительных, уничижительных слов о партнерах или соперниках не слышали от Льва Ивановича ни журналисты, ни тесные компании, ни большие аудитории. А вратарей привык даже выгораживать. Знал, почем фунт лиха, потому-то скорее жалел, сочувствовал, защищал («удар был сильный», «я бы взять не смог» и т. п.).

Заслоненные широкой спиной Яшина, вечно находившиеся в его тени вратари в большинстве своем не испытывали никакого дискомфорта или уязвленности рядом с ним, наоборот, находили в этом соседстве пользу и удовлетворение. Скорее всего сам Яшин подсознательно ощущал какую-то неловкость от того, что многие годы загораживал им, так сказать, вход в ворота. Переживал, что позволял себе уговаривать своего сменщика, тоже, увы, ныне покойного Владимира Беляева не уходить из «Динамо»: «Я же не вечен». Но оказался более «долгоиграющим», чем его подстраховщик. Поэтому чувствовал и свою вину за не очень складную и скоро закатившуюся карьеру способного человека.

Между Яшиным и окружавшими его вратарями не возникало и намека на ссору, на распри типа недавнего конфликта между конкурировавшими вратарями сборной Германии Оливером Каном и Йенсом Леманном (между прочим, напоминающим Яшина необычайной активностью вдали от ворот). За многие годы в «Динамо» и сборной вместе с Львом Ивановичем тренировалось более 20 вратарей. И несмотря на то, что шанс подменить его открывался лишь в случае недомогания или

физического отсутствия в команде, со всеми складывались нормальные, добрые отношения. Даже с теми жалкими единицами, кто впоследствии начал изображать себя конкурентноспособным и равным Яшину. Все остальные, однако, и тогда сознавали, что не дотягивали до него, кто талантами и навыками, кто – упорством и характером. Хватило (Кавазашвили) или не хватило (Беляеву) терпения «пересидеть» на лавке, чтобы прочно влиться в основной состав, Яшин не встал им костью в горле просто потому, что чувство справедливости у нормальных людей сильнее своего «эго». Анзор Кавазашвили говорил, что целых семь лет боролся с Яшиным за место в «основе» сборной, но между ними никогда не возникало антагонизма. Отношения питались уважением и пониманием.

С тем же своим двойным дублером (в «Динамо» и сборной) Беляевым они были на сборах и в гостиницах не разлей вода, но глаза друг другу так и не намозолили. Кто бы из них не занял место в воротах, всегда вдвоем разбирали горячие эпизоды. Когда в разгар чемпионата страны 1957 года у Яшина обнаружилась злосчастная язва и он собирался надолго залечь в госпиталь, на прощание потрепал «заместителя» по плечу: «Я в тебе уверен!» После первой же динамовской победы с Беляевым в воротах тот первым делом помчался в клинику. Лев даже чуть прослезился: «Я же говорил, что все у тебя получится!» В тяжелые летние дни 1962 года, когда на Яшина ополчились после Чили, мало кто поддерживал его так, как Беляев.

Фигура Беляева до сих пор вызывает противоречивые толки. Одни отмечают его верность «Динамо». Другие упрекают в отсутствии амбиций, в том, что удобно устроился за спиной Яшина. Каждому дано право судить в меру своей испорченности. Но ни у кого нет права выдумывать то, чего не было и не могло быть. Приглашение Беляева в сборную, которое Маслаченко назвал «динамовским междусобойчиком», он вывел из родословной тренера Гавриила Качалина.

Но почему-то динамовское прошлое Качалина не проявилось в более показательной ситуации, когда он набирал первый состав возрожденной сборной в 1954–1956 годах. Никто слова бы не сказал, если бы туда было приглашено больше игроков из чемпионского «Динамо». Однако Качалин сформировал ее на базе «Спартака», потому что наступательный футбол был тогда символом веры, а в понимании тренера (которое я разделяю) спартаковский стиль отличался большей агрессивностью, чем рациональный и суховатый динамовский. Я уже не говорю об очевидном – многие спартаковцы, особенно в атакующей группе, были, вне сомнения, индивидуально сильнее. Словом, тренер

исходил из интересов дела, как его понимал, а не побочных соображений.

Между прочим, вторым вратарем в сборную, исходя из тех же принципов, был взят сперва Борис Разинский. Беляев же получил приглашение, когда доказал свое право на это очень удачной подменой Яшина в динамовских рядах 1956-го и особенно 1957 годов. К тому же с 1957 года спартаковское представительство в сборной сократилось, а динамовское заметно увеличилось, особенно в тыловом звене, и вызов Беляева был вполне обоснован наработанным взаимодействием с защитниками.

Только в привычно кривом зеркале Маслаченко «судьба сама улыбалась Беляеву, шла ему навстречу с широко распахнутыми объятиями. То, чего другие добивались, себя не жалея, к Беляеву приходило как-то само собой». Эта инвектива не выдерживает критики ни фактами, ни совестью. Трудноразрешимая драма второго вратаря, если при достаточно высоком классе он обречен большей частью сидеть в запасе, упрощена здесь настолько, что искажает положение вещей до неузнаваемости, выставляя Беляева чем-то вроде нахлебника. Слава богу, как вратарь и человек он не нуждается в дополнительной реабилитации, потому что прошел проверку на таком оселке, как многие годы доброго отношения и профессионального доверия Яшина.

Годы спустя столь же теплые, а не конкурентные отношения сложились у Льва Ивановича с последним его дублером и прямым наследником Владимиром Пильгуем. Юный днепропетровец с первого же знакомства почувствовал внимание человека, признанного величайшим из вратарей. Свое благословение желторотому мальчишке Яшин, наподобие своего учителя Хомича, каждодневно давал ненавязчивой опекой на совместных тренировках. Не замечаниями сыпал, а показывал, как лучше выходить из затруднительных ситуаций. Пильгуй не всегда соглашался, упрямился, поступал по-своему. Яшин, к его удивлению, не нажимал: «Делай, как знаешь, лишь бы не пропускал». Только советовал, вопрос ребром не ставил, назиданий вообще терпеть не мог.

Когда Яшин сошел, по образу и подобию его тандема с Беляевым напарником к Пильгую был приглашен богатырь из Владивостока Николай Гонтарь. Он до сих пор не может забыть, как обомлел в аэропорту, когда увидел, что встречает его сам Яшин. И прежде чем «сдать» на стадион «Динамо», повез на своей «Волге» к себе на Чапаевский, чтобы накормить домашним обедом. Не оставлял его вниманием и заботой все годы становления молодого вратаря.

В сборной СССР второй половины 60-х уже при Якушине, а

затем вернувшемся Качалине, Лев Иванович фактически взял на себя обязанности тренера вратарей, особенно когда травмы выводили его самого из строя и освобождали от собственных тренировок. «Натаскивал» Юрия Пшеничникова, Виктора Банникова и совсем зеленого Юрия Дегтярева.

Юрий Пшеничников, вспоминая свои «университеты», первым делом заговорил об уроках Яшина: «Лев Иванович мне особенно помог. Это человек душевно щедрый. Сколько отличных советов он мне дал, как внимательно относился ко мне, когда я старался освоить новый прием. Он не жалел времени, был терпелив. Это Яшин помог мне в полной мере освоить выбор позиции, игру на выходах, руководство обороной».

19-летний вратарь донецкого «Шахтера» Юрий Дегтярев «лег» ему на душу и жадной ученической прытью, и рассудительностью. Яшин и не скрывал, что Дегтярев его любимец, сдружился с ним настолько, что потребовал обращения на «ты», принимал у себя дома, бывал и у него, а в 1983 году летал в Донецк на проводы уже 35-летнего ветерана из большого футбола.

Дегтярев до сих пор не перестает восхищаться, как его старший друг и добрый попечитель умел строить отношения с самыми разными людьми, как хорошо чувствовал и различал кто есть кто, как отметал всякую фальшь в отношениях. Никогда не напускал на себя всеми признанную легендарность, а если и использовал свой авторитет, то для посильной поддержки самого футбола и его подданных.

Вратари всегда оставались слабостью Яшина. Занимаясь в футболе уже совсем другими делами, он заинтересованно, с надеждой следил за младшими «сородичами». Искренне обрадовался появлению на горизонте Рината Дасаева, не скрывал удовлетворения, когда к тому пришли успехи и слава. Дасаев имел основания отвечать взаимностью. Приятельствовавший с ним в то время журналист Александр Львов однажды поинтересовался, какой фотоснимок наиболее ему дорог, и когда Ринат начал копаться в объемистом конверте, подумал, что сейчас достанет отпечаток броска за мячом от Диего Марадоны, Мишеля Платини или Олега Блохина. Но тот извлек из толстой пачки фото, где сидит на скамейке в тренировочном костюме рядом с Яшиным. На обороте было помечено: «Новогорск, 11 июня 1982 года».

Это было за несколько дней до отъезда сборной СССР на чемпионат мира в Испанию. Через месяц этот тассовский снимок обошел многие газеты мира, а подпись с небольшими вариациями везде имела один и тот же смысл: «Вратарь всех времен легендарный Лев Яшин и его преемник, один из героев

испанского первенства мира Ринат Дасаев». Присутствовав там, могу лично засвидетельствовать по играм в Севилье и Малаге, что вратарь был один из немногих в советской команде, кто не ударил в грязь лицом, а сам считал, что ему пригодились бесценные советы Яшина.

Как вспоминал Лев Иванович ту предотъездную беседу, он почувствовал понятное волнение Дасаева перед дебютом в главном турнире мирового футбола. И, кажется, вопреки здравому смыслу не успокаивать стал, а, наоборот, предупредил, что ему предстоит испытание игрой, с которой сталкиваться не приходилось, – более быстрой, жесткой, напряженной, чреватой крутыми поворотами и неожиданностями.

– Что же вы посоветуете? – растерянно спросил Дасаев.

– Ни в коем случае не забивай себе голову мыслями о том, сильный противник или нет, кого он до этого обыграл, а кому уступил. Это притупляет восприятие игры. Либо вносит нервозность, либо расслабляет. Постарайся быть в воротах чуточку позлей, поазартней. Дай почувствовать нападающим, что не боишься игры, а ищешь ее.

Может показаться, что это напутствие не содержало ничего особенного. Но Дасаев полагал иначе. Он оценил прежде всего, что Яшин, как обычно, не поступился правдой, не утешал и не успокаивал, а точно подсказал, как себя вести в необычайно накаленной обстановке. Судя по тому, как действовал вратарь советской сборной, о советах Яшина он не забывал. Это была, конечно, не единственная их встреча. И Дасаеву сначала приходилось только удивляться, а потом он привык и особенно дорожил тем, что один из руководителей футбола, сам Яшин разговаривал с ним не как старший с младшим, не как всезнающий начальник, не как строгий или даже добрый папаша, а как товарищ с товарищем, футболист с футболистом, вратарь с вратарем. От Яшина, видимо, перенял внимание к «братьям по оружию». Молодых напарников, своих потенциальных, да и реальных конкурентов Дасаев тоже всегда поддерживал.

Заботливое, сочувственное отношение к коллегам по профессии, понимание братьев-футболистов достигало у Яшина такой степени, что распространялось и на непримиримых спортивных противников, кто бы и откуда они ни были. Вчитайтесь в его слова: «Не знаю, как кому, а мне вид поверженных и раздавленных отчаянием соперников омрачает радость победы. В такие минуты мне неловко не то что показывать свою радость, мне неловко встречаться взглядом с побежденным. Я ставлю себя на его место. Разве я сам не бывал в его положении? Или не мог оказаться сейчас? Вот почему я

против диких плясок триумфаторов, немереных выражений восторга… Ну ладно, забил ты хороший гол, взял трудный мяч. Но на то ведь ты и мастер, забивать или брать мячи – твоя обязанность. И надо горевать, если ты с ней не справляешься». Сам Яшин был воплощением сдержанности и достоинства как в победные минуты, так и в огорчительные.

Поистине классовая солидарность с футбольными собратьями вербовала ему все новых и новых друзей. В 1956 году из Парижа, где в ответ на визит в Москву гостила наша сборная, он, несмотря на поражение (1:2), вывез незабываемо сильные впечатления на годы вперед. Но вовсе не от длившейся почти пять минут овации вставшего на ноги стадиона, когда в броске из одного угла в другой удалось взять мощный удар Роже Пьянтони. А от дорогого ему знакомства с вратарем «трехцветных» Франсуа Реметтером. Потому что знакомство это переросло в крепкие взаимные симпатии.

Сохранилась фотография Льва Ивановича в свитере сборной Франции, подаренном Реметтером. Это, возможно, было бы не так важно для книги, вместившей и без того много подобных знаков притяжения, если бы не святая правда по-французски изящной оценки Яшина устами далекого друга. От ее воспроизведения мне было трудно удержаться: «Что Лев Яшин лучший вратарь, знают все. Что он очень симпатичный человек, знают многие. Что он верный друг, знают только друзья. Я счастлив, что отношусь к их числу».

Но недаром говорят, что друзья познаются в беде. Это испытал на себе Михаил Месхи. Яшин особенно заступался за тех игроков, кого тюкали совсем уж несправедливо, а кумир тбилисцев, да и не только их, одно время подвергался массированным нападкам. Каюсь, и я приложил к ним руку. В книжице «Наш друг футбол» (1963) сдуру сравнил его с Юрием Кузнецовым, футболистом совсем другого профиля и склада, занятым, по выражению игроков, «на раздаче». В упреках Месхи за пренебрежение к командной игре соревновались многие. Футбольное начальство тоже косилось на проделки виртуоза, казавшиеся избыточными.

Яшин пользовался всеми возможностями – доступом к спортивным боссам, закрытыми совещаниями, от которых тогда не было спасу, журналистскими знакомствами, чтобы защитить Месхи, счистить накипь с его репутации, доказать пользу его действий. Реакция грузинского мастера не заставила себя долго ждать: «Я буду благодарен Яшину до конца своих дней. Он поверил в мой индивидуализм. Он защищал его всюду и везде. Может быть, он делал это потому, что сам был великим

виртуозом индивидуальной игры.

И хотя футбол, говорят, игра коллективная, да здравствует индивидуализм Яшина!.. А какой он человек?! Настоящий друг!»

Месхи, очевидно, славил не тот индивидуализм, который воспевал в себе Владимир Маслаченко, когда говорил: «Я индивидуалист. Вратарь – это индивидуальный вид спорта в коллективном. Я не верю во вратарскую дружбу, она мне не нужна. На этом клочке суши я должен быть сильнее конкурента». Ему, бедняге, не понять, что Яшин стал сильнее всех конкурентов не в последнюю очередь потому, что начисто отверг вратарскую отдельность, словно царскую привилегию. И из общекомандных тренировок извлекал вратарскую пользу, участвуя в них на равных с полевыми игроками, и был полностью вписан в коллективную игру, а то и заправлял ею со своего вратарского КП. И, как мы уже убедились, дорожил футбольной дружбой, в том числе вратарской, коллег держал не за соперников, а за соратников, молодых вратарей по-доброму опекал.

Он и Маслаченко поддерживал, старался замолвить за него словечко перед тренерами сборной, а тот не пожелал, как сам признается, пользоваться «милостью Яшина» – так мог воспринимать великодушие только неблагодарный или заносчивый человек. Явной завиральностью веет от допущения, что Лев Иванович болезненно воспринимал претензии Маслаченко на вратарское первенство. И Владимир Никитович смеет возводить напраслину после того, как Яшин, ни вратарски ни человечески, конечно же, для него недосягаемый, не менее трех раз (1960, 1962, 1966) просил, даже уговаривал тренеров сборной оказать доверие будущему злопыхателю.

Яшину же впору было взять девизом слова Гоголя: «Нет уз святее товарищества». Это человеческое мерило превратилось в образ его футбольной жизни, принцип всего существования на поле и вокруг него. Разве, например, не связаны одной нитью житейская коммуникабельность Яшина с футбольной – неповторимым умением достигать взаимопонимания и взаимодоверия с партнерами? Прислушаемся же к словам того, кто знал своего товарища как самого себя, даром что ходил восемь лет в его напарниках, – Владимира Беляева: «Лев стал величиной в футболе, помимо прочего потому, что был добрым, душевным, вообще замечательным человеком».

Если еще нашлись какие-то единицы досадующих на признание вратарской неповторимости Яшина, то мне, например, не известны никакие печатные ли, нашептанные ли на ухо сомнения в человеческой привлекательности Льва Ивановича. Она просматривалась настолько явно и броско, что удивляться

этому не приходится. Но как относиться к тому, что в кое-каких отзывах, присутствующих и на страницах этой книги, усиленно создается впечатление, что существует «вилка» между человеческим и футбольным капиталом Яшина? Лишний раз приподнять его личные достоинства для кого-то всего-навсего способ приземлить вратарские. Но правда шире и глубже их несомненной сопоставимости. Исходя из читанного и слышанного, приходится даже удивляться, что мало кому наряду с Пеле или тем же Беляевым явилась очевидная, на мой взгляд, мысль вплотную увязать футбольную, спортивную высоту Яшина с гражданской, человеческой. Во всяком случае, в публичных высказываниях упор на это созвучие встречался гораздо реже, чем настойчиво подсказывала сама яшинская натура.

Как ни ценно подобное постижение этой мощной фигуры людьми, находившимися с ней по одну (Беляев) или другую (Пеле) сторону баррикад, представляет особый интерес совпадение взгляда с обеих сторон, партнерской и сопернической. Наблюдая Яшина извне, в столкновении противоположных лагерей («Спартак» – «Динамо»), и изнутри, объединенные с ним совместной целью в одном лагере (сборная), Никита Симонян и Игорь Нетто пришли к пониманию общего знаменателя в происхождении этого чуда.

Симонян буквально осязал в Яшине неделимость высочайшего мастерства с человеческим достоинством – «это сочетание и сделало его при жизни великим». Среди всех своих званий и наград Никита Павлович считает самой дорогой награду судьбы, которая ниспослала такого друга. Менее пафосно, но столь же достоверно Нетто заметил, что все спортивные и гражданские приметы Яшина проистекали из одного источника – человеческой надежности: «Такие никогда ни в чем не подведут, не обманут ничьих ожиданий, не оставят в беде – ни на поле, ни в жизни».

По моему разумению, неразрывное сплетение спортивной и человеческой незаурядности этого человека, его восприятие в таких пересекающихся измерениях только и может привести к пониманию решающей силы Яшина и его особенного, отдельного положения в футболе. И понимание это лишь углубляется тем, что сам он отделять себя от других в футбольной среде решительно не позволял всем своим поведением – полным отсутствием личных амбиций, материальных претензий, ровными взаимоотношениями со всеми.

Замечено, что чемпионы и рекордсмены редко достигают адекватных человеческих, поведенческих высот. Но почему?! Разобраться поможет знаменитый советский спортсмен, чемпион

Европы и экс-рекордсмен мира по прыжкам в длину Игорь Тер-Ованесян. Он один из немногих, кто не затерялся после ухода с арены, нашел себя в качестве спортивного деятеля и долгие годы оставался одним из самых влиятельных лиц Международной федерации легкой атлетики (ИААФ).

Так вот, Тер-Ованесян задался вопросом, почему среди крупных спортсменов мало симпатичных людей. «Потому, – отвечал он, – что задача опередить соперников, добиться результата, да еще и заработать делает их слишком сосредоточенными на себе. Мало кому удается, сконцентрировавшись на подготовке, оставаться приятным человеком». Игорь Арамович приводил в пример великого штангиста Юрия Власова. Вынужденный отупляюще ворочать на тренировках тонны металла, он вечно изображал из себя страдальца.

Когда я слушал Тер-Ованесяна, отметил про себя, что вот уж кто всячески избегал такого автопортрета с мученичеством в глазах, кто совсем не отличался эгоцентризмом и не зацикливался на себе, это Лев Яшин. Изматывающие тренировки он воспринимал как осознанную необходимость, не нагружал своими трудностями окружающих, может, потому и оставался в глазах других таким легким, контактным человеком. Ни на ком свою сосредоточенность ни злобой, ни раздражением не срывал. Казался моментами замкнуто сконцентрированным, но и только.

Яшин настолько незаметно погружался в состояние внутренней тишины, что не доставлял неприятных эмоций другим, тем более что его уединение никому помешать не могло, а если случалось краткосрочное отключение на людях, оно быстро сменялось привычными общительностью и дружелюбием. Действительно, среди великих чемпионов Яшин своими беззлобностью и уживчивостью напоминал белую ворону, умудрившись остаться Человеком.

Напитанное изначально добрым отношением в людям, уважение к партнерам и соперникам было прямо-таки встроено в игровые действия Яшина. Но незачем замазывать некоторые особенности живого, временами заводного характера. Как ни старался Яшин сдерживать и прятать свою игроцкую эмоциональность, жесткие футбольные схватки время от времени выдергивали потайную горячность из ее прочного внутреннего убежища. Серьезность подхода к своему делу, только профанам казавшемуся легкомысленным, в сплаве с накалом борьбы могла обернуться в разгар каких-то, сложно складывающихся матчей излишней крутостью, малооправданной непримиримостью. Возможно, это в какой-то степени объясняет, как пропел бы

Высоцкий, «перегиб и парадокс», когда мирный, уравновешенный Яшин моментами вдруг превращался в агрессивного и воинственного.

Друзья по команде, не говоря о соперниках, замечали порой всплывавшую яшинскую привычку замахиваться мячом или выставлять его прямо перед носом бесцеремонных форвардов. Однажды, во время южноамериканского турне «Динамо» 1964 года, это стоило Яшину второго за карьеру удаления с поля. Такой жест в матче с перуанской командой «Спортинг кристал» (0:1), когда он отмахнулся мячом от неустанно врезавшегося в него Васкеса, был расценен как угрожающий не только картинно рухнувшим форвардом с наружностью громилы, но и хорошо известным в футбольном мире местным рефери с японской фамилией Ямасаки. В газетах даже появились заголовки «Яшина в Сибирь!» Ему самому и руководству делегации пришлось проявить недюжинные дипломатические способности, чтобы сгладить ситуацию. Пригодилась яшинская способность сходиться с людьми, как выразилась однажды Валентина Тимофеевна, в любом уголке земли. На заключительном банкете Васкес, покоренный обаянием русского вратаря, не отходил от «обидчика». Инцидент был замят, и в тех же газетах появилось его фото в обнимку с «обиженным».

Короче говоря, всякое на поле бывало с Яшиным – и выходил из себя, когда нервы подводили, и с судьей мог сцепиться – некоторые подобные факты разбросаны по страницам книги. Но когда перед глазами проплывают многие десятки только мной виденных матчей Яшина, а не меньше того известны в подробностях от очевидцев и из прессы, оказывается, что таких случаев кот наплакал. Обычно на провокации, действием ли, словом ли, он отвечал завидным самообладанием, вроде того, что проявил в неприятном эпизоде с Логофетом.

Выходец из интеллигентной спортивной семьи известных специалистов по гимнастике и современному пятиборью, даром что знаток нескольких языков, спартаковец Геннадий Логофет, однако, не всегда отличался на поле спортивным, джентльменским поведением. В кубковом полуфинале 1963 года, выигранном «Спартаком» со счетом 2:0, прекрасное исполнение пенальти, когда удалось развести Яшина и мяч по разным углам, 21-летний защитник сопроводил злорадным воплем «Тащи, рабочий!». Лев Иванович весь побелел, но сцепив зубы сдержался.

По окончании матча сам Логофет понял или кто-то надоумил, что совершил непотребство, и явился в динамовскую раздевалку с извинениями. Расстроенный еще и проигрышем, Яшин ответил молчанием, правда, через паузу кивнул в знак

примирения: повинную голову меч не сечет. Логофет вздохнул с облегчением, тем не менее его долго преследовало мерзкое чувство совершенной подлости. Но все вокруг знали и ценили, что Яшин умел прощать обиды, никогда не держал камень за пазухой.

Срывы, изредка случавшиеся на поле у самого Яшина, кажутся детскими проказами на фоне хамских выходок, которые позволяли себе невоспитанные детины, вообще не умевшие владеть собой и начисто лишенные стыда, не то что врожденного благородства. Если же нет ни стыда, ни тем более благородства у сказителей, запросто можно превратиться в исказителей и лучшего вратаря мира изобразить отъявленным дебоширом. Именно так расставил акценты в своей книге тандем Маслаченко – Лейбовский, когда у очевидца матчей сборной 1958–1962 годов не находится ни единого слова о том, что коллега, как общепризнанно, неоднократно спасал команду, зато со смаком и преувеличениями раздуваются, а то и выдумываются примеры дерзких поступков, так что редкие эпизоды можно принять за обыкновение.

Наплывы дурных эмоций, иногда посещавшие Яшина, отодвигаются на обочину впечатлений об этой монументальной фигуре еще и полным отсутствием в ее поведении на поле (и вне его)… этой самой монументальности, звездного самоощущения, премьерских замашек. Садясь за эту книгу, я спрашивал и себя и футбольных друзей, в каком обличье больше всего запомнился Яшин. Он снова предстал перед нами по-мужским отважным, суровым и выдержанным, по-хозяйски деловитым, уверенным и спокойным, лишенным какого бы то ни было позерства. Стиль игры неизбежно слился со стилем поведения. Недаром говорят: стиль – это человек.

Если Яшина невозможно даже вообразить разнузданным, то холодным, колючим, гневным представить себе можно. Не скрывая сердечного, даже ласкового отношения к тем, кто прошел с ним рука об руку, кого при этом считал профессионалом, или, как сам говорил, специалистом, он не слишком жаловал малодушных и равнодушных. Любители легкой жизни его даже побаивались, старались держаться подальше. В гневе не всегда мог сдержаться. Был грех, однажды поднял руку на «сачка» – потребовал во время игры не стоять столбом, двигаться, тот огрызнулся, а в раздевалке получил оплеуху.

Дело было в Ростове, напряженный матч предварительного этапа в чемпионате страны 1960 года катился к нулевой ничьей. В последние мгновенья отчаянного штурма местных армейцев Константин Крижевский задел мяч рукой, и бакинский арбитр

Юрий Григорьев дал 11-метровый. Так на последней минуте встречи «Динамо» привезло себе «баранку». Яшин был крайне возбужден – так задело его поражение. И когда увидел полное безразличие на челе некоторых одноклубников, набросился на них чуть не с кулаками: «Нападение-то у нас есть? Почему же тогда Фадеев ходит пешком, ни черта не делает?» И в сердцах отвесил тому затрещину.

На собрании команды, где разбирался этот инцидент, был донельзя расстроен и, конечно же, признал, что руки распускать не след. Своим выступлением виновник дал понять, что не кается, а раскаивается. Он отчетливо осознавал: ставить на место щадящих себя эгоистов как-то надо, но проучить – не то же самое, что научить.

Я, конечно же, осведомлен, что благими намерениями выложена дорога известно куда. Поэтому и не собираюсь оправдывать Яшина, когда его заносило на неподобающие или сомнительные шаги. Но ловлю себя на том, что понимаю исходный мотив, двигавший его растревоженными чувствами, равно как и поступками, верными и неверными, – профессиональный и честный подход к своему делу, а он немыслим без любви к нему. Любовь обычно воздействует облагораживающе, однако, как мы знаем, бывает и зла.

Многие знатоки футбольной кухни даже одобрительно относились к тому, что Яшин не желал ни понимать, ни прощать любителей убирать ноги в единоборстве с соперником. В «двухсторонках», действуя зачастую полевым игроком, специально брался опекать их, чтобы преподать «курс молодого бойца»: охотникам избегать «стыков» и столкновений, бывало, доставалось по полной программе от яшинских ножищ сорок пятого размера.

Такие суровые методы воздействия, благотворно влиявшие на иных игроков (например, Игоря Численко), Лев Иванович, очевидно, считал более педагогичными, чем нотации и зудеж, хотя его высокая колокольня, то бишь недутый авторитет и горбом заработанное положение, позволяли прибегнуть к поучениям – во всяком случае, удивления они бы не вызвали. Но подобные приемы были не в его характере. Взглядом, правда, мог смерить так, что становилось не по себе. Чаще недовольно, но беззлобно покачивал головой – это привычное движение распознавали все партнеры, многих оно приструнивало, подтягивало. Это ли не результат?

Во время игры лодырям спуску не давал, по окончании же матча и на тренера, не боясь уронить его авторитет, случалось, наскакивал: «А вы что молчите, Михаил Иосифович? Почему

закрываете глаза на то, что он бездельничал?» Не стеснялся пенять ему: «С игроков нужно требовать, а вы их уговариваете!»

Когда надо, говорил открыто, что сам думает про филонов и разгильдяев. Если их можно было еще уберечь для себя и команды, старался протянуть руку помощи, и только если были совсем безнадежны, требовал удалить их, как вырывают больной зуб. Не пожалел даже давнего приятеля Гешу Федосова. В 1961 году они с Димой Шаповаловым слишком уж загуляли, а «Динамо» проваливало чемпионат. Профилактика не помогала. Яшин на собрании команды, глядя им прямо в глаза, подал голос: «Отчислить!»

И все же, по многочисленным свидетельствам, обид на Яшина никто из футболистов не держал, потому что все вокруг, даже неисправимые себялюбцы, видели, что этот человек не способен на подлость, чувствовали, что справедлив как никто, ценили, что при всей своей неземной славе никогда не позволяет себе смотреть свысока на остальных, скромен до невозможности. Поэтому и врагов, во всяком случае откровенных, у него не было, завистники, правда, водились. Но рты раскрыли много позже.

Можно смело утверждать, что ни один футболист в стране не обладал таким моральным весом, который заслужил и за сотворенное в спорте, и за расположение к любому встречному. Насолить ему, во всяком случае при жизни, и желания не могло возникнуть в футбольном окружении, это позволяли себе лишь бесчувственные и безнаказанные чиновники. К сожалению, влившись в их ряды, к этому приложил руку после его ухода с футбольного поля и кое-кто из бывших партнеров. Поэтому меня несколько покоробило, что авторы книги «Лев Яшин. Вратарь эпохи» (2005) Г.Венглинский и М.Ильинский неразборчиво использовали сладкоголосый отзыв о герое повествования, принадлежащий инициатору козней исподтишка.

У такого славного человека, как Яшин, трудно даже выделить доминанту характера. Одних сильнее всего пронимала его порядочность, других – верность дружбе, третьих – сердечность. Все это входит (увы, не по сегодняшним меркам) в человеческую норму, так что для меня особенно дорога была его абсолютная естественность. Уже после кончины Льва Ивановича на вопрос тележурналиста, что он был за человек, Валентина Тимофеевна ответила: «Нормальный был человек. Внимательный, дружелюбный. Ничто человеческое не было ему чуждо. Отчаянно курил. Мог выпить в компании. Женщин любил. Умел помогать. В общем, хороший был мужик».

Лучше не скажешь. Именно нормальный, классный мужик. Но ходячую добродетель, каким его силилась представить наша

топорная пропаганда, никак не напоминал. Не был святым уже хотя бы потому, что при нем в большей или меньшей степени оставались все три известных мужских порока (алкоголь, табак, женщины). Не занесся, попав в футбольные выси. Но не терпел панибратства. Осаживал без всяких там нравоучений юных, но самоуверенных наглецов, которых хватает в футболе, иногда даже грубовато – пажеский корпус не кончал.

Не лебезил перед начальством, старался говорить правду в глаза. Без подобострастия общался с королями и премьерами, без всякого чувства превосходства – с работягами. С главой Советского правительства Алексеем Николаевичем Косыгиным, пересекаясь то на кремлевском приеме, то в советском посольстве где-нибудь за рубежом, держался на равных, как со сторожем дядей Васей, всегда оставаясь самим собой. Спокойно выслушивал вздор известной каждому посетителю «Динамо» и Лужников цеэсковской болельщицы, которую все звали Машка, терпеливо что-то объяснял ей. Все были для него свои. И он был для всех свой. Свой среди своих. Натуральный, естественный человек.

Вместо включения
А напоследок вам скажу…

Писатель Юрий Нагибин, знавший спорт и любивший спортсменов, горевал в некрологе «Памяти Льва Яшина»: «Лев Иванович… Милый Лев Иванович!.. Что же вы нас так?.. В наше трудное, смутное время, когда каждый настоящий человек на счету, когда ненадежный климат эпохи спасают лишь добрые, высоконравственные, благородные каждым жестом люди, – взяли и ушли… Как это горько и несправедливо. Какое все-таки счастье, что вам воздалось при жизни за ваш талант, трудолюбие, самоотверженность, рыцарское служение своему делу. Вы увидели, как вас ценят и любят. Мировой футбольный праздник отметил ваше 60-летие, вы стали первым спортсменом, удостоенным звания Героя… Хоть один большой человек получил при жизни по заслугам и достоинству».

Немного зная Юрия Марковича Нагибина и почитав его труды, берусь заверить, что мало кому из современников этот желчный, язвительный человек был готов адресовать столь чудесные слова очарованности и нежности. Вряд ли найдется спортсмен, чей юбилей, к несчастью, последний, был отмечен такой неохватной мерой любви через уйму лет после его расставания со спортом.

Кто еще был удостоен двухдневного праздника с двумя матчами мировых и отечественных звезд плюс теплым вечером в многотысячном зале с участием и приветствием таких имен, как футболисты и тренеры Франц Беккенбауэр, Бобби Чарльтон, Эйсебио, Герд Мюллер, Карл-Хайнц Румменниге, Дьюла Грошич, Иван Колев, Карлос Альберто, почти полный комплект олимпийских чемпионов 1956 года по футболу во главе с Гавриилом Качалиным и Игорем Нетто, Николай Старостин, Олег Блохин, другие премьеры нашего спорта – Мария Исакова (коньки), Ирина Роднина (фигурное катание), Вячеслав Фетисов, Владимир Юрзинов, Виталий Давыдов (хоккей), Владимир

Плавунов (хоккей с мячом), Николай Озеров (теннис, спортивное телевидение). Слова преклонения и почтения произнесли космонавт Александр Серебров, актер и комментатор Котэ Махарадзе, кинорежиссер Станислав Ростоцкий, виновнику торжества читал проникновенные стихи Евгений Евтушенко, пел Зураб Соткилава, играли и пели Валентин Гафт, Людмила Гурченко, Михаил Задорнов, Михаил Ножкин, Владимир Мигуля, Екатерина Шаврина, Михаил Евдокимов, Владимир Винокур и другие. Ради кого еще могла сформироваться такая мощная сборная друзей и обожателей!

Прижизненная слава – удел немногих, посмертная – еще более избирательна. Известный журналист Денис Горелов, немного даже бравирующий своим ядовитым пером и всегда готовый развенчать любых авторитетов, как-то в «Известиях» в пух и прах разнес излишества пышных торжеств в честь самого патриарха Алексия II. И при этом использовал, говоря футбольным языком, любопытный противоход этому лживому величанию: «Ни одна прижизненная здравица Юрию Гагарину, маршалу Жукову или Льву Яшину не выглядела перебором – они и впрямь национальные герои».

Оставим в покое патриарха, но разве насчет троицы этих народных любимцев коллега не прав? Лев Иванович Яшин достоин такой компании. Пусть он не спаситель Отечества, не первооткрыватель космоса, но в своем деле, хотя и не столь жизненно важном и опасном, зато вызывающем ни с чем не сравнимый глобальный интерес и всеобщую людскую страсть, представлял и прославлял свою страну так, что обречен на нашу вечную память.

В России повелось одни таланты лишать общественного признания, недодавая им при жизни, другие посмертно предавать забвению. Льву Яшину, принятому людьми и испытывавшему их заслуженную благодарность на протяжении большей части своего земного существования, забвение, будем думать, не грозит. Даже с учетом чисто российской болезни – амнезии, исторического беспамятства.

Что греха таить, по-прежнему плохо бережем мы память о былинных героях спорта. Да, Яшин остается в стихотворных строках Владимира Высоцкого, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, ему воздвигнуты памятники, его именем названы спортивные учреждения. Но все это мелковато для такой громады. Хочется верить, что новые владельцы футбольного клуба «Динамо», воспрянув от спячки, в которую была погружена их организация предшественниками, поклонятся славной футбольной истории в лице Льва Яшина присвоением его имени

стадиону, где он эту историю творил. А разве не ждет общественность от московских властей адекватного увековечивания этого славного имени: дом № 18/1 по Чапаевскому переулку, где Яшин прожил с 1964 по 1990 год, давно ждет не дождется мемориальной доски. Этот угловой дом выходит на 2-ю Песчаную улицу, но Песчаных улиц и переулков рядом много, почему не назвать ее (или другую столичную магистраль) именем Яшина?

Всего этого настоятельно требует не только дань уважения к «русскому мирового значения», но и грустная особенность национального менталитета, прямо-таки взывающая всеми доступными средствами преодолевать нашу скорую забывчивость, приблизить конец одичанию мало что знающих детей.

Вполне реален шанс, что при достаточном внимании к грандиозным фигурам отечественного спорта со стороны телевидения, прессы, книгоиздателей, спортивных и местных властей Лев Яшин прорвется и к новым поколениям. Правда, если наши спортивные Ильи Муромцы и Добрыни Никитичи останутся объектами интереса лишь в редакциях соответствующих энциклопедий и справочников, но начнут исчезать из живой памяти народа, если в Германии и Италии о них будут говорить чаще и охотнее, чем в России, позор ляжет на наши головы. Если же принять за аксиому, что мы движемся все-таки в сторону цивилизации, а не обратно в каменный век, мысль о такой мрачной перспективе хочется от себя отогнать.

Пытаясь, взяв быка за рога, ввести читателя в курс, каков вес Яшина в мировой футбольной табели о рангах, я начал с мнения известного аргентинского тренера Карлоса Билардо, его же выразительными словами на тему памяти и замыкаю круг. Выступая на 60-летии нашего героя, Билардо завершил свое приветствие так: «Пока жив на планете футбол, пока жив хоть один футболист, хоть один болельщик, будет жить это имя – ЯШИН!»